

Социология

ЖУРНАЛ
РОССИЙСКОЙ
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ
АССОЦИАЦИИ

3/4

2007

СОДЕРЖАНИЕ

НИЖЕГОРОДСКИЕ СОЦИОЛОГИ 4

В.Ф.АНУРИН	
Делать бизнес в Приволжье?	4
А.М.БЕКАРЕВ	
Микросоциология знаний: управленческий аспект	15
Н.Н.ИВАШИНЕНКО	
Социальная ответственность и гражданская активность молодежи	22
А.А.ИУДИН, Д.Ю.КЛЕМЯТИЧ	
Нижегородские региональные СМИ о деятельности молодежных организаций	35
В.П.КОЗЫРЬКОВ	
Разработка социологической категории ответственности	45
П.И.КУКОНКОВ	
Этносоциальные напряжения в региональных центрах россии	54
А.Б.ЛЮБИМОВА	
Роль традиционных семейных ценностей в укреплении семьи	64
М.Ю.МАЛКИНА	
Государство и бизнес как акторы институционального взаимодействия	71
Е.В.МАСЛОВСКАЯ	
Теоретическая социология права: анализ института суда	82
И.Э.ПЕТРОВА	
Клиент социальной работы	91
И.В.ПОЖИЛОВ, А.Н.ЩУРОВ	
Этнонациональные процессы в республике Башкортостан	101
З.Х.САРАЛИЕВА, С.С.БАЛАБАНОВ	
Ценность детей и инвестиции в детство	112
И.А.СИЗОВА	
Государство благосостояния и хозяйственное развитие	122
И.Н.ТЕРЕНТЬЕВА, С.В.ЛЕБЕДЕВА	
Социологическая проблематизация лояльности	133
Д.Н.ШУВАЕВ	
Система регионально распределенного университета	141
Ю.Г.ЮШКОВА-БОРИСОВА	
Кадровые проблемы бизнеса	151

ЭКОНОМИКА, ТРУД, УПРАВЛЕНИЕ 161

И.В.БУРМЫКИНА	
Природа социально-технологического капитала в структуре жизненных практик	161
В.Я.ЕЛЬМЕЕВ В.Я., А.В.БАГАЕВА, Е.Е.ТАРАНДО	
Конец социологии? О трудовой теории общей и экономической социологии	170

Г.Н.СОКОЛОВА	
Роль заработной платы в мотивации экономического поведения работников	189
А.М.СТАРКОВ	
Социальные факторы производительности труда работников промышленного предприятия	207
ПРАВОСЛАВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ	214
ОТ РЕДАКЦИИ	214
А.С.АСТАХОВ	
Религиозное переживание в контексте православной социологии	216
ВОЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ	229
В.В.СЕРЕБРЯННИКОВ	
О политической стороне новой военной доктрины	229
И.А.ЯСЕНИЦКИЙ	
Социализация курсантов	250
ДЕБЮТ	258
М.С.БЛИНОВА	
Международные миграционные процессы: аналитический обзор ..	258
Е.И.КОРНЕЕВА	
Институционализация профессии PR	268
А.А.МАСЛОВ	
Эффективные маркетинговые коммуникации в сети Интернета	280
А.И.СУШКО	
Социология Интернета как новая отрасль междисциплинарных исследований	288
ДИСКУССИЯ	300
ОТ РЕДАКЦИИ	300
В.П.ГОНЧАРОВ	
Взаимосвязь биологического и социального в решении демографической проблемы	301
А.И.АНТОНОВ	
Евгенический Госплан взамен материнства	308
ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ	312
Конференция «Ломоносов-2007»	312
IV Московская летняя социологическая школа	313
III Всероссийская конференция «Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России»	315
Всероссийская олимпиада школьников по обществознанию – 2007	318
Кафедре экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета – 15 лет	329
Письмо в редакцию	332
Наши авторы	335

© 2007 г.

В.Ф.Анурин

Делать бизнес в Приволжье?

**НИЖЕГОРОДСКИЕ
СОЦИОЛОГИ**

В начале 90-х годов, Нижний Новгород регулярно предстал перед аудиториями СМИ (причем не только российскими, но и зарубежными) как форпост рыночных реформ. Интересно было бы оценить сегодня, что здесь было от объективно сложившихся экономических реалий, помноженных на трезвые, целенаправленные политические усилия, а что было плодом настойчивых пиаровских акций, выдающих желаемое за действительное?

В ноябре 2004 года Институт общественного проектирования (Москва) провел масштабный опрос по проекту «Социальная стратификация России» в 54 областях страны и охвативший 15200 респондентов¹. Данные этого опроса позволили, в частности, выявить мнение россиян о различных сторонах развития рыночной экономики и сравнить условия ее формирования в различных регионах. Мы попытались, опира-

ясь на эту базу данных, провести такого рода анализ, сосредоточившись, главным образом, на бизнесе и предпринимательстве. Как выглядит в этом отношении Приволжский федеральный округ (здесь по упомянутой выше выборке было опрошено 3257 человек) в сравнении с другими округами и Нижегородская область в сравнении с другими российскими регионами? Еще одним эмпирическим полигоном такого анализа послужил опрос предпринимателей Нижнего Новгорода и области, проведенный нами путем интервьюирования в течение 2004-2006 гг. (опрошено 1517 чел.).

Оценивать условия, которые складываются в том или ином регионе для занятий предпринимательской деятельностью, можно как в субъективном, так и в объективном аспекте. Субъективный аспект даст нам общее представление о том, каково отношение к предпринимательству со стороны широкой публики и самих предпринимателей, объективный же позволит оценить, насколько широкое распространение занятия этой деятельностью получили в том или ином регионе.

Начнем с объективных оценок. По общероссийской выборке из 15200 респондентов в момент опроса занимались бизнесом всего 413 человек (4,9% от общего числа занятых). Среди девяти укрупненных регионов (семь федеральных округов плюс Москва и Санкт-Петербург) наибольшее число самостоятельных

предпринимателей среди опрошенных респондентов было выявлено в Южном федеральном округе: в Дагестане – 12,6%, на Ставрополье – 10,4% в Кабардино-Балкарии – 9,6%, в Краснодарском крае – 8,5%. Обратим внимание на то, что при этом именно в Южном округе был выявлен самый низкий уровень жизни по показателям личных и среднедушевых доходов, так что нетрудно представить себе масштабы этих бизнесов. Приволжский округ в ранжированном списке из 9 регионов занимал седьмое место, среди занятых респондентов было выявлено менее четырех процентов самостоятельных предпринимателей. При этом в ранжированном списке из 54 областей последние места занимали два региона как раз Приволжского округа – Удмуртия (0,8% предпринимателей) и Ульяновская область (ни одного). Нижегородская область со своими 2,3% бизнесменов занимала среди областей России 48-е место, а по округу – одно из последних мест (см. рис.1).

Давайте посмотрим, как это соотносится с желанием жителей тех же областей увидеть продвинутыми рыночные реформы. В табл. 1 приведены распределения ответов на вопрос о том, нужен ли был России вообще переход к рыночной экономике. Наибольшее число сторонников рыночной экономики наблюдается в Башкирии и Татарстане, которые занимают не последнее место по доле предпринимателей среди респон-

Рисунок 1

Соотношение доли предпринимателей и наемных работников в составе занятого населения областей Приволжского федерального округа.

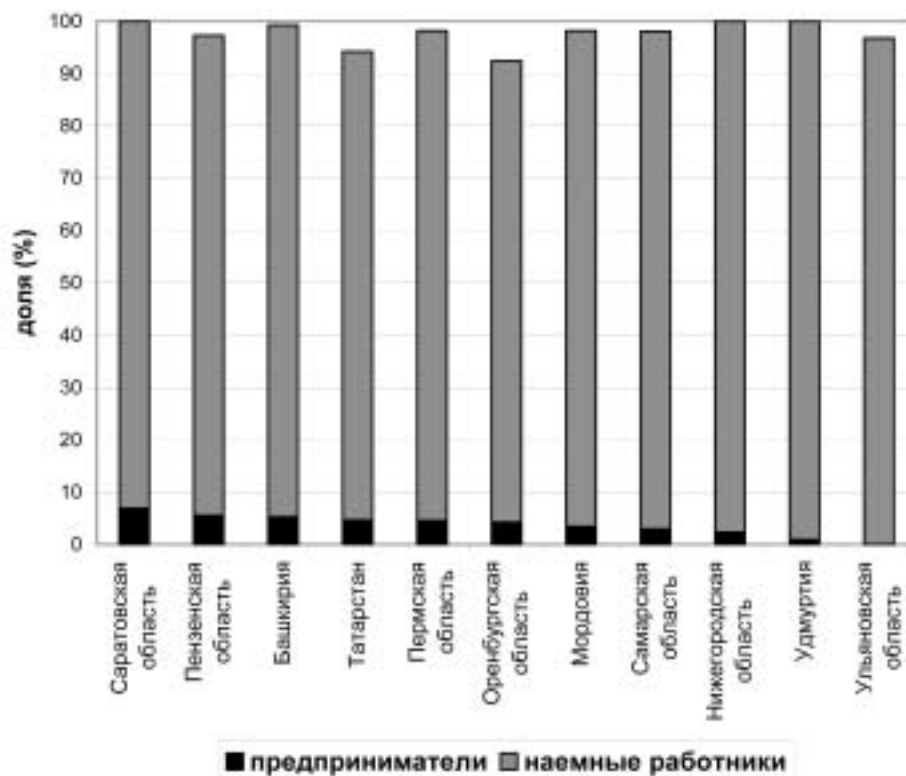

Таблица 1

Оценка необходимости перехода к рыночной экономике
(в % по областям; ранжировано по убыванию)

	Да	Нет	Затрудняются ответить
Пермская область	66,3	18,1	15,6
Башкирия	59,9	24,0	16,1
Татарстан	57,5	18,5	24,1
Самарская область	55,2	22,9	21,8
Удмуртия	55,0	26,1	18,9
Пензенская область	54,7	28,0	17,4
Нижегородская область	54,3	28,5	17,3
Саратовская область	50,6	30,3	19,1
Оренбургская область	49,8	30,6	19,6
Ульяновская область	44,4	27,1	28,6
Мордовия	35,8	29,4	34,9
Всего по округу	55,4	24,8	19,9

дентов. Число сторонников реформ превышает число их противников во всех регионах. Хотя если бы мы взяли в качестве единицы измерения соотношение доли сторонников рынка к доле противников, то убедились бы, что на первом месте идет Пермская область (соотношение 3,7), а на трех последних – Мордовия (1,2), Ульяновская и Оренбургская области (1,6). Если рассчитать коэффициент ранговой корреляции Спирмена между рядами распределений, приведенными в табл. 1, и теми, что отображены на рис. 1, то мы получим довольно скромную величину 0,245. Столь малое значение корреляционного коэффициента говорит о том, что связь между общими пожеланиями населения и реальным осуществлением экономической политики в регионах, если и имеется, то довольно слабая. Возможно, следует искать какие-то другие факторы, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении данные.

Более 40% опрошенных в Приволжском федеральном округе считают, что условия для развития бизнеса там, где они живут, достаточно хорошие. При этом уровень корреляции между долей предпринимателей в выборке и харак-

тером оценки условий, сложившихся в регионе для развития бизнеса, показывает уже гораздо более значимую величину: коэффициент Спирмена (r_s) равен 0,727.

Для большинства опрошенных (являющихся реально не бизнесменами, а наемными работниками или вообще неработающими) эти оценки носят скорее умозрительный характер. Поэтому более внимательно следовало бы присмотреться к мнениям тех, кто основывает свои оценки на повседневном личном опыте деловой жизни, – самих предпринимателей. Как можно видеть из сравнения данных, приведенных в третьем и четвертом столбцах табл. 2, предприниматели дают в целом более благоприятную оценку той среде, в которой развивается их бизнес, нежели наемные работники. Произведя сравнение аналогичных оценок, даваемых в различных республиках и областях, мы убедимся, что наиболее благоприятную оценку получают условия развития предпринимательства в Саратовской области и Башкирии, наименее благоприятную – в Ульяновской области и в Мордовии. Нижегородская область в рейтинге этих оценок занимает седьмое место.

Таблица 2

**Оценка условий для развития малого бизнеса
в населенных пунктах Приволжского округа**

	Наемные работники		Бизнесмены (процент)
	Частота	Процент	
Условия хорошие	125	7,3	15,3
Скорее хорошие	573	33,4	43,1
Скорее плохие	468	27,3	23,6
Условия плохие	230	13,4	13,9
Затрудняются ответить	321	18,7	4,2
Всего	1717	100,0	100,0

Точно так же мы могли бы сравнить оценки той роли, которую, по мнению бизнесменов, играют в развитии частного предпринимательства государственные и муниципальные чиновники в различных федеральных округах. В таблице 3 можно увидеть характер оценок, данных предпринимателями в различных федеральных округах действиям чиновников как фактору развития рыночной экономики. Для сравнительного ана-

лиза мы рассчитали «индекс содействия», который вычисляется как частное от деления суммы числа положительных оценок на сумму числа отрицательных оценок. При этом вычисление проводится с учетом веса: варианты «активно помогают» имеют весовой коэффициент 3, вариант «скорее помогают» – 2, а «помогают» – 1 (аналогично и для негативных оценок – от «активно мешают» до «мешают»).

Таблица 3

Индексы оценок бизнесменами роли местных и государственных чиновников в развитии частного предпринимательства в федеральных округах

Федеральный округ	Индекс оценки
Уральский	1,60
Северо-Западный	0,88
Приволжский	0,53
Москва	0,43
Дальневосточный	0,38
Центральный	0,31
Сибирский	0,30
Южный	0,25
Санкт-Петербург	0,22
Выборка в целом	0,39

Как мы види, ни в одном из округов, за исключением Уральского, соотношение оценок помощи и препятствования бизнесу со стороны чиновников не достигает положительного баланса, а значение 0,39 по выборке в целом означает, что негативные оценки чиновникам, кото-

рые дают предприниматели, почти втрое «весомее» позитивных. Соотношение между оцениваемыми действиями чиновников и реальными тенденциями развития предпринимательства в различных регионах России весьма различаются, и это может стать предметом особого

исследования. Если мы рассчитаем тот же коэффициент ранговой корреляции Спирмена для двух рядов распределений – желательности рыночных реформ и оценки действий чиновников, – то получим значения: $r_s = 0,436$ по выборке в целом и $r_s = 0,273$ по Приволжскому федеральному округу. Таким образом, здесь обнаруживается более слабая связь, нежели в предыдущем случае.

Небезынтересно взглянуть на некоторые конкретные проявле-

ния действий чиновников в отношении содействия или препятствования бизнесу. В таблице 4 приведены ответы нижегородских бизнесменов на вопросы о том, приходилось ли им сталкиваться со случаями вымогательства со стороны чиновников местных администраций и работников налоговых органов. Более чем каждый пятый предприниматель получал соответствующий «намок» (а возможно, и прямое требование).

Таблица 4

Случаи вымогательства со стороны...
(в % от общего числа опрошенных предпринимателей)

	Чиновников	Сотрудников налоговых органов
Нет ответа	0,9	1,2
Да	21,7	23,4
Мне нет, а моим коллегам приходилось	36,5	36,4
Никогда	41,0	39,0
Всего	100,0	100,0

В какой мере действующая социальная среда – включая действующее хозяйственное и налоговое право, взаимоотношения с представителями различных ветвей власти, общественное мнение, борьба с криминальными посягательствами – благоприятствует развитию бизнеса?

В табл. 5 приведены распределения ответов нижегородских предпринимателей которые видят проблему изнутри, на вопросы о том, в какой мере местное законо-

дательство и налоговая политика способствуют росту и развитию предпринимательства. В обоих случаях доли положительных и негативных оценок разделились с заметным перевесом в сторону негатива.

Нижегородские предприниматели наибольшую удовлетворенность взаимоотношений, которые у них складываются с различными контролирующими органами, выражают в адрес районных администраций (более 60 процентов), а

наименьшую – в адрес милиции (более половины в той или иной степени не удовлетворены). Возможно, отчасти причиной этой неудовлетворенности является недостаточно эффективная борьба правоохранительных органов с

криминальными посягательствами на бизнес. Две трети нижегородских предпринимателей (табл. 6) считают эту работу слабой или совершенно неэффективной, положительную же оценку дают менее 20%.

Таблица 5

Мнения о стимулировании развития предпринимательства со стороны... (в % от общего числа опрошенных предпринимателей)

	Местного законодательства	Налоговой политики
Нет ответа	2,8	0,6
В достаточно полной мере способствует этому	6,1	8,6
В общем и целом помогает	33,9	27,9
Скорее препятствует, чем способствует	35,2	39,9
Это самый главный тормоз развития бизнеса	10,6	16,0
Затрудняюсь ответить	11,3	6,9
Всего	100,0	100,0

Таблица 6

Оценка эффективности работы правоохранительных органов по борьбе с криминальными посягательствами на бизнес

	Частота	Процент
Не дали ответа	68	4,5
Вполне эффективная	58	3,8
В общем и целом успешная	229	15,1
Слабая	651	42,9
Совершенно неэффективная	358	23,6
Затрудняюсь ответить	153	10,1
Всего	1517	100,0

Конечно, стереотипы представлений, подобные советским, вытечь бывает нелегко. В особенности это касается людей старше 40 лет, которые в юном (да и в зрелом) возрасте подвергались постоянной идеологической обработке. Эти различия достаточно отчетливо проступают при рассмотрении данных (табл. 7). Однако нетрудно убедиться и в том, что в целом население относится к бизнесу – и,

прежде всего, к малому и среднему – не просто терпимо, но и вполне благожелательно.

А возникает ли желание открыть свое дело у тех, кто сегодня являются наемными работниками? Приволжский федеральный округ занимает далеко не первое (хотя и не последнее) место по доле наемных работников, желающих создать собственный бизнес (табл. 8).

Таблица 7

Отношение представителей различных возрастных групп к предпринимателям (в % к численности каждой возрастной группы)

	Малого и среднего бизнеса		Крупного бизнеса	
	до 40 лет	старше 40 лет	до 40 лет	старше 40 лет
Относятся хорошо	47,0	27,5	34,8	16,8
Скорее хорошо	43,5	43,7	41,8	33,1
Скорее плохо	4,1	13,1	10,9	20,2
Плохо	1,7	7,6	6,3	19,2
Затрудн. ответить	3,8	8,1	6,2	10,7

Таблица 8

Желание наемных работников открыть собственный бизнес

	Да, хотели бы	Скорее хотели бы	Скорее не хотели бы	Не хотят	Затрудн. ответить
Южный	35,1	16,3	5,8	38,7	4,1
Дальневосточный	34,1	13,7	6,3	40,4	5,5
Сибирский	31,4	12,7	7,0	45,9	3,0
Приволжский	28,2	16,1	7,0	43,7	5,0
Уральский	26,2	14,9	8,2	45,8	4,9
Северо-Западный	25,9	12,4	8,3	48,1	5,3
Центральный	25,4	15,0	7,3	49,3	3,0
Санкт-Петербург	24,6	17,8	7,1	46,3	4,3
Москва	24,4	14,5	9,0	48,8	3,3
Выборка в целом	28,5	14,9	7,2	45,2	4,1

Амплитуда колебаний от одного округа к другому довольно значительна. Различаются желания открыть свое дело у наемных работников, опрошенных в различных республиках и областях Приволжского округа. Мы не стали приводить распределения ответов по всем вариантам («да, хотели бы», «скорее хотели бы», «скорее не хотели бы», «не хотели бы»), а просто рассчитали специальный индекс, вычисляемый как частное от деления суммы количества желающих открыть свой бизнес на сумму количества тех, у кого такого желания не возникло (опять же с учетом весовых коэффициентов) (табл. 9). Мы видим, что наибольшая доля наемных работников, желающих занять собственное дело, выявлена, как ни странно, в Ульяновской области – том самом регионе, в котором в ходе

опроса среди респондентов не было обнаружено ни одного предпринимателя, а, кроме того, было дано довольно мало положительных ответов относительно необходимости перехода к рыночной экономике. В то же время достаточно высок удельный вес желающих в Татарстане и Башкирии, где уже наблюдается более высокий удельный вес предпринимателей. Кроме того, соответствующий коэффициент корреляции (между желанием наемных работников открыть свой бизнес, с одной стороны, и оценкой условий развития бизнеса – с другой) приближается к нулю, что говорит о практически полном отсутствии связи между этими переменными. Так что развитие предпринимательской активности может иметь место вовсе не благодаря усилиям местных чиновников, но и вопреки им.

Таблица 9

**Желание наемных работников открыть собственный бизнес
(ранжировано)**

	Индекс желания
Ульяновская область	1,45
Татарстан	1,20
Башкирия	1,10
Оренбургская область	0,94
Мордовия	0,93
Нижегородская область	0,83
Самарская область	0,82
Пензенская область	0,81
Саратовская область	0,78
Удмуртия	0,73
Пермская область	0,53
По округу в целом	0,87

Нам кажется, что большая доля наемных работников, у которых возникает такое желание, скорее всего, просто не представляют себе реальной изнанки нелегкого предпринимательского труда. По данным различных источников, в любой достаточно большой по размерам популяции насчитывается от 7 до 12% тех, кто обладает необходимыми психологическими качествами для занятий самостоятельным бизнесом (эти черты выявляются обычно с помощью ряда тестов, включая так называемый risk-taking). Однако для современных обществ одних психологических характеристик становится уже явно недостаточно – в силу многократно возросшей сложности экономической жизнедеятельности требуется все более серьезный интеллектуальный багаж, приобретаемый путем специальной образовательной подготовки. Например, в США для получения банковского кредита (а также гарантии на его выдачу в Федеральном агентстве малого бизнеса – Small Business Administration) от

предпринимателя требуется представление весьма основательно разработанного бизнес-плана минимум на восемь лет, знаний маркетинга, бухгалтерского учета, финансового и налогового права, макро- и микроэкономики и т.п. Нередко эту работу (оплачиваемую, кстати, за счет казны штата) по заявке начинающих бизнесменов выполняют специализированные агентства.

Опрос нижегородских бизнесменов показал, что бизнес-планы имеют лишь 60% из них. При этом лишь у каждого десятого бизнес-план разработан на два года и более и у трети – на год. Кроме того, выявлена довольно определенная связь между образованием предпринимателей и наличием у них бизнес-планов (см. табл.10): чем выше уровень образования, тем более вероятно наличие бизнес-плана. При этом наиболее вероятным оказывается обнаружить бизнес-план у предпринимателей с высшим экономическим образованием.

Аналогичная связь выявлена также между образованием пред-

Таблица 10

Образование предпринимателя и наличие бизнес-плана
(в % от численности каждой образовательной группы)

	Есть	Нет
Высшее экономическое	73,4	25,3
Высшее техническое	61,3	38,1
Высшее гуманитарное	66,2	31,0
Неполное высшее	58,9	41,1
Среднее специальное	40,8	58,8
Общее среднее	50,0	48,4
Неполное среднее	42,9	57,1

принимателей и оценкой ими товарооборота своего бизнеса: наиболее часто высокий уровень товарооборота встречается у бизнесменов, имеющих высшее экономическое образование (44,5%), а реже всего – у предпринимателей с общим средним образованием (14,1%). Казалось бы, насущная необходимость должна побуждать предпринимателей к получению высшего – и, прежде всего, экономического или коммерческого образования. Между тем данные всероссийского опроса показывают, что большинство из них не получали дополнительного профессионального образования и не особенно рвутся получить его (во всяком случае, в Приволжском федеральном округе). Правда, следует отметить, что около 10% предпринимателей в ПФО все же получили второе высшее образование (среди наемных работников – чуть более 1%).

Насколько активно стремятся действующие предприниматели получать необходимые им знания? Очередной конкретный пример. Вот перед нами Нижегородский коммерческий институт – высшее учебное заведение, изначально, со дня своего основания, ориентированное на подготовку кадров для рыночной экономики – экономистов, финансистов, бухгалтеров, маркетологов, юристов в области хозяйственного и гражданского права. Каждый десятый выпускник дневного отделения этого вуза сегодня уже

является самостоятельным предпринимателем. Однако взглянем с другой стороны – на тех, кто приходит в стены этого вуза с рабочего места, для получения тех знаний, которых им не хватает для реальной практики. Более половины студентов-заочников НКИ – работники частных предприятий, еще около 10% работают в качестве наемных работников у предпринимателей без образования юридического лица. В то же время число самих самостоятельных предпринимателей среди студентов-заочников НКИ составляет всего 2,7%. Возможно, это связано с тем, что нижегородские бизнесмены пока еще не ощущают особой нужды в получении коммерческого образования, или элементарно не осознают, каких именно знаний им сегодня не хватает, а может быть, сказывается нехватка времени?..

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Полевой этап выполнялся силами «РОМИР-Мониторинг». ■

© 2007 г.

А.М.Бекарев

Микросоциология знаний: управленческий аспект

Есть ли *knowledge management*? Когда-то М.Фуко критиковали за то, что он поставил знак равенства между знаниями и властью. «Одна из ведущих идей М.Фуко, которую он иллюстрирует на материале истории психиатрии, психоанализа и некоторых других гуманитарных дисциплин, – это идея взаимопроникновения (вплоть до неразличимости – во всяком случае, для самого М.Фуко) знания и власти, т.е. познавательных (идейно-теоретических) и социально-политических отношений»¹. Сейчас мы думаем иначе. Напрасно критиковали. Живем мы в информационном социуме, и всякий раз убеждаемся в верности формулы: «у кого информация – у того и власть». Впрочем, людьми вовсе необязательно управляют другие люди, живые и действующие. Управлять способны системы и процедуры, писанные законы и передающиеся из уст в уста обычаи, нравственные максимы, нормы и аффекты. Так или иначе, все общества «вращают-

ся вокруг ценностей». От ценностей и надо вести отсчет. Разумеется, знания тоже управляют. Ведь «знает» же рука бракодела, что она производит брак, но голова ничего не может поделать с этой рукой. Поскольку то, что вошло в привычку, становится натурой или, лучше сказать, навыком. Разум часто плетется вслед за привычками и стереотипами.

С другой стороны, можно усомниться в том, что существует *knowledge management* как реальное управление знаниями. «Управлять» в смысле запоминать, поскольку забываем мы без особых стараний? Или, все-таки *knowledge management* имеет иной смысл и собственно «знания» здесь ни при чем. Что касается развития знаний, то спонтанность и стихия пока преобладает над управлением. Хотя едва ли можно усомниться в том, что знания управляют человеком, и он часто становится заложником стереотипов и досадных навыков. Это тем более важно, что объем информа-

ции растет в геометрической прогрессии. И это важно, потому что знания, словно товары и услуги, продаются и покупаются. Правда, не все. Трудно представить бродячего исследователя, торгующего знаниями в разнос. Окажись А.Эйнштейн на Арбате с плакатом «Продаю общую теорию относительности», едва ли бы ему сопутствовал коммерческий успех.

Рынок знаний: *когда «информация versus знание»*. Информации, действительно, стало много. Достаточно войти в Интернет, найти ключевое слово и тут же окажешься сломленным мириадами строк. Многие из информационных источников пополняют свалку «знаниевых отходов», но редкие золотые россыпи все же попадут вам в руки. За завесой конфронтаций и террора, включая символический терроризм, трудно усмотреть благообразный лик «общества, основанного на знаниях». Если и говорить о знаниях, то они касаются технологий изготовления взрывчатки и иного оружия, компьютерных программ-взломщиков, и всякого иного знания, что «против человека». Что касается прозрачных мегатрендов, то их обнажилось не так уж много, чтобы констатировать однолинейный характер развития «постсовременного общества». История как двигалась «повсюду», так и продолжает действовать в этом же духе.

С другой стороны, что-то действительно стало универсальным (лучше сказать, «одномерным»).

Например, явление «чистогана». Скромный и вряд ли уважаемый еще три века тому назад буржуа покорила весь мир, не обращая к советам Александра или Наполеона. Возникло новое явление общепланетарного масштаба – «финансомика». «На пространстве планеты новая реальность. Господствующий, элитарный (в смысле власти и потребления) слой сложился, как сложилась и система глобального господства и управления. И достойное место в этой системе отведено мировому (всемирному) финанризму: финансовой власти, финансовой эксплуатации, финансовому доходу-образованию, финансовому управлению»².

Мы редуцируем, нас редуцируют. Сейчас нас редуцировал рынок. Что не есть «капитал»? Культурный, человеческий, социальный, марочный – и все это капитал, что существует рядом с основным и оборотным. Маркс, Г.Беккер, П.Бурдьё – далеко не полный список тех, кто писал и будет писать «Капитал». «Купля-продажа» получила предикат всеобщности и необходимости, проникла во все поры общества. Не осталось почти ничего в умопостижимом мире, что принципиально не могло бы стать предметом продажи. Даже отходы кому-то нужны. Раньше размышления юноши при выборе профессии строились в зависимости от иерархии статусов и престижа профессии. Сейчас рынок довел разветвленную юношескую мысль до алгоритма купли-продажи.

Правда, информация и знания продаются как *модные* товары. «Знание производится и будет производиться для того, чтобы быть проданным, оно потребляется и будет потребляться, чтобы обрести стоимость в новом продукте, и в обоих этих случаях, чтобы быть обмененным. Оно перестает быть самоцелью и теряет свою потребительскую стоимость³. О том, что тренинги и семинары столь же популярны, как салоны и бутики, свидетельствует победное шествие двойного высшего образования, корпоративные университеты и массовая сертификация «всёя Земли».

Между тем есть «знания» и знания. Что-то из их состава раскупается в миг, а что-то пылится в уголках сознания, пополняя запас мертвых грузов. Возможно, к этим *грузам*, относятся столь дорогие сердцу «истина, добро и красота» и мы уже перестали удивляться древнему вопросу «Что пользы от мудрости?». С другой стороны, сам акт продажи кажется иллюзорным, поскольку обладатель знаний продолжает ими обладать, умножая армию новых собственников и мультипликаторов. Надо сказать, что знания в процессе многозвенной передачи многократно теряют в цене, поскольку цена зависит от количества новоявленных знатоков.

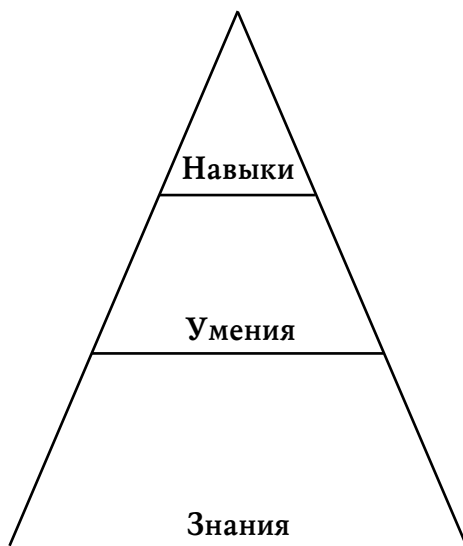
Видные менеджеры и консультанты бизнеса, специализирующиеся в области knowledge management, полагают, что информация и знания находятся в состоянии «veg-

sus», оппозиции. «В новых условиях изменилось само содержание понятия «знание». Что толку от эрудита, который мгновенно выдаёт ответы на самые сложные вопросы – теперь любую информацию в течение минуты можно найти в Интернете и ценность того, что мы называем энциклопедическими знаниями, катастрофически быстро снижается. Сейчас важнее творчески перерабатывать информацию и формировать качественный интеллектуальный продукт⁴. Авторы предлагают использовать термин «интеллектуальное предпринимательство» в качестве такого знания, что «против» информации. При этом в содержание нового понятия включаются такие признаки как «интеллектуальное бесстрашие», «информационная грамотность» (умение найти нужную информацию в беспредельном потоке), «толерантность к информационной избыточности и неопределённости», «способность порождать новое знание» и мотивация к порождению нового знания». Среди перечисленных атрибутов лишь «информационная грамотность» и «способность порождать новое знание» относятся к сфере знания. Что касается других параметров, то речь идет не о «знаниях», а о творческих способностях, которые на самом деле трудно назвать информацией. Как призвание отличается от профессии, так «искра божья» отличается от информации. Творческие способности нельзя определить как знания. Они относятся к умениям и навыкам. Если знание – это то, что

относится к «слову», то умения и навыки – это то, что относится к «делу». Соположение между знаниями, умениями и навыками можно отобразить в виде пирамиды (см. рис.).

Рисунок 1
Пирамида знаний и способностей

Знаний, как правило, много. Они – у основания пирамиды (вместе с информацией). Умений меньше, навыков – еще меньше. Однако важно учитывать не только объемные соотношения. Часто члены триады несопоставимы по качеству: можно знать реакции фотосинтеза, уметь пользоваться компьютером и обладать навыками вождения автомобиля. Что касается фактора *спроса*, то работодатели обычно ориентированы на покупку навыков, чтобы не нести лишних затрат на переобучение и рост квалификации наемного персонала. Люди как непосредственные приобретатели «рабочего места» вынуждены следовать воле работодателей и прио-

бретать «знаниевый» продукт в виде определенных умений или навыков. Как правило, такие продукты выглядят как «рецепты». Между тем те, кто производит и продает знание, производит его в виде теорий (может быть, даже очень хороших и практичных) и фактов. Возникло противоречие между спросом и предложением. Поэтому, спрос в навыках стал удовлетворяться за счет институционализации корпоративных форм обучения⁷. Массовое образование продолжает работать на формирование основания пирамиды, в то время как «умения» и «навыки» производятся отнюдь не в массовых аудиториях.

Основные акторы. Если сосредоточиться именно на процессах приобретения знаний, а не на покупке «сопутствующих» товаров, то следует определить основных акторов на рынке знаний. Основное действующее лицо – сам *рынок знаний*, взятый как совокупность потребителей. Покупатели являются главными стейкхолдерами учебных организаций. Не все они делают вполне осознанный выбор. В силу различия интересов рынок знаний следует строго дифференцировать. Очень важно выделить группу тех, кто покупает знания, независимо от того платит за их обучение государство или нет. Оставшаяся часть может приходиться на лекции как на talk show, либо с целью общения, либо в «очередь за дипломом», либо вообще не приходиться.

Второй автор – продавец или продавцы. Группа продавцов является многослойной. Непосредственными продавцами выступают государственные или частные

учебные заведения. Но поскольку их автономия является неполной, то в эту группу следует ввести и контролирующие организации (министерства и ведомства, независимые агентства с правом сертификации и т.п.). Эти контролирующие органы можно назвать «посредниками» в структуре продавцов.

Третья группа действующих лиц – производители знаний. Назовем их «креаторами», хотя не все они обладают требуемыми творческими способностями. Эта группа тоже должна быть дифференцирована. Можно выделить, по меньшей мере, три подгруппы в ее составе: 1) собственно творцы знаний (открытий, изобретений, инноваций), которые непосредственно не связаны с конечным потребителем продукции (например, инженер-конструктор или академический ученый); 2) «ретрансляторы» знаний (их задача состоит в том, чтобы донести до сознания потребителей те или иные знания); эти люди, впрочем, тоже «креаторы» в смысле отбора материала и методик внедрения; 3) «универсалы», которые творят, транслируют и ретранслируют знания, работая непосредственно с потребителем. В целях простоты и ясности необходимо ввести также некоторые ограничения: в качестве потребителей не рассматривать корпоративных клиентов; в качестве продавцов определить лишь организации, занимающиеся образовательными услугами; в качестве производителей считать индивидов и группы, профессионально занимающихся творческой и репродуктивной деятельностью.

На перекрестке интересов.
Прежде чем побывать в «торговом павильоне», примем точку зрения покупателя знаний, который хочет приобрести квалификацию, умения или навыки. Этот потребитель немногим отличается от потребителя вещей. У него те же ограниченные ресурсы в виде денег, времени и способностей. В зависимости от объема ресурсов логика покупателя вещей строится по простой формуле: «цена – качество – сервис – торговая марка (репутация продавца)». На первый взгляд, логика рассуждений покупателя «знаниевого» продукта строится по этому же алгоритму. Если финансовое состояние является скромным, выбирается недорогой продукт (вуз, специальность, форма обучения и т.п.). Если платежеспособность высока, то на первые позиции выходят торговая марка посредника («Оксфорд», «МГУ» ...) или высокий сервис (удобство расположения, материальная база, мощные информационные ресурсы производителя и т.д.). Между тем «первый взгляд» чаще всего оказывается неполным. Одно и то же стандартное знание можно купить как в знаменитом университете, так и в небольшом провинциальном вузе. В отношении информационного продукта следует учитывать его конечное действие. В чем, собственно, *causa finalis* приобретения пакета знаний? Вероятно, не в полноте конспектов и полученных баллах. Конечная причина заключается в росте способностей приобретателя. Впрочем, выросшие способности относятся к параметру

качества. Но в отличие от качества вещей, которое является прерогативой исключительно производителя (включая сюда соответствие стандарту и удовлетворенность потребителя), качество знаний есть производная от деятельности, по меньшей мере, двух акторов – производителя и потребителя.

Непосредственный интерес потребителя знаний связан с получением важной и нужной информации, однако конечный продукт определяется количеством и качеством новых способностей приобретателя. Интересы продавца расположены в иной плоскости. Бизнес-организации имеют ограниченный набор стратегических ориентиров. К этим ориентирам относятся производство (масштабы производства, связанные с удешевлением продукции), сбыт (товаров или услуг), прибыль (краткосрочная, среднесрочная, долгосрочная), ориентация на потребителя (социальный маркетинг), рост марочного капитала. Львиная доля коммерческих организаций ориентируется на краткосрочную прибыль. По мнению Ф. Котлера, только около 10% американских организаций являются клиентоориентированными. Еще недавно наблюдалась устойчивая тенденция к росту такого показателя как «стоимость компании» за счет роста нематериальных активов. Речь идет о возрастании значения торговых марок. Торговая марка – весьма серьезный капитал для любой организации (не только для коммерческой фирмы, но и для школы, церкви, больницы, партии). Формула успешной марки проста и понятна:

$$M = K + O + ДЦ;$$

где M – уровень марки, K – качество предлагаемого товара, услуги или работы; O – отличительные признаки «предложения», ДЦ – добавленная ценность. Добавленная ценность представляет собой психологическую уверенность потребителя в том, что он не ошибся и выбрал именно ту марку, о которой мечтал. Добавленная ценность есть интеграл от имиджа (фирмы) и экспектаций (потребителя). Следует отметить, что потребитель наряду с покупкой полезных свойств товара покупает свой потенциальный статус. Еще не достигнутый, но желаемый социальный статус, становится свойством вновь возникшей системы «человек – новая вещь». Компании с продвинутыми брендами, не обладая мощными материальными активами, успешно торгуют маркой. Учебные заведения в собственном смысле слова не производят, а выступают посредником и организатором между группой производителей (знания) и группой приобретателей. В этом качестве оно продает услуги, качество которых измерить намного труднее, чем качество товаров. Но этого не скажешь о рейтинге или брендах.

Анатомия продаж и knowledge management. Конечная цель покупки – способности – могут быть физическими, социальными, интеллектуальными. Их дальнейшая спецификация определяется видами деятельности (математические, музыкальные, коммуникативные и т.д. способности). Рост или *возращивание* способностей

можно представить в виде линейной прогрессии:

$$\begin{array}{l} 1. C^0 \quad \& \quad D^1 \quad = \quad C^1; \\ 2. C^1 \quad \& \quad D^2 \quad = \quad C^2; \\ 3. C^2 \quad \& \quad D^n \quad = \quad C^n \end{array}$$

«С» – это способность в той или иной степени развития (от «0» до «n»), «Д» – деятельность, которая должна отвечать по меньшей мере пяти условиям: 1) быть надлежащей или адекватной структуре наличных и требуемых способностей (руками пианиста не стоит забивать гвозди); 2) быть сопротивляющейся, упругой, неподатливой, трудной, но выполнимой (композитору не надо ежедневно повторять гаммы); 3) обязательным компонентом должен быть «агон» (сопоставительность); ученик (студент, «взрослый») должен не только состязаться с *делом*, но и со сверстниками; 4) должен быть элемент доброкачественной агрессивности, цементирующей усилия (агрессивность есть *энергетическое условие преодоления*); 5) наличие «тайны» в *содержании* дела или в последствиях его выполнения; именно тайна делает дело *интересным* (в смысле «интересное») как по содержанию, так и по форме (игра, соревнование). Креатор должен обеспечить эти условия и подготовить содержание «дела», в состав которого включаются как «слово» (информация), так и «дело» (задание). Надо иметь в виду, что дело может быть спровоцировано такими внешними обстоятельствами как проблемы, соперники, бедствия и прочие препятствия. Человек отличается от других божьих

созданий тем, что после «Сⁿ» следует многоточие, поскольку он должен заботиться о росте способностей всю жизнь, а не только в период детства и юношества. Вектор развития способностей зависит главным образом от поля потребностей людей, так как человек мотивирован развивать те способности, которые для кого-то востребованы. Новые способности – это новые умения. Чтобы формировать устойчивые навыки, следует изменить формулу и вместо усложняющейся деятельности ввести параметр повторяющейся, но диверсифицированной деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Буржуазная социология на исходе XX века. Критика новейших тенденций / Отв. Ред. В.Н.Иванов – М.: Наука, 1986. – С. 32.
2. Философия хозяйства. Альманах. – М., №2 (8). 2000. – С. 11.
3. *Лиотар Ж.-Ф.* Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 1998.
4. *Константинов Г., Филонович С.* Интеллектуальное предпринимательство или принципы обретения конкурентного преимущества в новой экономике / Г.Константинов, С.Филонович // Harvard Business Review. Октябрь. 2005.
5. *Абрамова Н.В.* Социологические интерпретации концепций «непрерывного обучения взрослых» / Н.В. Абрамова // Социология. №2, 2006. – С. 144-159.
6. Маркетинг в России и за рубежом. № 6 (38), 2003. – С. 5.

© 2007 г.

Н.Н.Ивашиненко

Социальная ответственность и гражданская активность молодежи

Проблема формирования гражданского общества в России тесно связана с воспитанием у молодого поколения новых ценностей общественной интеграции. Ценности коллективного действия, характерные для советского общества, потеряли свою значимость, на смену им пришли ценности индивидуального развития¹. Новый этап развития российского общества характеризуется сменой форм противостояния общественного и частного.

Вопросы о том, на каких основаниях граждане страны готовы объединяться для решения общих задач, не потеряло свою актуальность. Понятие *гражданское общество* тесно связано с понятием *гражданской активности и ответственности*. Проекцией понятия гражданского общества выступает контур пространства гражданского действия, складывающийся из следующих элементов: осознание общественного устройства и своего места в нем, выбор действия, гражданская активность и в заключении социальная ответственность за сде-

ланный выбор и реализованное действие в соответствии со своим видением собственной гражданской позиции.

Социальная ответственность во многом выполняет функции идеологии, интегрирующей характер взаимодействия человека и общества. Внутри этой концепции заложена идея обмена между человеком и социальной группой. Гражданская активность – деятельность граждан, направленная на развитие общества, выполняющая функции реализации социальной ответственности.

На современном этапе российская государственность переживает сложный этап становления. В стране и существует несколько центров формирования общественного мнения, претендующих на выражение идеи гражданского общества: государственная власть, политические партии, общественные и религиозные организации. Целостная система интеграции социальных интересов распалась. На смену ей пришел многополярный мир, адаптация к которому требует широкого набо-

ра навыков и умений, не столько профессиональных, сколько социальных. Формальные обязанности граждан, закрепленные законодательно, не имеют широкой общественной поддержки². В обществе отсутствует объединяющая система ценностей, широко поддерживаемая и выполняющая функции интеграции, но и формальные основания объединения не реализуются в полной мере.

В наиболее сложном положении оказалась молодежь, которая вынуждена адаптироваться и проходить процессы социализации в условиях отсутствия ярко выраженных социальных образцов поведения и ценностей выбора. Пространство социально-политического выбора в условиях рыночно-ориентированного общества расширилось, но потребовались новые ресурсы интеграции граждан и новые институциональные основания взаимодействия, которые пока находятся в стадии формирования. Молодежь, оказываясь в ситуации общей дезориента-

ции и дезадаптации, тем не менее, продолжает свой поиск и создает новое пространство социального позиционирования, которое будет определять развитие российского общества в ближайшем будущем.

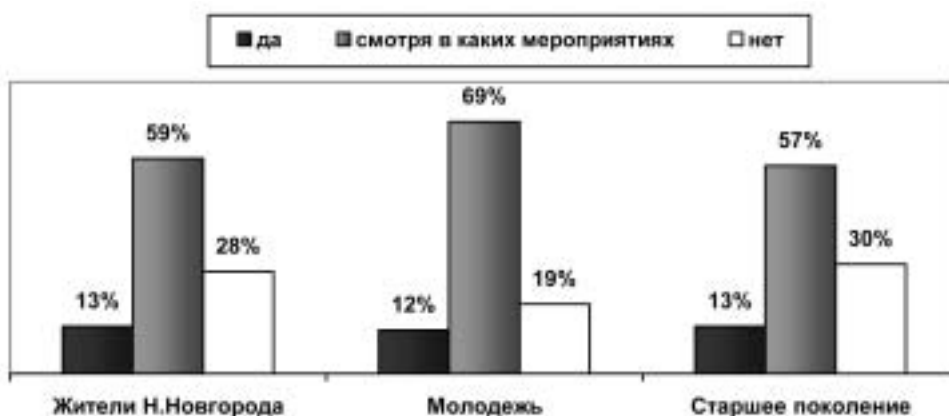
Структура молодежной гражданской активности

Ценностная структура молодежи воспроизводит во многом сложившуюся в обществе модель взаимоотношений личного и общественного интересов. По степени готовности к участию в общественной деятельности молодежь незначительно отличается от старшего поколения. Среди молодых количество категорически отказывающихся от личного участия в развитии своего города на 10% меньше, чем среди старшей возрастной группы.

Для молодых граждан особое значение имеют предлагаемые формы участия (рис. 1).

Рисунок 1

Готовность принимать участие в жизни города, 2003 г.

Источник: исследование «Н.Новгород – столица ПФО»³

Старшее поколение, отчасти по традиции, отчасти с ностальгией поддерживает и готово лично участвовать в проведении субботников и воскресников по уборке территорий разного уровня (табл.1). У молодежи этот вид гражданской активности также занимает первое место по числен-

ности аудитории поддержки, но энтузиазм молодых несколько ниже, чем у более старших горожан. Зато молодежь активнее откликается на такие мероприятия, как благоустройство парков, участие в благотворительных и общественно-политических действиях.

Таблица 1

Меры, в которых готовы лично участвовать для развития города, в %

Направления деятельности	Жители Н.Новгорода	Молодежь	Старшее поколение
Организация субботников, воскресников по благоустройству...			
Вашего двора	54	47	56
Вашего района	33	29	34
Городских парков и мест отдыха	25	27	25
Помощь малообеспеченным семьям	25	27	24
Благотворительные мероприятия	16	21	15
Сбор подписей в защиту прав горожан	19	22	19
Вступление в общественные организации, защищающие права граждан	8	12	7

Источник: исследование «Н.Новгород – столица ПФО»

Это потребность молодежи в социальных инновациях вступает в противоречие с традиционной организацией социальной жизни, в результате чего молодое поколение зачастую оказывается вне этой сферы. Ценности, формирующиеся в молодежной среде, во многом определяют и направления вторичной социализации, как процесса усвоения навыков гражданской активности и соучастия. Доминирующей в среде молодежи

является точка зрения, что развитие страны обеспечивается реализацией социально одобряемого индивидуального поведения членов (табл. 2.). Добросовестный труд на своем рабочем месте и воспитание детей, как вклад в нормальное функционирование российского общества, рассматривают 82-85% молодежи. Не разделяют подобную точку зрения 15% молодежи. Маргинальные настроения, неприятие цен-

ностей добросовестного труда и семейных отношений формируются на крайних уровнях социальной пирамиды: среди более состоятельных и, напротив,

среди наименее обеспеченных семей. Именно в этих средах уровень оплаты труда никак не соотносится с его добросовестностью и интенсивностью.

Таблица 2

Меры, которые молодежь готова предпринять для развития России, 2006, в %

Меры	Готовы принять участие	Поддерживают морально	Категорически не хотят принимать участие
Добросовестно трудиться на своем рабочем месте	85	13	2
Воспитывать детей в семье	82	16	2
Изучать историю России	57	36	7
Полностью платить налоги	46	42	11
Принимать участие в выборах разного уровня	44	41	14
Способствовать развитию российской культуры	42	52	5
Принимать участие в благотворительной деятельности и помощи	42	49	8
Принимать участие в благоустройстве городов, населенных пунктов	35	55	10
Принимать участие в обсуждении развития своего города, региона, страны	33	53	13
Активно выступать против засилья в жизни страны выходцев с Кавказа	27	40	32
Вступать в общественные организации, защищающие права граждан	23	55	21
Способствовать росту толерантности в обществе	22	61	15
Способствовать развитию и распространению истинной, по мнению опрошенных, веры	17	55	27
Служить в армии, поддерживать это решение у своих детей и близких	14	38	46
Выйти на массовые митинги протеста против несправедливости власти	13	44	42

Источник: исследование «Роль общественных молодежных объединений в формировании гражданской ответственности молодежи»¹.

На втором месте, по степени поддержки со стороны молодежи стоит сохранение культурно-исторического наследия страны: изучать историю и способствовать развитию российской культуры готовы 57% и 42% молодежи. С одной стороны, эти намерения совпадают с ценностями индивидуального саморазвития, а, с другой, базируются на значительно укорененном в массовом сознании представлении о ценности российского культурно-исторического наследия.

Полная уплата налогов, как мера гражданской активности, способствующая развитию страны, поддерживается сорока шестью процентами молодежи. Распространенное в молодежной среде отношение к налоговой дисциплине граждан будет в значительной мере определять налоговую культуру страны в ближайшем будущем. Второй обязательный пока по действующему законодательству гражданский долг – служба в армии, находит еще меньше сторонников, чем полная уплата налогов.

Участие в политической жизни страны в разных формах готовы принимать от 42 до 23% молодежи. Выборы, как форма политического участия и вклад в развитие России, рассматривается 42% молодежи.

Описание общей картины социально ответственности и гражданской активности молодежи будет не полным без выделения конкретных типов ценностных установок различных молодежных групп.

Типология ценностных установок молодежи по отношению к гражданской активности

Проведение многомерного анализа показывает, что общая ценностная иерархия молодежной гражданской активности складывается из установок и ориентаций четырех типов¹:

- индивидуалистически отстраненной (21%);
- идеологически ориентированной (19%);
- нормативно правопослушной (19%);
- общественно-политической (22%).

В соответствии с четырех факторной моделью были выделены четыре группы молодежи, разделяющие данное мнение, каждая из которых условное название, используемое для инструментально-описательного анализа:

Группообразующим качеством индивидуалистов является повышенное стремление рассматривать взаимодействие с обществом и соответственно свою гражданскую активность сквозь призму реализации добросовестного труда на собственном рабочем месте и создание крепких семей. Реализация на индивидуальном уровне социально одобряемых и обще признаваемых трудовой и семейной стратегий, по мнению этой части молодежи, является основным направлением реализации гражданской активности.

Идеологи – группа молодежи, демонстрирующая повышенную

активность участия в сохранении культурно-исторического наследия страны, создания и поддержания в обществе различных идеологических конструктов, способствующих интеграции общества на базе распространения идей толерантности или новых оснований религиозности.

Правопослушные – молодежь (19%), заявляющая о своей готовности полностью выполнять законодательно закрепленные обязан-

ности граждан Российской Федерации. В состав таких обязанностей, по их мнению, входит: уплата налогов, участие в выборах, изучение истории своей страны и позитивное отношение к службе в армии. Характерной чертой ценностной структуры этой группы является тот факт, что участие в выборах воспринимается не как элемент общественно-политической активности, а как реализация гражданского долга.

Таблица 3

Меры, которые молодежь готова предпринять для развития России, в %

Меры	Индивидуалисты	Идеологи	Правопослушные	Общественники
Добросовестно трудиться на своем рабочем месте	99	83	86	81
Воспитывать детей в семье	98	74	81	88
Способствовать развитию российской культуры	26	81	29	53
Принимать участие в благотворительной деятельности и помощи	44	76	36	37
Способствовать росту толерантности в обществе	23	40	10	26
Способствовать развитию и распространению истинной веры	6	34	19	24
Полностью платить налоги	69	34	75	26
Принимать участие в выборах разного уровня	50	28	70	54
Изучать историю своей страны	48	68	70	59
Служить в армии, поддерживать это решение у своих детей и близких	2	20	34	10
Принимать участие в обсуждении развития своего города, региона, страны	17	35	38	59

Таблица 3 (продолжение)

Меры, которые молодежь готова предпринять для развития России, в %

Меры	Индивидуалисты	Идеологи	Правопослушные	Общественники
Выйти на массовые митинги протеста против несправедливости власти	1	5	6	48
Активно выступать против засилья в жизни страны выходцев с Кавказа	28	29	3	48
Принимать участие в благоустройстве городов, населенных пунктов	37	53	35	42
Вступать в общественные организации, защищающие права граждан	5	31	29	40

Источник: исследование «Роль общественных молодежных объединений в формировании гражданской ответственности молодежи».

Характерными чертами группы общественников являются: активное желание участвовать в жизни своего города, региона и страны. Причем это участие понимается широко от обсуждения, до реальных как конструктивных, так и деструктивных политических шагов. Общественники чаще других становятся членами различных общественных организаций.

Каждый из типов молодежной гражданской активности имеет

свой социально-демографический портрет и специфику общественно-политических установок.

Индивидуалистически отстраненная позиция

Индивидуалистические ориентации молодежи этой группы являются яркой противоположностью коллективистским настроениям, сформированным у более старшего поколения. Опора только на себя, на свои силы, отказ от претензий в адрес государства по поводу оказания им государственной поддержки, показывает высокий уровень адаптивности этой группы молодежи в рыночной среде. Однако формирование подобных настроений сопровождается отказом от участия в общественных процессах.

Таблица 4

**Оценки молодежью взаимосвязи собственной жизни
и изменений в стране, в %**

Варианты ответов	Индивидуалисты	Идеологи	Правопослушные	Общественники
Чем лучше жизнь в стране, тем лучше мне	23	19	28	23
Успехи страны лишь частично улучшают мою жизнь	42	38	45	38
Никак не отражаются	26	21	19	21
Жизнь в России будет улучшаться за счет таких, как я	9	20	9	15
Чем лучше будет жить Россия, тем хуже буду жить я	0	3	0	2

Источник: «Роль общественных молодежных объединений в формировании гражданской ответственности молодежи».

Индивидуалисты реже остальных групп отмечают взаимосвязь между собственным благосостоянием и развитием страны в целом. Им неинтересны происходящие в городе социально-экономические и политические процессы. Они в принципе не видят необходимости в ассоциированном социальном поведении – участии в общественных организациях.

Точками их общественного интереса могут стать мероприятия, способствующие трудоустройству молодежи и организации ее досуга. Повышенный интерес индивидуалисты испытывают к международным обменам. Прслеживается взаимосвязь между индивидуалистическими настроениями и ростом международной мобильности.

Таким образом, в молодежной среде формируются основания так называемых космополитических настроений, в рамках которых ценности взаимодействие с гражданскими институтами и общественной активности снижается.

**Идеологически
ориентированные настроения**

Стремление этой группы молодежи к участию в развитии духовной жизни страны во многом перекликается с ценностями интеллигенции. В этой молодежной среде сохраняются и поддерживаются ценности духовной жизни и культурно-исторического наследия наряду с социальными запросами на сохранение бесплатности образования.

Понимая ценность и необходимость гражданского общества, они не готовы к активному участию в его построении на уровне конкретных дел. Идеологи критичнее остальных групп настроены по отношению к политическим про-

цессам и выборам, как инструменту реализации политических прав и свобод граждан. При этом они активно интересуются происходящими в городе и стране событиями, активно используют различные источники информации.

Таблица 5

Наиболее важные направления молодежной государственной политики

Направления	Индивидуалисты	Идеологи	Правослушные	Общественники
Решение жилищных проблем молодежи	40	50	55	49
Помощь в получении образования	36	30	30	25
Помощь в трудоустройстве молодых специалистов	48	39	53	45
Повышение стипендий	7	9	4	14
Предоставление широких возможностей для политической активности молодежи	2	5	10	13
Привлечение молодежь в органы власти	1	1	9	11
Стимулирование рождаемости	12	9	11	13
Материальная помощь молодым роженицам	9	8	10	9
Поддержка молодой семьи	29	31	34	27
Сохранение бесплатности образования	26	39	21	20
Сохранение бесплатности здравоохранения	13	19	19	14
Борьба с наркоманией и наркоторговлей	35	24	28	31
Борьба с пьянством и алкоголизмом	17	16	10	18
Программы преодоления беспризорности	13	11	11	10
Переход на контрактную основу службы в армии	9	13	11	8
Стимулирование международной мобильности молодежи	5	10	6	3

Источник: исследование «Роль общественных молодежных объединений в формировании гражданской ответственности молодежи».

Как только вопрос из области обсуждения возможных схем государственного устройства переходит в плоскость принятия социально-политических решений, идеологи чаще переходят на пессимистические позиции: молодежь не влияет, не имеет возможности и, по сути, не стремится влиять на общественно-политическую жизнь в России.

Сегодня молодежь, ориентированная на духовное развитие, чаще остальных соприкасается с религиозными организациями, хотя доля молодых людей, отмечающих свою религиозность, здесь понижена.

Общественно-политическая гражданская активность

Общественно-политическая гражданская активность, как и идеологическая ориентация, базируется на активной позиции молодых людей во взаимодействии с государством. В центре общественно-политической гражданской

активности молодежи лежит стремление к активной социализации, участию в конкретных делах и достижении результатов. На современном этапе конкретные результаты, по мнению этой группы молодежи, достигаются не столько в пространстве развития гражданского общества и общественно-политических инициатив, сколько в плане реализации личной карьеры в рамках административно-управленческой деятельности.

Политические партии и объединения не рассматриваются сегодня даже в этой группе как механизмы социальной мобильности. Если в духовной сфере религиозные организации приращивают свое влияние даже на не религиозно настроенную молодежь, то в общественно-политической сфере партии и молодежные организации не занимают координирующих позиций. Общественно-политическая гражданская активность реализуется этой группой спонтанно, не в рамках участия в политических организациях.

Таблица 6
Одобрение социально-политических акций, в %

Акции	Индивидуалисты	Идеологи	Правопослушные	Общественники
Массовые участия молодежи в «оранжевой революции» в Украине	5	10	14	11
Атаки на крупных чиновников и должностных лиц со стороны активистов национал-большевиков (с использованием пищевых продуктов)	8	13	11	16
Захват «нацболами» государственных зданий и учреждений	2	1	3	3

Таблица 6 (продолжение)
 Одобрение социально-политических акций, в %

Акции	Индивидуалисты	Идеологи	Правопослушные	Общественники
Избиение группами «скинхедов» мигрантов	2	4	5	10
Уличная агитация (настенные лозунги) призывающие изгнать мигрантов	7	9	5	15
Уличные марши и шествия молодежи с использованием фашистской и нацистской символики (свастика, эсэсовская символика)	0	3	6	4
Деятельность вооруженных исламских группировок	0	1	5	2
Уничтожение группой «Идущие вместе» произведений В. Сорокина	3	1	6	5
Попытка «Наших» заставить извиниться английского посла за негативные высказывания в адрес России	42	43	51	48

Источник: исследование «Роль общественных молодежных объединений в формировании гражданской ответственности молодежи».

Наличие внутренних сил и отсутствие четких приоритетов развития на фоне невысокого уровня политической культуры приводит к тому, что политическая активность этой группы может реализовываться, в том числе, и в деструктивных формах.

Существует определенная взаимосвязь между проблемами с восприятием армии и моральной поддержкой национально-этических конфликтов. Накопленная мускулиная сила в молодежной среде требует специфических направлений реализации. Военизированная деятельность пока получает слабую общественную поддержку, тогда как борьба с мигрантами во

многом воспринимается как борьба за справедливость.

Эта группа молодежи наиболее активно стремится к социальной интеграции как самореализации и представляет наибольший интерес в плане реализации взаимодействия. Наличие различных ресурсов и сил активизирует их творческий поиск в социально-политическом пространстве. Тем не менее, творческий поиск этой группы сопряжен с определенным риском и нуждается в создании широкой сети различных социальных институтов, позволяющих реализовываться этой формы активности в конструктивном русле.

Нормативно право-послушная ориентация

Данный тип ориентации представляет собой выражение полностью одобряемой в обществе нормативно-ценностной позиции. На современном этапе в молодежной

среде нормативная позиция включает в себя как элементы выполнения гражданского долга, так и повышенной политической лояльности практически ко всем органам власти, начиная от президента и заканчивая местным уровнем управления.

Таблица 7
Одобрение социально-политических акций, в %

Органы власти	Индивидуалисты	Идеологи	Правопослушные	Общественники
Президент России	73	63	74	60
Правительство РФ	19	13	21	10
Государственная Дума	12	11	15	5
Полпред Президента в ПФО	23	18	29	13
Губернатор области	51	41	59	43
Областное законодательное собрание	9	6	10	5
Председатель Областного законодательного собрания Нижегородской области	10	3	16	10
Мэр Нижнего Новгорода	50	41	55	54
Администрация Нижнего Новгорода	17	25	24	20
Администрация Вашего района	19	20	21	18

Источник: исследование «Роль общественных молодежных объединений в формировании гражданской ответственности молодежи».

Нормативная право-послушная ориентация чаще формируется в среде девушек. В этой

группе повышена доля учащихся техникумов и работающей молодежи.

Структура ценностей гражданской активности у молодежи отражает сложившееся в обществе представление о гражданском обществе и моделях его развития. Современная молодежь в основной своей

массе лояльна и настроена на интеграцию и социальное взаимодействие. Однако в условиях отсутствия в России обще разделяемых моделей социальной ответственности и гражданской активности, в

молодежной среде возникают собственные представления и стереотипы, бесконтрольное развитие которых может приводить к социальным дисфункциям.

Основными проблемными моментами являются:

- вытеснение коллективистских настроений индивидуалистическими, в которых отсутствуют элементы социальной интеграции;
- слабость позиций общественных организаций в социально-политическом пространстве, вытеснение их с поля идеологии религиозными организациями;
- наличие конфликта между запросом молодежи на новые формы участия в гражданской деятельности и традиционными бюрократическими формами организации молодежной инициативы;
- отсутствие социальных институтов, способных преобразовывать инициативы молодых в новые инновационные формы вовлечения молодежи в процессы гражданской деятельности и осуществлять легитимацию этой активности, удерживая ее в рамках конструктивного социального взаимодействия;
- несформированность эффективного механизма социальной мобильности молодежи посредством участия в политических процессах в рамках организованной, а не спонтанной политической деятельности.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Левада Ю.А.* Ищем человека. Социологические очерки 2000-2005, Серия: Новая история

Издательство: Новое издательство, 2006. – 384 с.

2. *Ивашиненко Н.Н.* Тенденции формирования налоговой культуры в России / Н.Н. Ивашиненко // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. Выпуск 1. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. – С. 50-54.
3. В 2003 г. силами сотрудников ФСН ННГУ проведено социологическое исследование, посвященное проблемам и перспективам реализации программы «Н.Новгород – столица ПФО». В опросе приняли участие 2000 горожан. Выборка квотная, репрезентативная, маршрутная.
4. В середине ноября – конце декабря 2006 года ФСН ННГУ реализовал проект: «Роль общественных молодежных объединений в формировании гражданской ответственности молодежи» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2006-2008 гг.)», в рамках которого был проведен опрос 419 представителей молодежи Н. Новгорода.
5. Вне зоны анализа осталось 19% молодежи. Эта группа не имеет ярко выраженных комплексов установок, высказываемое мнение характеризуется противоречивостью или попыткой уйти от ответов на ключевые вопросы
6. *Ивашиненко Н.Н.* Образованный слой России: время перемен / Н.Н. Ивашиненко, А.А. Иудин, Д.Г. Стрелков. – Нижний Новгород, изд. НИСОЦ, 2002. ■

© 2007 г.

А.А.Иудин, Д.Ю.Клемятич

Нижегородские региональные СМИ о деятельности молодежных организаций

В деятельности любой общественной организации, в том числе и молодежной, важную роль играет публичная составляющая – действия, акции, мероприятия, которые посредством публикаций, сообщений в средствах массовой информации становятся достоянием общественности и формируют образ организации. Поэтому одним из наиболее адекватных способов исследования характера и эффективности публичной деятельности молодежных организаций является контент-анализ публикаций СМИ. Данная статья написана на основе материалов исследования, изучавшего публичную деятельность молодежных организаций, нашедшую отражение в региональных средствах массовой информации. Для проведения контент-анализа из массива материалов региональной прессы отбирались статьи, в содержании которых была представлена тематика

молодежи, молодежных движений и организаций. В рамках данной работы анализу были подвергнуты 20 нижегородских газет и четыре сайта. Из 6193 публикаций нижегородских областных СМИ была отобрано 371 статья, содержащая в себе хотя бы упоминания сюжетов, связанных с тематикой молодежных организаций. Уже сама эта статистика показывает, что областные средства массовой информации довольно скудно освещают молодежную проблематику.

Анализа совокупности статей позволил выделить две тематические линии, отражающие основное содержание этих статей, – политическая проблематика в деятельности молодежных организаций и гражданская направленность молодежных действий. Эти темы содержались в шести сюжетных линиях (табл. 1). Несомненный интерес представляет распределение статей по сюжетным линиям. Чаще всего в

рамках молодежной проблематики журналисты пишут на политические темы, в частности, о взаимодействии молодежных организаций с представителями властных структур. Довольно плотно обсуждаются также вопросы взаимодействия молодежных организаций с политическими партиями. Неравномерно распределены публикации на молодежную тематику и в течение года.

Таблица 1

**Структура публикаций
по молодежной тематике в 2005 г.**

Темы	Сюжеты	Публикации	
		Количество, шт.	Доля, %
Политическая проблематика в деятельности молодежных организаций	Радикальные проявления в публичной деятельности молодежных организаций	21	5,7
	Взаимодействие молодежных организаций с политическими партиями	78	21
	Взаимодействие молодежных организаций с представителями властных структур	105	28,3
Гражданская направленность молодежных действий	Молодежные организации как объекты и субъекты благотворительности	69	18,6
	Деятельность молодежных организаций в религиозно-культурной сфере	64	17,3
	Молодежные организации в образовательных учреждениях	34	9,2
Итого		371	100

Политическая проблематика в публикациях нижегородских СМИ просматривается в трех сюжетных линиях:

- Радикальные проявления в

публичной деятельности молодежных организаций;

- Взаимодействие молодежных организаций с политическими партиями;

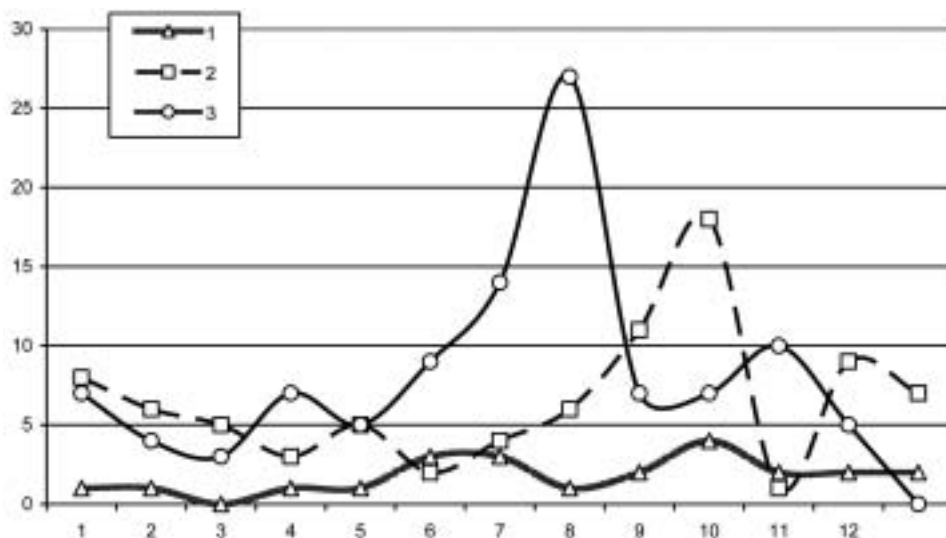
• Взаимодействие молодежных организаций с представителями властных структур.

Распределение этих сюжетных линий в прессе неоднородно: чаще всего нижегородские журналисты пишут о взаимодействии молодежных организаций с представителями властных структур, а реже всего – об экстремистской деятельности молодежи. Это связано не только (и не столько) с пристрастиями журналистов, сколько с наличием информационных поводов.

Неравномерно распределение этих сюжетных линий и по месяцам года. Чаще всего освещается сюжет, связанный с взаимодействием молодежных организаций с властными структурами, причем чаще всего этот сюжет просматривается в августе 2005 г., когда происходило активное обсуждение процедуры избрания нового губернатора области по представлению Президента РФ. В рамках этого обсуждения постоянно возникала молодежная тема.

Рисунок 1

Распределение молодежных публикаций политической направленности в течение 2005 г.

1. *Радикальные проявления в публичной деятельности молодежных организаций*
2. *Взаимодействие молодежных организаций с политическими партиями*
3. *Взаимодействие молодежных организаций с представителями властных структур*

Сюжетная линия, связанная с взаимодействием молодежи и молодежных организаций с политическими партиями, чаще всего раскручивается в период выборов, в частности, в октябре 2005 г. в период выборов Нижегородской городской думы. Следует отметить, что это не специальные сюжеты, посвященные данной теме, а упоминания молодежных проблем, организаций и лидеров в связи с политической борьбой.

Тема молодежного экстремизма отражена в материалах СМИ реже всего и в основном связана с теми или иными упоминаниями в материалах другой тематики. Эти упоминания могут быть достаточно развернутыми, но чаще упоминаются лишь к слову. Для статей, содержащих тексты тематики, связанной с радикальными проявлениями молодежных организаций, наиболее характерно обсуждение действий национал-большевиков, употребление таких категорий, как инакомыслие, радикализм, анархия. Информационными поводами здесь становятся, как правило, различного рода демонстративные акции (захваты кабинетов и приемных представителей власти, практикуемые нацболами, участие в митингах). Сообщения о различных скандальных поступках, связанных с выдвижением политических требований, с одной стороны, могут подаваться в информационном ключе, как указание на яркое событие, сопровождавшее митинг. С другой стороны, скандальные акции

рассматриваются как один из способов молодежи выразить свою политическую позицию, отличную от общепринятой. В то же время, отмечается, что такие поступки могут быть не только и не столько методом проявления политической воли, сколько средством самоутверждения.

Такие проявления деятельности молодежных организаций расцениваются как по существу безобидные и во многом являющиеся результатом ограниченных возможностей самореализации в легитимном политическом пространстве. Высказывается мысль, что острота радикальных проявлений может быть несколько снижена путем налаживания диалога между органами власти и оппозиционными молодежными движениями, причем инициатива подобного диалога полностью относится к сфере ответственности самих органов власти, как и возможные негативные последствия отказа от такого диалога. Последнее обстоятельство указывает на то, что оппозиционные молодежные движения, хотя и рассматриваются как независимые и неподконтрольные субъекты, тем не менее, существуют средства для перевода их активности в более или менее общеприемлемое русло. В то же время высказываются и сомнения в целесообразности и эффективности подключения движений, подобных НБП, к легальной политической деятельности. Приводятся примеры неудачного опыта привлечения НБП к работе

в легальном политическом поле (в частности, в рамках института выборов). Взаимодействие представителей политической элиты с НБП также не находит позитивных откликов.

Если радикальные проявления, связанные с отстаиванием политических прав и свобод оцениваются по существу спокойно, то молодежный экстремизм в сфере межнациональных отношений, а также предполагающий террористическую деятельность, оценивается исключительно негативным образом. Таким образом, в СМИ происходит довольно отчетливое разделение на радикальную деятельность, служащую в конечном счете выражению политических интересов и по существу не несущую серьезной общественной опасности – с одной стороны, и на экстремизм, ставящий под угрозу мир и спокойствие в обществе – с другой.

Тематическое направление, связанное с взаимодействием молодежных организаций с политическими партиями подразумевает рассмотрение фактов и возможностей привлечения молодежи, молодежных организаций и их лидеров к партийному строительству и межпартийной борьбе. В статьях данной сюжетной линии деятельность молодежных организаций, как правило, не становится самостоятельным объектом рассмотрения. Речь идет по преимуществу о деятельности

самых политических партий, и в контексте рассмотрения этой деятельности упоминаются факты использования молодежных групп, течений и организаций, подшефных той или иной партии.

Основным информационным поводом становится формирование предвыборных списков партий: *«Компанию двум единороссам составляет лидер молодежного отделения НРО «Яблока» Вячеслав Лукин и вязальщик текстильно-галантерейных изделий Александр Бобров, идущий от КПРФ. Надо сказать, что все перечисленные не являются людьми публичными, известными широким кругам населения – посему можно предположить, что тут будет иметь место борьба партийных брэндов»*¹. Нельзя не заметить, что здесь указание на принадлежность кан-

¹ Востриков С. Скорей на выборы, там шумно! // Региональная информация из сети Internet (www.arb-nn.ru), 6 сентября 2005.

дидата к молодежному движению носит скорее технический характер, основное значение в данном случае придается его партийной принадлежности.

Участие представителей комсомольской организации в выборах носит пассивный характер: решение об этом участии было принято представителями взрослой части партии. Характерно и указание на то, что прочие партии не включают в списки представителей своих молодежных движений. Молодежное движение опять предстает как политический инструмент, который может использоваться или не использоваться – в зависимости от целей основной организации. Такая конфигурация взаимодействия, партии как активного агента и молодежного движения как пассивного инструмента, подтверждается и указанием на значимость функционера, отвечающего в партии за работу с молодежью.

Отдельного внимания заслуживает деятельность проправительственных молодежных организаций, прежде всего, организации «Наши». Размещаемые в СМИ сюжеты формируют представление о «Наших» как о серьезной силе, которая используется в интересах действующего руководства: *«Слет 15 мая этого года в Москве на праздновании Дня Победы, собравший уйму народа со всей страны (по оценкам, потребовавший не менее полутора миллионов долларов),*

и поминовение «без слов» убиенных в Беслане 3 сентября, организованное одновременно более чем в 30 городах России, – две наиболее масштабные акции «-Наших». Они сделали его известным в народе и продемонстрировали, что на общественно-политической арене ему вполне по силам занять место почившей в бозе комсомольской организации. Тем паче слухи об инспирировании нового движения не кем-нибудь, а «медведями» действительно верны. А это как-никак мощнейший административный ресурс»².

Вопрос о политических ориентациях молодежи решается политическими лидерами на основании настроений той молодежи, которая непосредственно взаимодействует с поддерживаемыми им политическими силами, и чьи интересы лежат в русле политики той организации, которую он представляет. Прочая молодежь политическими лидерами по существу не рассматривается в качестве значимой величины.

Основным информационным поводом темы взаимодействия молодежных организаций с представителями властных структур выступают встречи, проводимые чиновниками с активом молодежных организаций. Этот актив нередко рассматривается как реальное представительство широких молодежных масс: *«вечером Владислав Сурков встретился с местными представителями*

² Славина И. Наши пообщались с «Нашими» // Нижегородская правда, 08 ноября 2005.

молодежных движений – их приглашали по списку, привезенному из Москвы и не согласованному ни с полпредством, ни с региональными единороссами. В числе этих молодежных активистов были и представители нового движения «Наши», призванного сменить «Идущих вместе». Как писал «Ъ», нижегородское отделение «Наших» оказалось одним из первых и наиболее активных в России³. По существу, здесь раскрывается линия, во многом сходная с той, что была отмечена в отношении взаимодействия молодежных организаций и политических партий. Только в качестве активного агента взаимодействия выступают не партии, а представители государственных органов. Молодежные же организации сохраняют за собой пассивную, инструментальную роль. При этом проводимые встречи свидетельствуют о признании важной роли молодежных

организаций в социально-политической сфере.

Тематика, посвященная деятельности неполитических молодежных объединений, по численности публикаций уступает политической тематике (за год опубликовано 167 статей на эту тему, в отличие от 204 по политической тематике), однако в целом в публикациях она прописана довольно подробно.

Эта тематика включает в себя три сюжетных линии:

- Молодежные организации как объекты и субъекты благотворительности;
- Деятельность молодежных организаций в религиозно-культурной сфере;
- Молодежные организации в образовательных учреждениях.

Сюжеты, связанные с благотворительностью, чаще всего встречаются в августе (10 публикаций) и связаны они в основном с проблемами подготовки к новому учебному году. Деятельность молодежи и молодежных организаций в религиозно-культурной сфере охватывает широкий круг сюжетов, включая проблемы воспитания молодых людей, ее участия в природоохранной деятельности, проблемы религиозного воспитания. Сюда же попадают сюжеты, связанные с морально-этическим обликом отдельных молодежных лидеров и политиков, использующих в своей деятельности молодежную тематику.

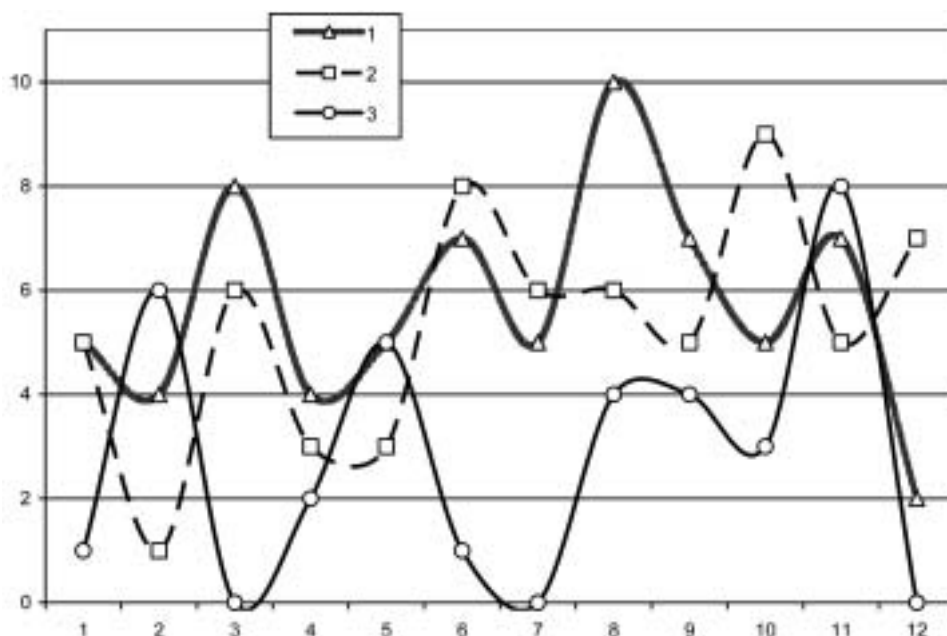
³ Морозова О. День Суркова. // Коммерсант в Нижнем Новгороде, 10 марта 2005.

Проблемы религиозного воспитания в школах и средних специальных учебных заведениях рассматриваются уже в третьей сюжетной линии – молодежные организации в образовательных учреж-

дениях. Но главной темой здесь является проблема образования (особенно профессионального) и воспитания учащейся молодежи, а также студенческой жизни и студенческих организаций.

Рисунок 2

Распределение публикаций на тему гражданской молодежной деятельности в течение 2005 г.

1. Молодежные организации как объекты и субъекты благотворительности
2. Деятельность молодежных организаций в религиозно-культурной сфере
3. Молодежные организации в образовательных учреждениях

Проблема молодежной благотворительности в освещении СМИ связана с рассмотрением молодежных организаций как объектов и субъектов благотворительности, то есть не только и не столько в ключе политико-партийной деятельности, сколько как субъектов третьего сектора (некоммерческих организа-

ций). Тема благотворительности рассматривается как стремление помочь нуждающимся, как целенаправленное выражение человеколюбия. Государство в данном случае выступает в качестве субъекта воспитательной политики, привлечения молодежи к помощи инвалидам, престарелым, одиноким – социаль-

но незащищенным слоям населения. СМИ подчеркивают, что государство направляет молодежь, а представители молодежи выступают в качестве ведомых, т.е. государство, а точнее министерство науки и образования, направляет, воспитывает, формирует молодой резерв страны. В нижегородских СМИ по существу не поднимается вопрос об отношении молодежи к благотворительности. Эта деятельность преподносится скорее как еще одно достижение местных чиновников. Благотворительность (в том числе и по отношению к молодежи), как безусловно полезная и позитивно оцениваемая деятельность выступает средством формирования имиджа политических деятелей.

Сюжетная линия, связанная с деятельностью молодежных организаций в религиозно-культурной сфере, нагружена сюжетами о взаимодействии с религиозными объединениями как одной из форм публичной активности молодежных организаций. Информационные поводы здесь во многом сходны с теми, которые характерны для тематического направления о благотворительности: речь заходит о помощи, которую оказывают представители молодежи в восстановлении храмов и при организации религиозных мероприятий. С другой стороны, здесь прослеживается линия, отмеченная при характеристике второго фактора: молодежные организации рассматриваются как не вполне самостоятельные по отношению к патронирующим их политическим и

религиозным объединениям, преследующим собственные цели.

Участие молодежных организаций в религиозно-культурной жизни оценивается как важное и полезное, но в то же время, значимостью в публично-политическом пространстве это участие зачастую обладает лишь в той мере, в какой оно способствует повышению престижа представителей власти. То, что участие молодежи в культурной и религиозной деятельности является важным делом, заслуживающим одобрения и поддержки, подчеркивается информацией о проведении конгрессов соответствующей тематики: *«По замыслу его организаторов, он [конгресс народов России] призван обосновать и раскрыть решающую роль молодежи в обществе, в его консолидации, развитии межэтнического и межконфессионального диалога в условиях динамичных процессов глобализации и формирования информационной цивилизации нового тысячелетия»*⁴. Отметим характерную формулировку цели конгресса – обосновать и раскрыть роль молодежи. По мысли как организаторов конгресса, так и цитирующих их корреспондентов, роль молодежи здесь не является само собой разумеющейся, а нуждается в обосновании и раскрытии.

Информационным поводом сюжетной линии молодежные организации в образовательных учреждениях выступает деятельность молодежных организаций, так или иначе связанная с высшими учебными заведениями – речь здесь идет как об организациях, создаваемых

⁴ Курс, 3 ноября 2005.

студентами, так и о самом студенчестве как самостоятельной общественно-политической силе. При этом характер публичной деятельности, послужившей информационным поводом, может быть как оппозиционным, так и вполне лояльным по отношению к властным структурам. Вузы рассматриваются с двух точек зрения: как среда воспитания гражданской позиции молодежи, с одной стороны, и как площадка для непосредственного обращения политических лидеров к молодежи – с другой.

Другой, более привычной формой проявления активности студенческой молодежи, является участие в митингах. Впрочем, здесь высказывается мнение о том, что участие в подобных митингах является мотивированным извне: студентов организуют молодежные организации, стремящиеся таким образом привлечь их к своей деятельности.

Помимо собственно студенческой социально-политической активности, предметом интереса средств массовой информации становится деятельность и другой категории учащейся молодежи – старшеклассников. В частности, значимым информационным поводом послужило предложение Совета старшеклассников Нижнего Новгорода создать Молодежную Думу. *«Совет старшеклассников Нижнего Новгорода «Единство» предлагает создать городскую Молодежную думу, говорится в пресс-релизе организации. Согласно сообщению, решение о создании Молодежной думы Нижнего Новго-*

рода, возможно, будет принято по итогам городского школьного референдума «Вместе в будущее», который пройдет 16 октября»⁵.

Таким образом, образовательные учреждения – как высшего, так и среднего уровня – в средствах массовой информации предстают как питательная среда для развития организованной социально-политической активности молодежи. Будет ли эта активность носить лояльный или оппозиционный характер, определяется тем, какие именно силы смогут оказать основное влияние на процессы политической социализации.

Контент-анализ региональных СМИ позволил обнаружить основные направления публичной активности молодежных организаций, регистрируемой региональными средствами массовой информации. Зная эти направления и отвечающие им ключевые категории, исследователь получает возможность провести более детальное и подробное исследование деятельности молодежных организаций, которое позволит конкретизировать и скорректировать приведенные в отчете краткие характеристики сюжетных линий. На данный момент основным содержательным выводом по результатам исследования может являться указание на регистрируемую средствами массовой информации невысокую самостоятельность молодежных организаций в их публичной активности. Относительно независимо они действуют (да и то далеко не во всех случаях) лишь в своих радикальных и оппозиционных проявлениях. ■

⁵ Региональная информация из сети Internet (www.nta-nn.ru), 11 октября, 2005.

© 2007 г.

В.П.Козырьков

Разработка социологической категории ответственности

Категория ответственности в развитии современного общества и в трансформации его культуры стала одной из основных. Если исходить из того, что общество и его культура обладают внутренним единством, то должна существовать и единая социальная ответственность. Однако в современном обществе каждая из его сфер и каждая из отраслей культуры начинают формировать свой вид ответственности со специфическим содержанием, структурой и функциями. Возникает явное противоречие как между видами ответственности (политической и моральной, моральной и правовой, индивидуальной и коллективной и т. д.), так и между каждым из этих видов с единой социальной ответственностью. Эти противоречия не всегда отражаются общественным сознанием, а если и фиксируются, то редко в теоретической форме. Единая социальная ответственность чаще всего вообще не замечается, а с автономным существованием

видов ответственности молча согласились, не пытаясь разобраться в этом явлении. Цель статьи – сформулировать возможные направления в разработке социологической теории ответственности. По необходимости это сделано в тезисной форме.

Ответственность как социальный институт

Социальная ответственность есть устойчивая социальная взаимосвязь, которая складывается исторически и обладает различными формами. Каждая из форм ответственности характеризуется особым характером взаимодействия объективных и субъективных элементов. Субъекты и носители ответственности представлены не только в индивидуальной, но и в коллективной форме. Как вполне определенная и устойчивая социальная взаимосвязь, ответственность является социальным институтом, выполняющим важные функции в отно-

шениях между людьми и в культуре. В частности, социальные нормы перестают действовать, если субъект утрачивает сознание и чувство собственной ответственности. Культуре социальная ответственность придает актуализированную целостность и необходимую степень востребованности в жизни людей. Ответственность имеет определенные личностные предпосылки, связанные с процессом интериоризации, и публичные стороны, создаваемые механизмами атрибуции. Ответственность есть результат интериоризации объективной социальной взаимосвязи, которая далеко выходит за рамки круга личного общения и связана с существующей моральной, правовой и политической культурой, культурой общества в целом.

К одному из основных социальных институтов ответственность относил Э. Дюркгейм. «В современном состоянии научного знания, – писал он, – мы даже не знаем доподлинно, что представляют собой основные социальные институты, такие, как государство или семья, право собственности или договор, наказание и ответственность»¹. Видимо, менее всего мы знаем о социальной ответственности. Возможно, в силу скепсиса по этому поводу, который присутствовал у самого Э. Дюркгейма².

Гражданская ответственность как современная форма социальной ответственности

Каждый тип культуры вырабатывает свой тип ответственности. Новое время в качестве адекватной

формы выработало идею гражданской ответственности, поскольку решающим социальным субъектом такой ответственности становится гражданское общество³. Гражданская ответственность есть не вид ответственности, существующий наряду с политической, юридической, моральной и прочими видами ответственности, а историческая форма их существования, придающая всем этим видам внутреннее единство. Как только они в социальной практике отделяются друг от друга, и отдельное их существование обосновывается теоретически, так появляется двойное искушение: во-первых, превратить содержание каждого из видов ответственности в общую, социологическую категорию, во-вторых, уйти от ответственности одного вида, «спрятавшись» за ответственностью другого вида.

И все же, при всех ее внутренних противоречиях, гражданская ответственность есть социальная ответственность современного общества. Другого, более высокого типа ответственности, который бы мог прийти на смену гражданской, история еще не выработала⁴. Поэтому основным объектом исследования для социологии является именно гражданская ответственность. Вместе с тем, повторюсь, по своему содержанию гражданская ответственность изначально имеет сложный и противоречивый характер, как и само гражданское общество. Это стало очевидным в XX веке, когда гражданская ответственность так и не смогла стать решающей социальной детерминантой в регуляции общественных

отношений. Возникшая социальная «брешь» стала истоком войн, революций и других социальных катастроф.

На роль гражданской ответственности в целом претендует каждый вид ответственности, действующий в соответствующей сфере общества. Кто-то настаивает на первичности правовой ответственности, кто-то – моральной, а для кого-то высшим проявлением ответственной деятельности является область политики или экологии. Разнобой большой, и каждая из этих точек зрения имеет свое достаточное основание. Однако при этом часто игнорируется тот факт, что вся эта конкуренция на лидерство разных видов ответственности протекает в рамках развития гражданской ответственности и вне ее утрачивают внутреннее единство и, значит, основание конкуренции.

Есть проблема и в понимании социальной универсальности категории гражданской ответственности. Существует мнение, что есть формы социальной жизни, в которых ответственность не проявляется, так как она там не нужна. Например, в бытовых условиях, в решении личных и семейных проблем и во многих других обстоятельствах, не имеющих публичного характера. Действительно, какая может ответственность в мелочах или в том, что вне социального контроля? Однако, начиная с 60-х годов XX века, когда социологические исследования показали поражающий воображение масштаб насилия в семье, возникла проблема ответственности за результаты

латентных социальных процессов. В ходе исследования этой проблемы был сделан важный, хотя и не бесспорный вывод, что современная социальная ответственность распространяется не все области социальной жизни без исключения. Спорность этого вывода, как правило, видится в том, что на основании принципа неприкосновенности частной жизни отрицается наличие в ней общих социальных закономерностей, в том числе связанных с действием социальной ответственности.

Поэтому век двадцатый можно назвать временем становления гражданской ответственности как социального института, временем возникновения все новых вопросов об ответственности и подходов к их практическому и теоретическому решению. Таких, например: кто может взять на себя ответственность за судьбу страны? как прийти к такому состоянию общества, в котором большие массы людей почувствовали бы свою ответственность за решение общественных проблем? Или: как лишить человека сознания и чувства ответственности? как избавить большие массы людей от этого беспокоящего и жгучего чувства? как уйти от ответственности, не пострадав от этого ухода?

Проблема личностной атрибуции ответственности

Существуют различные представления о природе ответственности, ее формах и элементах. И все же достаточно четко прослеживается мысль, что ответственность

есть один из главных атрибутов человека, имеющих социокультурную природу. Человек *принимает* на себя ответственность, но он не мог бы этого делать, если бы не обладал *способностью* быть ответственным по своей природе. Впрочем, человек «принимает на себя» и разум, и волю, и любовь и др. свои атрибуты, не имея их от рождения. Роль ответственности в социализации личности особая: способность принять на себя ответственность показывает, что структура личности как зрелого социального субъекта уже сформировалась. Сознание и чувство гражданской ответственности придают процессу становления личности характер завершенности тем, что с момента принятия на себя ответственности все качества и свойства человека мобилизуются, то есть собираются в единое целое путем их «привязки» к акту ответственности для совершения поступка.

В социальных отношениях есть множество ситуаций, которые демонстрируют различные варианты приписывания (атрибуции) ответственности действующему субъекту. Но можно выделить два основных типа атрибуции: во-первых, ответственность *возлагается* на социальный субъект в виде обязанности со стороны; во-вторых, ответственность *принимается* добровольно самим субъектом. Психология двух этих способов атрибуции ответственности, безусловно, заслуживает самого детального анализа. Однако социально значимо здесь то, что субъект становится ответственным тогда, когда его субъектность становится *публичной признанной*. Для социологии важно раскрыть те социальные факторы, которые способствуют формированию именно этого способа атрибуции. Особенно второго типа ответственности, так как, принимая на себя ответственность, личность реально, в контексте действительных социальных отношений развертывает систему ценностей, духовно насыщающую совершаемый поступок.

Ответственность, принятая добровольно, не только синтезирует внутреннее содержание личности, но и создает определенный социальный *потенциал*. Раскрывая и реализуя данный потенциал в совершаемом поступке, действием субъекта поступок превращается в динамичную и во времени протекающую форму проявления ответственности. Ответственным становится действие, осуществляемое в соответствии с требованиями культуры. Но как только поступок завершается,

так ответственность из своей субъектной и процессуальной формы превращается в объектную, опредмеченную. Предметная форма ответственности выражается в созданных вещах, ценностях, знаниях и т. д. Ответственный поступок в итоге всех этих метаморфоз вырабатывает ответственную культуру, которая придает личности статус социально-онтологической завершенности. Через такую реальную и целостную форму ответственности человек вырывается из пут внешних и враждебных форм зависимости и создает близкую его природе и греющую его душу атмосферу: Родину, поселение, дом, семью, круг близких людей. Но прежде чем субъектная гражданская ответственность сформируется, должна быть выработана общая культура такой ответственности в обществе. Гражданскую ответственность нельзя сформировать в домашних или лабораторных условиях.

Социология не может останавливаться на констатации факта, что ответственность есть атрибут личности и завершающий элемент в формировании ее структуры. Для философа или юриста этого вполне достаточно, но ни психология, ни социология не могут обойти вопроса о генезисе данной социальной категории. Правда, психология решает эту проблему, исследуя психическую структуру личности, роль ее различных элементов в интериоризации ответственности. Социологии ориентирована на изучение социальных отношений и взаимосвязей, в рамках которых происходит атрибуция ответственности. То есть

психология идет в сторону внутренней, субъективной стороны личности, а социология – внешней, объективной. Для социологии важно понять, каков должен быть характер социальных отношений и взаимосвязей, чтобы гражданская ответственность сформировалась. То есть, какими должны быть социальные взаимосвязи, чтобы их интериоризация и атрибуция формировались именно как гражданская ответственность, а не как что-то совсем иное или как только мнимая ответственность.

В самом общем виде процесс атрибуции включает в себя: процесс публичного приписывания права на субъектность, контроль над поведением субъекта ответственности в виде необходимости отчета о ходе деятельности, элиминирование оправдывающих обстоятельств.

Социальная ответственность как способ социальной самодетерминации

Но мы бы сделали большую ошибку, если бы посчитали, что социальная ответственность есть лишь некий суммативный результат интериоризации и атрибуции социальных взаимосвязей. В процессе атрибуции происходит глубокое преобразование социальных взаимосвязей. Ответственность конституируется как социальный институт, выступающей формой *освобождения* субъекта от принуждающего характера объективных факторов тем, что он добровольно присваивает себе (или его наделяют другие) способность быть *решающей причиной* социального действия.

Социальная ответственность есть способность человека *разорвать* долги, бесконечный круг учета всех обстоятельств, причин и факторов, которые позволяли бы *уйти* от выполнения жестко детерминированной роли в социальных процессах и *оправдать* свое участие (или неучастие) ссылкой на непреодолимые препятствия, случай, неготовность и др. моменты. Ощувив в себе способность к возвышению над, казалось бы, непреодолимой цепью детерминации и, почувствовав себя способным выступать в качестве самостоятельной причины детерминации, человек выработал новый путь социального развития, который стал в большей мере зависеть от него, чем от богов, природных условий и объективных социальных факторов. Такова главная социальная функция гражданской ответственности как социального института.

Вина и награда как состояния ответственности

Специфика действия и содержание этого института определяется не только общим, социокультурным результатом, но и результатом той конкретной социальной деятельности, в которой ответственность проявляется⁷. Причем, сама гражданская ответственность, являясь результатом интериоризации объективной социальной взаимосвязи, существующей вне личности, создается деятельностью самой личности. В том случае, когда результат социального действия

имеет негативный или даже преступный характер, то ответственность трансформируется в *вину*. Вина есть ответственность за проступок или преступление. Вина есть не элемент ответственности и не особый социальный институт, а форма проявления ответственности, ее особое состояние. В состоянии вины атрибуция ответственности приобретает субъектно устойчивый характер. Вина всегда есть чья-то вина, хотя она может и не осознаваться субъектом и не переживаться. Но для вины достаточно, что происходит ее атрибуция. Определив виновного, общество наказывает его, устраняя тем самым причину субъективного характера в появлении негативных явлений. Каким образом оно это делает, – это уже дело самого общества.

Если результат социального действия имеет не просто позитивный характер, а такой, в котором виден выход за пределы существующих социальных норм, то вина превращается в *награду*. Например, в виде славы, привилегий. Важно заметить, что атрибуция ответственности субъекта в состоянии «награжденного» имеет ослабленный характер и награжденному субъекту позволяет многое из того, что совершенно непозволительно виновному.

Вина и награда, следовательно, есть два состояния ответственности, которые фиксируют в социальной практике и в общественном сознании как крайние позиции существующих детерминантных социальных взаимосвязей.

Моральная природа ответственности

Гражданская ответственность как форма самодерминации не действует автоматически. Она включает в себя фактор выбора, давая тем самым право на ошибку. Начиная с выбора предмета ответственности, которым могут выступать различные ценности культуры, вещи и др. социальные явления, обладающие актуальной значимостью для общества. Гражданин имеет право выбора инстанции ответственности, ее смены, если по какому либо критерию она его не устраивает. Он может сказать «я сам свой высший суд», а может за каждый свой поступок отвечать перед своими согражданами. Так возникают моральные истоки ответственности.

Гражданская ответственность проходит свою проверку на зрелость, когда происходит ошибка в выборе решения и в средствах достижения цели. Человек отвечает за свои ошибки, становясь виноватым, переживая свою вину как следствие недостаточно продуманного и значимого поступка. Ответственность в этом случае есть способность принять на себя тяжелую обязанность и не искать оправданий. Гражданская ответственность есть зависимость человека от самого себя в определении степени этой зависимости. В этом суть и результат атрибуции ответственности, исходящей из моральных ценностей. Именно в этом случае формируется то, что получило название внутреннего пространства свободы личности. Морально обусловленная ответственность – это субъек-

тивная форма определения «годности» человека для определенного дела, его готовности к этому делу.

Объективно ответственность есть форма социальной взаимосвязи, но сами эти взаимосвязи выходят за рамки непосредственных отношений людей. Они складываются по поводу определенных ценностей культуры, являющихся источником мотивации, всеобщим ресурсом, духовной инстанцией, требующей ответа. Ответственность опосредует отношение человека с культурой в виде продолжения традиции, идентификации, включения в различные социальные институты. Именно эта включенность позволяет ответственности выступать в функции освобождения личности от «железных» социальных пут и стремиться к невозможному.

Миссия ответственности – социально-энергетическая, поэто-

му действие ответственности неотрывно от социальной деятельности, является ее понуждающим началом. Ответственность – социальная взаимосвязь, неотрывная от деятельности, но, как мы уже отметили, происходит ее интериоризация, результат которой может иметь различную форму. Может иметь рациональную форму (обоснование меры ответственности), волевою (взятие или принятие на себя ответственности) и эмоциональную (чувство ответственности) форму. Действуя в сложном переплетении всех этих элементов, гражданская ответственность приобретает соответствующую энергию, детерминирующую силу. Когда ответственность становится «главной звездой вашей деятельности»⁶.

И все же применительно к современному обществу можно говорить о кризисе механизмов интериоризации и кризисе атрибуции ответственности. Ответственность, как атрибут личности, должна быть целостной: одновременно единой и многообразной по формам проявления. Но вместо этого требуемого социокультурного единства ответственность имеет форму внутренне разбегающейся реальности, а ее единство осуществляется лишь в отчужденной форме: архаичной (страх, грех, кровная месть и др.), мнимой (круговая порука, покровительство и др.) и обыденной (забота, покровительство и др.). Складывается даже ощущение, что ответственность, как социокультурный феномен и

важнейший регулятор повседневной жизни человека, исчезает вообще. Вместо зрелых форм ответственности, которые выражали бы требования развития различных сфер общества и его культуры, мы наблюдаем ее различные паллиативы. Причем, носителями таких паллиативных форм ответственности становятся различные социальные группы, в том числе те, которые призваны быть носителями высокой социальной ответственности, а не только молодежь, формирование ответственности которых может быть незавершенным и носить длительный характер. То есть, так или иначе, незрелость ответственности молодежи может быть оправдана, поскольку интериоризация ответственности в процессе социализации носит достаточно противоречивый характер, приобретая, нередко, незрелую форму проявления (инфантилизм). В отличие от безответственности элиты, которая ничем не может быть оправдана, так как в этом случае она утрачивает статус элиты.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / Э.Дюркгейм. – М.: Канон, 1995. – С. 12.
2. «Если наказание, если ответственность в том виде, как они существуют в истории, – спрашивал он, – являются продуктом невежества и варварства, то зачем пытаться узнать их, чтобы определить их нормальные формы? Таким образом, разум

вынужден отвернуться от безынтересной для него отныне реальности, углубиться в себя и в самом себе искать материалы, необходимые для ее реконструкции». См. указ соч. – С. 94.

3. Уже *Н. Макиавелли* писал: «Вы отнимаете у соседа его добро, торгуете правосудием, избегаете какой бы то ни было гражданской ответственности, притесняете мирных людей и поддерживаете наглых сеятелей раздора». См. Макиавелли, Н. Государь: Сочинения / Н.Макиавелли – М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во «Фолио», 2001. – С. 555.
4. В частности, *У. Бек* пишет: «Словно в насмешку, история распорядилась таким образом, что именно те, кто оказывается в проигрыше от глобализации, в дальнейшем должны будут оплачивать все, социальное государство и функционирующую демократию, в то время как оказавшиеся в выигрыше получают сказочные прибыли и уклоняются от ответственности за грядущие судьбы демократии». См.: Бек, У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию / У. Бек. – М.: Прогресс-Традиция, 2001. – С. 18.
5. Действие может иметь незавершенный характер, поэтому возникает проблема с определением состояния ответственности. Сейчас эта сторона ответственности наиболее актуальна, так как российское общество находится в процессе трансформации.
6. *Вебер, М.* Избр. Произведения /- М. Вебер. – М.: Прогресс, 1990. – С. 690. ■

© 2007 г.

П.И.Куконков

Этносоциальные напряжения в региональных центрах России

Оценка и прогноз потенциала «социального согласия»¹ в современном российском обществе предполагает выявление и анализ адекватности механизмов социального регулирования, встроенных в функционирующие, становящиеся и уходящие социальные институты, установления, общности, которые противостоят «решению проблем через погружение в безмерное, или, как недавно стали говорить, в «беспредел», через архаичное стремление занять бескомпромиссную крайнюю разрушительную позицию, через манипулирование крайностями, помогающие обществу «понять существование различных возможностей, содержание предпосылок и последствий их реализации»². Особенно велика роль таких механизмов в оптимизации напряжений в сфере межэтнических отношений.

Межэтнические напряжения и конфликты стали в последние годы бесспорно одной из самых упоминаемых новостей в мировом

информационном пространстве. По вполне понятным причинам эта проблема весьма актуальна для современной России, тем более что изменения, происходившие в нашей стране в 1990-е годы прошлого века, некоторые исследователи определяют как «этническую революцию»³.

Следует подчеркнуть, что полиэтничное общество без межэтнических напряжений и конфликтов – миф. Реальная проблема заключается, на наш взгляд, в «профиле» поля этносоциальных напряжений и реалистичности возникающих в этом поле конфликтов. В ходе теоретического анализа необходимо различать, прежде всего, два типа этнических конфликтов: конфликт интересов и конфликт ценностей, что «...позволяет обнаружить и объяснить различия в механизмах мотивации участия в конфликтах элиты и народных масс»⁴.

Анализ, прогноз, профилактика и оптимизация стихийных сценариев развития межэтнических

отношений в полиэтничном региональном центре традиционно осуществляются эффективно функционирующими социальными институтами, канализирующими социальное недовольство и негативные эмоции, выполняющими функции «предохранительных клапанов»⁵, срабатывающих в момент «перегрева» этносоциального организма, резкого повышения межэтнической напряженности.

Объективными основаниями возникновения межэтнических напряжений выступает противоречие между потребностями реальной практики и консерватизмом существующей системы социальных институтов и, прежде всего, управленческих структур, а также несоответствие структуры конфликтологических практик, технологий, необходимых управленцам и включенности подобных практик в функциональную структуру социального управления. Следует отметить, что в структуре социального управления многих региональных центров России слабо представлены практики, ориентированные на оптимизацию межэтнических напряжений.

Исследовательское внимание к этой проблеме до сих пор неадекватно ее значимости в жизни страны, что во многом объясняется наличием теоретико-методологических и методических проблем.

Одной из нерешенных проблем сегодня остается непонимание особенностей межэтнических напряжений в разных регионах

России. Не решены, в частности, и такие важные проблемы, как соотнесенность, взаимопревращение, локально-территориальная обусловленность напряжений и конфликтов в сфере межэтнических отношений. Так, анализируя рост настроений ксенофобии в российском обществе, Л.Д.Гудков отмечает, что латентная неприязнь к мигрантам возрастает от центров социальной жизни к ее периферии. «Акценты делаются сильнее на краях социального поля, в столицах и селе...»⁶. Исходя из этой логики, именно региональные центры, соединяя в себе особенности «большого города» и региональной столицы, непосредственно примыкают к краям социального поля.

Необходимо отметить, что феномен этносоциальной напряженности практически не используется для прогнозирования и предупреждения межэтнических конфликтов. Вместе с тем, представляется, что определенные возможности подобного использования данного феномена существуют. Решение этой проблемы возможно, в частности, на пути конструирования адекватных познавательных моделей этносоциальной напряженности.

В процессе конструирования подобной модели необходимо учитывать то, что в настоящее время внутри российского общества нарастает процесс взаимной идентификации, осознания различий, уточнения, нюансировки прав и обязанностей различных этносоциальных групп, обостря-

ются процессы относительной депривации.

Указанная модель также должна презентировать процесс идентификации лиц, групп, организационных структур, блокирующих деятельность, движение к целям, приемлемым для основных этносоциальных групп регионального центра, выступающий в качестве одного из центральных этапов превращения неудовлетворенности в этносоциальную напряженность. Взаимная идентификация участников событий превращает объективно существующую конфликтную ситуацию в ее субъективное отображение в форме переживания конфликтной ситуации. В качестве основного механизма на этом этапе действует «избирательная рациональность», позволяющая выявлять и отмечать среди окружающих противников и союзников.

Рассматривая этносоциальную напряженность как проявление неудовлетворенности, необходимо иметь в виду, что ею далеко не всегда может исчерпываться сущность последней. Более того, феномен этносоциальной напряженности, при определенных условиях, может исказить реальную картину неудовлетворенности этносоциальных групп различными сторонами своей жизнедеятельности. Опасность такого искажения существенно возрастает тогда, когда неудовлетворенность приобретает многослойный, многомерный характер, создавая условия как для сознательной или бессознательной

подмены объекта неудовлетворенности, так и для деформации процесса ее персонализации. Представляется, что в региональных центрах, в которых проживают различные этнические и конфессиональные группы, возможность таких подмен и деформаций, предопределяющих характер и направленность межэтнических конфликтов, существенно выше, чем в других локально-территориальных общностях. Это обстоятельство также должно быть учтено в процессе конструирования адекватных познавательных моделей межэтнической напряженности.

Искажение картины неудовлетворенности нередко связано и с тем, что в социальном пространстве регионального центра не представлены или неадекватно представлены интересы различных этнических групп. Наличие «непредставленных интересов» нередко обусловлено не только отсутствием или неэффективностью механизмов их выявления, но и позицией властной элиты, по существу игнорирующей их. Причем, как показывает практика, нередко игнорируются и интересы местного населения, представляющего значительное большинство (Кондопога, Сальск, Саратов и др.). Указанные факты по существу представляют собой «...очевидный «кризис беззащитности», поражающий атомизированные этнические сообщества перед лицом многосторонней экспансии сплоченных этнических кланов...»⁷.

При подготовке данной статьи автором использовались результаты социологического исследования, в ходе которого, в числе прочих, была предпринята попытка выявления и анализа уровня межэтнической напряженности, изучение этнических фобий в структуре национальной идентификации социально активных групп. В ходе исследования опрашивались значимые для целей исследования группы респондентов, выявленные в ходе предыдущих опросов Центра конфликтологии и Нижегородского отдела ИС РАН (1999-2005 гг.) – была реализована целенаправленная выборка. Всего было опрошено 1512 человек в семи крупных региональных центрах России: Н-Новгороде, С-Петербурге, Краснодаре, Ставрополе, Тюмени, Ярославле, Черкесске. Опрошенные представляют органы государственной и муниципальной власти, обществен-

но-политические партии, блоки, движения, профсоюзы, общественные (некоммерческие) организации, предпринимательские объединения, СМИ⁸. Выбор этих групп по критериям «конфликтности» и сравнительно более высокой социальной активности уточнялся в ходе пилотажного исследования 2005 гг. в Н-Новгороде и Ярославле⁹.

Изучение этносоциальных напряжений предполагает выявление места и роли этнической составляющей в многофакторном процессе изменений, происходящих в региональных центрах России. Полученные в ходе исследования данные свидетельствуют о противоречивости процесса формирования преобладающих настроений в этих городах. По меньшей мере, каждый третий из опрошенных испытывает раздражение, страх, отчаяние (табл. 1).

Таблица 1

Распространенность различных настроений среди опрошенных в региональных центрах России
(% от числа опрошенных, индекс настроений – I_N)

Какое настроение преобладает среди Ваших близких в последнее время?	Хорошее	Нормальное	Раздражение	Страх, отчаяние	I_N ¹
Ярославль	17,2	65,5	15,7	1,5	0,157
Тюмень	16,3	57,3	24,0	2,4	0,139
Краснодар	17,1	57,3	20,7	4,9	0,122
Ставрополь	11,5	52,8	32,0	3,7	0,078
С-Петербург	11,3	49,7	34,5	4,0	0,073
Н-Новгород	6,3	47,1	41,6	5,0	0,013
Черкесск	5,8	53,3	30,0	10,8	-0,050
Весь массив	12,6	55,1	28,2	4,1	0,085

¹ Индекс настроений исчислялся по формуле: $I_N = \frac{a-b}{100}$, где I_N – индекс настроений, а, b – веса полярных ответов в процентах (столбцы II и V), 100 – постоянная величина, применяемая для удобства расчета.

В С-Петербурге, Н-Новгороде, Черкесске доля опрошенных, испытывающих раздражение, страх, отчаяние, заметно больше. Достаточно очевидно, что подобные настроения распространены по территории всей России: центр, север, юг. Среди регионов, где такие настроения распространены сравнительно меньше, также представлены все упомянутые географические зоны. Так, в Ярославле сравнительно более

заметна доля опрошенных, отметивших преобладание хорошего настроения, здесь меньше ощущается раздражение и тревожность. Подобные настроения в Ярославле были зафиксированы нами и в 2005 году. Очевидно, сегодня «географический фактор» не оказывает определяющего влияния на настроения людей.

Ключевым показателем социальной депривации выступает удовлетворенность жизнью (табл. 2).

Таблица 2

Удовлетворенность жизнью в региональных центрах России
(% от числа опрошенных, индекс удовлетворенности – I_U)

Оцените удовлетворенность большинства Ваших близких тем, как складывается жизнь в целом	Совсем не удовлетворены	В основном не удовлетворены	В основном удовлетворены	Вполне удовлетворены	I_U^2
Ярославль	6,7	21,3	61,8	10,1	0,236
Краснодар	6,0	26,9	49,7	17,4	0,228
Тюмень	6,1	24,0	59,3	10,6	0,222
С-Петербург	7,7	30,9	50,8	10,5	0,127
Ставрополь	11,6	25,0	57,2	6,2	0,107
Н-Новгород	8,0	37,0	51,3	3,8	0,029
Черкесск	8,9	37,9	45,2	8,1	0,028
Весь массив	7,9	28,1	54,8	9,1	0,146

Полученные данные свидетельствует о том, что настроения и уровень удовлетворенности жизнью напрямую не связаны с оценкой структуры наиболее острых проблем региона. Так, если в сознании респондентов Н-Новгорода, Ярославля, по степени остроты, лидируют проблемы преступности, плохая инфраструктура и низкий уровень жизни, то в

Ставрополе и Краснодаре на первое место вышли проблемы экономики и межнациональных отношений. В Черкесске проблема межнациональных отношений также вышла на одно из первых мест.

Иерархизация наиболее острых проблем в региональных центрах позволила определить место межнациональных проблем в их структуре (табл. 3).

² Индекс удовлетворенности рассчитывался по формуле: $I_U = \frac{a(1)+b(1/2)+c(-1/2)+d(-1)}{N}$. a, b, c, d – число респондентов, избравших данный ответ, N – общее число респондентов. (1) – самый высокий уровень удовлетворенности, (-1) – самый низкий уровень удовлетворенности.

Таблица 3

Место межнациональных проблем среди наиболее острых проблем в различных региональных центрах России

	Межнациональные проблемы
Ставрополь	I
Черкесск	II
Краснодар	III
Тюмень	IV-V
С-Петербург	IV-V
Ярославль	VI
Н-Новгород	VII

Необходимо подчеркнуть, что среди опрошенных не оказалось ни одной группы, представителей которой совсем не беспокоит проблема межэтнических отношений в региональном центре. Чаще других она волнует представителей государственных структур, общественных организаций и профсоюзов. Сравнительно меньше уделяют ей внимание предприниматели. Крайне высокий уровень обеспокоенности межэтническими отношениями зафиксирован в Черкесске и Ставрополе. Заметно ниже этот индекс в Н-Новгороде и Ярославле. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что в Н-Новгороде и Ярославле за последний год ситуация заметно обострилась выросла.

Более трети опрошенных (37%) заявили о том, что в региональных центрах существуют этнические группы, права которых ущемляются. Такое мнение заметно более широко распространено в Черкесске (58%), С-Петербурге (49%), Ставрополе (46%), существенно меньше – в Н-Новгороде, Ярославле. Вместе с тем,

даже в этих городах, по меньшей мере, каждый четвертый (24-27%) убежден в наличии таких групп.

Полученные данные свидетельствуют о заметной распространенности взаимных претензий между различными этническими группами, проживающими в региональных центрах России. В процессе анализа мы также использовали индекс обеспокоенности проблемой межэтнических отношений (табл. 4).

Таблица 4

Обеспокоенность проблемой межэтнических отношений
(% от числа опрошенных, индекс обеспокоенности – I_o)

Беспокоит ли Ваших близких проблема межэтнических отношений в регионе?	Беспокоит	Не беспокоит	Затрудняюсь ответить	I_o^3
Черкесск	87,9	12,1	0,0	0,758
Ставрополь	84,7	11,7	3,7	0,730
С-Петербург	63,8	29,7	6,6	0,341
Краснодар	64,8	32,1	3,1	0,327
Тюмень	55,1	42,5	2,4	0,126
Ярославль	49,8	46,1	4,1	0,037
Н-Новгород	46,4	44,8	8,8	0,016
Весь массив	63,0	32,7	4,4	0,303

Крайне высокий уровень обеспокоенности проблемой межэтнических отношений зафиксирован в Черкесске и Ставрополе. Заметно ниже индекс обеспокоенности в Н-Новгороде и Ярославле. Однако даже в этих городах практически каждый второй заявил о том, что его близких беспокоит эта проблема. Необходимо подчеркнуть, что обеспокоенность в Н-Новгороде и Ярославле за последний год заметно выросла. В 2005 году в этих

городах, по нашим данным, проблемой межэтнических отношений была озадачена треть опрошенных.

Вопросы межэтнических отношений в региональных центрах сравнительно больше беспокоят представителей государственных структур, общественных организаций и профсоюзов. Противоречива оценка респондентами наличия в регионе этнических групп, интересы и права которых ущемляются (табл. 5).

Таблица 5

Распространенность мнения о наличии национальных групп, права которых ущемляются
(% от числа опрошенных, индекс контрастности – I_k)

Есть ли в регионе этнические группы, права которых ущемляются?	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	I_k^4
Черкесск	57,7	18,7	23,6	0,390
С-Петербург	48,9	14,3	36,8	0,346
Ставрополь	46,3	23,9	29,8	0,224
Тюмень	36,0	26,7	37,2	0,093
Н-Новгород	23,5	23,4	53,1	0,01
Ярославль	27,0	32,2	40,4	-0,052
Краснодар	33,3	35,2	31,4	-0,019
Весь массив	37,3	25,4	37,2	0,119

³ Индекс обеспокоенности исчислялся по формуле: $I_o = \frac{a-b}{100}$, где I_o – индекс обеспокоенности, a, b – веса полярных ответов в процентах, 100 – постоянная величина, применяемая для удобства расчета.

⁴ Индекс контрастности исчислялся по формуле: $I_k = \frac{a-b}{100}$, где I_k – индекс контрастности, a, b – веса полярных ответов в процентах, 100 – постоянная величина, применяемая для удобства расчета.

Мнение о наличии этнических групп, права которых ущемляются, заметно более широко распространено в Черкесске, С-Петербурге, Ставрополе, существенно меньше – в Н-Новгороде, Ярославле. Вместе с тем, даже в этих городах, по меньшей мере, каждый четвертый (24-27%) убежден в наличии таких групп.

Обращает на себя внимание несколько большая распространенность мнения о наличии ущемленных национальных групп среди представителей общественных организаций, СМИ, а также представители государственных структур. Следует отметить, что последние чаще других получают информацию о ситуации в региональном центре и профессионально работают с такой информацией. Сравнительно более редко подобная точка зрения встречается в профсоюзной среде.

Полученные данные свидетельствуют о заметной распространенности взаимных претензий между различными этническими группами, проживающими в регионах России. Очевидно, что игнорировать подобные настроения, сводить их к хулиганству скинхедов или проблемам иммиграции – значит явно упрощать ситуацию.

Взаимная идентификация участников событий превращает объективно существующую конфликтную ситуацию в ее субъективное отображение в форме переживания конфликтной

ситуации. В качестве основного механизма на этом этапе действует «избирательная рациональность», позволяющая выявлять и отмечать среди окружающих противников и союзников. Типичным примером такого маркера выступают, в частности, все чаще появляющиеся на рекламных щитах ряда региональных центров России объявления о сдаче квартир исключительно русским семьям. Вместе с тем, результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что в целом национализм среди русских не приобрел в настоящее время выражено агрессивную форму и носит преимущественно «охранительный» характер. Об этом свидетельствуют данные табл. 6, фиксирующие частоту участия в конфликтах из-за национальной принадлежности в разных региональных центрах.

Таблица 6

**Частота участия в конфликтах
из-за национальной принадлежности
(% от числа опрошенных)**

Возникали ли конфликты у Ваших близких из-за национальной принадлежности?	Никогда	Редко	Часто	Постоянно	Сумма по столбцам 3-5
Тюмень	67,6	19,4	4,5	1,2	25.1
Н-Новгород	64,0	22,6	3,3	0,0	25.9
С-Петербург	62,1	20,9	4,9	1,1	26.9
Ярославль	64,8	23,2	3,7	1,5	28.4
Краснодар	61,1	27,8	3,7	0,6	32.1
Ставрополь	52,4	32,5	8,5	1,5	42.5
Черкесск	27,0	48,4	17,2	3,3	68.9
Весь массив	59,1	26,4	5,9	1,2	33.5

Наиболее распространены конфликты из-за национальной принадлежности в Черкесске (69%) и Ставрополе (43%), существенно меньше – в Тюмени (25%), Н-Новгороде (26%), С-Петербурге (27%), Ярославле (28%). Достаточно очевидно, что в региональных центрах с преобладанием русского населения напряжений и конфликтов на межэтнической почве значительно меньше.

Анализ результатов исследования показал возрастающую роль требований, которые адресованы не столько другой этносоциальной группе, сколько системе власти, представляя, по существу, вызов легитимности системы. Тем самым, из пространства конфликта в региональном центре выводятся группы, фактически принимающие решения и легитимизирующие их при помощи официальной

власти. При необходимости, на их место «подставляются» этнические группы, из которых в конкретной ситуации легче «вылепить» образ врага.

Чаще других конфликтуют с окружающими из-за национальной принадлежности представители партий, общественных организаций и бизнеса. Если учесть, что речь идет о наиболее активных субъектах политического и экономического пространства регионального центра, можно предположить, что повышение деловой и политической активности ведет к усилению этносоциальных напряжений. Исходя из этого предположения, можно прогнозировать рост конфликтного потенциала усиливающихся миграционных потоков, поскольку мигранты, прежде всего, будут сталкиваться с представителями указанных групп.

Разнообразие сценариев трансформации этносоциальных напряжений в межэтнические конфликты позволяет предположить, что одним из наиболее перспективных способов достижения социального согласия в полиэтничном региональном центре выступает управление межэтническими конфликтами на основе оптимизации этносоциальной напряженности, предполагающей изучение в мониторинговом режиме не только состава и структуры этих явлений, но и процессов их становления, взаимопревращения, последовательности и соотносительности в этносоциальном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. См: *Алиев, М.Г.* Социализация согласия /М.Г. Алиев. – М., 1998, Социальное согласие в современном мире. М., 2000. Вып.1., Охотникова, М.М. Социология согласия / М.М. Охотникова. – Тюмень, 2000., Эфиоров, С.А. Социальное согласие: утопия или шанс?/С.А. Эфиоров. – М.: Изд-во Института социологии РАН, 2002.
2. *Ахиезер, А.С.* Об особенностях современного философствования (Взгляд из России) /А.С. Ахиезер //Вопросы философии. 1995. № 12. – С. 9-10.
3. *Андреев, А.* Этническая революция: причины и следствия /А.Андреев // Москва. 2002. № 4. – С. 132.
4. *Авксентьев, В.А.* Этническая конфликтология: в поисках научной парадигмы /В.А. Авксентьев. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2001. – С. 152.
5. *Козер, Л.* Функции социального конфликта. Социальный конфликт: современные исследования /Л.Козер. – ИС АН СССР, М., 1991. – С. 25.
6. *Гудков, Л.Д.* Почему мы не любим приезжих? / Л.Д. Гудков // Мир России. 2007. №2. – С. 74.
7. *Андреев, А.* Указ. соч.
8. В статье представлены результаты социологического исследования, которое было проведено в июне-декабре 2006 года Центром конфликтологии, Нижегородским отделом ИС РАН в Краснодаре, Нижнем Новгороде, С.Петербурге, Ставрополе, Тюмени, Черкесске, Ярославле. Автор статьи является координатором проекта и одним из разработчиков программы исследования. Проект осуществлен при поддержке РГНФ.
9. См.: *Степанов, Е.И.* Мониторинг социальных напряжений и конфликтов в крупных региональных центрах России / Е.И. Степанов, В.А. Авксентьев, Ю.А. Головин, П.И. Куконков // Россия реформирующаяся. Ежегодник / Отв. ред. М.К. Горшков. – Вып. 6. – М.: Институт социологии РАН, 2007. ■

© 2007 г.

А.Б.Любимова

Роль традиционных семейных ценностей в укреплении семьи и решении демографических проблем в России

В течение своего сознательно-го существования человечество выработало четыре основные системы ценностей: эстетическую, этическую, религиозную и научную. Семья всегда занимала важное место среди этических ценностей человека. Ценность семьи обуславливалась ее «производством и воспроизводством» непосредственной жизни, воспитанием детей, формированием индивидуального сознания людей. Семья являлась одним из основных носителей культурных образцов, наследуемых из поколения в поколение. Она фокусировала в себе практически все аспекты человеческой жизнедеятельности и выходила на все уровни социальной практики. Семья как ценность служила важным фактором социальной регуляции поведения людей и их отношений.

Еще Э.Дюркгейм поставил вопрос об источнике ценностей и

пришел к выводу о том, что таким источником являются идеалы человека¹. Идеалы исторически изменяются, и возникают новые системы ценностей.

Сегодня в России человек переживает кризис нормативно-ценностной системы и системы мышления, кризис, который находит свое отражение практически во всех сферах общественного бытия – социальной, культурной, информационной, политической, семейной. Наша современность подверглась глубоким материальным и ментальным преобразованиям, поэтому не похожа ни на одну из предшествующих эпох. Подверглись потрясению как все системы общества, так и личность в своих представлениях и образе жизни. В силу размывания прежних ценностей и незамещенности их другими нарушается согласованность с реальностью. В этих условиях индивидуализм стал одной из

главных ценностей и параметров жизни. А он плохо совмещается с коллективистскими ценностями семьи.

Когда люди теряют духовные ориентиры, порывают с вечными ценностями, общество и культура оказываются в кризисе. Выход из создавшейся ситуации – в нравственном возрождении людей, которое всегда совершалось на духовной, в том числе религиозной, основе.

Православие привнесло на Русь важнейшие ценности духовно-нравственной жизни: соборность, любовь к ближнему, веру, жертвенность, смирение, православное понимание семьи и др. Эти ценности, ставшие традиционными, сыграли важную роль в выживании и развитии нашей культуры и страны в разные ее периоды в самых напряженных условиях, определяя ментальность, национальное своеобразие и самосознание народа.

В настоящее время как никогда актуальны вопросы отношения человека к родному дому, семье, национальным традициям, своему Отечеству. В связи с этим сегодня наблюдается активное включение религиозного фактора в общественную жизнь, рост популярности православных традиций.

Религия в современных условиях все более начинает выполнять ком-

пенсаторную функцию, за нею закрепляется сохранение вечных, традиционных начал в человеческой деятельности и отношениях. Этическое значение социального учения Церкви для общества огромно, поскольку означает возможность предъявить ему идеал высочайшей нравственной требовательности и моральных критериев.

Русская религиозная философия раскрыла в общечеловеческих ценностях их духовное содержание. Именно оно и составляет внутреннюю основу человеческого всеединства. Увидев ценностные начала человеческого бытия в божественной духовности, русские философы от В.С.Соловьева до Н.О.Лосского показали взаимосвязь и органическое единство

триады Дух – Свобода – Личность. «Духовность несет с собой освобождение, она несет с собой человечность. Возможен прорыв духовности в социальную жизнь, и все лучшее в социальной жизни исходит из этого источника», – писал Н.А.Бердяев². Прорыв духовности в социум реализуется в виде общечеловеческих ценностей. Поэтому, по мысли Н.О.Лосского, «вся жизнь движется любовью к ценностям»³. Таким образом, русская религиозная философия смогла показать человеку путь духовного возрождения в его земной жизни.

Крупнейший русский социолог XX века П.А.Сорокин произвел революцию и в теории социологии, подчинив ее духовным ценностям как главной побудительной движущей силе жизни общества. Он полагал, что социология является по преимуществу теорией ценностей.

Религии сегодня, и в частности православие, продолжают заполнять жизненный мир информацией о должном, представляя определенные образцы поведения и набор моральных ценностей. Православная вера всегда служила России духовной опорой, играла важную роль в становлении и укреплении семьи, и государства, формировании сознания россиян. Среди приоритетов православия находились и находятся институты, на которых покоятся традиционные устои общества. И это, прежде всего, конечно, семья, ибо в ней заложена нравственная субстанция общества, важнейшее из

социальных понятий православия. Семейные ценности, связывающая предшествующие и будущие поколения, играют особую роль в жизни человека и страны.

Православие кладет в основу общественных отношений любовь, а не право, как в католическом учении. Моделью человеческого сообщества, построенного на отношениях любви, и является семья. Поэтому нравственные основы семейной жизни, ее проблемы, статус, неизменно находятся в центре внимания православия.

На протяжении многих веков семья оставалась важнейшим фактором формирования и сохранения национальной самобытности и совершенствования нации. Вместе с тем семья являлась одной из основных сфер, где на протяжении всей истории своего существования Православная Церковь реализовывала функцию организатора социальной жизни и духовного воспитателя. Вся дореволюционная семейно-бытовая культура складывалась под сильным влиянием Церкви. Жизнь семейного человека определялась своеобразным неписанным календарем, включающим в себя не только национальные обычаи и традиции, но и церковные праздники, службы, посты, церковные обряды, такие, как крещение, венчание, погребение и т.д. До революции Церкви в России была предоставлена также широкая юрисдикция в делах о разводе, о блуде, об имущественных отношениях между

мужем и женой и многое другое, касающееся семейной жизни.

После революции, и особенно в течение последних десятилетий, стали разрушаться сами основы семьи. Становятся более слабыми и союз супругов, и союз родителей и детей – две главные опоры семьи, которыми исчерпывается ее содержание. Об этом говорят такие факты, как большое количество разводов, рост «внебрачных союзов» мужчин и женщин, рост проституции, низкий уровень рождаемости, большое число абортов, преобладание малодетных семей, распространение добровольной бездетности. Сегодня мы наблюдаем нарастание ориентаций на внесемейные ценности, связанные с личным успехом, богатством и т.п.

Переход от традиционной к современной семье сопровождается изменением самих институциональных характеристик семьи,

изменением норм и ценностей, регулирующих поведение людей в данной области. Идет процесс размывания поведенческих норм и представлений о содержании семейных ролей. Ценности индивидуализма и гедонизма препятствуют успешному выполнению семьей ее традиционных функций.

С нарастанием объема прав и свобод личности в обществе меняется социальный статус семьи и ценностное отношение к ней людей. Личность стремится освободиться от патерналистской опеки семьи, от устойчивых взаимных обязанностей и обязательств. Социология, изучая различные аспекты семейной жизни, четко фиксирует сегодня оба эти аспекта: и изменения в фактическом состоянии семьи, и в ее оценках людьми.

Безусловно, культура и этика традиционной нуклеарной семьи существенно ограничивают про-

явления индивидуализма, собственные желания и возможности личности и даже, в определенном смысле, ее свободу. Взамен такой семье на выбор предлагается сегодня целый ряд иных стилей жизни – сожителство, свободный брак, серийный брак, одиночное родительство, мимолетные связи и т.д.

Нравственное благополучие общества сегодня под угрозой. Распад семьи есть разрушение и важнейшего церковного таинства. Поддерживая нравственные устои и национальные семейные ценности, Церковь отражает общественные интересы.

Православная система семейных ценностей включает в себя, во-первых, рассмотрение вопроса о происхождении и сущности брака. Брак, согласно ей, установлен Богом, и он есть образ духовного союза Христа с Церковью. Устраниться от заключения брака могут лишь те, кто не способен к нему. Попытки удовлетворения сексуальных потребностей вне брака губительны для человека. Так, как брак противопоставляется блуду, то, естественно, что все внебрачные контакты строго осуждаются.

Во-вторых, Православная Церковь внесла в общество понятие семьи как пожизненного союза мужа и жены, освященного церковным венчанием, как правило, нерасторжимо, выступая против беспорядочных

брачных отношений, многоженства. Отношение к разводу определяется постулатом: «Что Бог сочел, того человек да не разлучает».

В-третьих, брак налагает на супругов целый ряд обязанностей. Муж выступает главой семьи, ее опорой и защитой. Главные обязанности жены быть его помощницей и рачительной хозяйкой.

В-четвертых, согласно православному учению о семье, большим грехом считается нерадение родителей о детях. С другой стороны, дети должны почитать родителей, помогать, кормить и одевать их в старости, испытывать к ним благодарность.

На современном этапе перехода к рынку и демократизации общества развитие института семьи нуждается не только в улучшении материальных условий, росте размеров пособий и увеличении льгот для молодежи

нов, но и в возрождении традиционных социокультурных форм семейного воспитания как ведущих способов передачи общечеловеческих ценностей от поколения к поколению, в изменении отношений к семье и в семье. Реальное использование потенциальных возможностей семьи и церкви как единой системы контроля и регуляции национальных традиций и обычаев способно на деле укрепить моральную и духовную зрелость общества.

На выполнение этой задачи направлены принятые в августе 2000 года на Архиерейском Соборе РПЦ в Москве «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви»⁴. В доктрине особо подчеркивается, что права на веру, на жизнь, на семью являются защитой сокровенных оснований человеческой свободы от произвола посторонних сил. В документе отмечается, что опыт семейного общения научает человека преодолению греховного эгоизма и закладывает основы здоровой гражданственности. Именно в семье формируется правильное отношение к близким, к своему народу, к обществу в целом. Учение Церкви с позиций православной этики еще раз осудило прелюбодеяние, внебрачные сожителства, порнографию, аборт, суррогатное материнство, клонирование человека, сиротство при живых родителях, гомосексуальные связи.

Жизнь и благополучие государства тесно связаны с жизнью и благополучием семьи, так как

государство состоит из отдельных семей. Православная Церковь особо обращает внимание на то, что мощь и крепость государства во многом определяются прочностью его семейного строя. Особое беспокойство в обществе вызывает демографическая ситуация. На ее улучшение направлены национальные проекты. Эта проблема беспокоит сегодня и Русскую Православную Церковь. Ведь одно из главных направлений в ее деятельности – это воспитание в людях потребности в детях как главной ценности семьи. В Обращении Архиерейского Собора Русской Православной Церкви по вопросам демографии в октябре 2004 года в этой связи отмечается, что народ, решивший, что многодетность ведет к нищете, а отказ от рождения детей – к материальной обеспеченности, рано или поздно не сможет более сохранять свою самобытность и культуру, эффективно хозяйствовать на своей территории и защищать ее, обеспечивать нужды детей и стариков⁵.

В Резолюции Церковно-общественного форума «Духовно-нравственные основы демографического развития России» 2004 года обращается внимание на необходимость возрождения в условиях переживаемого Россией сегодня демографического кризиса духовно-нравственных традиций российской семьи, ценностей материнства и отцовства, человеческой жизни, отвечающих историческому опыту России и

Россия является светским государством, но ее государственная семейная политика должна опираться не только на общечеловеческие ценности, но и на свои национальные традиции и культуру. Основная задача общества, и государства, и церкви укреплять семейные отношения, сохранять народные обычаи, традиции и семейные ценности, способные выполнять социально-регулятивные функции поведения. Эти ценности остаются и сегодня факторами национальной идентификации, коллективной солидарности и сплочения общества.

ПРИМЕЧАНИЯ:

современным социальным реалиям. Резолюция содержит развернутую систему предложений по укреплению российской семьи на основе традиционных духовно-нравственных ценностей. Предложения обращены к Президенту, Правительству РФ, Федеральному Собранию, Министерству здравоохранения и социального развития, Министерству образования и науки, Министерству культуры и массовых коммуникаций, к руководителям органов местного самоуправления, к лидерам традиционных религий народов России⁶.

1. Дюркгейм Э. Социология / Э.Дюркгейм. – М., 1995. – С.291-292.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека /Н.А. Бердяев. – М., 1993. – С.324.
3. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра /Н.О. Лосский. – М.,1991. С.182.
4. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви: Материалы Архиерейского собора. 13-16 августа 2000. – М., 2001.
5. Формирование семейных ценностей православия. – М., 2006. Приложения. – С.94.
6. Там же. – С. 96-103. ■

© 2007 г.

М.Ю.Малкина

Государство и бизнес как акторы институционального взаимодействия

Государство в экономике можно рассматривать в трех аспектах. Иными словами, есть три «среза», три «уровня» государства.

Первый аспект. Государство – это некая *национальная идея*, некий «идеальный образ», который присутствует в общественном сознании, то есть в представлении того или иного народа. Этот образ наделен своими собственными уникальными характеристиками, вобравшими в себя менталитет и исторический опыт народа, населяющего данное пространство. В контексте нашего исследования особое значение приобретают две важные характеристики «идеального типа» российского государства.

Во-первых, российскому народу исторически свойственно упование на государство, патернализм. Для этого существует несколько оснований. С одной стороны, закрытость, замкнутость, самодостаточность российской экономики сама по себе опреде-

ляет главенствующее значение внутренних связей и требует координации из единого центра. С другой стороны, масштабность территории, нечеткость и расплывчатость границ, неоднородность развития порождает необходимость периодического «собрания» воедино, централизованного противостояния как внутренним центробежным тенденциям, так и периодически возникающей явной или неявной внешней угрозе.

Во-вторых, особенностью российского менталитета, наиболее отчетливо проявившейся в последнее время, является демонстративное неуважение к крупной частной собственности. Прудоновское изречение «собственность – кража» хорошо адаптируется российским сознанием. Само представление имеет давние корни, способствуя периодическому воспроизведению революционной ситуации. Непрозрачность и конфликтность образования современной крупной собственности в

России, вовлеченность нынешнего поколения в процессы капитализации формируют надежную идеологическую почву для очередного пересмотра прав, приобретенных незаконным путем, позволяют государству осуществлять конфискации при идейной поддержке или молчаливом согласии большинства населения.

В то же время отсутствие политического консенсуса в обществе и трудность выявления общественных предпочтений вследствие неразвитости социально-политических институтов обеспечивают аморфность первого уровня государства, как национальной идеи.

Второй аспект. Государство – это некая *организация*, представляющая собой совокупность конкретных структур, наделенных соответствующими правами и обязанностями, предписанными им функциями. В данном контексте государство рассматривается как обезличенный механизм взаимодействия с обществом, набор легитимных инструментов регулирования экономики.

Государство-организация является источником формальных институтов в обществе, которые могут возникать несколькими способами: посредством формализации неформальных правил, воспроизведения национального исторического аналога, инициативного институционального проектирования, в том числе через «освоение» правил, создания агрес-

сивной альтернативы «институциональной ловушке», импорта из более развитых экономик. В случае с импортом институтов возникает диссонанс между «государством-организацией» и «государством-идеей».

Третий аспект. Государство как бюро, чиновники, люди, наделенные властью, то есть «*персофицированное государство*».

В данном контексте государство рассматривается, в первую очередь, как источник неформальных правил в обществе, и для этого существуют свои объективные предпосылки. Формальные институты и структуры не могут быть жесткими. Для того чтобы нормально функционировать, они должны обладать определенной степенью гибкости. Гибкость позволяет осуществлять оперативную подстройку системы к непрогнозируемым внешним шокам и внутренним возмущениям. Возникающие ниши соответственно и заполняются неформальными институтами.

Люди, принимающие решения внутри организационных структур, также обладают некоторой степенью свободы. В системах

иерархического типа, где вертикальные связи преобладают над горизонтальными, а управленческие транзакции – над рыночными, степень свободы выше на более высоких уровнях организации. В системах демократического типа – наоборот. Свобода на всех уровнях может использоваться как для неформального взаимодействия, так и для создания внутри формальных правил – «оболочек» полупформальных правил – «рабочих адептов», нацеленных на достижение частных интересов. В предельном случае она направлена на закрепление нового формального института, в котором концентрированы интересы его создателей. Основоположник современной теории институциональных изменений Д. Норт писал: «Институты не обязательно – и даже далеко не всегда – создаются для того, чтобы быть социально эффективными; институты или, по крайней мере, формальные правила, создаются скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил»¹.

Оппортунизм государства, в общем, и чиновников, в частности, в отношении общества может проявлять себя в двух формах. Во-первых, в виде безучастного поведения, прямого игнорирования решения тех или иных проблем, как общезначимого, так коллективного и частного характера, в отлынивании представителями законодательной, исполнительной или судебной власти от

своих явных или подразумеваемых обязанностей. Во-вторых, в «институтотворчестве», создании правил игры в интересах лоббирующей группировки бизнеса, производстве общественных квазиблаг (разного рода разрешений, справок, инструкций), растрачивании общественных ресурсов. Пассивный бюрократ, занимающийся вымогательством и волокитой, и активный бюрократ, ищущий сферы получения политической ренты, демонстрируют две крайних формы оппортунизма исполнительной власти по отношению к обществу.

Признавая некую самостоятельность и независимость государства 1-ого уровня, то есть государства – «идеального образа», нельзя не согласиться с П. Бурдьё, что одним из важнейших видов власти действующего государства является его право «производить и навязывать (в частности, через школу) категории мышления, которые мы спонтанно применяем ко всему, что есть в мире, а также к самому государству». Посредством тех или иных законов государство практически реализует «политические стратегии, имеющие целью внушить специфическое видение государства, отвечающее интересам и ценностям, связанным с частной позицией их производителей в становящемся бюрократическом мире»². Таким образом, во взаимодействии трех уровней государства возникает своего рода контур с прямыми и обратными связями.

Три аспекта государства вполне соответствуют трем типам поведения личности во власти. По Дж.Бьюкенену, все политики делятся на три группы: 1) идеологизированные, для которых власть важна как инструмент претворения в жизнь значимой идеи, для них деятельность в качестве законодателя является способом служения обществу, 2) деидеологизированные, для которых представляет интерес сама работа в государственных органах власти, и она рассматривается как альтернатива другим, менее интересным, видам деятельности, 3) коррумпированные, для которых власть является средством достижения личного финансового результата³. Нетрудно заметить, что в каждом из этих типов по сути реализует себя тот или иной аспект государства. Действительно, для идеологизированных политиков государство – это, прежде всего, «национальная идея», для деидеологизированных государство – это совокупность управленческих структур с предписанными функциями, для коррумпированных государство – это способ извлечения и присвоения политико-экономической ренты.

Государство является целостным, слаженным, надежно работающим механизмом, находящимся на службе общества, когда оно формируется по принципу соподчинения: от общественного и в то же время абстрактного понимания государства как «идеального образа» к формированию государства как структуры и механиз-

ма и к соответствующему поведению людей в этой структуре.

В развитых странах «идеальная модель» государства достаточно консервативна, что обеспечивает устойчивость каркаса, на котором воздвигаются другие уровни государства. В этих странах удалось не только привести в более или менее надлежащее соответствие первый и второй уровень, но и в значительной степени развить второй уровень, в эволюции которого прослеживается преемственность, связь времен. Он выступает своего рода буфером между первым и третьим уровнями, защищающим общество от отдельных личностей, приходящих во власть.

Совсем другое положение дел в России: первый и второй уровни слабо соответствуют друг другу. Это объясняется, с одной стороны, произошедшей коренной ломкой идеи, которая в общественном сознании раздвоилась, с другой стороны, дискретностью, неоднородностью самого институционального пространства. В России второе звено является наиболее подвижным, поэтому между государством как «идеей» и государством как «личностью во власти» отсутствует жесткий связующий блок.

От выявления тройственной сущности государства логичен переход к типологии государств в экономике. По механизму взаимодействия с обществом, с точки зрения равноправия сторон, существуют два типа государства: контрактное и эксплуататорское.

Теория *эксплуататорского государства* восходит к концеп-

ции государства – Левиафана Т.Гоббса, далее она получила развитие в теории государства как аппарата классового насилия К.Маркса, в последующем воспроизведена в концепции государства – «оседлого бандита» М.Олсона. Ее современной версией является концепция *вертикального контракта* государства и общества, в котором инициатива «заключения» договора принадлежит верховной силе, а сам контракт заключается между зависимыми людьми и делающей рациональный выбор (в пользу максимизации долгосрочного дохода) верховной силой. Следует отметить также близость к теории эксплуататорского государства социологического подхода П.Бурдьё. В своей работе «Дух государства: генезис и структура бюрократического поля» он пишет: «Государство есть завершение процесса концентрации различных видов капитала: физического принуждения или средств насилия (армия, полиция), экономического, культурного или, точнее, информационного, символического – концентрации, которая сама по себе делает из государства владельца определенного рода метакapитала, дающего власть над другими видами капитала и над их владельцами. Концентрация различных видов капитала (которая идет вместе с формированием соответствующих им полей) в действительности приводит к *возникновению* некоего специфического капитала, собственно государственного, позволяю-

щего государству властвовать над различными полями и частными видами капитала, а главное – над обменным курсом между ними (и тем самым над силовыми отношениями между их владельцами). Из этого следует, что формирование государства идет вместе с формированием *поля власти*, понимаемого как пространство игры, внутри которого владельцы капитала (разных его видов) борются именно за власть над государством, т.е. над государственным капиталом, дающим власть над различными видами капитала и над их воспроизводством (главным образом, через систему образования)»⁴.

Теория *контрактного государства* берет свое начало от теории естественного договора Дж. Локка – Ж.-Ж. Руссо, в XX веке она развивалась в рамках теории консенсусной демократии Дж. Бьюкенена. Ее современной версией является концепция *горизонтального контракта*, в котором государство возникает благодаря инициативе снизу, по доброй воле его «учредителей», также рационально передающих часть своих функций институту, стоящему над обществом и охраняющему заведенный естественный порядок, формализующему неформальное установление. Это изначально подразумевает контроль со стороны общества за создаваемым социальным институтом. По словам А.Н.Олейника, «заключая «социальный контракт», граждане становятся своеобразной «четвертой стороной»,

метагарантом ... в обычных сделках: они следят за деятельностью государства как «третьей стороны»...»⁵.

Теория контрактного государства удачно соединена с элементами теории эксплуататорского государства в учении Д. Норта, где государство рассматривается как организация со сравнительными преимуществами в осуществлении насилия, всеобщий гарант обмена и в то же время как дискриминирующий монополист⁶.

В контрактной теории государства общество выступает в качестве принципала, а государство – в качестве агента. Ненадлежащее исполнение агентом своих обязательств расценивается как оппортунистическое поведение. В теории эксплуататорского государства, наоборот, принципалом выступает государство, а агентом – общество, которое склонно к оппортунистическому поведению.

Тестируя современное российское государство на предмет его контрактности, можно сформулировать следующее положение: между российским государством и обществом сформировался вертикальный контракт со следующими характеристиками.

Во-первых, это контракт *асимметричный*. В нем заложено изначальное неравноправие сторон: неравновесие, или диспаритет, прав и обязанностей. Правами в России обладает, главным образом, государство в лице его представителей, а обязанности вменены, прежде всего, бизнесу, которого в последнее время все

больше призывают к социальной ответственности.

Во-вторых, это контракт *неявный*. В нем отсутствует четкое закрепление прав собственности, происходит периодическое размывание правил игры. Несмотря на принятие еще в 1999 году «Концепции управления государственным имуществом и приватизации», до сих пор неясны общая идеология государственного вмешательства в экономику, сфера распространения государственной собственности, пределы государственного регулирования частного сектора экономики и полномочий органов власти.

В-третьих, это контракт *избирательный*. Непрозрачность и незащищенность прав собственности создают условия для манипулирования государством уровня контроля и поддержки того или иного бизнеса. Российское государство – дискриминирующий монополист – применяет избирательные стимулы и избирательную ответственность, избирательные санкции по отношению к различным бизнес-структурам и даже отдельным представителям бизнеса. В силу этого контракт государства и общества в России является сильно персонифицированным. Этому в немалой степени способствует асимметрия информации, которой располагают взаимодействующие стороны, отсутствие надежных механизмов контроля за деятельностью государства и трудность консолидации общества.

С точки зрения двух направлений теории государственных финансов, признающих основной

аллокационную или дистрибутивную (распределительную) функции государства, можно выделить два других типа государства – государство *производящее* и государство *перераспределяющее*.

Под перераспределительной функцией государства понимается его участие в распределении ресурсов с целью достижения Парето-оптимальности, что реализуется, в частности, через введение корректирующих налогов и корректирующих дотаций. Наибольшего развития перераспределительная трактовка государства достигла в теории государственных финансов А. С. Пигу – Дж. Мида.

Аллокационная функция государства предполагает аккумуляцию им необходимых ресурсов для производства чистых общественных благ. Впервые эта идея четко прозвучала в работе К. Викселя «Исследования по теории финансов» (1896). В последующем она была развита в работах Дж. Бьюкенена и теории государственных финансов Р. Масгрейва.

Современное российское государство является в большей степени перераспределяющим, нежели производящим. Об этом свидетельствуют, в частности, мощные встречные бюджетные потоки, большой удельный вес Фонда Финансовой Поддержки Регионов и других фондов, образуемых на базе бюджета. Вертикальный контракт в сочетании с

перераспределительной природой российского государства сформировали монстра, обладающего большой властью в обществе.

В условиях неявного, асимметричного, избирательного, перераспределительного контракта государства и общества неформальное взаимодействие отдельных представителей государства и бизнеса является более продуктивным для обеих сторон, хотя в целом наносит вред обществу.

Вслед за М.В.Курбатовой и С.Н.Левиным⁷ можно выделить три зоны взаимодействия бизнеса и власти в современных условиях:

1. «Белой», которая, как пишут авторы, «охватывает формальные практики, такие как регулирование законодательством налоговых отношений, административного и экономического регулирования бизнеса (регистрации, лицензирования, контроля и принуждения к исполнению установленных норм и т.п.), конкурсы по

распределению государственных заказов и т.п.».

2. «Серой» – «охватывает неформальные практики поборов с бизнеса, непосредственно не связанные с коррупцией и практики его неформального торга с властью относительно условий функционирования конкретного бизнеса».

3. «Черной» – «охватывает неформальные криминальные практики, прежде всего, коррупцию».

Масштабность «черной» зоны можно оценить как объемом рынка нелегальных государственных услуг, так и их разнообразием. Так, в российской литературе выделяют следующие сферы коррупции: «...госзакупки, операции с земельными участками, сбор налогов, назначение на ответственные посты в органах государственной власти и местного самоуправления, возбуждение и прекращение уголовных дел, контроль за безопасностью дорожного движения, получение кредитов в негосударственных банках и государственных целевых кредитов, таможенное оформление импорта, формирование партийных избирательных списков и т.д.»⁸. Кроме традиционной формы, каковой является взятка, коррупция нередко маскируется под легальные способы получения доходов: гонорары за чтение лекций, консультации, приобретение имущества по заниженной цене или продажа каких-либо активов по завышенной цене, получение разного рода скидок и льгот в магазинах.

Проводя различие между «черной» и «серой» зонами, М.В.Курбатова и С.Н.Левин пишут: «Принципиальное различие ... состоит в целях и наборе инструментов создания преференциальных режимов. Отношения «черной зоны» основаны на индивидуальных корыстных интересах отдельного чиновника, а инструментом достижения интересов предпринимателя оказывается взятка, вовлечение в бизнес чиновника. Отношения «серой зоны» основаны на заинтересованности сторон в выживании территории, инструментом достижения интересов предпринимателя становится добровольный или добровольно-принудительный взнос (в натуральной или денежной форме) в дофинансирование территории его размещения»⁹. М.В.Курбатова и С.Н.Левин выделяют два способа неформального взаимодействия бизнеса и власти: «квазиалоговые» сборы и «организованное спонсорство». Практику «серых торгов» авторы связывают с особенностями межбюджетных отношений в России, где существует асимметрия между доходными и расходными полномочиями уровней власти и хронический дефицит местных и региональных бюджетов.

Принуждение предпринимателей к участию в социальных мероприятиях на территории нередко выдается за форму сотрудничества власти и бизнеса, «социального партнерства», хотя в действительности оказывается формой услуги не столько данной территории, сколько конкретным

чиновникам, которые получают тройной выигрыш. Во-первых, решая территориальные проблемы, они формируют собственный имидж, наживают «политический капитал». Во-вторых, их личный интерес в данных проектах, как правило, присутствует явно или косвенно – ведь разработчики проекта непременно получают свою административную ренту. В-третьих, через данные проекты чиновники могут, в свою очередь, оказывать услугу конкретным предпринимателям, предоставляя им заказы на выполнение тех или иных работ, стоимость которых нередко определяется произвольно. Ко всему этому следует добавить практически отсутствие контроля за поступлением и расходованием средств, особенно когда они осуществляются не в форме безналичных перечислений, а в форме передачи материальных ценностей, оказания бесплатных услуг.

Избирательное отношение государства к бизнесу может проявлять себя также в его функционировании в качестве арбитра, особенно когда возникают имущественные споры. Оппортунизм государства как арбитра проявляет себя в двух вариантах. Во-первых, в некоторых ситуациях государство может вести себя безусловно, не принимая никаких мер по защите прав, тем самым неявно выступая на стороне сильного. В других случаях государство может играть не столько роль арбитра, сколько адвоката какой-либо конфликтующей стороны. Исходом

таких ситуаций являются так называемые «политические банкротства» или «захват бизнеса», осуществляемые при явной или неявной поддержке властных структур.

При этом государство в лице конкретных чиновников выступает не в качестве внешнего агента, устанавливающего единые и долгосрочные правила игры для всех участников бизнеса, и беспристрастного арбитра в экономических сделках, а в качестве самостоятельного игрока, регулятора экономической конкуренции, манипулятора правилами игры в зависимости от ситуации. В российской печати подобная деятельность государства уже получила название «ручного управления». Если до 2003 года «ручное управление» касалось, главным образом, мелкого и среднего бизнеса, то после «дела ЮКОСА» эта практика стала распространяться и на крупный бизнес.

В свою очередь, бизнес в описанных условиях может руководствоваться несколькими стратегиями взаимодействия с государством. А.А. Яковлев¹⁰ пишет о том, что в 90-х годах у российских компаний преобладали две стратегии, аналогичные стратегиям в терминологии А. Хиршмана – exit и voice. Первая стратегия – дистанцирования от государства – выражалась в неуплате налогов и перемещении активности в теневой сектор экономики. Вторая стратегия – тесного взаимодействия с государством – проявляла себя в захвате государ-

ства, присвоении трансформационной ренты (*state capture*). В XX веке эти стратегии, с точки зрения ученого, приобрели более публичный и формальный характер. «Дистанцирование от государства будет выражаться в легальной интернационализации бизнеса (включая продажу пакетов акций иностранным инвесторам, прямые российские инвестиции за рубежом и т. д.). Взаимодействие с государством станет более эффективным в тех случаях, когда бизнес сможет перейти от традиционного индивидуального лоббирования собственных интересов к осозанным коллективным действиям, направленным на обеспечение условий для устойчивого экономического развития в своих секторах, отраслях и регионах»¹¹.

С нашей точки зрения, малый и средний бизнес более склонен использовать именно стратегию дистанцирования, действуя по принципу «заплатил и свободен», в то время как крупный бизнес нацелен на перманентное активное сотрудничество с государством: «плачу и заказываю». Это легко объясняется в рамках теории коллективных действий М. Олсона. Малому и среднему бизнесу чрезвычайно трудно консолидироваться, чтобы вести диалог с властью. Затраты такого взаимодействия существенно превышают выигрыши, которые распределяются на большое количество участников, в том числе «безбилетников». Крупному бизнесу такая консолидация просто не

нужна, потому что интересы его представителей противоположны, и большую отдачу можно получить от частного, а не коллективного взаимодействия с органами власти. Как возможности, так и выгоды от создания преференциального режима для крупного бизнеса существенно выше, чем для малого и среднего бизнеса.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д.Норт. – М.: Начала, 1997. – С. 33.
2. *Bourdieu, P.* Esprits d'Etat. Genise et structure du champ bureaucratique/ P. Bourdieu // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1993. – №96-97. – P. 49-62; Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля / П.Бурдьё// Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 125-166. (http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBetat.htm#_ftn1).
3. *Бьюкенен, Дж.* Границы свободы. Между анархией и Левиафаном Дж. Бьюкенен // В кн.: Бьюкенен Дж. Сочинения. Пер. с англ. Серия: «Нобелевские лауреаты по экономике». Т. 1 / Фонд экономической инициа-

- тивы; Гл. ред. кол.: Нуреев Р.М. и др./ – М.: «Таурус Альфа», 1997. – С. 407-411.
4. Bourdieu, P. Esprits d'Etat. Genise et structure du champ bureaucratique /P. Bourdieu // Actes de la recherche en sciences sociales. – 1993. – №96-97. – P. 49-62; Бурдьё, П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля /П. Бурдьё // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.: Институт экспериментальной социологии, СПб.: Алетейя, 1999. С. 125-166. (http://bourdieu.narod.ru/bourdieu/PBetat.htm#_ftn1)
 5. Институциональная экономика: Учебник / под общ. ред. А.Н. Олейника. – М.ИНФРА-М, 2005. – С. 568.
 6. «Правитель действует как дискриминирующий монополист, предлагая различным группам избирателей защиту и справедливость или, по крайней мере, снижение внутреннего беспорядка и защиту прав собственности, в обмен на уплату налогов. Поскольку группы избирателей имеют различные издержки альтернативного выбора и способность отстаивать свои интересы перед правителем, между последним и отдельными группами избирателей складываются разные отношения» // Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / Пер. с англ. А.Н.Нестеренко – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. – С. 70.
 7. Курбатова М.В. Преобладание иерархического типа взаимодействия власти и бизнеса как проявление зависимости от предшествующего развития /- М.В. Курбатова, С.Н. Левин. – <http://essosman.edu.ru/db/msg/211519.html>. См. также: Курбатова, М.В., Левин, С.Н. Деформализация правил взаимодействия бизнеса и власти. – Вопросы экономики, 2005, № 10.
 8. Мелкого чиновника покупают за 500-1000 рублей, а федерального – за миллионы долларов. – Время новостей, 8 апреля 2005 г.
 9. Курбатова, М.В. Преобладание иерархического типа взаимодействия власти и бизнеса как проявление зависимости от предшествующего развития /- М.В. Курбатова, С.Н. Левин. <http://essosman.edu.ru/db/msg/211519.html>
 10. Яковлев, А.А. Эволюция стратегий взаимодействия бизнеса и власти в российской экономике /А.А. Яковлев// Российский журнал менеджмента. Том 3, №1, – С. 27-52.
 11. Там же. – С. 27. ■

© 2007 г.

Е.В.Масловская

Теоретическая социология права: анализ института суда

В западной социальной науке существует различие между социологической юриспруденцией как отраслью правоведения и социологией права как разделом общей социологии. Данное различие нередко игнорируется отечественными юристами, отождествляющими эти две дисциплины. Между тем, в зарубежной литературе ведутся дискуссии о дисциплинарных границах социологической юриспруденции и социологии права¹. Но при этом не подвергается сомнению само существование социологии права как раздела социологии.

В целом в развитии социологии права можно выделить три основных этапа. В конце XIX – начале XX вв. Э.Дюркгейм и М.Вебер создают классические социально-правовые теории. В 1930-60-е гг. центр развития социологии права перемещается в США, где получают распространение эмпирические исследования и формируется функционалистское направление в

теоретической социологии права. Наконец, в 1970-е гг. начинается новый этап эволюции данного раздела социологии, который связан с переосмыслением классического теоретического наследия и разработкой принципиально новых концепций, прежде всего в европейской социологии права.

В американской социальной мысли, наряду с социологической юриспруденцией, основоположником которой являлся Р.Паунд, получает развитие социология права, прежде всего в рамках структурного функционализма Т.Парсонса. Но в американской социологии сформировались также и иные подходы к анализу правовой сферы. Важное значение имело распространение микросоциологических подходов (в частности, этнометодологии), позволяющих преодолеть позитивистский взгляд на правовые явления, характерный для представителей юриспруденции².

Во французской социальной науке, как правило, не проводит-

ся четкое разграничение социологической юриспруденции и социологии права. Тем не менее среди основных направлений социально-правовых исследований, которые характеризуют современные французские ученые³, можно выделить теоретические подходы, относящиеся к юриспруденции либо к общей социологии. В числе последних следует отметить концепцию юридического поля П.Бурдьё.

В Германии изучение правовой сферы ведется одновременно в рамках социологической юриспруденции и социологии права. Представители социологической юриспруденции продолжают традиции, заложенные Е.Эрлихом, в центре внимания которого находилась проблема несоответствия между «живым правом» и кодифицированным правом. В то же время в Германии формируется социология права как раздел общей социологии. Теоретические истоки немецкой социологии права представлены в трудах М. Вебера, а в развитие этого направления в современной социологии наибольший вклад внес Н.Луман⁴.

С позиций социологии права как раздела общей социологии рассматривались различные правовые институты и в особенности институт суда, занимающий цен-

тральное место в правовой системе современного общества. Обращение к анализу данного института, представленному в работах крупнейших социологов второй половины XX века, позволяет продемонстрировать особенности социологического подхода к изучению правовой сферы.

Ведущим теоретиком американской социологии права выступил Т.Парсонс, который стремился объединить традиции, заложенные Дюркгеймом и Вебером. Общая направленность теории Парсонса соответствует скорее подходу Дюркгейма, но в социологии права американский социолог непосредственно опирался в большей степени на идеи Вебера, в особенности на его теорию рационализации. На основе своей общей теории Парсонс исследовал ряд правовых систем, существовавших в традиционных обществах и в современную эпоху. В работах Парсонса представлен в том числе и анализ института суда.

Парсонс рассмотрел роль права в истории английского общества. Он выделил особенности английской правовой системы: независимость судебной власти от короны, узкокорпоративный характер юридической профессии, акцент на юридическом оформлении частных прав и инте-

ресов. Парсонс отмечал, что в английском обществе за юристами утвердился особый статус. Как указывал американский социолог: «Представители юридической профессии, включая судей, стали главными охранителями прав обычных людей, особенно «гражданских» прав и прав на собственность, договор и иск»⁵.

Парсонс охарактеризовал положение судей в английской правовой системе: «Хотя судьи были государственными служащими, они были также и юристами, подготовленными для профессиональной деятельности вне государственных сфер и ответственными за соблюдение традиций обычного права»⁶. Существенное значение, по мнению Парсонса, имело состязательное судопроизводство, которое совершалось между частными сторонами, представленными адвокатами. При этом судье принадлежала роль «не столько решающей инстанции, сколько высшего арбитра»⁷. Характерной чертой английской правовой системы являлось также то, что судьи сами формировали свод законов и создавали прецеденты, выступая во многом независимо от королевской власти и парламента.

Парсонс указывал на отличия правовых традиций Англии и стран континентальной Европы. Он подчеркивал, что в рамках континентальной традиции «гражданское право имеет обыкновение становиться орудием государства через вовлечение наиболее влиятельных групп

юридически подготовленных людей в государственную службу, часто в качестве ее ядра»⁸. Как отмечал в этой связи американский социолог, такая ситуация свидетельствовала о бюрократизации права и юридической профессии.

С точки зрения Парсонса, развитию правовых форм и учреждений в Соединенных Штатах способствовала опиравшаяся на пуританскую традицию и идеи Просвещения конституция, в которой были закреплены принципы разделения властей и федеративная структура государства. Согласно Парсонсу, на эволюцию американской судебной системы повлияли необходимость юридического посредничества в урегулировании конфликтов между ветвями власти, принятие и дальнейшее развитие английского обычного права, широкая экспансия и профессионализация юридической практики.

Идеи Парсонса оказали значительное влияние на американскую социологию права. Ряд исследователей стремились развить и дополнить постулаты функционализма применительно к правовой сфере⁹. При этом наибольшее внимание уделялось анализу функций правовых институтов, прежде всего судебной системы. В числе основных функций суда, как правило, выделяли легитимацию политической власти, интерпретацию целей политики, формирование характерной для правовой сферы системы социальных ролей, а также правовую социализацию.

В 1960-70-е годы как общесоциологическая теория Парсонса, так и его концепция права подвергаются все более усиливающейся критике. Отмечалось, что, с одной стороны, суды далеко не всегда успешно исполняют свои функции. С другой стороны, не все стороны деятельности судов могут быть адекватно объяснены с точки зрения функций судебной системы. Кроме того, определенные функции судов могут исполнять и другие социальные институты. Но основная критика функционалистского подхода была связана с тем, что он подразумевал стабильность правовой системы.

С конца 1970-х годов в американской социальной науке получают распространение «критические правовые исследования» (*critical legal studies*). Данное направление включало в себя представителей различных научных дисциплин, в том числе и социологов. В рамках этого направления не сложилось какой-то целостной теории права, но определенное влияние на критические правовые исследования оказали марксистские идеи. Представители данного направления уделяли особое внимание анализу идеологических функций правовых институтов в современном обществе. Основным достижением критических правовых исследований считается «демонстрация важности объединения правовой теории и социальной теории и переоценка взаимоотношений между правом и политикой»¹⁰.

В американской социологии второй половины XX века на изучение правовой сферы повлияли микросоциологические подходы, в том числе этнометодология. Характерно, что одно из первых эмпирических исследований Г. Гарфинкеля было посвящено деятельности присяжных заседателей в суде¹¹. В другом своем исследовании Гарфинкель анализирует «церемонии статусной деградации», примером которых выступает судебный процесс. Согласно Гарфинкелю, судебный процесс представляет собой своеобразный ритуал, в ходе которого происходит смена идентичности подсудимого, и в восприятии окружающих он становится в буквальном смысле слова новой личностью.

В работах представителей этнометодологии рассматривалось речевое взаимодействие между участниками судебного заседания. С этой целью анализировались выступления сторон судебного процесса, показания свидетелей. Как показали результаты исследований, смысл происходящего в ходе судебного процесса часто по-разному понимался профессиональными юристами и не имеющими юридического образования подсудимыми, свидетелями, зрителями. В этой связи последователи этнометодологии настаивали на необходимости создания условий для неискаженной коммуникации в рамках судебной системы

С 1970-х годов центр развития теоретической социологии права перемещается в европейские страны, прежде всего во Францию и

Германию. Заметное влияние на развитие социологии права оказали в этот период работы М.Фуко¹², которые подробно обсуждались в западной теоретической социологии. Фуко подчеркивал необходимость «анализировать «конкретные уголовно-исполнительные системы», исследовать их как социальные явления, которые не могут быть объяснены ни одной лишь юридической структурой общества, ни его фундаментальным этическим выбором»¹³.

Вместе с тем анализ правовых институтов не занимает центрального места в трудах Фуко. С точки зрения этого исследователя, механизмы социального контроля пронизывают все общество, не сосредотачиваясь лишь в органах государственной власти и правовых учреждениях. Как полагает Фуко, правовые институты выступают как один из элементов более широкой системы социального контроля, включающей также образовательные, медицинские и другие учреждения.

Характеризуя развитие судебной системы в странах Европы с начала XIX в., Фуко отмечает, что деятельность суда во все большей степени дополняется внесудебными элементами. «Во всей судебной процедуре и приведении приговора в исполнение участвует множество вспомогательных инстанций. Вокруг основного разбора дела в суде и вынесения судебного решения множатся мелкие органы правосудия и «параллельные» судьи: специалисты в области психиатрии и психологии, магистраты, следящие за исполнением наказаний, воспитатели,

чиновники тюремной администрации дробят законную власть наказывать»¹⁴. Согласно Фуко, судебный приговор становится не просто правовым решением, но содержит в себе оценку нормальности и предписание о возможности нормализации.

П.Бурдые осуществил анализ судебной системы с позиций своей концепции юридического поля. Согласно Бурдые, юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать свод текстов, закрепляющих легитимное видение социального мира. Как пишет Бурдые: «Юридический текст, подобно религиозному, философскому или литературному, оказывается ставкой в борьбе по причине того, что толкование является одним из способов присвоения потенциально содержащейся в нем символической власти»¹⁵. Но при этом существуют объективные ограничения, которые накладываются на соперничество между интерпретаторами юридических текстов. Такие ограничения связаны с тем, что судебные решения «должны представлять как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, чья легитимность не подлежит сомнению»¹⁶.

Бурдые отмечает, что формирование юридического поля предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь

клиентами специалистов, обладающих необходимой квалификацией. При этом существуют особые интересы представителей юридической профессии, которые определяются через их взаимоотношения с другими специалистами и актуализируются в ходе судебного заседания.

В рамках юридического поля складывается специфическое разделение труда. Прежде всего, существует различие между «теоретиками», занятыми исключительно разработкой правовой доктрины, и «практиками», ориентированными на непосредственное применение правовых норм. К первой группе относятся, в частности, профессора юридических факультетов, а ко второй – судьи, которые, однако же, в определенных случаях участвуют в правотворчестве. Представители этих двух групп должны учитывать точку зрения других категорий юристов, действующих в интересах своих клиентов.

Как указывает Бурдые: «Практическое значение закона в действительности не может определяться иначе, чем в конфронтации между различными корпусами, движимыми специфическими разнонаправленными интересами (судейским, адвокатским, нотариальным и т. д.), которые также поделены на группы, преследующие подчас противоположные интересы в зависимости от своего положения в профессиональной иерархии, находящегося в прямом соответствии с положением

их клиентуры в социальной иерархии»¹⁷. Бурдые считает необходимым выявление связи между позициями агентов в символической борьбе и их положением в системе разделения труда в рамках юридического поля. Вместе с тем он отмечает тот факт, что носители различных форм юридического капитала дополняют друг друга, несмотря на конкуренцию между ними.

Одним из наиболее влиятельных теоретических подходов в современной социологии права является системная теория Н.Лумана. Получив юридическое образование, Луман в течение трех десятилетий был занят разработкой общесоциологической теории, с позиций которой он рассматривал право, наряду с другими подсистемами общества. К проблемам социоло-

гии права Луман обращался в целом ряде публикаций 1970-90-х годов. Правовой системе он уделял больше внимания, чем какой-либо иной социальной системе.

С позиций своей общесоциологической теории Луман анализирует процессы социальной дифференциации, выделяя несколько ее форм: сегментарную, иерархическую, функциональную, а также дифференциацию на центр и периферию. Согласно Луману, в обществах, организованных по принципу иерархической дифференциации, не существует автономной правовой сферы. Ведущую роль в таких обществах играет политическая система, которая оказывает определяющее влияние на сферу права.

Для современного общества характерна главным образом функциональная дифференциация. С точки зрения Лумана, каждая из подсистем современного общества, включая и правовую, является полностью автономной. Это связано с тем, что функция, которую выполняет данная подсистема, не может выполняться никакой другой подсистемой общества. Как подчеркивает Луман, «автономия является не желательным состоянием, а фатальной необходимостью. При условии функциональной дифференциации общества ни одна подсистема не может избежать автономии»¹⁸. Луман стремится продемонстрировать, что каждая из подсистем

функционально дифференцированного общества «участвует в социальной коммуникации, но тем не менее находит собственный способ формирования своих элементов, у которого нет эквивалента в окружающей среде»¹⁹.

Сама правовая система также подвержена дифференциации. Характеризуя данный процесс, Луман выделяет суды в качестве подсистемы правовой системы. По мнению Лумана, для правовой сферы характерна не иерархическая дифференциация, а разделение на центр и периферию. Судебная система занимает центральное место в правовой системе.

Как отмечает Луман, в европейских абсолютных монархиях существовала иерархическая дифференциация правовой системы. Суды, которые лишь применяли законы, занимали подчиненное положение по отношению к законодательному органу. Но принятие конституций изменило это соотношение, поскольку суды были наделены функцией определять соответствие законодательства конституции. В

результате в рамках правовой системы была преодолена иерархическая дифференциация.

В работах Лумана рассматривается процесс эволюции права, который привел к возникновению автономной правовой системы. С точки зрения Лумана, в ходе такой эволюции социальные и политические изменения не оказывали непосредственного влияния на правовую систему. Немецкого социолога интересует прежде всего развитие самой этой системы, тогда как социальные и политические процессы относятся к ее внешней среде. По мнению Лумана, изменения в других социальных системах могут стимулировать развитие права, но при этом сама правовая система отбирает, что именно заслуживает внимания с ее стороны.

Согласно Луману, правовая система лишь наблюдает другие подсистемы общества. Хотя правовая система может реагировать на воздействие экономической или политической систем, такое воздействие переосмысливается в ее собственных категориях. Экономика и политика не могут определять содержание правовой коммуникации. «Изменение правовых норм, — пишет Луман, — может происходить только внутри правовой системы. Это не вопрос власти или влияния и здесь нет отрицания того, что окружающая среда, в особенности политическая система, воздействует на правовую систему. Но правовая система воспроизводит себя лишь посредством правовых явлений»²⁰.

Как указывает Луман, правовые решения не могут приноситься

извне: «если в правовой системе обнаруживаются следы внешних влияний, то эти влияния уже преобразованы в правовые нормы»²¹. Согласно Луману, усиление влияния политических сил или экономических интересов на правовую систему не ведет к утрате ее автономии, коль скоро внешние воздействия трансформируются в правовую коммуникацию. Автономия правовой системы оказывается под угрозой лишь в том случае, когда в рамках данной системы решения принимаются не в соответствии с ее собственным кодом «правовое/неправовое», а под влиянием политических, моральных или иных неюридических принципов.

Критики системной теории отмечали, что данная теория игнорирует «социальные силы и интересы, которые получают отражение в правовых институтах и процессах»²². С точки зрения критиков подхода Лумана, право не может изолировать себя от экономической, политической, научной сфер. Попытки такой самоизоляции приводят к негативным последствиям, когда правовая система оказывается вынуждена взаимодействовать с другими социальными сферами. Примером этого может служить обращение к экспертному научному знанию в ходе судебного процесса.

Следует отметить, что теория Лумана ориентирована главным образом на анализ западных правовых систем. С точки зрения данной теории, попытки подчинить политическому контролю деятельность правовых институтов озна-

чают поворот вспять, эволюционный регресс. Хотя Луман допускал возможность такого попятного движения, он не осуществил всестороннего анализа подобных процессов. В конечном итоге Луман не уделял значительного внимания рассмотрению правовых институтов тех обществ, где дифференциация политической и правовой систем сохраняла иерархический характер.

В целом в современной социологии права сложились разнообразные подходы к анализу института суда. Наиболее значимыми среди них являются концепция юридического поля П.Бурдье и системная теория Н.Лумана. Предложенные зарубежными учеными теоретические подходы представляют несомненный интерес и для российской социологии права.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Cotterrell R.* Why must legal ideas be interpreted sociologically? // *Journal of Law and Society.* 1998. Vol.25. № 2. P.171-192;
2. *Cotterrell R.* The sociology of law: An introduction. 2nd edition. London: Butterworths, 1992. P.145-148.
3. *Noreau P., Arnaud A.-J.* The sociology of law in France: Trends and paradigms // *Journal of Law and Society.* 1998. Vol.25. № 2. P.263-277.
4. *Machura S.* German sociology of law // *The American Sociologist.* 2001. Vol.32. № 2. P.41-43.
5. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998. С.88.
6. Там же. С.88-89.
7. Там же. С.89.
8. Там же.
9. *Bredemeier H.* Law as an integrative mechanism // *Sociology of law / Ed. by V. Aubert.* Harmondsworth, 1969. P.52-67.
10. *Anleu S.* Law and social change. London: SAGE, 2000. P.65.
11. *Ритцер Дж.* Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002. С.289.
12. *Hunt A., Wickham G.* Foucault and law: Towards a sociology of law as governance. London: Pluto Press, 1994.
13. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. С.37-38.
14. Там же. С.32.
15. *Бурдье П.* Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. С.80.
16. Там же.
17. Там же. С.84.
18. *Lubmann N.* The self-reproduction of law and its limits // *Dilemmas of law in the welfare state / Ed. by G. Teubner.* Berlin: de Gruyter, 1986. P.112.
19. *Lubmann N.* The unity of the legal system // *Autopoietic law: A new approach to law and society / Ed. by G. Teubner.* Berlin: de Gruyter, 1988. P.19.
20. Ibid. P.20.
21. *Lubmann N.* The self-reproduction of law and its limits. P.113.
22. *Cotterrell R.* The sociology of law. P.68. ■

© 2007 г.

И.Э.Петрова

Клиент социальной работы

Социальная работа как вид практической деятельности, прежде всего, характеризуется взаимодействием двух сторон – социального работника и клиента. Традиционно роль социального работника определяется в научной литературе более полно и четко, чем роль клиента.

Понятие «клиент» наименее определено в современной российской литературе, посвященной социальной работе, и является наиболее спорным. В зарубежной литературе описываются основные этапы преобразования понятия клиент в процессе развития социальной работы. Клиент в первые десятилетия XX века играл в большей степени роль пациента, чем партнера – он был подчинен социальному работнику, имел мало прав и должен был выполнять предписания социального работника, который, к тому же, имел право решать, достоин ли клиент помощи или нет¹. Далее понятие клиент стало выражать

черты нуждающегося человека. В этот период к клиенту относились как к лицу, которое имеет сходные с другими клиентами проблемы, которые можно решить одними и теми же методами. В это время появилось понятие «технологии социальной работы». Как показало исследование, зачастую типичность проблем приводит к типичности действий социальных работников. В настоящее время, скорее всего, на смену понятию клиент как носитель типичных проблем придет понимание клиента как потребителя услуг социальных служб: человек сам определит, какую помощь, в каком агентстве и за какие деньги он хочет ее получать. Он имеет право выбирать и быть независимым от социального работника – он полноправный партнер во взаимодействии с социальным работником.

Многие профессионалы игнорируют влияние клиентов на социальную работу. Клиенты для них просто объекты деятельно-

сти, которую определила теория. Фактически, эти работники строят деятельность через процесс, в котором есть специальные люди, называемые «клиентами». Процесс конструирования клиента социально обусловлен, потому что основывается на социальных чертах характера социальной работы. Клиенты изменяют характер социальной работы. В этом смысле, социальная работа – рефлексивный процесс, в котором клиент изменяет работника и характер социальной работы и поэтому также изменяет теорию социальной работы.

Для описания своей концепции Малькольм Пейн вводит понятие «клиентство» – состояние человека в бытность его клиентом социальной работы.

«Клиентство» – непостоянное или абсолютное состояние. Вообще, люди социально определены как клиенты, если они взаимодействуют с работниками патрона-

жа. Однако, это – не всегда точное представление их положения, как они, работник, или другие, могли бы видеть ситуацию. Например, рабочие, действующие как защитники, для клиентов больше коллеги, чем помощники.

«Клиентство» – частично вопрос восприятия, так, чтобы, если другие видели человека как клиент, они могут обращаться с ними также. Собственное определение их статуса затрагивает, но не определяет, замечены ли они как клиенты. Формальное обозначение также уместно, так, чтобы официальная классификация как клиент могла выделять или укреплять восприятие клиентства. Такое восприятие может быть поддержано клиентами, работниками, должностными лицами в социальном агентстве; людьми в других агентствах, семейством клиента или другими в социальной окружающей среде клиента. Как только мы приписыва-

ваем кому-то «клиентство», эта часто сохраняется, даже если социальная деятельность работы неустойчива или остановилась.

«Клиентство» может быть связано с некоторыми группами людей (например, специфического социального класса. Агентства и работники, более вероятно, сразу определяют таких людей как клиентов, чем кто-либо другой.

Агентства существуют в политическом и социальном контексте, который затрагивает разные стороны их работы. Например, климат одобрения или неодобрения, расходы на социальную работу. Агентства также имеют историю, поведение, философию, отражающую социальные ожидания населения, клиентов.

В качестве следующего шага в исследовании взаимодействия социального работника и клиента, на мой взгляд, продуктивно использование конструктивистского подхода для определения основных категорий. Именно неопределенность основных понятий, по мнению сторонников конструктивистского подхода, порождает социальные проблемы². Целью моей работы будет представить конструкции понятий «клиент» и «социальный работник» в различных моделях социальной работы и на различных публичных аренах представления процесса помощи.

Итак, прежде всего, конструктивистский подход считается наиболее приоритетным для исследования социальных проблем³. Данный подход представ-

ляет социальные проблемы не как объективно существующее условие, угрожающее обществу, но как процесс выдвигания различными группами утверждений – требований, касающихся условий, которые определяются этими группами как угрожающие им и обществу⁴.

Применение конструктивистского подхода к процессу оказания помощи довольно успешно совершил, на мой взгляд, Найгел Партун в работе «Конструирование практики социальной работы»⁵.

По его мнению, социальная работа – это процесс «столкновения» социального работника и клиента. Таким образом, определению подлежат, прежде всего, понятия «социальный работник», «клиент» и «процесс общения» между ними. Согласно конструктивистскому подходу, автор предлагает изучить арены, на которых происходит взаимодействие социального работника и клиента для того, чтобы определить эти понятия точнее. Он называет несколько публичных пространств, на которых происходит взаимодействие, к примеру:

- ◆ непосредственная работа с клиентом, «лицом к лицу»;

- ◆ взаимодействие в том случае, если один из партнеров отсутствует в данный момент;

- ◆ рассуждения о партнере взаимодействия с третьими лицами в отсутствии самого партнера, скажем, в общении социальных работников между собой или написании отчетов о работе.

Автор отмечает, что категории социальный работник и клиент не автономны, но взаимосвязаны⁶. Они обретают контекст своего определения в каждом конкретном виде взаимодействия, как указал в своей фундаментальной работе Малькольм Пейн⁷.

Арена взаимодействия «лицом к лицу» – наиболее понятная и открытая для исследования, потому что партнеры присутствуют явно и могут сами определить свой статус клиента или социального работника друг для друга и остальных. Процесс определения строго интерактивный. Так, многие авторы⁸ делают заключение, что процесс коммуникации на этой арене не сводится только к обмену «устными посланиями», но представляет собой комплексный поиск взаимопонимания клиента и социального работника, а также способов совместного подхода к решению проблемы. В ходе этого процесса, как правило, нарративы клиентов бывают построены таким образом, что определяют социального работника как лицо, оказывающее помощь, а клиента – как человека, нуждающегося в помощи, но не желающего расставаться с возможностью принятия решений. С другой стороны, нарративы социальных работников зачастую представляют их в качестве лиц, обладающих правом контроля за поведением, установками и решениями клиента. Кроме того, многие темы социальные работники определяют как деликатные и стараются избегать разговора о них. Эти

позиции очень часто обнаруживают представленное расхождение.

В работе Аннелль Форсберг показано, как вербализация социальным работником и клиентом проявления эмоций клиента в процессе постановки проблемы может его в позицию жертвы своих «неуправляемых» эмоций или в более выгодную позицию актора, который может управлять своим психологическим состоянием.

Следующая арена представлена взаимодействием социальных работников, которые обсуждают своих клиентов в их отсутствие.

Так, многие авторы констатируют, что социальные работники в своих разговорах определяют себя в качестве «мусорного ведра» для сбора проблем своих клиентов. А в определении клиентов придерживаются, скорее, подходов социальной патологии, рисков, девиации, которые, по их мнению, наиболее точно представляют «социальные болезни» клиентов. Поэтому клиенты представляются как цели, объекты направленного профессионального воздействия⁹.

Следующей ареной является пространство взаимодействия социальных работников и исследователей, которое также происходит без участия клиентов. Можно представить еще арену формальных отчетов, которые представляют социальные работники, а также взаимодействия таких акторов, кто напрямую не причастен социальной работе, по

поводу социальной работы, например, статьи в газетах, журналах и прочее.

Также следует отметить, что конструирование понятий клиент, социальный работник и их взаимодействие происходит также в рамках используемых моделей социальной работы.

Психодинамические модели в социальной работе берут свое начало в классической теории психоанализа З.Фрейда, которые в дальнейшем Э.Эриксон развил в теорию психосоциальных стадий развития человека. Эта теория стала широко использоваться как теоретическая база в социальной работе.

В последние десятилетия принцип индивидуализации, присущий психодинамическим моделям, был также подвергнут критике. Пик критики пришелся на 1970-е годы. Оппоненты утверждали, что индивидуализация затуманивает, отодвигает на второй план социальные проблемы отдельных индивидов и групп. Проблемная область ограничивается отдельно взятым человеком. В таких условиях помощь оказывается отдельным людям и семьям. Такой способ работы отделяет социальные проблемы от общественных отношений и политики.

В критике индивидуализация попадает в тот же контекст, что и методы диагностирования: социальный работник отделяется от ситуации и воспринимает

пациента как объект. Тот, кто ставит диагноз, считается экспертом, в отличие от того, кому вынесли диагноз.

Этот принцип настолько укрепился в социальной работе вообще, что он находит применение во многих теоретических подходах. И все же именно в психодинамических моделях индивидуализации отводится центральное место. В любой социальной работе такие отношения очень важны, но в психодинамических моделях они приобретают особую важность, поскольку большая часть оказываемой помощи проходит через отношения социальный работник – пациент.

В первую очередь было подвергнуто резкой критике понятие «переведения» в связи с тем, что оно заимствовано непосредственно из психиатрической терминологии, и по той причине, что оно превращает отношения «социальный работник – пациент» в отношения «родитель – ребенок». Рассуждая в терминах воспитания детей, социальный работник создает благоприятные условия

для «роста ребенка» и занимает положение воспитателя и «воспитывает» пациента, помогая ему устранять бессознательные конфликты, которые и создают проблемы в его жизни.

Интеракционизм рассматривает человека сквозь призму отношений «клиент – социальный работник». Интеракционистские модели позволяют увидеть общее и отличное в видении ситуации с позиций клиента и социального работника.

Проблемы в социальной работе возникают, как правило, в случае, если социальный работник и клиент по-разному интерпретируют ситуацию, не осознавая позиционных различий интерпретации.

Социальный работник должен сформулировать для себя мысли и чувства клиента и уметь высказать их, «настроившись» на клиента в процессе коммуникации, определив его отношение к помощи и способность к ее использованию.

Исследования показали, что при общении в социальных учреждениях, как правило, доминирует социальный работник, что проявляется с особой четкостью на стадиях выбора и принятия решений. В начале и конце общения уровень доминирования социальных работников ниже, когда есть необходимость вызвать клиента к общению, поддержать его, выразить сочувствие. Социальные работники, как правило, дружелюбно настроены и уважительно относятся к клиенту. Однако слабое

доминирование в некоторых случаях может оказаться помехой взаимодействию.

Интеракция и решение проблем имеют свои особенности и требуют соответственно рефлексивной способности и решительности и целеустремленности. Для каждого клиента у него существует свой подход – он очень дружески настроен по отношению к ним, однако сохраняет «рабочие отношения», позволяя лишь некоторым из них звонить к себе домой, хотя не дает им никаких преимуществ. Этот социальный работник всегда «имеет в виду» задачи организации, свои функциональные обязанности, требования системы и сознательно относится ко всяческим проверкам и инспекциям, в то же время формулируя главную идею социальной работы как необходимость «играть в одной команде с клиентами».

Интеракционисты пытаются подойти к общению «непредвзято», когда пациент и социальный работник по-разному воспринимают ситуацию, и последний должен найти баланс между двумя этими точками зрения. Проблеме власти, в общем, уделяется достаточно мало внимания, в отличие от характера интеракции и вновь образовавшихся в ходе общения, взаимодействия пациента и социального работника структур отношений.

Интеракционалистские модели позволяют увидеть общее и отличное в видении ситуации с позиций пациента и социального

работника. Разного рода несоответствия в «определениях ситуации» влекут за собой целый ряд последствий.

В основе моделей социальной работы, связанных с теорией научения, находится поведение человека, а ученые этого направления исследуют поступки человека и его активность по отношению к социальной среде.

Социальному работнику в моделях теории научения отводится роль педагога в значительно большей степени, чем в иных моделях; его задача – позволить клиенту увидеть целостную картину своего поведения и поведения других людей, помочь ему выявить проблемные отношения, поставить цели и наметить предполагаемый результат. Затем они вместе составляют детальный стратегический план, то есть план научения, следуя которому человек сможет достичь желаемых целей.

Впоследствии клиент получает практические задания, которые он выполняет в соответствии с инструкциями социального работника и под его руководством. По завершении работы социальный работник и клиент оценивают ее результаты и соотносят с заявленными целями.

Прежде всего, критику вызывает место теории социального научения в социальной работе. В стремлении вытеснить психодинамические модели из социальной работы, стал широко использоваться подход теории научения в его радикальных проявлениях. Возникла опасность игнорирова-

ния манипулятивной стороны этой традиции и слепой приверженности данной идеологии.

Сосредоточенная на задаче модель¹⁰ берет свое начало из практики и исследований социальной работы. Стремительными ценностями сосредоточенной на задаче практики является партнерство и наделение клиентов большими полномочиями, хотя чрезмерное использование этих терминов грозит опасностью их обесценивания. Это такой метод, который выстраивается скорее на силе людей, чем на анализе их слабых сторон, предоставляя скорее помощь, чем лечение. Возможно, наиболее показательным в плане наделения клиентов большими полномочиями аспектом сосредоточенной на задаче работы является тот факт, что не делается никакой тайны из того, как она осуществляется; ее успех зависит от понимания людьми процесса работы с тем, чтобы они почувствовали, что работают с ними, а не над ними.

В большинстве ситуаций работник должен следовать приоритетам клиента. С самого начала контактов работнику следует быть откровенным касательно каждой проблемы, которая должна быть в списке приоритетов. Работники могут использовать легальные санкции для навязывания своих собственных приоритетов, хотя тогда узы партнерства между клиентом и работником неизбежно ослабевают.

Как и все подходы к социальной работе, сосредоточенная на

задаче работа имеет свои ограничения¹¹. Часто людей принуждают становиться клиентами агентств социальной работы и они не намерены вступать в партнерство с работником. Однако ясность сосредоточенного на задаче подхода помогает работникам и клиентам выяснить точную природу несогласий и обнаружить, существует ли какая-либо область обоюдного согласия. Сосредоточенный на задаче работник ищет благоприятные возможности вызвать или расширить чувство партнерства, даже при минимальных шансах.

В соответствии с представлениями ученых, конфликтные модели¹² в социальной работе включают в себя и структурно-детерминистское понимание человека и взаимовлияние человека и структур, создаваемых коллективными действиями. При структурно-детерминистском подходе человек рассматривается как продукт общественных структур, и чаще, как жертва в радикальном структурализме; второе направление кон- фликтологических теорий – праксиология, которая предполагает, что, несмотря на влияние структур, можно осуществить перемены в обществе.

Социальная работа, основанная на теории конфлик-

тов, направлена в первую очередь на маргинальные группы в обществе.

Центральным понятием для этого направления является «усиление» – мобилизация, которая используется в работе с этническими меньшинствами, женщинами, инвалидами и многими другими «ущемленными социальными группами».

Социальный работник работает с отдельными людьми и группами, чтобы способствовать осознанию ими себя и своих действий. В структурно-детерминистском подходе человек рассматривается как продукт общественных структур, как жертва, но в то же время обладает способностью критиковать общество; в целом подход был назван радикальным структурализмом.

Отношения между социальным работником и клиентом направлены на раскрепощение пациента посредством мобилизации ресурсов индивида и коллективных действий, нацеленных на решение проблемы.

Методы работы, предложенные в феминистских моделях, использовались в отношении различных целевых групп – престарелых, инвалидов, безработных, жертв сексуального насилия, цветных, беженцев и др. За последние десятилетия в разряд социальных проблем перешли такие явления, как насилие в отношении женщин, инцест, жестокое обращение с женщинами.

Критики конфликтологических моделей социальной работы отмечают, что основной акцент в них нередко делается на формировании коллективного сознания вместо удовлетворения насущных потребностей клиента.

Практикуется также излишняя политизированность и недостаточная социальная направленность такого рода социальной работы, патерналистский характер моделей и принятие решений «за» социальные группы, «поглощение» личности коллективом и коллективными интересами, ограниченность направленности моделей – на женщин и «цветных», использование в них подавляющих механизмов.

Пассивность клиентов из «непривилегированных» социальных групп объясняется, прежде всего, низким уровнем их контроля над собственной жизнью, существованием ряда социальных норм, призванных поддерживать их подчиненное положение.

Роль социального работника осложняется тем, что, оказывая

помощь, он представляет систему подавления, тем самым вызывает у клиента и окружающих людей представления о неполноценности человека. Социальный работник должен помочь клиенту осознать угнетенность своего положения и мобилизовать все доступные индивидуальные и групповые ресурсы, таким образом «освобождая» клиента.

Подводя своеобразный итог исследования различных подходов к анализу взаимодействия социального работника и клиента, следует признать, что в настоящее время социальная работа в России, наверное, точнее всего можно определить в терминах структурного направления.

Социальная работа представляется субститутотом внутри политических (государственная социальная политика) и профессиональных социальных институтов и, несомненно, оказывает решающее воздействие на деятельность индивидов (и клиентов, и социальных работников). Структурализм предполагает отсутствие (или минимизацию) субъектности деятеля – и именно это фиксируют исследователи социальной работы в современной России. Клиенты социальной работы – это пассивные объекты, которым «положена» (или нет) помощь, им отказывают в телесности, гендере, эмоциональности, активности и многом другом. Они – лишь готовые предписанные роли и характеризуются своим социальным диагнозом – «неблагополучная семья», «трудный

подросток», «группа риска», «наркоман» и так далее. Структурная социальная работа не готова принять активного клиента, реализующего свою субъектность. Фактически она поддерживает и воспроизводит готовую схему взаимоотношений социальный работник – клиент, в которой и социальному работнику приписывается не субъектность, а просто роль профессионала, а клиенту – роль пассивного получателя помощи, который может проявить свой выбор только в приеме помощи или отказе от нее.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Шанин Т. Социальная работа как культурный феномен современности /Т.Шанин //Российский журнал (электронная версия).
2. Jokinen A. Constructing S.W. – Practice, Asgate Publishing. Ltd., 1999. – P. 56.
3. Payne M. Modern theories of social work. 1991. – P. 45.
4. Принцип активизации в социальной работе /Под ред. Ф.Парслоу; Пер. с англ. под ред. Шапиро Б.Ю. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – С. 106.
5. Социальная политика и социальная работа в изменяющейся России / под ред. Е.Ярской-Смирновой, П.Романова. – М.: ИНИОН РАН, 2002. – С. 57.
6. Constructing clienthood in social work and human services: interaction, identities, and practices/ edited by Chris Hall. UK, 2003. – P. 134.
7. Jokinen A. Constructing SW. – Practice, Asgate Publishing Ltd., 1999. – P.77.
8. Constructing clienthood in social work and human services: interaction, identities, and practices/ edited by Chris Hall. UK, 2003. – P. 206.
9. Ibid. P. 157.
10. Практика социальной работы/ Под редакцией К. Ханвея и Т.Филпота, Киев – Амстердам, 1997. – С. 45.
11. Там же. С. 56.
12. Модели в социальной работе: из разных источников – к одному полю деятельности. Г. С.Хатчинсон, С. Олтедал /Под ред. Р.И. Даниловой. – Архангельск: Из-во АГМА, 1999. – С. 75. ■

© 2007 г.

И.В.Пожилов, А.Н.Щуров

Этнонациональные процессы в республике Башкортостан

В 90-х гг. XX в., наряду с другими народами современного Приволжского федерального округа, башкиры в рамках своей национальной республики активно формировали институты национальной власти. Создание национальной системы общественно-политических отношений, ориентированной в первую очередь на кадровый потенциал этнических башкир, явилось определенным импульсом для активизации этнокультурных процессов. В итоге на протяжении уже 15 лет в Республике Башкортостан активно формируется новое башкирское этнонациональное самосознание, которое сегодня целесообразно рассматривать в качестве интегрального социального явления, включающего в себя такие понятия, как национальная культура,

национальная самоидентификация. Анализ этнокультурных процессов, происходящих в республике в последние три года, позволяет, наряду с описанием их основных тенденций, обозначить магистральные направления этнонационального развития башкир в современной России.

Средства массовой информации в современном обществе являются основным средством социальной коммуникации. Действительно, в недавнем прошлом этнокультурное развитие той или иной национальности во многом обеспечивалось за счет сохранения старых и появления новых материальных и нематериальных этнонациональных образцов культуры (песен, танцев, предметов искусства, развитие национального языка). В современном информационном обществе первостепен-

Президент республики
Башкортостан
Муртаза РАХИМОВ

ное значение приобретает национальное позиционирование в информационном пространстве, которое неизбежно приводит к формированию в массовом сознании устойчивых стереотипов восприятия как собственной национальной принадлежности (самоидентификации), так и национальных особенностей других народов.

С целью анализа основных тенденций этнокультурного развития башкир было отобрано 2498 публикаций республиканских СМИ за период 2003-2006 гг., посвященных развитию башкирской национальной культуры. С помощью методов многомерного математического анализа выявлены устойчивые тематические сюжеты. Описание наиболее важных из них в концептуальном

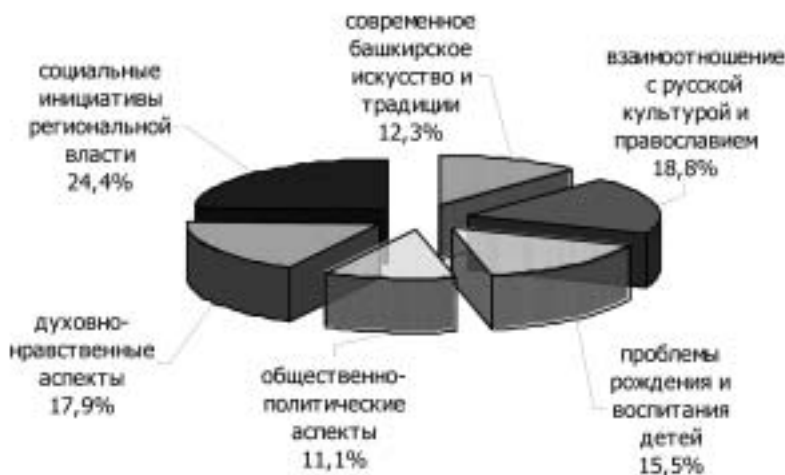
плане позволяет более наглядно представить характер этнонациональных процессов, происходящих в современном Башкортостане.

Социальные инициативы региональной власти

На основе анализа текстового массива можно говорить о том, что возрождение и развитие национальной башкирской культуры иницируется и патронировается, прежде всего, руководством Республики Башкортостан. В массиве публикаций СМИ о национальной культуре башкир 24,4% публикаций освещают социальные инициативы региональных властей, направленные на ее сохранение и развитие (рис. 1).

Рисунок 1

Соотношение тематических сюжетов в башкирских СМИ

Среди большого комплекса социальных мероприятий, реализуемых региональным руководством, в деле возрождения нацио-

нальной культуры, особое внимание СМИ уделяется освещению республиканской *молодежной политики*.

Средства массовой информации особо подчеркивают тот факт, что в одном из первых субъектов РФ, в Республике Башкортостан, принят закон «О государственной молодежной политике». Положения данного закона периодически цитируются региональным руководством во время публичных заявлений и комментариев.

Далее речь идет об эффективности работы республиканских молодежных организаций, которые реализуют различные мероприятия, направленные на воспитание и образование башкирской молодежи. Особо выделяется «Союз башкирской молодежи», который является инициатором и организатором большинства национальных молодежных мероприятий, среди которых особое место занимает «Межрегиональный молодежный Сабантуй». В 2006 г. в нем приняли участие около 5000 человек. Отметим, что СМИ освещают преимущественно мероприятия и события в жизни молодых башкир. Деятельность других национальных молодежных организаций практически не освещается. Не в последнюю очередь это объясняется главным принципом республиканской молодежной политики, сформулированным башкирскими средствами массовой информации:

«В числе важных аспектов деятельности общественных молодежных объединений и организаций остаются мероприятия, направленные на укрепление национального самосознания

башкирской молодежи, на поднятие уровня жизни народа, развитие культуры, искусства, литературы, языка. В нашей республике в полной мере сохраняются и приумножаются все богатства языка и культуры, национальная самобытность и исторические традиции башкирского народа»¹.

Данный тезис несколько диссонирует с официальной позицией республиканских властей. В частности, министр культуры и национальной политики республиканского правительства Х.Ишмуратов на страницах республиканских СМИ заявляет о том, что «современный Башкортостан является моделью межнационального согласия и этнополитической стабильности»². Очевидно, что в информационном пространстве республики существует определенное противоречие позиций. С одной стороны, официальные власти пытаются позиционировать республиканскую молодежную политику как перечень мероприятий, направленных в первую очередь на поддержание межнационального согласия, укрепление межнациональных отношений многонационального народа Башкортостана. С другой стороны, на страницах республиканских СМИ освещаются преимущественно мероприятия, проводимые молодежными организациями этнических башкир.

Наряду с освещением республиканской молодежной политики, существенную часть публикаций данного тематического блока составляют официальные выступления, послания, заявления

Президента Республики и министров регионального правительства. Официальная позиция региональных властей по вопросам межнациональных взаимоотношений в республике – самостоятельная сюжетная линия данного тематического блока.

Основной лейтмотив заявлений и выступлений на страницах СМИ Президента Республики М.Рахимова: *«На укрепление общности нашего многонационального народа, удовлетворение национально-культурных запросов людей направлена государственная национальная политика. Министерству культуры и национальной политики следует добиться должной координации деятельности всех органов государственной власти и общественных объединений в развитии межнациональных отношений»³.*

Руководством республики особо подчеркивается исторически добровольное вхождение башкирского народа в состав российского государства, а также мысль о том, что население республики – многонациональный народ. Вместе с тем республиканские власти достаточно остро реагируют на опасность ассимиляции башкир, активно акцентируя внимание на необходимости как сохранения и развития в республике башкирской культуры, так и башкирского генофонда. Не случайно достаточно четко в заявлениях представителей республиканской власти прослеживается ориентация на молодое

поколение этнических башкир, актуализируются различные аспекты молодежной политики, направленные в первую очередь на образование и духовное воспитание молодых башкир.

Анализируя взаимосвязи сюжетных векторов данного тематического блока, необходимо отметить, что отдельную, ортогональную всем остальным сюжетам линию составляют публикации, посвященные развитию республиканского литературного движения. Официальная позиция региональных властей относительно направлений развития межнациональных отношений, республиканская молодежная политика в информационном пространстве Республики Башкортостан тематически не пересекается с вопросами развития литературы. В статьях, освещающих литературную деятельность в республике писателей и поэтов, преобладают новостные сообщения о презентациях тех или иных книжных новинок, деятельности республиканского союза писателей. Литература, в представлении республиканских журналистов, не является в полной мере инструментом межнационального диалога многочисленных народов республики, необходимость которого актуализируется региональной властью. Возможно, это объясняется качественно-количественными характеристиками литературного наследия многочисленных народов республики. В результате этого национальная литература, по мнению авторов

публикаций, не может выступать в качестве дискуссионной площадки межнационального диалога, так как у многих народов республики значимые литературные памятники попросту отсутствуют. Вместе с тем, по мнению специалистов, чтение многих башкирских литературных произведений затруднено из-за отсутствия их качественных переводов на другие языки.

Несмотря на отсутствие четко тематического пересечения, в публикациях, посвященных литературным аспектам, особое внимание авторами уделяется литературным успехам современных молодых башкирских писателей. Литературная деятельность представителей других национальностей, проживающих на территории республики, освещается средствами массовой информации крайне редко. В информационных сообщениях фигурируют лишь отдельные обращения к творческому наследию классиков русской и советской литературы.

Анализ данного тематического блока, его основных сюжетных линий позволяет говорить о том, что в информационном пространстве республики существуют определенные противоречия, во многом характеризующие республиканскую национальную политику. На фоне декларируемой региональным руководством необходимости сохранения и развития *многонациональной культуры народов Республики Башкортостан*, средства массовой информации нередко ограничиваются лишь освещением всего

башкирского», оставляя на периферии информационного пространства культуры других народов, населяющих современный Башкортостан.

Взаимоотношение с русской культурой и православием

Как уже отмечалось, в официальных заявлениях руководства республики особое внимание акцентируется на добровольном историческом вхождении башкирского народа в состав российского государства. В итоге, на фоне многообразия национального состава населения республики, межнациональный диалог и межнациональные отношения это, прежде всего, взаимоотношения русских и башкир. Во всяком случае, в анализируемом текстовом массиве публикации, посвященные отношениям данных народов и их культур, образуют самостоятельный тематический блок, в котором переплетаются различные сюжетные линии.

В частности, авторы публикаций апеллируют к общности исторической судьбы двух народов. По их мнению, коренное население современного Башкортостана на протяжении многих столетий взаимодействовало с русскими. Таким образом, история Башкортостан наделяется статусом *«многовековой»*.

Наряду с развитием межнациональных взаимоотношений русских и башкир в публикациях нередко подчеркивается мысль о необходимости защиты национальной культуры башкир. Одна-

ко само выражение *защита культуры* предполагает агрессивное внешнее воздействие иных культур. В данном контексте русской. Именно опасениями *ассимиляции башкир русскими* во многом и обусловлена актуализируемая необходимость *защиты национальной культуры башкир*.

«В Оренбургской, Челябинской и других областях исторического Башкортостана, где в 50-70-х гг. XX века были закрыты башкирские школы, коренное население превратилось в маргиналов, в манкуртов, что создало благоприятные условия для ассимиляции»⁴.

Важнейшим средством защиты национальной культуры башкир, по мнению авторов публикаций, служит башкирский язык. Сохранению и развитию национального языка посвящена значительная часть публикаций анализируемого текстового массива. В них, в частности, особо подчеркивается важность придания в 2006 г. башкирскому языку статуса *государственного*.

«Весной этого года парламент Башкортостана внес поправки в республиканский Закон «Об образовании», введя в него норму об обязательном изучении в школах башкирского языка, имеющего в республике (наряду с русским) статус государственного»⁵.

Придание башкирскому языку статуса второго государственного языка на территории Башкортостана, по мнению авторов публикаций, позволяет выделять из республиканского бюджета значительные денежные средства на развитие *национальных башкирских школ*, основной задачей которых как раз и является сохранение и развитие башкирского языка.

Тема развития национальных школ тесно переплетается в информационном пространстве с обсуждением необходимости сохранения башкирского языка. В концептуальном плане башкирский язык, как полагают специалисты, должен все более активно внедряться в общереспубликанскую систему образования. Как отмечают авторы публикаций, в середине 1960 – 1980-х гг., для поступления в высшие учебные заведения республики необходимо было хорошее знание не башкирского, а русского языка. Данное обстоятельство являлось существенным препятствием на пути сохранения и развития башкирского языка.

Русская культура для башкирских публицистов и журналистов – это, прежде всего *славянская* культура. Именно в контексте сохранения на территории Башкортостана исторического наследия славянских народов на страницах республиканских СМИ обсуждаются различные аспекты развития непосредственно русской культуры.

«В большой и разнообразной семье народов Башкортостана группа славянских народов занимает особое и неповторимое место в богатом соцветии тюркских, финно-угорских народов. Русские, украинцы, белорусы, поляки – каждый славянский народ, придя на древнюю землю башкир, принес с собой свою культуру, которая только обогатила башкирскую культуру и культуру народов, проживающих в Башкортостане»⁶.

В большинстве публикаций особое внимание акцентируется на том, что именно республиканская власть является активным сторонником межкультурного обмена между башкирским народом, исторически проживающим на территории Башкортостана, и так называемыми пришлыми народами, которые лишь обогатили башкирскую культуру. *«В республике усилиями органов государственной власти делается многое для возрождения духовных ценностей и исторических традиций наших народов»⁷.*

На фоне активного культурного синтеза, взаимопроникновения культур разных народов, мысль о

которых достаточно активно культивируется на страницах республиканских СМИ, неким образом в информационном пространстве республики стоит обсуждение вопроса о введении в современных российских школах предмета «Основы православной культуры». По данному вопросу башкирские региональные власти, представители духовного управления мусульман Башкортостана высказались категорически против.

«На другом «круглом столе» религиозные деятели попытались наладить диалог с депутатами Госсовета Башкирии, которые, как известно, выступили резко против введения в школах «Основ православной культуры» (ОПК). Участником обоих форумов был и первый заместитель председателя Духовного управления мусульман (ДУМ) Башкортостана, сопредседатель центра миротворческих программ Аюп-хазрат Бибарсов»⁸.

Основной аргумент – недопустимо выделять из всего многообразия мировых религий православие. Необходимо вводить в школах такой предмет, как «Основы мировых традиционных религий». Вместе с тем, нередко на страницах республиканских СМИ в заслуги региональным властям журналисты ставят внесение *«в сентябре 2005 г. Госсоветом – Курултаем Республики Башкортостан поправок в закон, согласно которым с 1 сентября 2006 г. башкирский язык будет включен в учебные планы школ с 1 по 11*

класс включительно. На него отведено по 2 часа еженедельно, за счет часов, выделяемых на региональный и школьный компоненты содержания образования»⁹. Отметим, что в данном контексте, в анализируемом текстовом массиве отсутствуют апелляции публицистов и специалистов к недопустимости выделения башкирского языка из перечня прочих языков, на которых говорят различные народы современного Башкортостана.

Таким образом, очевидно, что данный тематический блок можно с полной уверенностью считать ключевым в деле описания основных направлений формирования современной башкирской национальной идентичности, в становлении которой основной движущей силой является боязнь *ассимиляции* башкирского народа, в первую очередь, *русскими*. Особо подчеркнем, что данные опасения разделяют, прежде всего, башкирские региональные власти. Именно они на страницах республиканских СМИ выступают в качестве некоего локомотива, главной движущей силы, иницилирующей и реализующей различные мероприятия, направленные на сохранение и развитие башкирского языка, башкирских национальных школ и т.д.

Проблемы рождения и воспитания детей

Как уже отмечалось, региональные власти, проводят достаточно активную политику, направ-

вленную в первую очередь на сохранение и развитие башкирской национальной культуры. Однако культура любого этноса без сохранения физической репродуктивности ее носителей попросту невозможна. Осознавая это, республиканские власти, представители башкирской общественности, специалисты и публицисты на страницах республиканских СМИ высказывают свою озабоченность проблемами рождения и воспитания подрастающего поколения.

«Действительно, в период рыночных отношений женщина-мать попала в крайне тяжелые условия. Главным стало прокормить семью, у многих дети ушли на второй план. Не случайно невиданные ранее размеры приняло за эти годы социальное сиротство. Быть матерью стало непростительно, многодетной особенно. Эти тенденции в обществе, пожалуй, ранее, чем в других регионах, уловили в нашей республике»¹⁰.

Озабоченность демографическими проблемами в информационном пространстве тематически пересекается с проблемами сохранения физического и морального здоровья уже родившихся детей. В данном контексте активно обсуждаются вопросы развития и модернизации современной системы республиканского здравоохранения и образования, реализации на территории республики приоритетных национальных проектов в данных социальных сферах. Особое внимание журналисты уделяют роли семьи, которая, по мнению авторов

публикаций, в современном мире должна являться оплотом, прежде всего, морально-нравственных ценностей. Именно семья должна оказать существенную помощь в борьбе с таким современным социальным злом, как наркомания и алкоголизм.

Вместе с тем отметим, что в контексте обсуждения демографических проблем республики, образования и воспитания подрастающего поколения, как и в вопросах республиканской молодежной политики, в республиканском информационном пространстве преобладает точка зрения представителей башкирской национальной интеллигенции, башкирских общественных организаций. Позиция представителей других национальных организаций, религиозных конфессий предлагается журналистами довольно редко.

В информационном пространстве республики оживленно обсуждается вопрос о необходимости узаконить характерное, прежде всего, для исламской религиозной традиции многоженство. Исходит данная инициатива не от религиозных и общественных деятелей, а от представителей региональной власти.

«Депутат Госсобрания республики Башкортостан Гузаль Ситдыкова обратилась с открытым письмом к общественности и поддержала пред-

ложение вице-премьера Чечни Рамзана Кадырова узаконить многоженство»¹¹.

Однако отметим, что легализация многоженства обсуждается на страницах региональных СМИ преимущественно в контексте анализа положения женщины в современном Башкортостане, необходимости соблюдения их прав и свобод. Узаконивание многоженства, по мнению ряда специалистов, способно существенно улучшить демографическую ситуацию в республике.

В результате в информационном пространстве Башкортостана в обсуждении демографических проблем, охраны материнства и детства наблюдается ярко выраженная национально-религиозная окраска большинства предложений и инициатив, в том числе и региональной власти. По данным вопросам высказываются преимущественно представители башкирской общественности, некоторые инициативы и предложения исламизированы.

Общественно-политические аспекты

Последним, но не менее важным в череде прочих концептуальных тематических сюжетов анализируемого текстового массива является блок, в который входят публикации, освещающие различные общественно-политические процессы и события в контексте развития и сохранения национальной культуры башкир.

Здесь речь в первую очередь идет о взаимоотношениях федеральной и региональной власти. Информационным поводом к их обсуждению послужили события, связанные с переизбранием М.Рахимова на новый президентский срок в начале 2000 г. Напомним, что тогда в Башкирии активно проявила себя оппозиция действующему главе республики. В результате достаточно острой конкурентной борьбы в рамках предвыборной кампании, которую многие эксперты относили к разряду борьбы за сырьевые башкирские монополии, М.Рахимов сумел переизбраться на новый срок. Обострение отношений федерального центра и региональной власти, а также дальнейшие акции протеста башкирской оппозиции 2004-2005 гг. нашли свое отражение на страницах республиканских средств массовой информации.

Не вдаваясь в анализ нюансов взаимоотношений федеральных и региональных элит, обозначим главную особенность информационного сопровождения политической

борьбы. Одной из возможных причин обострения взаимоотношений между федеральным центром и региональными властями в СМИ республики называется недовольство федерального центра национальным составом башкирской региональной элиты. В частности, речь идет о недостаточном представительстве русских и татар. При этом в комментариях башкирских политологов нередко звучит тезис о том, что никакого засилья башкир в башкирской элите нет, однако сама «национальная окраска» данного противостояния в качестве теоретически возможной обозначается именно представителями башкирской общественности.

«В полиэтничных образованиях очень важно для самоощущения этносов, чтобы их люди «в достойной мере» были представлены в элите, иначе, недовольство, неудовлетворенность проявляется, как ни странно, и «внизу». Каким бы ни был подлинный национальный состав управленцев, столь детально изучаемый в газете «Майдан», никто не сможет переубедить обывателя в том, что русский имеет те же шансы достичь карьерных вершин, что и башкир»¹².

Предположим, что в информационное пространство республики данная гипотеза могла быть брошена, в том числе, с целью активизации этнонациональных процессов. Ведь ни для кого не секрет, что любое вмешательство федеральных властей в дела российских национальных республик вызывает определенное недовольство со стороны представителей республиканской титульной нации. Национальный вопрос в данном контексте попросту используется республиканскими СМИ в качестве катализатора роста межнациональной напряженности в республике.

Анализируя особенности информационного пространства республики Башкортостан, характеризующего во многом современные этнонациональные процессы в республике, мы намеренно старались избегать оценочных суждений, стараясь опираться лишь на фактологические сообщения источников. Данное обстоятельство позволяет нам сделать главный вывод.

Анализ содержания значительных массивов информации позволяют говорить о том, что на фоне официальных заявлений региональных властей о многонациональном и поликультурном Башкортостане, национальная политика в современном Башкортостане ориентирована, прежде всего, на башкир. Во многом, это объясняется боязнью представителей региональной элиты, возможной ассимиляции башкир русскими.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Ильясов Ю.* Проблемы и пер-

спективы развития башкирской молодежи на современном этапе // Ватандаш, 14 июня 2005.

2. *Ишмуратов Х.* Башкортостан – модель межнационального согласия и этнополитической стабильности.
3. Из «Послания президента Республики Башкортостан Законодательному Собранию Республики (Курултаю)», 2004.
4. *Акманов И.* Состояние и перспективы национального образования в Республике Башкортостан // Ватандаш, 27 марта 2006.
5. *Пастухов А.* Альтернативы изучению башкирского языка нет // Башинформ, 12 сентября 2006.
6. *Фартыгина Н.* Русский историко-культурный центр «Никольский храм» – символ духовного возрождения народа // Башинформ, 14 августа 2006.
7. Там же.
8. *Лесунов С.* Юрист от Бога // Московский комсомолец в Уфе, 24 мая 2006.
9. Башкирскому языку – айе? // Уфимский меридиан, 2 августа 2006.
10. *Бажайкина А.* Уходят дети в большую жизнь // Республика Башкортостан, 27 ноября 2004.
11. *Васильева С.* Многоженство стало российской действительностью // Хроника и комментари, 15 февраля 2006.
12. *Мухутдинов Л.* Утрусение МГР-4. Титульные и нетитульные. Прикосновение к нацвопросу // www.ufanews.ru/news/politic/3768.html, 14 января 2005. ■

© 2007 г.

З.Х.Саралиева, С.С.Балабанов

Ценность детей и инвестиции в детство

Несмотря на увеличение числа институтов социализации в современном мире первостепенная роль семьи в социализации детей не подвергается сомнению. Известные утопии, подробно описывающие общественное воспитание как единственно возможное или приоритетное по сравнению с семейным, так и остались утопиями. Даже известный во всем мире педагогический эксперимент А.С.Макаренко, показавший выдающиеся результаты трудового воспитания несовершеннолетних преступников в коллективе колонии, так и не был никем повторен, несмотря на неоднократные попытки. По-прежнему дети, с рождения или большую часть жизни воспитывающиеся вне лона семьи, являют пример несоциализированных подростков и молодых людей. Яркий пример: каждый десятый выпускник детского дома в России через некоторое время кончает жизнь самоубийством, среди бывших детдомовцев существенно больше

подростков и молодых людей встают на путь преступлений.

По данным социологических обследований можно утверждать, что многодетные семьи сегодня по сравнению с малодетными сравнительно реже справляются с социализацией детей, в связи с чем последние не могут непротиворечиво интегрироваться в общество. Существует, следовательно, нечто такое, без чего дети, достигая совершеннолетия, не могут стать ответственными и самостоятельными гражданами, способными взаимодействовать с окружающими людьми, соблюдать правила общежития и законы общества, т.е. социальный капитал ребенка, объем которого, по-видимому, недостаточен для начала самостоятельной жизни и у сирот, и у детей в многодетных семьях, а также у части (и немалой) детей, воспитывающихся в малодетных семьях. Для российских детей и подростков, социальные сети чаще всего отождествляются с родственными (и даже только с семейными) сетя-

ми поддержки. Объем социального капитала ребенка на старте самостоятельной жизни зависит от ресурсов семьи, ее состава, а также желаний и умения родителей инвестировать в детей экономические, социальные, культурные ресурсы, семейно-дружескую поддержку в повседневной жизни.

Сегодня нет желающих подвергать сомнению социализирующую функцию родительской семьи. Дискуссии идут о методах и способах передачи семейных ценностей детям, социального статуса, собственности, включения детей в социальные сети, обретения других составляющих социального капитала. Семьи в интересах своих членов создают нормы и социальные связи и способствуют вхождению в определенный социальный круг. Отношения в семье, основанные на взаимном доверии и готовности идти навстречу духовным и материальным запросам детей, способствуют формированию отношений доверия и сотрудничества за пределами узкого семейного круга. Взаимная материальная и духовная поддержка, добровольно осуществляемая членами семьи,

создает неявное желание и ожидание такой поддержки не только внутри семьи, но и за ее пределами. Семья является также первичным источником обучения и потенциальным стимулом к успешному обучению в системе формализованного образования.

Характер инвестиций российских семей изучался по программе Международного исследования «Ценность детей и межпоколенные отношения» проводимого в 11 странах мира по единой методике и инструментарию (научный руководитель – проф. Бернхард Наук, университет г. Хемниц, Германия, руководитель российской части исследования – проф. Саралиева З.Х.). Предполагается, что ценность детей считается основным фактором, определяющим репродуктивное поведение женщин. Различия в уровне рождаемости можно объяснить различиями прямых и косвенных затрат/издержек, связанных с рождением и воспитанием ребенка)

В Нижегородской области опрошено 300 матерей, имеющих детей в возрасте 2-3 года, 300 матерей подростков в возрасте 15-17 лет, 300 подростков в указанном возрасте в этих же семьях, а также 100 бабушек по материнской линии в семьях подростков. Изучалось реальное репродуктивное поведение женщин, инвестиции в детей и установки подростков обоюбого пола на количество детей в своей будущей семейной жизни.

Инвестиции в детей предполагают наличие последних, поэтому исходный пункт нашего анализа эмпирических данных – количество детей в семье как реализованная потребность родителей в детях. Для изучения мнений четырех групп респондентов о причинах, по

которым люди хотят иметь детей, предлагалась пятибалльная шкала важности причин. Вопрос формулировался таким образом: «Подумайте о Вашем опыте с собственными детьми и скажите, насколько важны следующие причины для Вашего желания иметь детей?».

Таблица 1

Мнения о причинах, побуждающих людей иметь детей.
Процент важных и очень важных причин

Возможные причины	Подростки	Мать дитя	Мать подростка	Бабушка
В доме весело, когда есть дети	85	74	83	80
Получаешь удовольствие, когда наблюдаешь за тем, как ребенок растет.	85	96	90	92
Это радость – иметь маленького ребенка	84	92	90	90
По причине особенной любви, которое развивается между родителем и ребенком	80	93	91	27
Иметь кого-нибудь, чтобы любить и заботиться о нем	76	86	85	31
Ваша жизнь будет продолжаться через Ваших детей	70	87	93	31
Дети повышают чувство ответственности и помогают Вам развиваться	66	72	73	65
Любой новый член семьи делает Вашу семью более значимой	63	62	65	65
Потому что воспитание детей помогает узнать Вам больше о жизни и о себе	63	67	74	26
Ваши дети смогут помочь Вам, когда Вы будете пожилыми	62	52	71	X
Люди, имеющие детей, реже бывают одинокими в пожилом возрасте	61	61	79	66
Чтобы не прерывалась фамилия, род	46	31	46	85
Чтобы быть уверенным, что достаточно детей доживет до взрослого возраста	30	38	52	49
Родительство улучшает положение и репутацию среди Ваших родственников	25	16	26	76
Вы хотите поделиться с детьми тем, чем Вы владеете	X	66	74	51
Чтобы у Вашего ребенка/детей было с кем общаться	X	62	69	80
Дети сближают Вас с мужем	X	57	53	55
Когда муж хочет еще детей	X	34	28	X

Аналогично выглядел этот вопрос для бабушек по материнской линии. В вопроснике для подростков вопрос о важности причин формулировался так: *«Отметьте, насколько важны следующие причины для Вашего желания иметь детей?»* Шкалы имели следующий вид: «1 – совсем не важно... до 5 – очень важно».

Наиболее важные причины заводить детей, по мнению абсолютного большинства опрошенных, – счастье и радость от общения с маленьким ребенком. Эти моменты матери считают самыми важными из осознаваемых ими причин, их же можно отнести к мотивам самореализации себя в детях, в материнстве. Иными словами, входят в ядро ценности детей психоэмоциональные мотивы, альтруистические по своему характеру. Их называют важными и очень важными девять женщин из каждых десяти опрошенных и чуть меньше – среди подростков обоего пола. Удивительно, как эта составляющая ценности детей уже вошла в сознание нового поколения и прочно утверждается там в качестве будущего отцовского или материнского инстинкта!

Ближайшая оболочка ядра – группа прагматических мотивов, которые концентрируют в себе ожидания какой-либо материальной выгоды от факта рождения ребенка и его возвращения. Мотивы этого рода собирают 50-75%

голосов матерей в качестве важных причин, по которым люди заводят детей. Это желание передать детям (потомкам) собственность, дом, движимое имущество, драгоценности, культурные ценности и др. Это уверенность половины матерей, что дети сближают супругов, они средство укрепления семьи. Распространена тема рождения детей как гарантия неодинокости старости. С точки зрения матерей очень важно иметь несколько детей, чтобы у них была постоянная возможность общаться. Домашнее общение детей – это своеобразная тренировка, лаборатория, где нарабатывается опыт социального взаимодействия с ровесниками, (хотя и в тепличных условиях по сравнению с миром за порогом родительского дома). Дети, выросшие в кругу только взрослых людей, обгоняют других сверстников в интеллектуальном развитии, но проигрывают в опыте общения со сверстниками, в умении умерить свои запросы ради товарища, налаживании контактов и др. Такой опыт бесценен, двое и более детей в семье

– это не размазывание одного куска масла на двоих или троих детей, это инвестиции родителей, других детей в коммуникабельность своих братьев и сестер, выработку коммуникативных свойств и черт характера, это домашняя школа власти и подчинения, лидерства и сотрудничества, т.е. многого того, что встретится во взрослой жизни. Желательно, чтобы эта «начальная» школа жизни была семейной, а не отданной на откуп дворовой или уличной компании.

Если говорить о подростках, то радость будущего материнства чаще встречается у девушек, нежели гордость отцовством у юношей. По мнению 90% девушек иметь ребенка – это радость, среди подростков мужского пола – 71%. Особая любовь, возникающая между родителем и ребенком признается важной для желания иметь детей 88% девушек и 68% юношей.

Необходимо изучить и другую сторону репродуктивного поведения населения – причины нежелания некоторой части людей иметь детей вообще. Ориентации

супругов на бездетность медленно, но верно набирают обороты в западных странах и в России. Что касается собственных мотивов нежелания иметь детей, то видна преемственность подростками точек зрения родителей.

Тема обеспокоенности за будущее детей в наше беспокойное время как фактор отказа от детей красной линией проходит по всем поколениям и собирает большой и устойчивый процент согласия респондентов с данным тезисом. Нестабильность жизни провоцирует снижение рождаемости. И чем старше респондент, тем больше беспокойство. В среднем каждая вторая мать ссылается на это обстоятельство как важное/очень важное.

Таблица 2

Суждения подростков и матерей о причинах нежелания иметь детей.
Доля важных причин Вашего нежелания иметь детей, %

Возможные причины нежелания иметь детей	Подростки	Мать дитя	Мать подростка
С ребенком много хлопот	20	31	33
Детей трудно приучать к дисциплине и контролировать	21	24	28
Дети являются финансовой нагрузкой для всей семьи	20	41	36
Потому что труднее сохранить работу	24	31	29
По причине страха беременности и родов	26	16	21
Дети доставляют беспокойство, когда они больны	29	20	27
С детьми ты не настолько свободен, чтобы делать, что хочешь	44	32	27
Большое беспокойство за будущее детей	43	48	53
Иметь больше детей не позволяет здоровье	X	43	61
Нет соответствующих жилищных условий	X	64	49
Уже есть столько детей, сколько хотелось	X	50	64
Вы/Ваш муж уже пожилые	X	31	42
Вы не сможете достаточно заботиться и уделять внимание своим детям	X	35	41

У матерей подростков среди причин отказа от рождения детей на первых местах стоит удовлетворенность имеющимся числом детей (в основном двумя – 64%), состояние здоровья, не позволяющее иметь больше детей (61%), плохие жилищные условия (49%).

У молодых матерей с маленькими детьми лидируют плохие жилищные условия (54%). Для молодых семей до сих пор типично проживание в родительской семье одного из супругов, что неблагоприятно сказывается на благополучии и прочности семьи. Половина молодых матерей удовлетворена имеющимся количеством детей (в 66 случаях из ста – одним ребенком!).

У подростков среди нежелания иметь детей лидирует мотив ограничения «свободы делать что хочу» семейными узами и детьми (44%). Этот мотив гораздо ярче выступает у подростков мужского пола, ориентированных, таким образом, на внесемейный образ жизни, нежели у девушек, осваивающих свои гендерные роли хранительницы домашнего очага. Известный семейный конфликт «жена дома с детьми, а муж неизвестно где» закладывается задолго до начала семейной жизни. Что касается девушек как хозяйки дома, то, по нашему мнению, этот образ сегодня подвергается эрозии благодаря «тлетворному» влиянию СМИ, пропагандирую-

щими среди молодежи культ молодости, гедонистический образ жизни, в котором нет места ни детям, ни домашнему очагу, ни семейным ценностям.

Проблемность воспитания детей в современном мире, менее спокойном и благосклонном к семье, на которую наслаивается нездоровье детей, отягчающее их выращивание, высокая стоимость хорошего образования, превращает детей для части родителей из источника радости, счастья («дети – цветы жизни») в объект сверхзабот, стрессов и даже паники. Представляется, что именно это обстоятельство, а не материальный фактор ведет к снижению рождаемости детей. Детей становится меньше, а проблем все больше. Инвестиции в уменьшающееся количество детей в семьях растут, соответственно возрастают затраты и ценность детей для семьи и для общества. Как трансформируются эти представления о ценности детей и их роли в жизни семьи в ориентациях участников опроса на желаемое количество детей в семье?

Поскольку по условиям опроса опрашивались матери с детьми, то, как минимум, один ребенок в семье уже имеется. Намерения матерей родить в будущем еще несколько детей таковы, что семьи и тремя и более детьми в семье, которые только и могут обеспечить расширенное воспроизводство населения, не станут со временем самыми многочисленными.

Сколь грандиозны планы в отношении числа детей в семье у

юных россиян, в частности, нижегородских подростков, когда они женятся или выйдут замуж? 40% юношей еще не думают о своих семейных/сожительских отношениях, девушки – их сверстницы, выглядят гораздо взрослее: не задумывались о своем будущем материнстве всего 11%. Абсолютное большинство остальных выбирает традиционный характер семейных отношений: жить вместе и жениться/выходить замуж.

У молодого поколения мысли о создании семьи вызывают положительные эмоции. «Заостренность» мыслей девушек на будущую семейную жизнь значительно больше, чем у подростков мужского пола. 30% подростков женского пола часто думают (мечтают) о своей собственной семье в будущем, строят ее сценарии и витают в облаках, среди юношей только 13%. У 96% девушек нет сомнений, что они захотят иметь детей. Что касается юношей, то среди них утвердительно отвечает всего 81%. Это тревожный факт. На наш взгляд, расставание с инфантилизмом подросткового возраста обязательно должно сопровождаться усвоением и упрочиванием обязательного минимума базовых ценностей, среди которых, как показывают многочисленные исследования, семья всегда присутствует в верхней части иерархического списка. Отсутствие у юноши желания в будущем стать отцом должно рассматриваться как его ущербность, как неготовность играть обязательные роли на сцене жизни. Оставляя за любим

человеком право самому решать, быть ли ему семейным человеком, иметь ли детей и сколько иметь, общество должно четко заявлять свою позицию по этому вопросу и строить социальную политику таким образом, чтобы семейный и многодетный образ жизни поощрялся на государственном уровне и в общественном мнении.

Установки подростков на количество детей в их будущих семьях, имеют следующий вид см. табл. 3. Во-первых, обратим внимание на отсутствие гендерных особенностей желаемого числа детей, тогда как в других суждениях подростков разного пола по вопросам семьи эти различия существуют.

Таблица 3

Планы подростков относительно числа детей в их будущих семьях, %

Пол респондента	Желаемое число детей в будущей семье			
	один	два	три	четыре +
Мужской	24	65	7	1
Женский	27	65	8	—

Во-вторых, ориентация молодого поколения на детность в своих будущих семьях является калькой с намерений их матерей. Это грустный вывод, говорящий о том, что нынешнее поколение молодых людей так же не сможет переломить сложившиеся сегодня в России неблагоприятные тенденции в воспроизводстве новых поколений.

Большинство семей с ребенком стремятся создать благоприятные предпосылки восходящей социальной мобильности своим детям, инвестируя в детей денежные средства, культурные ценности, включая их в социальные сети и т.д. Если говорить о финансовых ресурсах, которые легче всего измерить, то ясно видно возрастание финансовой нагрузки на семью с увеличением числа детей. В российских условиях двое детей уже очень обремени-

тельны для семейных бюджетов примерно у 40% семей, а если в семье три ребенка, то их содержание представляет большую трудность более чем для двух третей семей. В пятидетной семье содержание и уход за таким количеством детей представляет не просто большую проблему, но практически неподъемную для 90% семей. Таким образом, если родители планируют число детей с учетом собственных финансовых ресурсов своей семьи – именно так и надо поступать ответственным родителям, – то понятен отказ нижегородских и российских семей заводить более двух детей уже только по финансовым соображениям (как говорят матери, «нечего плодить бедность»). Данные Департамента социальной защиты населения Нижегородской области свидетельствуют, что 70% семей с

четырьмя детьми и 90% – с пятью, ниже уровня бедности (данные имеют среднедушевые доходы 2003 г.)

Таблица 4

Планы подростков относительно числа детей в их будущих семьях, %

Количество детей	Матери с маленьким ребенком			Матери подростков		
	Небольшая	Умеренная	Очень большая	Небольшая	Умеренная	Очень большая
один ребенок	54	37	7	57	37	5
двое детей	24	32	41	25	40	35
трое	7	20	64	9	22	69
четверо	1	15	84	4	10	86
пятеро	1	8	91	2	8	90

Социальный капитал детей из многодетных семей невысок, и перспективы достичь успеха во взрослой жизни для них достаточно иллюзорны. Уровень поддержки государством многодетных семей практически не влияет на уровень жизни таких семей, поскольку пособия и льготы многодетным семьям покрывают не более 5-7% расходов семьи на содержание ребенка, тогда как подушная плата за квартиру, за газ, другие виды коммунального обслуживания, проезд на транспорте и т.д. ставят семью с большим числом детей в заведомо худшее положение.

Один из самых распространенных видов затрат при воспитании ребенка – затраты на образование ребенка. Естественно, что изымая средства из семейного бюджета для образования сына или дочери, семья в целом снижает свой уровень жизни. И размер этих вложений ограничивается, с

одной стороны, реальными возможностями родителей изъять из семейного бюджета энную сумму средств без значительного ущерба интересов других членов семьи, а с другой, желанием родителей вкладывать в ребенка, в его будущее необходимые средства.

По мере роста детей вложения в них увеличиваются и снижают уровень жизни остальных членов семьи. Но родители сознательно идут на это, подтверждая тезис «дети – главное богатство семьи».

Материальный уровень семьи не всегда определяет размер вложений в детей. В стратегиях родителей на увеличение социального капитала подрастающего поколения первична роль культурных установок. Понятно, что в малоимущих семьях родители, не имея возможности оплачивать те или иные расходы на образование детей, вкладываются в детей компенсаторными видами затрат: зат-

Таблица 5

Инвестиции в детей: снижение уровня жизни семьи в связи с некоторыми видами затрат на ребенка, %

Снижение уровня жизни семьи в связи с...	Матери с маленьким ребенком			Матери подростков		
	Небольшое	Умеренное	Очень большое	Небольшое	Умеренное	Очень большое
...образованием	59	32	9	39	41	20
...накоплением сбережений	68	27	5	47	34	19
...наследством ребенка	69	26	5	59	29	12

ратами своего свободного времени, психологической поддержкой, организацией учебного труда, досуга и отдыха ребенка и иными инвестициями. Большую роль играет каждодневная незаметная для чужого глаза воспитательная работа матери, словом и делом «обрабатывающая» своих детей, прививающая социально необходимые умения и навыки, позволяющие им войти в мир взрослых.

Попытка родителей «откупиться» от этой повседневной работы по формированию личности и характера ребенка финансовыми вливаниями (крутым домашним компьютером, гувернером, многочисленными игрушками, престижным детским садом или школой...) не заменят недостатка общения с родителями. Оговоримся, что не со всеми родителями у детей есть контакт и взаимопонимание, не каждый отец или мать учит ребенка хорошему, доброму, вечному. В советское время, по оценкам учителей, четверть родителей учащихся школ были педагогически недеес-

пособными. Полагаем, что сегодня доля таких родителей не уменьшилась.

Вопросы о значимости затрат на воспитание ребенка/детей для семейного бюджета показывают незначительность некоторых видов инвестиций в российских детей (по крайней мере для дошкольников и подростков), присутствующих для развитых стран. Например, накопление сбережений для ребенка, увеличение доли их наследства.

Чаще речь идет о наследовании системы ценностей отца и матери, их образовательного и культурного уровня, отношения к себе, друг к другу и к окружающим людям, что ненавязчиво и как бы само собою усваивается детьми и становится элементами их образа мыслей и образа жизни.

Концепции социального капитала, ресурсности семьи, инвестиций в детей помогают глубже проникнуть в механизмы социализации детей в семье и роль семьи в воспроизводстве социального неравенства. ■

© 2007 г.

И.А.Сизова

Государство благосостояния и хозяйственное развитие

Традиции социологической критики государства благосостояния изобилуют амбивалентными оценками. Как правило, в теориях дифференциации, теориях власти часто находят приют противоречивые взгляды на становление и развитие государства благосостояния. С одной стороны, подлежат объяснению имманентно присущие обществу черты государства благосостояния, которые обосновываются как безальтернативные (например, необходимость социальной интервенции), а с другой стороны, указывают присущую государству благосостояния дисфункциональность и напряжение, возникшие в процессе его развития. История науки об экспансии государства благосостояния знает открытия, протекающие согласно направлению развития государственности благосостояния, но признает и обратные эффекты в оценке его эволюции. Например, такие элементы враждебного господ-

ства, присущие государству благосостояния, как коллективизация, бюрократизация и профессионализация противопоставляются современным тенденциям «активирования» и атомизации клиентов государства благосостояния¹.

Иные теоретические парадигмы построены по образцу «избранного родства»², в которых параллельно оценивается порядок государственности благосостояния и рыночный порядок. В анализах государства благосостояния и рыночной системы используются такие формальные организации, как право, деньги и бюрократия, которые являются одновременно средствами хозяйства, и средствами государства благосостояния. Или такие явления, как гедонизм (наслаждение, удовлетворение), индивидуализация и атомизация могут одновременно считаться следствиями «общества потребления» и «государства всеобщего благоденствия». В этих концепциях приня-

то считать структуры государства благосостояния полностью скопированными с других общественно значимых сфер³.

В целом, социологии свойственна имманентная критика государства благосостояния. С одной стороны, оно – противоречивый и полный напряжения субстрат, но с другой – неотъемлемый компонент и структурный признак дифференцированного общества в прошлом, настоящем, и, скорее всего, в будущем времени. Широкий и популярный дискурс о кризисе государства благосостояния, а также различные мнения о «темном» будущем этого эволюционного проекта, не нарушают общей тенденции анализа государства благосостояния в социологии, поскольку подобные «прогнозы» распространяются, например, на «гарантии будущего рыночного хозяйства», а также «конституционного государства»⁴.

История генезиса государства благосостояния – это история социальных реформ. Но как заявляет Н.Луман, не существует некой общей глобальной концепции (правила, закона) реформ для случая, когда речь идет о следствиях (проблемах) желаний, благ и пользы. В каждой ситуации должны считаться с тем, что эти следствия нельзя разрешить равным образом⁵. Общая цель государственности благосостояния заключалась в политико-демократическом реформировании рыночного процесса в границах понимаемой легитимной социаль-

ной справедливости. Несмотря на то, что государство благосостояния или социальное государство было институализировано в высокоразвитых капиталистических демократических странах только после второй мировой войны, уже задолго до этого времени осуществлялось во все возрастающем объеме государственное регулирование экономики.

В качестве аналитической категории государство благосостояния является объектом социально-научных споров, и в особенности социологических дискуссий. Государство благосостояния трактуется как системный и структурный признак демократическо-капиталистического мира. Поэтому центральными в аналитических исследованиях являются категории «капитализм», «государство» и «демократия». В традиционных теориях объяснения происхождения и развития государства благосостояния выпячивается, как правило, только одна из трех макроструктур современного общества. В результате образование государства благосостояния является преимущественно политическим, либо экономическим или социальным специфическим типом общества.

В настоящее время объединение теоретических парадигм в исследовании государства благосостояния позволяет оценивать эффекты взаимодействия между ними и изменения собственной динамики государства благосостояния. В центре внимания стоят

перспективы взаимовыгодного существования современного хозяйственно развитого общества и демократии. В поперечном сечении связь между ними, вне

временной каузальности, заставляет задавать сложные вопросы о совместимости мотивов и принципов эффективного хозяйства и демократического равенства.

Таблица 1
Теории происхождения и развития государства благосостояния⁶

	ОСНОВНЫЕ ЛИНИИ ОБЪЯСНЕНИЙ		ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ
	Общественные макроструктуры	Общественный макропроцесс	
Функциональная теория	Капитализм (экономика)	Индустриализация	Индустриализация Модернизация Капитализм
Конфликтологическая теория	Демократия	Образование и мобилизация классов	<i>Демократизация</i> /народная демократия, <i>Классовая политика</i> /социал-демократия, <i>Группы риска</i> /коалиции, <i>Партийная демократия</i>
Институциональная теория	Государство	Институционализация	<i>Экзогенные:</i> соревнование государств, <i>Эндогенные:</i> образование (национальных) государств, <i>Государственные структуры,</i> <i>Эффекты обратной связи</i>

В настоящее время объединение теоретических парадигм в исследовании государства благосостояния позволяет оценивать эффекты взаимодействия между ними и изменения собственной динамики государства благосостояния. В центре внимания стоят перспективы взаимовыгодного существования современного хозяйственно развитого общества и демократии. В поперечном

сечении связь между ними, вне временной каузальности, заставляет задавать сложные вопросы о совместимости мотивов и принципов эффективного хозяйства и демократического равенства.

Вслед за множеством историко-социологических исследований, мы считаем государственность благосостояния формой организации хозяйственно развитого демократического общества,

в которой существует центрально регулируемый социальный сектор, удовлетворяющий государственно-гражданские претензии на основании прав и легитимных критериев⁷.

Н.Луман иллюстрируя греческий мир, замечает, что уже тогда был найден ответ на вопрос об объединении человеческого бытия в смысле аристотелевского указания на наличие родовой природы человека, для которого «хорошая жизнь» в отличие от чисто физического существования может быть обеспечена только в форме политического сообщества⁸.

Однако действительно революционные изменения в процессе общественного развития произошли в связи с появлением проблем функциональной дифференциации. Но реальная действительность всегда на много сложнее, чем это пытаются представить себе: государство благосостояния точно не было только инструментом поддержки индивидов, выброшенных из нормальных условий жизни с помощью быстро развивающегося рынка. Сторонники социологической теории общественной функциональной дифференциации придерживаются мнения об исторически возникшем типе новой государственности, воздействующем на социум как незнакомая интегрирующая сила⁹.

Произведенные Французской буржуазной революцией изменения создали условия для постепенно развивающегося восприя-

тия государства в качестве политического агента индивидов, в котором отношения между государством и гражданами регулируются правовым способом. Со временем формируется отличный от хозяйственного или религиозного доступ государства к государственным гражданам и создаются независимые посреднические инстанции. Внешней границей дифференциации политической системы стала конституция или базовые права, далее решался вопрос об организационном обеспечении системы (бюрократии) и внутренней дифференциации системы через возникновение организованного представления интересов индивидов (политических партий). То есть, с одной стороны находилось государство как подсистема политической системы, а с другой стороны, постепенно оформлялась подсистема в форме организованных политических партий и иных представительств общественных интересов. Задача государства в этом процессе усовершенствования разделения труда заключалась в создании и поддержании стабильности и порядка. Это были предпосылки демократии.

Функциональная дифференциация обществ увеличила проблемы управления (конфликты между подсистемами) и потребовались серьезные эволюционные достижения, чтобы успешно их разрешить. Коллективные решения привели к потребности создания государства благосостояния, которое является сортом «ура-

внивающей власти», производящей редистрибутивные (перераспределительные) действия¹⁰. В важном идеологическом контексте эта новая структура становится итогом кристаллизации самоидентификации людей с властью. Это единство создало конфигурацию «Мы», которое препятствовало развитию различий (в доходах, профессии, условиях жизни). Исторически выросшая солидарность людей, связанных между собой узами крови и общностью происхождения, или только общим языком, культурой и нравами, восполняла на первых порах фиктивное единство этой идентичности и лишь после второй мировой войны получила достаточно сильную наглядную опору в форме реального улучшения жизни¹¹, которая определялась и регулировалась структурами взаимных ожиданий. Для этого было необходимо наличие

определенных культурных типов и предварительного взаимопонимания¹².

Воссоздание структуры взаимных ожиданий в форме государственности благосостояния было многослойным процессом. С одной стороны он был связан с наличием круга конкретных типов ожиданий, что включало более или менее ясное представление всех взаимодействующих сторон о направленности последующих действий. С другой стороны, он зависел от фактических ситуаций, в которых вообще подобные типы могли быть применены, т.е. от контекста определенного общественного устоя, в рамках которого государством решалась проблема выявления и ограничения претензий. Со времени социального расслоения и возникновения договорных отношений, потребности и их удовлетворение в большей степени были

культурно детерминированы и государство западных стран принимает эту форму взаимоотношений. Особая культура возникает через индивидуализацию личности и генерализацию морали, определяемой религией.

Составной частью задач государства благосостояния с самого начала стали координационные проблемы, корни которой кроются во множестве взаимодействующих личностей и многообразии их потребностей. Здесь возникает организация, которая исполняет многие функции, ранее выполнявшиеся всем обществом в целом. Государство благосостояния как формирующаяся социальная система возникла в условиях упорядоченных отношений капитализма и права, которые подготовили почву для создания этой формы организованной системы. Она предполагает гарантии на самом высоком уровне и расширяет горизонт уверенности в будущем на неограниченное время в рамках организационных программ. В условиях демократии на формирование процесса принятия решений могут повлиять и сами люди, имеющие претензии, которые теперь не только определяются в каждом конкретном случае, а должны презентоваться в целом, для того, чтобы вообще возникли программы помощи. Цель самой организации – удовлетворение потребностей – имеет множество косвенных преимуществ: она работает на устранение проблемных случаев, возникающих из

самой природы господствующих структур и существующих способов распределения. Упорядоченность и адекватность структур просуществует ровно до тех пор, пока есть возможности планового управления системным развитием. Таким образом, государство благосостояния может пониматься как структурное решение проблем удовлетворения уравненных во времени потребностей на уровне общества в целом. Н.Луман утверждает, что генерализованные среды права и денег, которыми пользуется государство благосостояния не в силах в достаточной степени соответствовать мотивам и множеству индивидуальных адресатов и различным образом их учитывать¹³. Но одновременно, и в масштабе мирового общества, не существует политических, организационных и научных оснований для уравнивания потребностей, которые не поддаются рационализации ни в плане взаимности, ни в плане морали, ни в плане правильной интерпретации и реализации самой возможности их удовлетворения. Глобальные изменения в мире добавляют в понятие безопасности и защиты особый аспект ответственности за региональный порядок. Здесь возникает основание для сетевых коммуникаций на уровне наднациональных организаций, однако сегментация, как и раньше, проходит по границе культуры, ценностей, господства, поскольку этот уровень дифференциации не находит точных корреляций в

окружающей среде и это делает возможным внешнюю репродукцию границ системы¹⁴. Сам Н.Луман, однако не переставал напоминать о потенциально безграничной способности к экспансии государства благосостояния¹⁵.

Следующей проблемой является функциональный примат государства благосостояния среди функциональных субсистем общества. Его истоки кроются в тех потребностях, которые обрачиваются требованиями к политической системе и которые являются частями политических коммуникаций¹⁶ индустриально развитых государств Запада. Государство становится относительным пунктом универсализации политики. Целью является не перераспределение благ на основании моральных ценностей, сколько широкий круг вопросов, решение которых обязательно предполагает интервенцию (ценой узурпации власти) в функциональные субсистемы и в общество в целом. Длительной проблемой становится соотношение между различными функциональными системами (государство *versus* рынок) и собственный структурный «дрейф» государства благосостояния. Одновременно речь при этом идет о специфическом модусе «политического обобществления» для исторически конкретного типа общества¹⁷.

Политический универсализм государства благосостояния распространяется на все сферы общественной системы – от условий жизни людей, поддержания

здоровья и экономической деятельности и гражданской натурализации.

Проблема соотношения между функциональными субсистемами была поднята довольно рано. Впервые М. Вебер стал воспринимать социальную политику в качестве ограничения формальной рациональности рынка, которая к тому же, являлась специфически враждебной для происходящего в хозяйстве. Это проблема была первой, осознанной научной проблемой, связанной с возникновением и развитием государства благосостояния. Тем не менее, М.Вебер признавал необходимость реализации социальной политики, пока она питается идейными соображениями, но одновременно считал, что власть духовных идей приводит в действие собственную, не соответствующую с реальностью и потребностями, динамику политических решений¹⁸.

К похожему выводу, но на основании полностью отличной логики при обосновании генезиса государства благосостояния приходит К.Оффе. В рамках неомарксистского анализа государства благосостояния он выделяет «механизм смягчения» существующей общественной системы. Он служит обработке системных проблем рыночной конкуренции, хозяйственных кризисов и классовой борьбы. В основе механизма лежит система организации рынка, институализация технического прогресса, государственное регулирование капиталистиче-

ской системы. С другой стороны, в роли субъектов «кризисного управления» выделяются акторы, которые сменяют друг друга на разных фазах. И, если в начале основным актором управления был сам капитал, который существовал в виде олигополий и картелей на рынке, то потом на первый план выходит интервенционистское государство. Оно, на третьей ступени развития видоизменяется в государство благосостояния, которое подчиняет себе все общественные процессы¹⁹.

Таким образом, со времен М.Вебера и даже раньше, существует широкий дискурс о «кризисе государства благосостояния». Развитие этой темы в науке и практике совместимо с выражением Н.Лумана о том, что XX век стал «узким эволюционным местом»²⁰ для современных обществ, в течение которого государство благосостояния подчинило себе общественные подсистемы. В настоящее время проблема заключается в восстановлении сбалансированного взаимодействия между общественно значимыми областями. В этом контексте 1980-е и 1990-е гг. рассматриваются как времена ликвидации публичной монополии, приватизации общественных предприятий, либерализации рынков, а также модернизации общественного управления с целью нового определения государственной активности. «Государство услуг» трансформируется в этих условиях в «государство гарантий»²¹.

«Человек в государстве благосостояния» подлежит дисципли-

нированию и контролю. Государство благосостояния считается продолжением традиции власти и господства, не изменившее принципиально эти свои задачи, но институционально преобразившееся за прошедшее время. Специфические отношения власти и господства в государстве благосостояния отражаются в новейших формах практик и институтов. Все учреждения государства благосостояния (например, больницы и школы) являются местами, в которых люди традиционно дисциплинируются. Однако для государства благосостояния характерны и новые средства контроля – социальные услуги, ориентированные на отдельных лиц (адресные услуги), среди которых выделяются в особенности психиатрические услуги, врачебное лечение и услуги социальной работы²². В повседневности государство благосостояния имеет возможности устанавливать диктат над целыми группами населения вне директивного контакта между клиентами и помогающими лицами. Такие институализированные формы помощи, как социальная помощь и социальное страхование определяют сферы жизни людей, далекие от рынка. Отдельные институты государства благосостояния интерпретируются даже в качестве системы «тюремного архипелага», что особенно очевидно отразилось в работах французского социолога М.Фуко²³. В наиболее радикальной версии государство благосостояния само

производит девиации посредством репрессивных норм и практик, а также посредством «научного» определения фактических проблем, которые стремится ограничить путем применения санкций в отношении определенных слоев населения²⁴. Это направление родилось в рамках вполне нейтральных воззрений социологической теории о производстве «крайних групп», прежде всего, бедных, которые, по словам Г.Зиммеля («Экскурс о бедности», 1908 г.) наделяются соответствующим статусом²⁵. Статус бедного предполагает связь с определенными специфическими правами (услугами помощи) и обязанностями, но чаще возникает в этой связи стигматизированный образ бедняка. Однако с помощью внедрения новейших форм контроля удавалось достигать и позитивных эффектов, например, пресекать деструктивное поведение раннего пролетариата (например, криминализацию и бродяжничество)²⁶.

Амбивалентное представление о роли государства благосостояния в изменении социальных отношений связывается в социологии с позитивно оцениваемыми эффектами деятельности государства благосостояния. Еще Н.Луманом анализируемое единение с властью, находит свое выражение в выигрыше автономии индивидами. Активные и креативные клиенты в интеракции с профессионалами, экспертами и попечителями становятся информированными, компетентными и требовательными, что в целом

является заслугой государства благосостояния. И, хотя в некоторых случаях, фиксируется возможная потеря автономности, например, критикуется медицинское обеспечение как источник клинического, социального и культурного ятрогенеза²⁷, тем не менее, пропасть между экспертами, профессионалами и клиентами не углубляется, а наоборот убывает. Большую тревогу вызывает появление «нового» социального неравенства между потребителями услуг, которое является следствием их различной коммуникативной компетенции. Если следовать теории Н.Элиаса, то государство благосостояния вызывает к жизни режимы экспертов, а отнюдь не государственный тотальный контроль в классическом смысле: профессионализацию институтов

государства благосостояния, протопрофессионализацию (зависимостью повседневной жизни людей от профессиональных знаний в области медицины, психологии, юриспруденции и др.) и цивилизационное действие. Социальное страхование и школьное обучение требуют от индивидов уже очень рано биографической дальновидности²⁸.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Leonard P.* Postmodern Welfare. Reconstructing an Emancipatory Project. London, Thousand Oaks: Sage, 1997.
2. *Leisering L.* Wirklich die beste aller Welten? Die soziologische Kritik am Wohlfahrtsstaat // Karl U. Mayer (Hg.). Die beste aller Welten? Marktliberalismus versus Wohlfahrtsstaat. Campus Verlag: Frankfurt/New York, 2001. S.131.
3. *Kaufmann F.-X.* Sozialpolitik und Sozialstaat: Soziologische Analysen. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005.
4. *Lubmann, N.* Die Politik der Gesellschaft. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 2000. S. 434.
5. *Lubmann N.* Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. München, Wien: Olzog, 1981. S.3.
6. *Lessenich St.* Soziologische Erklärungsansätze zu Entstehung und Funktion des Sozialstaats // J. Allmendiger, W. Ludwig-Mayerhofer (Hrsg.). Soziologie des Sozialstaats. Gesellschaftliche Grundlagen, historische Zusammenhänge und aktuelle Entwicklungstendenzen. Weinheim und München: Juventa Verlag, 2000. S. 42.
7. Ibid. S. 41.
8. *Lubmann N.* Die Politik der Gesellschaft. Op.cit. S.9.
9. *Leisering L.* Wirklich die beste aller Welten? Op.cit. S. 113-114.
10. *Lubmann N.* Die Politik der Gesellschaft. Op.cit. S. 70, 71.
11. *Хан А.* Идентичность и нация в Европе /А.Хан // Современная немецкая социология: 1990-е гг. Под ред. В. Козловского и др. СПб.: Социологическое общество им. М.М. Ковалевского, 2002. С. 275-277.
12. *Луман Н.* Формы помощи в процессе изменения общественных условий /Н.Луман //Социологический журнал. 2000. № 1/2. С.16.
13. Луман Н. Указ. соч. С. 18-29.
14. *Lubmann N.* Politische Theorie im Wohlfahrtsstaat. Op. cit. S. 210-228.
15. *Lubmann N.* Ibid. S.138-139.
16. *Lubmann N.* Die Politik der Gesellschaft. Op.cit. S. 189-228.
17. *Koch C.* Sozialstaat und Wohlfahrtsstaat. Leviathan, 23/1995. S. 78-86.
18. *Rieger E.* Zur «Theorie» der Sozialpolitik und des Wohlfahrtsstaates. Der Beitrag Max Webers // Arbeitspapier Nr. 14 des Zentrum für Sozialpolitik. Bremen, 1999. S.119, 123.
19. *Borchert J., Lessenich, S.* «Spätkapitalismus» revisited. Möglichkeiten und Grenzen adaptiver Selbsttransformation der Wohlfahrtsstaatsanalyse. S.6. // <http://www.stephan-lesenich.de/pdf-dateien/Politik->

- blockaden_Borchert_Lessenich.pdf
20. *Lubmann N.* Die Politik der Gesellschaft. Op. cit. S. 190.
 21. *Nullmeier F.* Der demokratische Sozialstaat – Eckpfeiler für eine neue Wohlfahrtsarchitektur // Jahrestagung der Otto Brenner Stiftung «Den Sozialstaat neu denken – Herausforderung für die deutschen Gewerkschaften». Berlin, 3./4. November, 2004.
 22. *Sachße, Ch.*, Tennstedt, F. Soziale Sicherheit und soziale Disziplinierung. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1986.
 23. *Фуко М.* Рождение клиники / М. Фуко. – М.: Смысл, 1998; Фуко, М. Надзирать и наказывать / М. Фуко. – М., 1999.
 24. *Bonstedt Ch.* Organisierte Verfestigung abweichenden Verhaltens. Eine Falluntersuchung. München: Juventa, 1972.
 25. *Ullrich C.G.* Soziologie des Wohlfahrtsstaates. Eine Einführung. Frankfurt/New York, 2005. S. 117-119.
 26. *Lehnhard G.*, Offe, C. Staatstheorie und Sozialpolitik. In: Ch. Von Ferber, F.X. Kaufmann. (Hrsg.). Soziologie und Sozialpolitik (Sonderheft 19 der Kölner Zeitschrift für Soziologie und Sozialpsychologie). Opladen: Westdeutscher Verlag, 1977. S. 98-127.
 27. Ятрогенез трактуется как потеря автономности собственного тела. Различают клинический (врачебные ошибки, больничные инфекции, смерти от употребления лекарств, вызывающих привыкание), социальный и культурный ятрогенез, который зависит в большей степени от образа жизни, не всегда соответствующего физическим возможностям и потребностям организма. См. об этом подробнее: Illich I. Die Nemesis der Medizin. Frankfurt a.M.: Suhrkamp, 1977.
 28. *Элиас Н.* Общество индивидов. / Н. Элиас. – Пер. с нем. М.: Праксис, 2001. ■

© 2007 г.

И.Н.Терентьева, С.В.Лебедева

Социологическая проблематизация лояльности

Инновации можно назвать судьбой современных предприятий, судьбой, сулящей немалые выгоды и таящей немалые опасности. В 2005 году в ЗАО «Завод «Металлоформ» проведены структурные преобразования. Это, безусловно, повысило уровень тревожности в среде персонала, отчасти породило угрозы для самого процесса реструктуризации.

Боязнь потерять рабочее место, лишиться определенного статуса, при-вычной атмосферы внутри отдела, не соответствовать новым требованиям, – вот основные факторы, заставляющие работников тормозить процессы реорганизации. При смене руководства существовавшая ранее лояльность к предприятию сохраняет свое инерционное действие, однако, сущностная неопределенность периода изменений (фактически – периода кризиса!), повышает чувствительность к информации о перспективах. Вопросы о лояльности в

период кризиса становятся вопросами о кредите доверия руководству, о числе приверженцев инновациям, о действии механизма социальной инерции. Этот механизм упомянут отнюдь не только в отрицательном смысле. Например, как инерция ценностей трудовой этики, он предотвращает деградацию рабочей силы.

Интерес к проблеме лояльности среди менеджеров вполне обоснован¹. Персонал сегодня рассматривается в качестве фактора конкурентоспособности, а верность работников компании – как конкурентное преимущество. Добиваясь лояльности работника, работодатель рассчитывает на снижение сопротивления менеджменту, причем как в виде протеста, так и в виде ухода с предприятия. Учитывая затраты на подбор и обучение персонала, снижение текучести кадров было и остается важной управленческой задачей. В условиях рынка и при снижении возможностей всех

видов принуждения формирования лояльности становится приемлемым, а часто единственным, способом решения этой задачи. Управление лояльностью и тем самым сохранение кадрового потенциала предприятия, становится специальной задачей в период инноваций.

Несмотря на важность феномена лояльности сотрудников и активное обсуждение вопроса в менеджерской среде, само понятие «лояльность» трактуется по-разному². Позитивное отношение работника к организации, в которой он трудится, и соответствующее этому отношению поведение, в русскоязычных изданиях зачастую определяется различными терминами: лояльность, приверженность, преданность, патриотизм. Единого понятийного поля и единства мнений по этому вопросу нет.

Анализ семантического поля понятия «лояльность» (применительно к организации) на основании словарных определений позволил выделить следующие аспекты его значения: доброжелательность, приветливость, открытость работника как в отношении компании в целом, так и в отношении других сотрудников; честность, принципиальность; верность, преданность, приверженность; соблюдение правил, законов, отказ от предосудительных и недоброжелательных действий.

Понятно, что лояльность персонала предполагает собой преданность руководителю, фирме и делу, т. е. на первом месте всегда

хозяин, потом – процветание фирмы, а затем сама сфера деятельности предприятия (от воздухоплавания до вязания венков). Беря на себя обязательство быть лояльным, сотрудник автоматически «включается в игру», согласно местному регламенту и таблице о рангах работник должен и им хранить верность. В общем случае лояльность персонала может означать верность сотрудников своей организации. С нашей точки зрения, верность подразумевает не только не причинение вреда, но и совершение действий, приносящих пользу. Применительно к организации можно говорить о лояльном, верном, преданном сотруднике только в случае, когда он проявляет (или намерен проявлять) добровольную активность, направленную на интересы организации. В случае не причинения вреда, формального соблюдения норм и правил можно говорить о законопослушном, благонадежном, может быть, честном, но не преданном сотруднике.

Учитывая многообразие мнений по вопросу лояльности персонала, а также необходимость уточнения предмета дальнейших исследований, в октябре 2006 года, в рамках исследования лояльности персонала как социальной установки, было проведено анкетирование работников ООО «Завод «Металлоформ». Опрос охватил сто сотрудников компании, из них 60% составили рабочие, 33,3% специалисты и 6,7% руководители среднего и высшего звена управления. Респондентам было предложено ответить на нес-

олько открытых вопросов, в числе которых вопрос: «Что для Вас значит слова «лояльность персонала»? (Напишите свое определение)». Ответы респондентов обработаны с помощью контент-анализа. Полнота объема выделяемых смысловых единиц обеспечивалась использованием метода «снежного кома». Для этого по предложенному вопросу были выделены смысловые единицы из ответов первого

респондента. Затем из всех оставшихся ответов выделялись те же смысловые единицы плюс дополнительные, ранее не встречавшиеся. Далее было произведено объединение смысловых единиц в общие категории. В результате по первому вопросу из 70 исходных смысловых единиц было выделено 10 категорий. Процентное соотношение выделенных категорий приведено в табл. 1.

Таблица 1

Категории, раскрывающие понятие «лояльность персонала»

№	Категория	Количество	%
1	Расположенность	24	34,29
2	Осознанные действия в интересах компании	12	17,11
3	Соблюдение норм, правил, обязательств	11	15,71
4	Разделение принципов и целей работы компании	6	8,57
5	Отсутствие действий, наносящих ущерб интересам компании	6	8,57
6	Умение подчиняться	4	5,71
7	Заинтересованность в результатах	3	4,29
8	Сдержанность, формализм	2	2,86
9	Ориентация на долгосрочную работу в компании	1	1,43
10	Консультирование в спорных и пограничных случаях у вышестоящих сотрудников	1	1,43

Для четкого понимания значения категорий по результатам опроса был составлен словарь ключевых категорий: *расположенность* – доброжелательное, корректное, искреннее, уважительное отношение к руководству, сотрудникам, иным лицам, их действиям, а также к компании в целом; *осознанные действия в интересах компании* – осознанное выполнение сотрудником своей работы в соответствии с целями и задачами

фирмы и в интересах фирмы; *соблюдение норм, правил, обязательств*, включая неформальные в отношении фирмы, руководства, сотрудников и иных субъектов взаимодействия; *разделение принципов и целей работы компании* – согласие и поддержка принципов, положенных в основу работы компании, понимание и поддержка цели компании; *отсутствие действий, наносящих ущерб интересам компании* – отсутствие скры-

тых или явных сознательных действий, направленных на причинение материального, морального или иного ущерба компании; *умение подчиняться* – способность выполнять распоряжения руководства вне зависимости от собственного или иного мнения по поводу этих распоряжений; *заинтересованность в результатах* – стремление к улучшению результатов как собственной деятельности, так и деятельности фирмы в целом; *сдержанность, формализм* – отсутствие проявления своего отношения к чему-либо, умение скрывать свои чувства.

Проведенный анализ позволяет уточнить понятие лояльности следующим образом: это доброжелательное, корректное, искреннее, уважительное отношение к руководству, сотрудникам, иным лицам, их действиям, к компании в целом; осознанное выполнение сотрудником своей работы в соответствии с целями и задачами компании и в

интересах компании, а также соблюдение норм, правил и обязательств, включая неформальные, в отношении компании, руководства, сотрудников и иных субъектов взаимодействия.

Из представленных в таблице десяти категорий можно выделить три, составляющих суммарно 67,14%: расположенность, осознанные действия в интересах компании, соблюдение норм, правил, обязательств.

Анализируя выделенные категории, можно сопоставить распределение ответов внутри них по подкатегориям (см. табл.2).

Таблица 2

Распределение ответов респондентов внутри выделенных категорий

Объект лояльности Категория	Объект не выделен	Профессия	Компания	Руководство	Сотрудники	Иные лица
Расположенность по отношению к...	50%	0	4,2%	20,8%	16,7 %	8,3 %
Действия в интересах...	0	16,7%	58,3%	8,3%	16,7 %	0
Соблюдение норм, правил, обязательств по отношению к ...	54,6%	0	36,4 %	0	9 %	0

На основании полученных распределений можно предположить, что категория расположенности определяется в значительной степени личностными характеристиками (общие ответы) с одной стороны, и коммуникативными характеристиками с другой стороны (ответы «к руководству», «к сотрудникам», «иным лицам» в сумме дают 45,8%); категория действия в интересах в первую очередь определяется внешними мотивирующими характеристиками (в интересах компании и руководства в сумме – 66,6%), а затем, в равной степени, профессиональными интересами и интересами других сотрудников; категория соблюдения норм, правил и обязательств также в первую очередь определяется личностными и коммуникативными характеристиками (63,6%), а затем внешними мотивирующими причинами (36,4%). Можно предположить, что с одной стороны лояльность персонала определяется личностными (в том числе, в большой степени, коммуникативными) характеристиками, а с другой стороны – внешними мотивирующими факторами.

По результатам анкетирования можно также выделить лояльность активную и лояльность пассивную. К активной лояльности относятся категории, определяющие границу между лояльным и безразличным сотрудником: расположенность, осознанные действия в интересах компании, разделение принципов и целей работы компании, заинтере-

ресованность в результатах. К пассивной лояльности можно отнести категории, определяющие границу между безразличным и нелояльным сотрудником: отсутствие действий, наносящих ущерб компании, умение подчиняться, сдержанность, формализм. Остальные категории можно отнести к промежуточным, т.е. характерным для безразличного сотрудника.

Важно отметить, что лояльность – феномен социального, а не функционального или административного взаимодействия. Лояльна не должность и не функция, лоялен только человек, человек с комплексом специфических потребностей и возможных вариантов осмысленного поведения. Определение лояльности через социальное взаимодействие позволяет выйти на условия ее возникновения. Зависимость и социальная связь предшествуют взаимодействию, устойчивое взаимодействие порождает отношения. В самой социальной связи участники, предмет и механизм регулирования выступают как необходимые элементы. Определение лояльности через нормы (нормативное поведение), ценности (приверженность организации, основанная на принятии ее основных ценностей), указывает на организационную культуру как на один из регуляторов социальной связи, лежащей в основе производственных отношений любого уровня.

Отношение к предприятию как переменная-посредник между

материальными и социальными условиями труда и его производительностью была выявлена еще в ходе интерпретации результатов Хоторнских экспериментов. Теория человеческих отношений, как частный случай теории условий производительности труда, впервые объяснила опосредованный характер связи комплекса условий труда и производительности работника³. Все обстоятельства и события, происходящие на рабочем месте, становятся предметом эмоциональной оценки, а затем уже отражаются в поведении. Именно в ходе данных экспериментов впервые выявлено значение коммуникации и неформальных отношений в формировании отношения к предприятию. В связи с проблемой лояльности отметим, что управленческая концепция человеческих отношений обосновывает саму задачу сделать отношение предметом управления, и указывает на ряд переменных как на возможные предметы управленческого воздействия. Коммуникация – одна из таких переменных. Организационная культура, в свою очередь, моделирует каналы коммуникации.

В период инноваций лояльность сотрудников подвергается особому испытанию. Резко возрастает неопределенность ситуации не только для менеджеров, но и для работников. Коммуникация и ее содержание, информация, становятся одним из главных факторов лояльности, поскольку личного опыта о потенциальном, еще несостоявшемся, иметь невозможно.

С целью выявления мнения работников о ситуации на предприятии и определения уровня доверия к руководству, оценки степени поддержки действий руководства, выявления опасений и ожиданий работников, связанных с переменами, в феврале 2007 года на предприятии «Завод «Металлоформ» было проведено очередное исследование (анкетный опрос, выборка – квотированная по предприятию).

По итогам опроса ситуация в компании в целом характеризуется как стабильная. По ряду некоторых значимых показателей наблюдается устойчивая позитивная динамика в течение последних двух лет: это показатели поддержки действий высшего руководства компании и показатели информированности о программе развития компании и поддержки действий администрации в целом. А вот оценка деятельности руководства ОАО «Заволжский моторный завод» (ООО «Завод «Металлоформ» – дочернее предприятие ОАО «ЗМЗ») снизилась, что связано с кадровыми перестановками, прошедшими незадолго до опроса.

Судя по итогам опроса, уровень информированности работников завода о деятельности большинства руководителей компании нельзя назвать достаточным. Доля затруднившихся ответить на данный вопрос составляет от 1/3 до половины респондентов. Среди работников ООО «Завод Металлоформ» преобладает мнение о недостаточности сведений о деятельности своей компании и,

особенно, об ОАО «ЗМЗ»: об этом заявило около 2/3 от общего числа опрошенных. Довольно высока и доля респондентов, указавших на полное отсутствие необходимой информации: 19% респондентов отметили, что не получают никакой информации о ЗМФ и 26% – о ЗМЗ. Нехватка сведений о деятельности и перспективах компании подтверждается суждениями заводчан, высказанными при ответе на открытый вопрос анкеты: «Какой информации Вам не хватает?»: «Нет никакой информации», «о дальнейшем развитии и планах предприятия», «стабильность, перспективы заводов и их будущее», «о переменах, происходящих в ООО «Завод Металлоформ» и ОАО ЗМЗ.» Недостаток информации о деятельности головного и дочернего предприятий обусловлен, в первую очередь, недавней реструктуризацией, и, как следствие, неотлаженностью коммуникационных потоков между компаниями; далее, сменой руководящей команды на ЗМЗ, в результате чего вопросы информационной политики на какое-то время отступили на второй план; наконец, высокой неопределенностью в работе службы по связям с общественностью ЗМЗ, с которой столкнулись ее специалисты в данный период.

В ответах респондентов проскальзывало и определенное недоверие к официальной информации: «Не хватает правды». Это также может быть связано с недостаточным освещением значимых для обеих компаний собы-

тий. Возможно, скептицизм опрошенных по поводу информационной политики обусловлен и нехваткой сведений по частным, но крайне важным для персонала проблемам: динамике зарплаты, социальным вопросам, – которые «потерялись» на фоне глобальных перемен в компаниях. Это лишь подтверждает, что в период инноваций информация становится одним из ведущих рычагов управления лояльностью работников, а значит – одним из рычагов оптимизации управления.

Информация – содержание коммуникации, отмеченной ранее как переменная отношения к организации. Значимость информации в период инноваций возрастает. Организация информационной работы, направленной на снятие стрессовых состояний и формирование лояльности в инновационный период, предполагает работу с информацией *социальной* или подачу информации сугубо функциональной с точки зрения ее *социального содержания*. Человек оценивает перспективы технологических изменений с точки зрения своей личной перспективы: содержания своего труда, своего статуса, престижа своей профессии, сохранения привычных социальных связей. Ответ на эти опасения и запросы, ответ на личный запрос и групповую заинтересованность и должен быть представлен в информации. Как можно разъяснить цели изменений, перспективы компании, ее первоочередные задачи, ориентируясь не на формальную (нормативную), а на глу-

бинную лояльность, не разъясняя ценность изменений для данного работника? В этом смысле информационную работу в менеджменте лояльности можно сравнить с маркетинговыми программами формирования лояльности. Преимущества, которые получит потребитель товара или услуги лежат в основе его лояльности. Об этих преимуществах потребителя и стараются информировать всеми возможными способами. Аналогично, в программах формирования лояльности персонала, необходимо информирование и разъяснение преимуществ, связанных с данной компанией.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Магура, М.И., Курбатов М.Б.* Современные персонал-технологии / М.И. Магура, М.Б. Курбатов / Глава 9. Организационная приверженность // Управление персоналом. 2001, №6 (60). – С.45-50.
2. *Доминяк, В.* Феномен лояльности в разработках зарубежных исследователей / В. Доминяк // Персонал-Микс. 2003. №1. – С.107-111.
3. Теория и методы в социальных науках / Под ред. С. Ларсена. – М.: МГИМО; РОСПЭН, 2004. ■

© 2007 г.

Д.Н.Шуваев

Система регионально-распределенного университета

Состояние современной системы образования многие исследователи характеризуют как устойчивый системный кризис. Начало этого кризиса обычно относят ко времени окончания Второй мировой войны. Неудовлетворенность системой образования в основных развитых странах Европы, Северной Америки и Азии связывают с углубляющимся разрывом между содержанием образования и ускоряющимся экономическим развитием, переходом этих стран в постиндустриальный этап, характеризующийся ныне как информационное общество. Не избежало кризисных явлений и высшее образование. Экономически развитые страны Европы активно ищут пути преодоления упоминавшегося кризиса на путях интеграции и глобализации.

Отечественная система образования сумела достичь значительных успехов благодаря трехсотлетним отечественным традициям при неизменной поддержке государ-

ства. Изменения в России в конце XX века, резкие и исторически быстрые экономические преобразования привели ее в противоречие с установившимися социально-экономическими и политическими реалиями. Кризис отечественной системы образования, развившийся в 1990-х гг., обусловлен, как представляется, и политическими, и экономическими причинами. И в начале нового, XXI века политика государства в отношении образования носит противоречивый характер: на фоне усиливающегося внимания к образованию, проявляющегося, в том числе, в реализации приоритетного национального проекта «Образования», поддержки ведущих вузов, школ, лучших учителей и т.д., не прекращаются попытки реформ «сверху», внешне имеющих единственную цель – снять «бремя» системы образования с государственного бюджета. По-прежнему, вызывают беспокойство проблемы финансирования и управления образованием, проблема старения преподава-

тельских кадров, вопросы приема в вузы, межвузовского взаимодействия, развития вузовской науки и интеграции с академической наукой, производством и бизнесом, не говоря уж о проблемах содержания и форм, методов и технологий обучения.

Особую актуальность приобрели проблемы обеспечения доступности и качества, в том числе профессионального образования. По-видимому, один из главных путей решения проблемы доступности образования связан, прежде всего, с расширением его доступности для граждан, проживающих вдали от вузовских центров. В докладе рабочей группы совета при Президенте РФ по науке, технологиям и образованию¹ отмечается, в частности, что *«для обеспечения доступности в сфере начального, среднего и высшего профессионального образования продуктивным может быть... обеспечение территориальной доступности вузов и ссузов за счет современных информационных технологий и гибких организационных решений»*.

Проблема доступности смягчается ныне значительным количеством существующих вузов и филиалов, число которых достигло 1280 и 1799 соответственно. Без сомнения, развитие филиальной сети вузов позволяет жителям провинциальных и удаленных от вузовских центров населенных пунктов получить доступ к полу-

чению профессионального образования. При этом специалисты³ справедливо подчеркивают², что *«для обеспечения условий экономического роста и устойчивого развития национальной системы хозяйствования «образования много не бывает»*». Однако быстро созданные за последние 15 лет филиалы существенно обостряют вопросы обеспечения и повышения качества предоставляемого ими образования. Это, в свою очередь, приводит, возможно, к не совсем обоснованному негативному отношению к институту филиалов в целом. В то же время в этих условиях вопрос о качестве образования не только не снимается, но и обостряется. Качество и доступность высшего образования, а с учетом ситуации в регионах – *доступность качественного образования*, – стали императивами первого десятилетия нового века.

В последнее время о филиалах вузов появляется много публикаций. При этом их авторы высказывают порой прямо противоположные суждения. Одни считают,

что именно отдельная лицензия филиала делает головной вуз независимым от того, что происходит в этом филиале: «Если в случае незаконных действий у филиала отзовут лицензию, с головной организацией ничего не произойдет. Если бы лицензия головного вуза распространялась на его филиалы, они освобождались бы от необходимости самостоятельно проходить лицензирование и аккредитацию, но при этом повышалась бы ответственность филиалов перед головной организацией»³. С этим взглядом категорически не согласны другие: «Прежде всего, нужно остановить рост профанированного образования. Оно в основном гнездится в сотнях филиалов... Филиал – чаще всего место, где головной вуз реализует коммерческие программы... Многие ректоры регулярно ставят вопрос о том, что их филиалы нужно лицензировать... в составе головного вуза, т.е. автоматически лицензию и аккредитацию головного вуза распространять на филиал. Ясно, для чего нужна подобная индульгенция»⁴.

Но дело, конечно, как представляется, не в том, что филиалы плохи сами по себе, а филиалы, не имеющие собственных штатных преподавателей, в особенности, и не в том, филиал какого вуза – государственного или негосударственного – осуществляет подготовку. Дело в том, *кто, каким образом и на какой базе* реализует образовательный процесс в том или ином филиале. Главной причиной невысокого качества

обучения во многих филиалах является, прежде всего, отсутствие необходимого количества *квалифицированных научно-педагогических кадров*, выращенных и воспитанных в профессиональной среде, которая создается в течение многих лет лишь серьезными научно-педагогическими школами.

Очевидно, что совершенствование региональных систем высшего профессионального образования не возможно без изменения нормативно-правовой базы, определяющей и регулирующей порядок функционирования высших учебных заведений, в том числе, и в регионе. Эффективная деятельность учреждений высшего образования в регионе возможна лишь при грамотном учете и согласовании интересов многочисленных акторов.

Известны различные варианты подходов к решению упомянутых проблем, но реальные пути только намечаются.

Что же можно сделать уже сейчас? Прежде всего, нужно признать тот факт, что в настоящее время существуют *разные филиалы*.

Во-первых, существуют традиционные филиалы (назовем их условно филиалами «*первого типа*»), которые фактически лишь номинально остаются филиалами, а на деле являются почти самостоятельными вузами, образовательными учреждениями, практически полностью самостоятельно осуществляющими учебный процесс. Такие филиалы обладают всеми признаками самостоятельного учебного заведения: имеются факультеты и кафедры, собственный штатный преподавательский состав, необходимая лабораторная база, собственная библиотека и т.д.

Во-вторых, существуют филиалы (назовем их условно филиалами «*второго типа*»), которые являются всего лишь базовыми рабочими площадками головного вуза, не имеющими реальной самостоятельности, практически не осуществляющими *самостоятельно* образовательную деятельность.

Филиалы обоих типов выполняют важнейшие социальные функции, и те, и другие ведут плодотворную работу, в многообразных условиях российской действительности и те и другие имеют право на существование: в одних обстоятельствах эффективнее первые, а в иных –

вторые. Все попытки «втиснуть» эти *различные* филиалы в *одно* нормативное поле, не замечая различий между ними, неизбежно приводят к ущемлению прав и недовольству или одних, или других. Заметим, что существующая (на начало 2007 г.) правовая база функционирования вуза и его филиалов пытается порой довольно эклектично сочетать требования, применимые, по нашему мнению, в полной мере или к одному или к другому типу филиалов. При этом упор явным или неявным образом делается все-таки на деятельность филиалов «*первого типа*».

Представляется, что было бы разумно «*развести*» различные филиалы *по своим правовым нишам*, тем более, что это не потребует внесения больших изменений в существующую нормативную базу. Более того, возможно, позволит исключить из нее некоторые противоречия.

Заметим, что можно выделить и еще один, «*третий тип*» филиалов. Это те, о которых говорит Президент В.В.Путин: «Нам давно пора навести порядок в малоизвестных, но многочисленных вузах и их филиалах, где плата за обучение стала самоцелью. Не качество образования, не само образование, а именно плата за этот процесс...»⁵.

Как представляется, одним из возможных и разумных шагов на пути к решению проблемы доступности качественного профессионального образования стала бы институционализация филиалов, не осуществляющих

самостоятельно образовательную деятельность.

Филиал, не осуществляющий самостоятельно образовательную деятельность, – филиал высшего учебного заведения, на базе которого учебный процесс осуществляется в основном преподавателями головного вуза и с использованием учебно-материальной базы как филиала, так и головного вуза.

Предполагается, что филиал, не осуществляющий самостоятельно образовательную деятельность, должен иметь:

- учебные площади, здания и помещения, используемые для организации и ведения головным вузом образовательного процесса, включая компьютерные классы, спортивные залы и т.п., соответствующие санитарным, противопожарным и иным федеральным и местным требованиям;

- штат достаточно квалифицированных «местных» преподавателей, к примеру, по общему курсу физической культуры и т.п.;

- штат учебно-вспомогательного (методисты, документоведы, библиотекари, лаборанты, инженеры, техники и т.д.) и обслуживающего (рабочие, гардеробщицы, дворники и т.д.) персонала;

- библиотеку (или отделение библиотеки головного вуза).

В то же время филиал, не осуществляющий самостоятельно образовательной деятельности, может не иметь:

- полностью укомплектованного штата преподавателей, как и кафедр и факультетов,

- собственных отдела кадров и бухгалтерии (как, в прочем, их не имеют и иные структурные подразделения вуза).

Головной вуз, создающий филиалы, не осуществляющие самостоятельно образовательную деятельность, должен иметь:

- достаточный штат квалифицированных преподавателей, обеспечивающий требуемый уровень подготовки (как на основной площадке, так и на базе филиалов);

- необходимые базы всех видов практик для студентов, обучающихся в филиалах;

- необходимые эффективные структуры управления филиалами.

При этом головной вуз, обеспечивая необходимое качество подготовки, несет полную ответственность за деятельность как на основной площадке в месте своего расположения, так и в своих филиалах, которые сами не осуществляют обучение.

Системы филиалов, не осуществляющих самостоятельно образовательную деятельность, имеют (судя по публикациям, на которые даются ссылки ниже) по крайней мере, несколько университетов страны, в том числе Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова⁶, Кубанский госуниверситет⁷, Саратовский государственный социально-экономический университет⁸.

Под категорию филиалов, не осуществляющих самостоятельно образовательной деятельности,

попадают и проектируемые «филиалы заочного обучения» и «филиалы дистанционного обучения» и др. Одним из возможных вариантов филиала, не осуществляющего самостоятельно образовательной деятельности, применительно к решению региональных проблем является территориально близкий филиал.

Территориально близкий филиал – структурное подразделение высшего учебного заведения, расположенное на таком удалении от вузовского центра, которое позволяет учебному заведению обеспечивать учебный процесс на базе этого филиала (в том числе, в очной форме) силами своих штатных преподавателей с использованием лабораторной, информационной и учебно-материальной базы как филиала, так и головного вуза.

Одним из возможных вариантов воплощения эффективной схемы профессионального образования *на уровне региона*, как представляется, стало бы создание университета с регионально распределенной структурой – *регионально распределенного университета (РРУ)*, основанного на мощном классическом университете и системе его специфических обособленных структурных подразделений территориально близких филиалах (ТБ-филиал). Схема организации учебного процесса в системе РРУ строится аналогично тому, как это происходит на факультетах университета, учебные корпуса которых в пределах одного города удалены друг от

друга на расстояния, порой большие, чем от основного кампуса до городов с территориально близкими филиалами. Таким образом, ТБ-филиал представляет, по существу, обычный учебный корпус университета за пределами вузовского центра. Но корпус этот в соответствии с требованиями действующей нормативно-правовой базы может существовать и функционировать только как филиал.

Предлагаемая схема работы позволяет организовать единый учебный процесс головного вуза – классического университета – и системы его ТБ-филиалов, сохранить качество образования, обеспечив гражданам возможность получения образования по месту жительства или работы, в том числе по очной форме. Схема работы регионально распределенного университета предполагает широкое и активное использование лабораторной, информационной, учебно-материальной базы головного вуза для обучения студентов, обучающихся в ТБ-филиале. Так, к примеру, чрезвычайно затруднительно, практически невозможно открыть подготовку по специальностям «Химия» или «Физика» в новом филиале, в силу сложности и чрезвычайной дороговизны создания необходимой лабораторной базы. Да, заметим, и вряд ли целесообразно. В то же время студенты, зачисленные в вуз для обучения в ТБ-филиале, могут проходить подготовку по этим специальностям в учебных лабораториях головного вуза. То же касается использования фондов

библиотеки университета и т.д. Схема позволяет решить многие проблемы университета и региона: от необходимого расширения учебных площадей вуза до решения социальных проблем, в том числе и закрепления подготовленных специалистов на периферии.

Головной вуз, обеспечивая необходимое качество подготовки, несет полную ответственность за выполнение всех лицензионных требований как для основной площадки в месте своего расположения, так и для своих ТБ-филиалов.

Нижегородский государственный университет им. Н.И.Лобачевского (далее – ННГУ, Университет) также имеет опыт создания регионально распределенной системы подготовки профессиональных кадров. В течение семи последних лет ННГУ создал в Нижегородском регионе систему девяти филиалов и двух факультетов, имеющих основные черты *территориально близких филиалов*, которые вместе с головным вузом образуют *Нижегородский регионально распределенный университет (НРРУ)*⁹.

Особенность регионально распределенной системы образования – обеспечение учебного процесса за пределами г. Нижнего Новгорода силами преподавателей ННГУ с использованием лабораторной и учебно-материальной базы ННГУ – гарантирует университетские разнообразие и качество образования, получение которого становится доступным значительному контингенту граждан области. Обычные учебные занятия,

общение с преподавателями Университета, мероприятия воспитательного и культурно-массового характера привносят в жизнь небольших городов области интерес к образованию, культуре, науке, приобщают молодежь к знаниям и духовным ценностям. Университет придает особое значение разработанной на этом этапе уникальной системе организации, при которой занятия в близких филиалах, проводят те же преподаватели ННГУ, что и на традиционных факультетах в Нижнем Новгороде, что позволяет обеспечить *единые стандарты качества* предоставляемого образования.

Создание и успешное начало работы в последние два года Автозаводского и Сормовского факультетов ННГУ в крупных промышленных районах Нижнего Новгорода на практике доказывают принципиальную тождественность схемы функционирования регионально распределенной системы образования в областном центре *в форме факультетов*, а за его пределами – в форме *территориально близких филиалов*.

Деятельность ННГУ за пределами областного центра, на наш взгляд, – и есть *«региональный опыт инновационной образовательной деятельности»* и с применением *«гибких организационных решений»*¹⁰.

Рассмотрим, для примера, как происходило развитие первого из созданных территориально близких филиалов ННГУ – Борского филиала – и как выглядят некоторые показатели его работы. Город

Бор расположен на левом берегу Волги, напротив областного центра, в зоне прямой видимости (около 4-5 км). Однако автобусом путь до г. Бор занимает в лучшем случае часа полтора. В 1999 г. глава Администрации Борского района и ректор ННГУ приняли решение об открытии факультета Университета непосредственно в г. Бор. Губернатор области поддержал инициативу ННГУ и Борской администрации, утвердив Договор между ними о сотрудничестве в области образования. Эту работу поддержал Министр образования РФ.

Администрация передала ННГУ в безвозмездное пользование здание и выделила средства из бюджета района для обучения в Университете студентов Борского района по очной форме. Уже в апреле 2000 г. Университет осуществил прием студентов на заочную форму обучения вновь созданного факультета дистанционного обучения (оговоримся: термин «дистанционный» изначально трактовался как «удаленный»). В сентябре того же года, после прохождения соответствующих вступительных испытаний и проведения конкурса были приняты в Университет первые 100 студентов очного отделения, которые все пять лет обучались на местах, финансирование которых взяла на себя Администрация района. Прием был осуществлен на девять специальностей: «Бухгалтерский учет, анализ и аудит», «Информа-

ционные системы (в физике)», «История», «Прикладная математика и информатика», «Химия», «Химическая технология», «Экология», «Экономика и управление на предприятии (в машиностроении)», «Юриспруденция». В последующие годы прием на места, финансируемые Администрацией Борского района, сохранялся на уровне 40-50 человек. При этом прием осуществлялся и на иные специальности: «Менеджмент организации», «Математические методы в экономике», «Прикладная информатика (в экономике)», «Социальная работа», «Таможенное дело», «Финансы и кредит», «Юриспруденция». Заметим, что для проведения по расписанию лабораторных занятий по химическим и физическим дисциплинам студенты автобусами доставлялись в ННГУ в соответствующие лаборатории химического и физического факультетов Университета; а к примеру, полевые работы (раскопки) и архивная практика по истории проходили в Борском районе и т.д.

Довольно скоро выяснилось, что помещений, первоначально

предоставленных Администрацией, не хватает. В этих условиях Администрация района и ННГУ приняли радикальное решение о строительстве лекционной аудитории на 200 человек (как отдельного здания-пристроя к помещениям используемой школы). Строительство, финансировавшееся на паритетных началах Борским районом и ННГУ, было в кратчайшие сроки завершено: и ныне эта аудитория – одна из лучших в Университете.

Глава Администрации района всегда внимательно относился к студентам ННГУ; неоднократно отличники учебы получали от Администрации единовременные стипендии и соответствующие сертификаты, вручавшиеся в торжественной обстановке.

В 2006 г., созданный приказом Министерства образования РФ Борский филиал ННГУ, успешно прошел соответствующую экспертные процедуры и получил собственную лицензию на право осуществления образовательной деятельности. Но самостоятельной образовательной деятельности филиал не ведет. Схема работы ННГУ в г. Бор не изменилась: ежедневно по 2-3 раза из университетского городка в Нижнем Новгороде отправляются микроавтобусы с преподавателями для проведения занятий в помещениях Университета в г. Бор. У Борского филиала нет ни одного «собственного» преподавателя: в нем преподают профессора и доценты, доктора и кандидаты наук, опытейшие преподаватели Университета, которые ведут

занятия на основной площадке ННГУ.

В 2005 г. состоялся первый выпуск студентов очной формы подготовки. Борский район и область получили более ста квалифицированных специалистов. Лучшие выпускники были приняты и продолжили учебу в аспирантуре: в 2005-2006 гг. в аспирантуру поступили 11 человек, постоянно живущих в г. Бор. Всего на 01.01.2007 г. окончили ННГУ в г. Бор более 770 человек по всем программам и формам обучения.

Базами учебных и производственных практик являются Администрация и предприятия Борского района и, разумеется, ННГУ. Зримые черты приобретает схема непрерывного образования: школа – техникум – университет – послевузовское образование. Таким образом осуществляется крупнейшая социальная образовательная программа в Борском районе. И работа Университета в Борском районе – только один пример.

Несколько тысяч студентов проходят обучение в системе НРПУ без отрыва от места жительства и работы, не неся затрат на длительные и, зачастую, дорогостоящие и утомительные поездки для учебы в областной центр. Сотни выпускников, уже закончивших обучение и получивших дипломы ННГУ о высшем профессиональном образовании, остаются работать на своих предприятиях и в организациях, а лучшие приняты в аспирантуру. Тем самым решается важная социаль-

ная и экономическая задача закрепления квалифицированных кадров на местах, сокращения их оттока в крупные города. Решается задача взаимодействия с работодателями, и, следовательно, занятости населения, прежде всего, молодежи. Повышение образовательного уровня населения районов потенциально служит их экономическому развитию, усиливает их привлекательность для инвесторов. Положительные результаты, достигнутые в ходе осуществляемого эксперимента, значительный контингент студентов, вовлеченных ныне в процесс его реализации, свидетельствуют, на наш взгляд, в пользу необходимости продолжения и развития этой работы.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Системные вопросы развития отечественного образования // Доклад рабочей группы совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию. Октябрь 2005 г. / Высшее образование сегодня, № 11, 2005. – С. I-XII.
2. *Геворкян Е.Н.* E-learning в экономике, основанной на знаниях / Е.Н. Геворкян // Высшее образование в России, № 1, 2006. – С. 114-118.
3. *Коваленко, А.* Образовательный франчайзинг (Еще раз о статусе филиала) / А.Коваленко // Высшее образование в России, № 12, 2004. – С. 3-8.
4. *Любимов Л.* Реформа образования: благие намерения, обретенные, потери / Л.Любимов // Высшее образование в России, № 12, 2004. – С. 8-24.
5. *Путин В.В.* Вступительное слово на заседании Совета по науке, технологиям и образованию 25.10.2005, Москва, Кремль. <http://www.kremlin.ru/appears/2005/10/25/2036>.
6. *Миронов, В.В.* Классическое образование: фундаментальность и динамизм / В.В. Миронов // Интервью / Высшее образование в России, № 1, 2005. – С.40-58.
7. *Брегеда И.* Роль филиалов в развитии регионов Кубани / И.Брегеда // Высшее образование в России, 2006, № 2. – С. 47-50.
8. *Шевашкевич Г.* Филиалы университета / Г.Шевашкевич // Высшее образование в России, № 8, 2006. – С. 128-131.
9. *Стронгин Р.Г.* Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. Деятельность по повышению инвестиционной привлекательности промышленного пояса Нижнего Новгорода – Нижегородский регионально распределенный университет / Р.Г. Стронгин, А.П. Колданов, Д.Н. Шуваев. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2006. – 41 с.
10. Системные вопросы развития отечественного образования // Доклад рабочей группы совета при Президенте Российской Федерации по науке, технологиям и образованию. Октябрь 2005 г. / Высшее образование сегодня, № 11, 2005. – С. 1-12. ■

© 2007 г.

Ю.Г.Юшкова-Борисова

Кадровые проблемы бизнеса

Причина, по которой обезлюдевает Верхняя Салда, в которой расположено предприятие ВСМПО банальна: недостаточное развитие городской инфраструктуры, уровень которой не может быть поднят силами одного предприятия¹. Молодые салдинцы едут за более комфортными условиями, за широкими возможностями и высоким ритмом жизни в большие города – Екатеринбург, Челябинск и другие. Происходит стихийное перераспределение основного ресурса производства – человеческого.

Можно говорить о том, что на территории России стихийно складываются производственные кластеры – особые территории, сочетающие наличие производственных ресурсов, человеческого потенциала, транспортных и прочих коммуникаций с рынками сбыта. На данный момент первый такой кластер сложился на территории Москвы и Московской области. Не в силах противо-

стоять этому процессу, Министерство регионального развития летом 2005 года предложило программу развития экономики именно по кластерному принципу, перенеся этот принцип на отрасли производства с целью формирования производственных кластеров, в основном на основе добывающих отраслей. Экспертиза проекта, заказанная мировой знаменитости, специалисту по инвестициям, Майклу Портеру, показала, что кластерная стратегия не принесет России повышения конкурентоспособности. «Сердце экономики – небольшие мобильные компании», – заявил Портер². Тем не менее, кластеры, пока территориальные, продолжают формироваться, и, как определял губернатор В.Кресс, «каждый такой «локомотив» одновременно становится своеобразным пылесосом, выкачивающим с депрессивных территорий остатки квалифицированных рабочих ресурсов»³. Можно предположить, что

именно создание территориального кластера вокруг Екатеринбургa подкашивает титановое производство ВСМПО-АВИСМА в Верхней Салде.

Нехватка, текучесть, нестабильность, недомотивированность рабочей силы и ее несоответствие потребностям производства становится основной проблемой российской экономики и всей сферы занятости.

Очевидно, что исходной причиной нехватки кадров на самом деле является *демографическая проблема*, остро ощущающаяся на экономическом поле. Первые симптомы возможного сокращения общей массы рабочей силы появились еще в 1970-х годах прошлого века, когда население европейской части СССР перестало себя воспроизводить расширенно. Попытки переломить тенденцию предпринимались, в частности, были введены пособия матерям, находящимся в отпуске по уходу за ребенком до года, что в свою очередь, спровоцировало короткий период беби-бума второй половины 1980-х годов. Но дело в том, что современным работодателям нужны не просто люди, а квалифицированные кадры. Очевидно, что стать таковыми способны не все поголовно жители территории. Достаточность кадров может обеспечить только некоторая избыточность населения. На данный же момент население страны в целом уменьшается, причем не только за счет разницы между количеством рождений и смертей, но и за счет

высокой смертности мужчин трудоспособного возраста. Лишь отдельные южные регионы воспроизводят население расширенно.

К тому же за годы экономических и политических реформ произошла трансформация производств. Так, многие предприятия, бывшие градообразующими, закрылись. Встала *проблема переселения населения с территорий*, где оно было необходимо ранее, на территории, где оно необходимо сейчас. Однако этот процесс, проходящий во многих странах относительно спокойно и самостоятельно, без участия государства, у нас буксует. «У нас до сих пор есть города вокруг уже не существующих предприятий...а люди там живут, и я не знаю на что. Что они там делают – неизвестно. И они никуда не хотят уезжать в поисках лучшей доли. Они ничего не хотят менять в своей жизни. Многие говорят: «Я шахтер, шахтером помру»... Вот у нас есть нелегальная иммиграция. К нам едут люди разных национальностей. А наше население, русское – оно почти не движется», – так обозначил эту проблему заместитель главы администрации Президента РФ Владимир Сурков в беседе с молодыми писателями⁴.

«Неподвижность» российского населения – это проблема, которая имеет особенные корни, кроющиеся в нашем традиционном социальном устройстве. При отсутствии развитой инфраструктуры, в том числе социаль-

ной, при многолетнем дефиците жизненных благ (жилье, телефонная линия, автомобиль, медицинское и санаторное обслуживание и т.д.) выработался особый механизм их распределения – по социальному статусу. Механизм настолько укоренился и развился, что можно говорить о формировании института *личного социального капитала*. И он гораздо важнее для многих россиян, чем капитал финансовый. На многих территориях России обширные связи и знакомства, авторитет, способны быть защитой от посягательств, в том числе правоохранительных органов, обеспечивать доступ к социальным благам (бесплатное образование детей в высших учебных заведениях, например) и, тем самым, прямо конвертироваться в капитал финансовый. Именно этот институт позволяет работодателям, в основном государству, удерживать определенный слой квалифицированной рабочей силы (врачей, учителей, работников культуры и т.д.) на местах с низкими зарплатами. С другой стороны, именно этот институт стимулирует коррупцию в этой среде. По мнению заведующей лабораторией психологии труда Института психологии РАН Л.Дикой, деньги для русского человека до сих пор не стали преобладающей ценностью. Социальный статус –

важнее, а деньги важны лишь как его измерение. Люди же, для которых их работа является ценностью в личностном и профессиональном плане (социально значимые профессии – врачи, учителя, творческие работники) «нарушат нравственные нормы – будут брать взятки, пойдут подрабатывать в коммерческие структуры, но не бросят свою профессию»⁵.

Эта особенность российской жизни выливается в особую головную боль для работодателей: работники предъявляют завышенные требования к размеру оплаты труда на вновь создаваемых предприятиях. Они хотят компенсации за потерянный при переезде или переквалификации социальный статус-капитал. И они не готовы ни переезжать, ни переквалифицироваться, если новые условия не способствуют скорейшему обретению этого капитала на новом месте.

Наиболее мобильной становится молодежь, которая еще такого капитала не имеет и кото-

опять же становится проблемой для работодателя, он должен думать о том, как удержать работника. Рынок труда, в свою очередь, становится «рынком кандидатов», а не «рынком работодателей»... кандидатов сегодня меньше, чем требуется рынку, и

рой нечего терять. Появляется еще одна специфическая российская кадровая проблема – *нехватка топ-менеджеров*. Молодой человек, как бы образован и умен он не был, редко способен хорошо управлять предприятием – в силу отсутствия жизненного опыта. Особенно важен управленческий опыт, являющийся практическим опытом взаимодействия с людьми, который не может быть заменен никаким образованием. «Основная проблема – привлечение сильных менеджеров. В России найти хороших менеджеров намного труднее, чем на Западе... Деньги есть, идеи есть, бизнес есть, а нужных людей нет», – так высказался о проблеме инвестор Борис Йордан⁶. Именно это позволило стремительно развиваться в России такой специфической отрасли кадрового бизнеса как хедхантинг, специализирующейся не столько на поиске, сколько на переманивании успешных менеджеров с одного предприятия на другое. Это, в свою очередь,

лучшие из них получают несколько звонков от рекрутинговых агентств в неделю» – утверждает управляющий партнер компании Suvorova & Partners Executive Search Ольга Суворова⁷.

Самым острым становится вопрос мотивации персонала на работу именно в данной компании. Он подразделяется на вопросы эффективности труда и соблюдения интересов компании, прощя говоря, честности персонала.

Применяются различные системы материального поощрения: выплата бонусов по результатам года, по результатам проекта, предоставление топ-менеджерам опционов, частичная или полная оплата членства в спортивных клубах и т.д. Что касается рядовых сотрудников, то таким поощрением могут стать аренда квартиры за счет предприятия, оплата стоимости проездных билетов и даже обеды на рабочем месте за счет предприятия.

Анализируя имеющуюся информацию, как из периодической печати, так и из собственной

консалтинговой практики, могут сказать, что по большей части усилия работодателей не полностью оправдывают себя. Отдача снижается по мере отдаления от старта бонусных программ. Работники постепенно перестают мысленно отделять бонус, даже если он выплачивается в натуральном выражении, от основной зарплаты.

Один из нижегородских предпринимателей попытался стимулировать рабочих предприятия бесплатными обедами. Через некоторое время один из его сотрудников, проболевший две недели, попросил выплатить ему деньгами стоимость тех обедов, которые он пропустил по причине болезни. Предприниматель немедленно свернул «обеденную» программу, правильно рассудив, что рабочие не считают обеды премией за работу, а уже считают частью зарплаты в натуральном выражении, которую он обязан им платить.

Показательно, что большая зарплата – это еще не гарантия заинтересованности сотрудников в рабочем месте, и вовсе не гарантия их эффективности. Важно, как эта зарплата соотносится с уровнем зарплат и общим социальным положением региона, а также насколько работник защищен от неожиданного увольнения. «Мы все как воробышки на жердочке сидим. Нас всех вот-вот ветром сдует», – так охарактеризовала перспективы своей дальнейшей занятости топ-менеджер нижегородского подразделения

одной из российских компаний. Ни о какой эффективности при таком настрое не может быть и речи. Работник, находящийся под постоянным психологическим прессингом угрозы потери высокой зарплаты, скорее будет, мысленно или практически, подыскивать себе другое место работы, а не пытаться всеми силами своей нынешней зарплате соответствовать. Если же найти работу на другом предприятии с той же заработной платой в данном регионе невозможно, то основные усилия работника могут быть направлены на закрепление за собой своего рабочего места всеми доступными способами: интриги в коллективе, избавление от потенциальных конкурентов за данное рабочее место, лакировка показателей, сокрытие проблем, установление особых отношений с начальством.

Высокая заработная плата при неустойчивости занятости, нестабильности служебного положения, на фоне негативного общего социального фона, может восприниматься как случайная удача, которой надо пользоваться, и может прямо стимулировать работника к коррупции.

Неясность финансовых перспектив стрессифицирует. Между тем, накопительные пенсионные программы обязательного страхования действуют только для лиц, родившихся после 1967 года. Пресловутый демографический «русский крест», обещающий, что в скором времени количество работающих будет меньше количества

пенсионеров, не оставляет надежд на достойную государственную пенсию тем, кому сейчас 40 лет и более. Перспективы тех, кто моложе – тоже не ясны. Пока накопительная часть пенсий размещается Пенсионным фондом так, что, с учетом инфляции, она уменьшается. После неоднократных пертурбаций банковской системы доверие к ней только начинает восстанавливаться, и не совсем ясно, сколько потребуется времени, чтобы молодые работающие люди доверили банкам и пенсионным фондам свои деньги «на старость».

Таковыми же неразрешимыми как пенсионные, могут быть проблемы с жильем, медицинским обслуживанием, социальной адаптацией на новом месте жительства и т.д. В этой перманентно стрессовой ситуации в российских условиях у работников может начать работать сценарий «украсть-уехать» («хапнуть и свалить»), то есть, появляется стремление быстро нажить капитал и переехать на постоянное место жительства в более развитую страну или поменять город проживания, работу и т.д. Как правило, этот сценарий актуален для наемных работников, в том числе государственных служащих. В этом случае страдает работодатель. Иногда такой сценарий удобен и для собственников бизнеса – здесь уже страдают клиенты и партнеры, а также общая бизнес-репутация территории или сферы бизнеса.

Однако не только финансовые условия, социальные проблемы и

прочие стрессы толкают персонал на воровство. Существует еще одна *проблема – идеологического свойства*.

«Полтора года назад сотрудники молочного комбината «Нижегородский» (входит в концерн «Вимм-Билль-Данн») с удивлением обнаружили в Интернете зарплатные ведомости родного предприятия – с указанием того, кто и сколько получает. Источник утечки нашли быстро: сайт оказался «домашней страничкой» 32-летнего электромонтера комбината, который на досуге пробовал себя в компьютерном мастерстве и взломал локальную сеть компании. А, увидев документы с информацией о зарплатах, расстроился и решил отомстить, разместив их на своей странице в Интернете...»⁸. Случай резкой реакции рабочего персонала на информацию о зарплатах управленцев далеко не первый. Пусковым моментом забастовочного движения на заводе Форда в городе Всеволожске стало очередное повышение зарплаты высшему менеджменту⁹. Острую реакцию работников также могут вызвать и сообщения о размерах дивидендов, которые получают акционеры компании¹⁰.

Эти факты сигнализируют о том, что в сознании основной массы работников-россиян не произошло моральной легитимации нового типа трудовых отношений. Соответственно не сформировалась и новая, адекватная им, трудовая этика. Вообще, нравственные основы рыночных

трудовых отношений доходят до россиян медленно и болезненно. А когда доходят, то зачастую отвергаются ими.

Отчасти это можно объяснить тем, что сам факт социальной революции, изменившей форму собственности на средства производства, остается в информационной тени. Не совсем ясно, в каком же году она все-таки произошла. Не случилось самого факта объявления первыми лицами государства о начале строительства капиталистического общества. Даже сейчас, когда фактически капиталистическая форма собственности утвердилась в государстве, информационные акценты, очевидно, для спокойствия населения, делаются не на событиях, укрепляющих нравственные устои капитализма, а на таких событийных рядах (например, развертывание национальных проектов), которые подчеркивают социальную направленность, а также социалистическое прошлое государственной политики.

К тому же сам советский строй вызывал больше всего нареканий не отсутствием частной собственности, а недостатком социальных благ: продуктов питания, одежды, общественного транспорта, жилья, выездного туризма и пр. Уравнительная же система оплаты труда устраивала многих граждан.

Нельзя также забывать, что изучение марксизма-ленинизма было плотно вплетено в образовательный процесс – от детского

сада до вуза. Таким образом, получается, что все работники после тридцати изучали основы марксистско-ленинской идеологии и экономической теории, в адаптированном виде, в детском саду и начальной школе. Специфические особенности периода создания капиталов многих укрепили в мысли, что богатство создается эксплуатацией чужого труда и присвоением прибавочной стоимости. На этом пестром фоне воровство, коррупция, практика «откатов» могут являться своего рода элементом классовой борьбы, современной реализацией лозунга «грабь награбленное», своего рода раскулачиванием, разоблачением экспроприаторов и т.д.

В подобных обстоятельствах сформировалось особое отношение к капитализму и своему месту в нем. Россияне не хотят быть эксплуатируемыми. Но они уже согласны быть эксплуататорами. Когда же они понимают, что их эксплуатируют, и они не могут этому противостоять, возникает желание покинуть рабочее место, даже то, которое в принципе устраивает. Исследование ВЦИОМ, проводившееся 18-19 ноября 2006 года, выяснило, что 54% россиян готовы поменять работу на другую с лучшими условиями, каждый десятый с легкостью сменил бы работу. Лояльны же работодателю, то есть не поменяли бы свою работу ни на какую другую, или на этот шаг их могли бы подвигнуть очень серьезные основания, лишь 31% работников.

Эксперт в области человеческих ресурсов Г.Мельникова считает, что цифра 54% скорее «выявляет эмоциональное состояние опрашиваемых», чем желание «встать и уйти»¹¹. Если это так, то это печальная цифра, говорящая о том, что больше половины работающих в России пребывает в состоянии эмоционального дискомфорта, не имея при этом возможности сменить работу.

Казалось бы, в данной ситуации проблема корпоративной культуры, ее построение, внедрение должно быть первой задачей управленцев. Культуры именно своей, новой, отвечающей вызовам данной ситуации. На деле же происходит наоборот. Почему-то именно советские, противоположенные в данном случае, клише более всего популярны у работодателей.

Корпоративная пресса, в большинстве своем представляет из себя квазисоциалистическое словотворчество, очень похожее на советский агитпроп первой половины XX века, в котором слово «государство» заменено на «компания», а слово «народ» на «персонал». Например: «искреннее отношение людей к работе – наше общее большое достижение»; «люди работали в очень интенсивном режиме для поддержания рыночной позиции...и при этом не потеряли своей энергии, сил, энтузиазма», – как будто прямая калька с советских газет: «Люди работали день и ночь для поддержания обороноспособности нашей страны...»; «Я не сом-

неваюсь, что наша компания станет лидером, но для этого всем нам придется много работать»; «все должны понять, что такое новая корпоративная культура и попытаться ей соответствовать... я понимаю, что сложно быстро перестроиться, но мы ...будем помогать и очень надеемся на большой вклад со стороны менеджмента компании»; «буквально за несколько дней работы новые сотрудники уже почувствовали дух компании...очень быстро поймали этот соревновательный азарт, включились в работу»¹².

К сожалению, *корпоративная этика не содержит логичных основ и постулатов, связанных непосредственно с деятельностью компании*, кроме одного: задачи выполнять и перевыполнять плановые показатели. Плановые же показатели рассчитаны на повышение прибыльности и капитализации компании, что дает возможность акционерам получать хорошие дивиденды. Такая цель не может мотивировать тех, кто акционером не является.

В этой сложной ситуации физической нехватки людей, нехватки персонала определенной квалификации, трудностей с переселением и переквалификацией работников, отсутствии достаточного количества перспективных менеджеров, при воровстве и коррупции персонала, казалось бы, что может наука? Между тем, как раз *все возможные решения лежат именно в плоскости социальных наук*.

В апреле-июне 2004 года Экспертным центром «Мера» было проведено большое исследование социального пространства целого субъекта РФ – Республики Коми. Самым важным результатом стало выявление серьезной угрозы: территория может потерять часть своего населения, как вследствие недостаточной рождаемости, так и прямого оттока населения в другие регионы. К сожалению, наш прогноз оправдывается. Сегодня Коми – регион-лидер по уменьшению населения. Основная причина – отсутствие необходимых рабочих мест на конкретных территориях под конкретное население с определенными трудовыми навыками, притом, что в целом по Республике достаточное количество рабочих мест вакантно и рабочая сила систематически завозится. Безусловно, самой результативной мерой стало бы формирование производств не по принципу наличия природных ресурсов, а по принципу наличия человеческого ресурса, который сейчас становится основным. Без тщательного социального анализа территории это невозможно. Кроме анализа состава населения, его профессиональных навыков в таких случаях необходимо исследовать жизненные цели населения, приемлемые сценарии, которые прямо влияют на

мобильность и занятость. Информированный работодатель сможет правильно формировать свою социальную и кадровую политику.

Что касается отдельных предприятий, то организационная диагностика коллективов, исследование социальных пространств вокруг предприятия, исследование влияния деятельности предприятия на социум облегчат руководству процесс управления, прогнозирования развития и формирования принципов социальной ответственности.

Основной задачей может стать создание новой этики производства, свободной от устаревших идеологических стереотипов, с одной стороны, и от непродуманных современных заимствований с другой. На ее общих основах для каждого конкретного предприятия может быть сформирована своя корпоративная культура. Эта культура должна соответствовать целям и задачам компании, типу ее производства, а также, самое главное, локальным трудовым и

потребительским особенностям проживающего населения. «Принесенная в колодезь вода долго там не держится», – говорят финны. Настоящая культура труда должна быть выстроена на реально существующих лучших качествах коллектива и менеджмента, в противном случае она долго не продержится. Такая культура способна предотвратить трудовые споры, конфликты, снизить риски. В таких серьезных условиях, в которых сейчас находится большинство работодателей, они не должны позволять себе расплывать усилия, а наоборот, должны концентрировать их в конкретных точках воздействия. И без науки тут не обойтись.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Домников И.* «Бюджетные парадоксы» // Российская газета. 05.04.2007 № 70 (4333).
2. *Шаповалов А., Бутрин Д.* «Герман Греф заплатил за критику» // Коммерсантъ 05.10.2006 № 186
3. *Кресс В.* «Поощрение пространства» // Ведомости 15.08.2006
4. *Лавлинский Е.* «Владислав Сурков: дайте власти шанс» // Город и горожане, 5-11. 12. 2006 № 47 (1132)
5. «Наша культура – против трудоголиков» // Известия 30.04.2003
6. *Рожков А.* «Деньги есть, идеи есть, а нужных людей нет» // Ведомости 07.12.2005 № 230 (1511)
7. *Гончарова О.* «Платить в срочку» // Ведомости 07.06.2006 № 102 (1629)
8. *Гончарова О., Дагаева А.* «Дорогой дневник» // Ведомости 20.09.2006. № 176 (1703)
9. См.: *Максимова Т.* «Почему рабочие на российском «Форде» готовятся бастовать?» // Комсомольская правда 19.10.2005 № 164 (23598)
10. См.: *Резник И.* «Забастовка из-за дивидендов» // Ведомости 07.09.2005 № 166 (1447).
11. *Малыхин М., Дагаева А.* «Слабы на кошелек» // Ведомости 19.12.2006, № 239 (1766)
12. Внутренний корпоративный журнал одной из крупнейших российских компаний. Из личного архива автора. Название журнала и компании не приводится из соображений политкорректности. ■

© 2007 г.

И.В.Бурмыкина

Природа социально-технологического капитала в структуре жизненных практик

**ЭКОНОМИКА, ТРУД,
УПРАВЛЕНИЕ**

Социальные трансформации и новации приводят к тому, что, как подчеркивает Э.Гидденс, индивид сегодня, чтобы адаптироваться к социальным реалиям, разрешить риски, должен в большей степени, чем ранее, овладеть социальными отношениями и обстоятельствами, включая их в плоть своего «Я» [1]. Реагируя на последствия модерна, индивиды стремятся обосновать новые формы и способы социальной жизнедеятельности, позволяющие задействовать внутренние резервы социальных акторов. Их поиск приводит нас к необходимости осмысления одного из ключевых вопросов конструирования социальных практик.

Естественно, что предрасположенность агентов к тому или иному действию во многом зависит от средств, которыми они располагают и с помощью которых агенты могут

удовлетворять свои интересы. Для определения этих средств П.Бурдьё вводит понятие «капитал». Капиталы можно представить как эквивалент понятию «ресурсы», используемого Э.Гидденсом. Капиталы выступают как «структуры господства», позволяющие индивидам достигать своих целей. Чем больше объем капиталов, чем более они разнообразны, тем легче их владельцам достигать тех или иных целей.

На протяжении последних двух десятилетий проблематика социологического анализа капитала является предметом изучения и оживленных дискуссий. Продуктивность концепции социального капитала применительно к объяснению разнообразных проблем – от эффективности коллективных социальных действий и социальных источников экономического успеха индивидуальных и коллективных акторов, до исследования проблем функционирования демократии и проблем девиантного поведения – сделала данную концепцию важным инструментом познания в социальных науках.

Стремительное распространение сравнительно новой концепции в разнообразные сферы социальных исследований приводит к расширению рамок теоретического диапазона концепции экономико-социологического анализа капитала, дифференциации и специализации эмпирических исследований этого социального феномена.

Популярность такой терминологии вызвана отчасти специфической коннотацией понятия «капитал», который представляется как

нечто заведомо объективированное, весомое и в то же время динамичное, развивающееся, активно меняющее свои формы.

В социологической науке теория капитала была дополнена новыми формами капитала, которые расширили данное понятие, выводя его за пределы сугубо экономического научного дискурса. Новые теоретические разработки обосновали концепцию человеческого капитала (Г.Джонсон, Т.Шульц, Г. Беккер), культурного, символического капитала (П.Бурдьё, Ж.-К.Пассерон) и социального капитала (П.Бурдьё, Дж.Коулман). Предпринимались попытки выделить другие формы капитала, такие как политический, административный, организационный [3, 8, 9, 10].

Российские исследователи обратились к социологическому изучению концепции капитала в конце 1990-х годов. Основное внимание они уделяли освоению понятийного аппарата и теоретических традиций, сложившихся в зарубежной социологии. В последние годы ведутся научные дискуссии о статусе концепции социального капитала в современной социологии, его месте среди других форм капитала. Предприняты исследования роли социального капитала в системе обмена, воспроизводстве социального неравенства, трудовой мобильности. Представляют интерес предложенные российскими учеными трактовки природы и источников социального капитала с позиций психологической интерпретации, концепции реципрокно-

го обмена, а также в рамках концепции экономической глобализации [4]. Российские социологи, расширяя круг форм капиталов, анализируют экономический, физический виды капиталов [5].

В названных концепциях содержание понятия «капитал» претерпело изменение и стало включать в себя не только компоненты классической политэкономической трактовки, но также концепты и допущения, принятые в социологии и других общественных науках. Так, человеческий капитал рассматривается как совокупность знаний, умений и навыков, которыми располагает индивид благодаря обучению и таланту, способных принести доход в виде денежных средств, материальных и нематериальных ресурсов.

В разработанной П.Бурдье и Ж.К.Пассероном концепции культурный капитал представляет собой совокупность усвоенных норм, значений, практических

культурных навыков, которые позволяют индивидам и социальным классам эффективно действовать в соответствии с общественными правилами и ожиданиями. Символический капитал рассматривается П.Бурдье как способность человека к производству мнений. Социальный капитал в самом общем виде рассматривается как свойство систем социальных отношений (социальных сетей) обеспечивать доступ индивидов к ресурсам и повышать эффективность их совместных действий [2, 11].

Новые теории капитала существенно отличаются от классической концепции экономического капитала: наряду с расширением сферы применения термина «капитал» произошло переосмысление его природы. Вместе с тем свойства капитала как экономической категории активно используются для социологической концептуализации.

Так, отмечаются пять конституирующих свойств капитала:

ограниченность, способность к накоплению, определенная ликвидность, способность воспроизводиться в процессе непрерывного кругооборота форм и способность приносить добавочную стоимость [5]. Отмечается, что капитал не остается в пассивном состоянии, его накопление не означает простого складирования ресурсов, он включен в оборот. Капитал, тем самым предстает как динамический ресурс, способный к конвертации – постоянной смене собственных форм. Более того, он воспроизводится именно благодаря смене собственных форм, их взаимному превращению. Речь идет уже не просто о накоплении ресурса, но и о его приращении, возникающем в результате конвертации форм капитала.

В анализе механизма конвертации капиталов раскрывается логика самовозрастания. Ей характерны следующие особенности: во-первых, чем больше капитал данного вида, тем легче его поддерживать и накапливать; во-вторых, чем больше капитал данного вида, тем легче накапливать другие виды капитала [5].

Однако в анализе механизма этого конвертирования упущена одна существенная деталь. Речь идет о процедурах действия таких конституирующих свойств капитала, как самовоспроизводящаяся и самовозрастающая стоимость, о факторах, определяющих способность капиталов к постоянной смене собственных форм.

Для этого, на наш взгляд, необходимо говорить еще об одном виде

капитала – технологическом, а точнее социально-технологическом.

Известно, что социальные отношения оказываются продуктивными тогда, когда они определенным образом упорядочены и оформлены в системах социальных позиций. То есть они структурированы, сформированы в виде социальных технологий. При наличии различных подходов к определению сущности социальных технологий ученые сходятся во мнении, что смысл и назначение социальной технологии – оптимизировать социальный процесс за счет выявления и использования скрытого потенциала социальной системы, получения социального результата при наименьших издержках, исключения из него всех видов деятельности и операций, которые не являются необходимыми для получения социального результата [7].

Социально-технологический капитал – способность индивидов выстраивать социальные сети, ткань и технологию социальных отношений, объединять имеющиеся капиталы, резервы, комбинировать и координировать их. Он имеет интеграционную функцию и включает способность и умение индивида применять наиболее оптимальные способы деятельности на основе координации и объединения имеющийся у него остальных видов и размеров капиталов, достигать поставленной цели. Выступая в роли «связей-мостов», социально-технологический капитал способен преодолевать «структурные бреши» (Р.Берт) социальных сетей.

Такой подход позволяет рассматривать социальный капитал как процессуальный феномен и динамический результат, обусловленный одновременно личностными, профессионально-деловыми качествами индивидов и социальной сетью, в которой они укорены. Социально-технологический капитал имеет «внутреннее» происхождение и «место обитания» и представляет собой набор, комплекс ценностей, норм и устойчивых ориентаций организации социальной преобразовательной деятельности.

Введение в научный оборот этого вида капитала позволяет развенчать иллюзию о том, что наличие какого-либо его вида автоматически дает агентам власть над теми, у кого капиталов меньше или у кого их вовсе нет. В социальной практике мы часто сталкиваемся с ситуацией, когда люди, даже имеющие какой-либо капитал, не умеют эффективно им распорядиться и демонстрируют «соскальзывание» в иерархии социальной стратификации, в то время как обладатели меньших размеров капиталов

успешно реализуют стратегии восходящей мобильности. Примеров тому достаточно много особенно в транзитивных обществах.

Напомню, что в соответствии с концепцией П.Бурдьё существуют три состояния капитала: инкорпорированное, объективированное и институционализированное. Под инкорпорированным состоянием понимается совокупность относительно устойчиво воспроизводимых диспозиций и демонстрируемых способностей, которыми наделен обладатель той или иной формы капитала. Объективированное состояние означает принятие капиталом овеществленных форм, которые доступны непосредственному наблюдению и передаче в их физической, предметной форме. Наконец, институционализированное состояние предполагает объективированные формы признания данного вида капитала в качестве ресурса [6].

В своем инкорпорированном состоянии социально-технологический капитал представляет собой способность актора к системному

мышлению, к самоорганизации, адаптации, рефлексивному созданию социальных практик на основе оптимального в данной ситуации

использования накопленных профессиональных знаний, умений и навыков, ресурсов, жизненного опыта, которая может приводить к достижению жизненной цели. Представляет собой компетенцию индивидов относительно оптимальной организации познавательной и преобразовательной деятельности, а также их диспозиции к приобретению и удержанию этой компетентности, «диспозиции разума» (П.Бурдье) – интериоризированные представления и установки, которыми индивиды руководствуются в своих отношениях с другими людьми.

В объективированной форме этот капитал существует в виде конгломерата обучающих текстов, рефлектирующих жизненных стратегий, призванных транслировать специфические знания и демонстрировать процедуры выработки новых, креативных форм социальных практик. Он представлен в виде совокупности ресурсов (как актуальных, так и потенциальных), которые в состоянии привлечь связи и отношения между субъектами, образующими социальную сеть.

В институционализированном состоянии он подкрепляется как системой формальных сертифика-

МКАД 70-х годов

тов – дипломов, разрядов, лицензий, патентов, что роднит его с человеческим капиталом, так и системой объективированных неформальных признаний в виде роста профессионализма и авторитета, как в своих социальных кругах, так и за их пределами, динамики восходящей мобильности и возрастания капиталов.

По сравнению с культурным и человеческим социально-технологический капитал инкорпорирован в большей степени и формализован в меньшей. В связи с этим неизбежно возникают трудности с его измерением, который не поддается непосредственной калькуляции. Она возможна лишь по косвенным объективированным признакам – время, затраченное на образование, и повышение квалификации, на самообразование, признание и авторитет в социальных кругах, динамика восходящей мобильности и по субъективированным признакам – удовлетворенностью и социальным самочувствием, уровнем социально-технологической культуры и социально-технологической компетентности.

Подобно человеческому капиталу, социально-технологический неотчуждаем от человека и транслируется в относительно длитель-

ном процессе образования и практической деятельности. Его накопление происходит по следующей схеме: социально-технологические знания – социально-технологическое мышление – социально-технологическая культура – социально-технологическая компетентность – социально-технологический капитал. Однако передача этого вида капитала невозможна только через транслирование знания. Здесь необходим социально-технологический опыт и критическое его осмысление, креативное отношение к деятельности.

Несмотря на их очевидную связь, социально-технологический капитал имеет отличия от культурного и человеческого капитала. Так, в отличие от культурного капитала, значительная часть которого воплощена в нерелефлексивном практическом знании и телесных навыках, схватываемых общим понятием габитус, социально-технологический капитал, так же как и человеческий связан с рефлексивным знанием, имеющим логическую структуру, однако этим не ограничивается.

Как и человеческий, но в отличие от физического капитала, социально-технологический капитал не обесценивается в процессе использования. Скорее наоборот, чем активнее используется социально-технологический капитал, тем вероятнее, что носитель наращивает способность генерировать больший объем ресурсов.

В отличие от культурного, человеческого и социального капиталов, затрагивающих лишь горизон-

тальные связи социальных субъектов, технологический, опираясь на них, конструирует индивидуальные вертикальные связи, вертикальную мобильность. То есть социально-технологический капитал определяет динамику мобильности индивида в социальной сети. Он, в отличие от социального капитала, не утрачивается при утрате социальной сети. Представляет собой специфический механизм конвертирования различных видов капиталов, выступает как средство генерации новых ресурсов, смягчения диспропорций видов капиталов.

По уровням использования социально-технологический капитал можно разделить на институциональный и индивидуальный. Последний характеризует возможность индивида обеспечивать сокращение транзакционных издержек путем использования своих социальных ресурсов: с одной стороны характерных для социального капитала в целом, статуса в социальной системе, уровня его влияния и связей в данной системе, адекватного понимания им значений социокультурных сигналов и норм, которыми поддерживаются социальные взаимодействия, с другой стороны специфических, характерных для социально-технологического капитала, способности организации и выстраивания социальных отношений и социальной сети таким образом, чтобы достигать социальных целей. Институциональный капитал характеризует обобщенный вклад социально-технологической организации деятельности соци-

альных институтов в социальное развитие общества через оптимизацию управленческого процесса, сокращение связанных с ним трансакционных издержек.

Наличие и использование технологического капитала свидетельствует об определенном уровне социально-технологической культуры личности. Социально-технологическая культура личности это более или менее устойчивый паттерн, комплекс базовых представлений, ценностей и процедур *организации познавательной и преобразовательной деятельности*, реализуемых в социальном взаимодействии, ориентированный на получение оптимального социального результата, достижение жизненных целей, посредством самоорганизации, раскрытия потенциала социальной системы. Это культура системного мышления и социального действия, характеризующаяся способностью действовать рационально, технологично, конструктивно, инновационно, гуманно. Она заключается в способности человека интуитивно или сознательно для решения поставленной задачи или жизненной проблемы актуализировать и вычленивать из присущей ему системы знаний совокупность способов оптимальных социальных действий в конкретной ситуации, выявлять и использовать скрытые резервы, а также осознанно генерировать на этой базе инновационные механизмы операционализации жизнедеятельности с целью получения оптимального

социального результата как условия эффективного включения в природную и социокультурную среду, современные цивилизационные процессы. Социально-технологическая культура личности определяет не только средства и способы социальной деятельности личности, но и процедуру их выбора.

Социально-технологическая культура – это качество социальных сетей, структуры связей, позволяющее участникам этих структур достигать блага и ресурсы. Термин ресурсы трактуется расширенно: как совокупность благ, которые могут быть продуктивно использованы для достижения разнообразных целей субъектов.

Актуальность концептуализации социально-технологического капитала обусловлена кроме прочего тем обстоятельством, что высокий динамизм социальных процессов и степень неопределенности, усложнение человеческой деятельности уже не позволяют обходиться традиционным набором социально-экономических действий, который в прошлом давал возможность возрастания капиталов. Требуется готовность и способность индивидов к генерированию новых способов, механизмов осуществления жизнедеятельности, принятия решения, социально-экономического поведения за счет включения глубинных механизмов социального взаимодействия, резервов второго и третьего порядка, которые по определению Ж.Т.Тощенко, напрямую зависят от общественного сознания и поведения людей.

Таким образом, этот вид капитала выступает как сила, запускающая и обеспечивающая успешность механизма связи, самоорганизации, конвертации других видов капиталов, механизм адаптации и средство преодоления рисков. Он обеспечивает выполнение аккумулирующей, интегрирующей функций в механизме постоянной смены капиталами собственных форм.

Особенно ярко технологический капитал и социально-технологическая культура личности проявляется в сложных, неопределенных ситуациях, где требуется нетривиальное решение, где не хватает запаса того, что А.Шютц называл *знанием здравого смысла*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. – М.: Академический Проект, 2003.
2. Бурдье П. Социология политики. – М.: Socio-Logos, 1993.
3. Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // *Общественные науки и современность*. – 2001. – № 3.
4. Коньков А.Т. Социальный капитал и экономическое взаимодействие: Монография. – М.: Изд-во РУДН, 2006.
5. Радаев В.В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // *Общественные науки и современность*. – 2003. – № 2
6. Бурдье П. Практический смысл. – М.: Алтейя, 2001.
7. Иванов В.Н., Патрушев В.И. Социальные технологии. – М.: Муниципальный мир, 2004.
8. Burt R.S. The Network Structure of Social Capital // *Research in Organizational Behavior* / Ed. by R.I.Sutton & V.M.Staw. – Vol. 22. – Greenwich, CT: JAI Press, 2000. – P. 353-355.
9. Johnson N.G. The Political Economy of Opulence // *Canadian Journal of Economist and Political Science*, (26) 1960. – P. 552-564.
10. Becker G.S. Human Capital. – Chicago: University of Chicago Press. 1964.
11. Bourdieu P. The Logic of Practice. – Cambridge: Polity, 1990; Bourdieu P. The forms of capital // *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* / Ed. By J.G. Richardson. – N.Y.: Greenwood Press, 1986. – P. 241-258. ■

© 2007 г.

В.Я.Ельмеев, А.В.Багаева, Е.Е.Тарандо

Конец социологии? О трудовой теории общей и экономической социологии

Социологическая наука оказалась в ситуации, когда встал вопрос о завершении ее развития. Ныне она реально предстает лишь как история различных социологических учений или сумма учений современных социологов. Теоретическая социология в ее широком смысле и общем виде, пригодном для объяснения всего человеческого общества, в настоящее время отсутствует. В лучшем случае говорят о социологической теории индустриального (капиталистического) общества или о социологии в том виде, в котором она была представлена у О.Конта.

Что же касается «постсовременного» общества в его различных вариантах, то в нем обнаруживается лишь то, что было и что есть. Именно поэтому, по мнению Ф.Фукиями, оно предстает как конец истории. Может быть, по этой причине и нам не следует ставить задачу разработки современной социологической теории, а удовлетвориться историей соци-

ологии, тем, что есть и что было. Точно также ставится вопрос и о нынешней философии. Она, по словам А.В.Гулыги, считает себя постсовременной после того, как поняла, что ничего нового изобрести уже нельзя – все можно найти только в прошлом. Он полагает, что философия достигла своего предела, она существует сегодня как история философии.

Конечно, если исходить из того, что ныне существующее рыночное общество является последней стадией истории, то бесполезно ставить вопрос о развитии социологии. Она вроде бы исчерпала себя объяснением строения и функционирования современности (модерна), и теперь можно отодвинуть само понятие общества в сторону и вести дискурс только об изменениях внутри ставшей последней социальной системы. Вместо теории развития и прогресса, с которыми связывала себя классическая социология, ныне предлагается социология социальных

изменений, вместо теории общества как системы – теория действующего человека.

При этом дело представляется так, что вся социология вращается вокруг дилеммы: «социальная структура» – «социальное действие». Деятельностный подход противопоставляется структурализму, понятие «деятельность», «действие», «процесс» ставятся в отношении к понятию «структура» как к своей противоположности. Получается, что действие того или иного социального субъекта противостоит его же структуре. Из этого по существу паралогичного их противопоставления могут быть сделаны выводы, отрицающие не только развитие, но и всякое движение. Можно, например, отрицать возможность движения его противопоставлением структуре пространства, его делимости на конечные отрезки.

«Действие» и «структура» в этой постановке несоизмеримы друг с другом как контрарные понятия, встречающиеся в высказываниях типа «В огороде бузина, а в Киеве дядька». Несопоставимость и несравнимость такого рода суждений служит основанием для всякого рода паралогизмов и уловок.

Ложность данной постановки «проблемы» обнаруживается в мнимых способах ее разрешения, в частности посредством известной из древней греческой философии апории Зенона Элейского – «Дихотомия» (о ней стоит напомнить, ибо она часто используется и

поныне в рассуждениях о дилеммах современной социологии). Берутся, например, два противоположных суждения – «Тело в своем движении из точки А достигает точку В», т.е. движется, и суждение «Тело, находящееся в А, не достигает точки В», ибо движение невозможно. Согласно логическому закону исключенного третьего одно из этих контрарных суждений считается истинным, другое – ложным. Истинным, по Зенону, является второе суждение, ибо тело, чтобы продвинуться до точки В, сначала должно пройти половину этого расстояния, затем – половину этой половины, после этого – еще половину и т.д. до бесконечности, поскольку каждый отрезок пути может быть разделен на два. Так что тело не может даже начать двигаться, оно покоится. В данном случае противоречие «движения» и «структуры» пространства (пути) решается в пользу отрицания «движения» (действия) посредством обращения к «структуре».

Примерно то же самое можно найти в социологии. И здесь посредством системно-структурной концепции отрицается возможность развития общества, его прогресса, а посредством теории действия – возможность его рассмотрения как системы, структуры. Первый подход, как свидетельствует П.Штомпка, оказался основанием для отказа от идеи развития. Второй – от трактовки общества как системы, целостного структурного образования. Вот чем для социологии оборачивает-

ся дихотомия «структуры» и «действия».

Другое столь же логически ущербное решение «проблемы» исходит из применения антиномий Канта. Согласно этому варианту, системно структурный и деятельностный подходы, хотя и противоречат друг другу, но их противоречие неразрешимо, обе концепции одинаково обоснованы и их следует сочетать, синтезировать. Примером могут служить распространенные ныне суждения относительно того, что «теория социального развития» и «теория социальных изменений» составляют неразрешимую оппозицию (антиномию) и их надо принять как одинаково допустимые конструкции.

Сопоставление и противопоставление не имеющих общей основы

подходов – структурального и деятельностного – не может привести к правильному решению проблемы и в социологии. От того, что Т.Парсонс построил свою теоретическую систему посредством анализа человеческого действия (координатная схема действия с двумя осями), он из него не смог вывести социальную структуру общества. Точно также П.Штомпка посредством придания структуре свойства процессуальности (становление во времени) не стал сторонником принципа развития.

Дает ли обращение социологов к проблемам деятельности (социального действия) возможность превратить теорию действия в основополагающую теорию современной социологии? Соответственно, можно ли взять в качестве основополагающего принци-

па положение о том, что история является продуктом человеческой деятельности, историю делают люди, живые личности, что можно говорить о производстве обществом самого себя? Ведь нет сомнения в том, что история состоит из действий отдельных личностей.

Вместе с тем положение – что историю делают люди, личности, – по словам В.И.Ленина, «теоретически совершенно бессодержательно»¹. Почему же оно бессодержательно? Прежде всего потому, что деятельность сводится к действию отдельной личности, к действующему актору, а не к деятельности, причем производительной, всего общества. (Робинзон, конечно, был деятельным, но не в общественном смысле – его деятельность не предполагала общества.) А.Турен, например, настаивая на идее социального действия как центре социологического анализа, в то же время призывает отказаться в этом анализе от понятия общества и объективных законов его развития, как будто бы эти законы не являются законами общественных действий людей².

В этом случае деятельность оказалась бы без необходимых условий и предпосылок, без которых она не может выполнять функцию созидания общества, источника его развития. Люди, делая свою историю, строят ее исходя из существующих обстоятельств и предпосылок. Конечно, не обстоятельства сами по себе творят историю. Ее создают люди в процессе своей практической деятельности, хотя сами они одно-

временно являются и продуктом создаваемых ими обстоятельств. Здесь важно исторические условия, в которых осуществляется деятельность, а также самих субъектов деятельности, не растворить в некоем «поле» взаимодействий, лишенном материальных носителей. «Разумеется, – справедливо отмечает Ж.-П.Сартр, – условия существуют: только они и придают направленность и материальную реальность изменениям, которые ими готовятся, хотя человеческая практика, их сохраняя, превосходит в своем движении»³. Необходимо подчеркнуть, что именно условия (ресурсы) выступают детерминантом направленности деятельности, их следует ставить впереди, а не позади этой направленности. Тем более их нельзя отождествлять с порядком, т.е. с существующим состоянием общества, относить на его сторону, а не на сторону движения.

Не менее существенно и признание объективизации деятельности в ее результатах, в том числе и в человеке, и, следовательно, определение человека не только как деятеля, но одновременно как продукта деятельности, труда (как своего, так и других людей). Причем результат не должен быть отождествлен с условиями, «предпосылками». В противном случае не учитывалась бы роль самой деятельности не только в превращении условий в результат, но и в главном – в преодолении их тождества, «эквивалентности», т.е. в создании результата, превосходящего условия. Тогда будет легко

представить человека деятелем, способным посредством труда и действия прибавлять к исходным обстоятельствам новое в получаемых результатах. «Надо выбирать: либо мы все будем сводить к тождеству ..., либо превратим диалектику в божественный закон, налагаемый на универсум, в метафизическую силу, которая сама по себе порождает исторический процесс (и тем самым впадаем в гегелевский идеализм)»⁴.

Решение проблемы следует искать именно в том, чтобы деятельность (действие, процессуальность) представить коренным способом существования самого общества, основным атрибутом общественной субстанции. В этом случае деятельность ставится в отношении не со структурой, а с бытием общества, т.е. с тем, с чем деятельность вполне коррелирует. Она выступает способом бытия общества подобно тому, как движение есть способ существования материального мира. Действие без отношения к своей причине теряет смысл.

Необходимо, следовательно, «социальное действие» рассматривать в его отношении к тому, чьим действием оно является, т.е. брать отношение «субъект действия (человек, общество) – действие». Точно также «социальную структуру» необходимо прежде всего брать в ее отнесенности к тому, структурой чего она является, т.е. опять-таки речь идет о социальных отношениях людей как субъектов, а не их предикатах (способностях действовать).

Когда же субъекты как действия, так и отношения (структуры) выпадают из анализа и вместо них сопоставляются лишь их предикаты, то как для сопоставления, так и противопоставления «действия» и «структуры» уже не будет общего основания. Они оказываются безразличными друг к другу. Поэтому из их соединения или противопоставления нельзя делать проблемную ситуацию, к тому же для всей современной социологии. Это – ложно поставленная проблема, от которой нужно освободиться.

К.Маркс в свое время показал ложность так называемой «триединой формулы», в которой представители вульгарной политической экономии ренту (стоимость) поставили в отношение к земле, прибыль – к средствам производства, заработную плату – к не имеющему стоимости труду. В этом случае, заметил К. Маркс, источники богатства относят к совершенно различным сферам, не имеющим ни малейшего сходства между собой: «они относятся друг к другу примерно так же, как нотариальные пошлины, свекла и музыка»⁵. Однако при всей глупости делаемых противопоставлений ложная по своей сущности «триединая формула», по словам К.Маркса, остается формулой капитала и его политической экономии. Ныне из нашей капиталистической жизни извлекаются новые подобные ложные сопоставления: человек – человеческий капитал, пенсионер – пенсионный капитал, женщина (мать) – мате-

ринский капитал и т.п. К такого рода сопоставлениям можно отнести и формулу «структура – действие», она тоже остается формулой современной социологии.

Из социологии исчезают понятия общественного бытия, социальной субстанции, с которыми философская и социологическая мысль вполне обоснованно связывала понятия «движения», «становление»: ведь деятельность и есть способ общественного бытия. Это положение является непреходящим достижением науки в познании общества.

Еще более страшным предстает тот факт, что, постоянно употребляя понятия «действие», «деятельность», «процесс», забывают *труд*, производительную деятельность человека. Труд, овеществленный в материальных производительных силах, составляет субстанцию общественного бытия, а живой, жизнеобеспечивающий труд – способ этого бытия. Труд, таким образом, выступает как субстанция и как деятельность, как бытие и как становление, как действительность и как возможность.

Главное в решении проблемы сводится к тому, чтобы деятельность представить в ее существенном определении – как жизнеобеспечивающий, живневоспроизводящий человеческий труд. Имеется в виду пока никем не опровергнутое научное положение о том, что труд в конечном

счете создал самого человека, и само общество могло возникнуть и развиваться только на основе труда*. Соответственно, история развития труда дает ключ к пониманию всей истории общества.

Можно вполне обоснованно утверждать, что социология может и должна базироваться на социальной теории труда: именно трудовая теория дает возможность для научного понимания общества как со стороны его структуры (общественных отношений), так и развития. *Подобно тому, как политическая экономика стала научной благодаря применению теории труда к анализу экономики, так и социология приобретает статус науки в той мере, в какой она строится на базе трудовой теории.*

Если отвлечься от значения труда и производства, благодаря которым люди оказываются связанными определенными общественными отношениями, образующими структуру общества (ее образуют они, а не координаты действия или информационные сети), то главное назначение труда на сегодня заключается в решении проблемы как экономического, так и социального развития общества. Именно в отсутствии теории развития (или его отрицании) состоит беда современной общественной науки и нынешнего рыночного общества.

* Вызывает лишь сожаление, что в концепциях социального действия, человеческой деятельности (кроме марксистских) о труде почти ничего не говорится. Появились даже суждения «о смерти труда» и о конце трудового общества.

Чтобы преодолеть эту беду и обнаружить возможности и средства создания теории развития, обращаться кроме как к труду больше некуда. Тогда почему же социология не взяла в качестве своего теоретического основания социально-трудовую теорию строения и развития общества? Почему обычный жизнеобеспечивающий труд, которым занято большинство населения земного шара, одни презрительно обозначают символом «Серп и Молот» (Б.М.Генкин), другие, как, например, Людвиг фон Мизес, лишают человека труда и его труд всякой созидательной способности. «Производство, — пишет последний, — не акт творения: оно не дает ничего, что бы ни существовало раньше ... Производитель не творец. Человек творит только в мыслях и в мире воображения»⁶.

Дело здесь не только в том, что Людвиг фон Мизес и его адепт Б.М.Генкин, унижая труд, защищают интересы капитала и себя как лиц, творящих в мыслях и в мире воображения, но получают за это как сами, так и их издатели, вознаграждение из фонда Джорджа Сороса. Есть причины и более серьезные, лежащие в области высокой теории — неразработанности самой теории общественно-го труда.

Труд в общественной науке все еще представлен в рыночно-стоимостном обличье, в том числе и у К.Маркса. В меново-стоимостном отношении, согласно закону стоимости, труд в измерении затрат равен (тождественен) труду, воплощенному в результатах и измеренному по его результатам. В этом смысле в стоимости результатов труда ничего большего и

нового быть не может. Что было в затратах, то и оказывается в результатах. За величиной прибавочной стоимости тоже стоит такая же величина затрат прибавочного труда. Вот за эту стоимостную эквивалентность затрат и результатов труда, представленную в хрематистике и каталактике, и ухватились противники и хулители жизнеобеспечивающего (производительного) труда. Одновременно заслуги прибавочного, но не оплаченного труда рабочих, выраженные в прибавочной стоимости, они стали приписывать своей «единственно творческой», мыслительной деятельности.

Виновата, следовательно, в этом отношении сама стоимостная парадигма, то, что в общественной науке труд представлен лишь в определенности одной социально-исторической своей формы – как абстрактный, выраженный в категориях меновой стоимости труд. На этой основе выросли все существующие социальные теории: теории равенства, свободы и справедливости, теории социальной статики и динамики и вытекающие из них принципы равновесия, порядка, устойчивого развития и т.п. Все они – порождения, в конечном счете, господствующей стоимостной парадигмы и закона стоимости, имеющего своим аналогом естественный закон постоянства массы и энергии, преодолеть границы которого пытался И.Пригожин.

Между тем сущность человеческого труда далеко не исчерпывается его назначением служить эта-

лоном в рыночном стоимостном обмене. Действительная его созидательная, инновационная сущность обнаруживается в производстве потребительной стоимости, посредством которой удовлетворяются жизненные потребности людей, в том числе и в развитии своей личности. (Стоимостями люди не питаются и не одеваются). В производстве потребительной, а не меновой стоимости, как раз и состоит основная определенность всемирно-исторической и социально-экономической формы труда. Но она оказалась вне как политической экономии, так и социологии, ее лишали этой определенности, ей отводили, в лучшем случае, роль объекта изучения со стороны товароведения. Даже у К.Маркса, как заметил Дж.М. Кейнс, потребительная стоимость и потребительский спрос оказались на задворках его учения, хотя сам К.Маркс с такими оценками не соглашался.

В этом случае упускается из виду самое существенное, что дает труд для разработки социальной теории – его роль в обосновании самой возможности развития общества, особенно для дальнейшего его развития, для преодоления концепции постмодернизма. В отличие от принципа обратимости стоимости затрат и результатов труда, труд в качестве создателя потребительной стоимости предполагает их необратимость, что составляет необходимый атрибут процесса развития, перехода от одних форм к другим. Если, например, стоимость вина обратима в

стоимость возделывания и обработки винограда, то вино обратить в виноград уже невозможно.

К сожалению, для понимания этих, казалось бы, очевидных, необратимых жизненных процессов так и не удалось создать ни теорию экономической, ни социальной динамики. Существующие теории этого рода «вращаются» вокруг стоимостной (равновесной) схемы как экономического, так и социального воспроизводства.

Еще более существенным для обоснования развития общества является другой атрибут этого жизнеобеспечивающего труда – достигать результата, превосходящего затраты. Именно в этом состоит назначение труда как источника общественного развития, именно в этом своем качестве труд выступает не просто перводвигателем, а вечным двигателем. Человек и его труд завершают принцип движения органических тел – снова и снова воссоздавать свою жизнь из условий, не обладающих таким свойством. Благодаря труду общество производит самого себя все в новых и новых качествах. Именно поэтому люди, производя свою жизнь, причем определенным образом, они имеют свою историю. Общество есть то, что оно из себя делает, т.е. то, каким оно себя производит. В этом производстве самого себя оно воздействует на себя, делает себя историчным.

Главное свое качество – превосходство результатов над затратами, труд реализует своей основной функцией – созданием прибавочного продукта.

Все развитие человеческого общества, по словам Ф.Энгельса, начинается с того дня, когда труд семьи стал создавать больше продуктов, чем необходимо было для ее поддержания. Избыток продуктов труда над издержками поддержания труда, образование и накопление из этого избытка общественного, производительного и резервного фонда – все это было и остается основой всякого общественного и умственного прогресса. Соответственно, чтобы обосновать этот прогресс – необходимо иметь потребительно-стоимостную концепцию производства прибавочного продукта, его накопления и расширенного воспроизводства. Это – экономическое условие создания социологической теории производства общества и реализации формулы – способ производства материальной жизни обуславливает социальный, политический и духовный процессы общественной жизни вообще.

В разработке общей социологии в ее широком смысле и на основе трудовой теории можно и нужно опираться на социологию труда и экономическую социологию. В области социологии труда имеются исследования и книги, поднимающие ее с отраслевого уровня на уровень высокой социологической теории. Это прежде всего выдержавшая три издания монография И.И.Чангли «Труд. Социологические аспекты теории и методологии исследования» (М., 2002. 452 с.) и книга под редакцией Н.И.Дряхлова, А.И.Кравченко,

В.В.Щербины «Социология труда» (М., 1993). Нельзя недооценивать и политическую экономию, особенно ее трактовку как социальной экономики труда (См. нашу статью «Трудовая парадигма политической экономики» // Экономист. 2006. № 11). Речь не идет, конечно, о современном «экономикс», в котором социальные проблемы отсутствуют, за что вполне обоснованно его критикуют даже представители западной экономической социологии, например, М.Грановеттер. В то же время необходимо защитить от этой критики институционалистов (Р.Коуз, О.Уильямсон и др.), которые предложили вполне обоснованный способ количественной оценки эффективности социальных отношений – метод транзакционных издержек, что в рамках социологии нельзя было сделать. Теперь можно измерить каких издержек обществу могут стоить те или иные формы социальных отношений, какие из них могут обслуживать общество и его экономику с меньшими издержками.

Сложнее обстоит дело с экономической социологией, особенно с тем ее вариантом, который пришел к нам с Запада. Из него исключается самое главное в «экономическом действии» – трудовая деятельность. «Это просто смешно, – заявляет эконом-социолог Р.Сведберг, – что в экономической социологии нет темы труда – что это за экономическая социология без труда»⁷.

Для материалистически понятой экономической социологии

ключом в исследовании всей истории служит история труда. Экономическая социология, базирующаяся на теории и истории труда, уже по своему названию призвана обосновывать протекание социальных процессов, причем не просто сводить их к экономической основе, как часто незаслуженно материализм обвиняют в «экономическом детерминизме», а главным образом исследовать процессы и механизмы творения социального, т.е. как из экономического материала и условий строятся социальные и иные надстроечные отношения. На счет этого, кроме предупреждений Ф. Энгельса относительно экономического детерминизма, имеется довольно четкое разъяснение К. Маркса: «Технология, – писал он, – вскрывает активное отношение человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, а вместе с тем и его общественных условий жизни и протекающих из них духовных представлений... Конечно, много легче посредством анализа найти земное ядро туманных религиозных представлений, чем, наоборот, из данных отношений реальной жизни вывести соответствующие им религиозные формы. Последний метод есть единственно материалистический, а, следовательно, единственно научный метод»⁸.

С учетом этого обстоятельства следует решать и вопрос о соотношении экономического и социального, который составляет основной предмет современной экономической социологии. В зависимости от

того, что берется за первичное – эконом-социологов можно разделить на соответствующие группы с противоположными взглядами. Для одних (Т.Парсонс, Н.Смелсер, М.Грановеттер) экономическое действие (поведение) является частным случаем социального поведения, для других, наоборот, социальные действия обусловлены экономической деятельностью. Н.Смелсер справедливо заметил, что «большинство проблем, сохраняющих ныне актуальность в области социологии экономики, восходят к научному вкладу – и конфликтам – двух гигантов социологической традиции – Карла Маркса и Макса Вебера»⁹.

Для тех, кто придерживается традиций К.Маркса, например, для нас, экономическая социология является средством дальнейшего развития материалистического понимания общества, а последнее – методом развития экономической социологии. Противоположной позиции придерживается В.В.Радаев: «Марксистская экономико-детерминистская доктрина, исходящая из примата экономических отношений над социальными, конечно, не лучшее основание для развития экономической социологии, которая в принципе должна исходить из противоположного»¹⁰.

В.В.Радаев в данном случае предлагает грубо дихотомическое решение проблемы: принцип «примата экономики над социальным ложен», а противоположный принцип «первенства социального над экономическим – истинен».

Имеется и другой вариант дихотомической трактовки проблемы: берется, с одной стороны, все общество, а с другой – его часть – экономика. Их отношение подводится под иную известную форму дихотомии: «сложное состоит из простых элементов (частей)» и «из простых элементов нельзя составить сложное». В экономической социологии эта дихотомия выражается в противопоставлении атомизированной концепции экономики (экономического действия) и ее социализированной (исходящей из включенной в нее социальной структуры) концепции. Согласно первой концепции экономическое действие (экономическое отношение) образуется из суммы действий (отношений) отдельных экономических акторов. К сторонникам этой концепции относят главным образом представителей неоклассической экономической теории, а из эконом-социологов – Т.Парсонса, Н.Смелсера и их последователей. Что касается второй концепции, тот она исходит из того, что социальная структура не возникает из отдельных социальных действий, не сводится к отдельным элементам – ни к отдельным людям, ни к отдельным их действиям или силам, т.е. они эмерджентны. К таковым, например, Дж.Коулман относит «социальный» капитал.

М.Грановеттер, представив названные выше позиции как недосоциализированные и пересоциализированные концепции человеческого действия и не приняв их в

таким виде, сам атомизированным концепциям противопоставляет концепцию включенности экономического действия в социальную структуру. В переводе статьи М.Грановеттера, помещенной в редактируемом В.В.Радаевым журнале «Экономическая социология» (2000. Т. 3. № 3. С. 44-58) термин включенность превращен в термин «укорененность», т.е. трактовка вопроса подгоняется под дихотомическую позицию редактора: отношение экономического действия и социальной структуры переворачивается так, что действие «корнями» «встраивается» в социальную структуру, а «ветвями» располагается на стороне экономики. Этим утверждается примат социального (социальной структуры) над экономическим (экономическим действием), хотя дерево следовало бы поставить в естественное положение. Сам М.Грановеттер менее дихотомичен в вопросе о соотношении экономики и социального, хотя сделал оплошность, переведя это соотношение на язык взятой из современной социологии дилеммы «действие – структура». В такой постановке, как показано выше, эти категории не сопоставимы и дилемма оказывается ложно поставленной и неразрешимой. Переход к структурализму не решает проблему экономической деятельности.

Что же касается того, что проблема включенности экономики в социальные отношения оказалась якобы совсем не разработанной ни в политической экономии, ни в

социологии, то здесь М.Грановеттер и его последователи ломятся в открытую дверь. Если для тех, кто не знаком с политической экономией «Капитала» К.Маркса и марксистской социологией, эта включенность кажется чем-то новым, то для марксистов она – общеизвестное и давно используемое положение: труд (экономическое действие) рассматривается включенным как в производственные отношения, образующие экономическую структуру общества, так и в социальные отношения, составляющие социальную структуру общества. Чтобы убедиться в том, достаточно ознакомиться с кратким изложением К.Марксом открытого им материалистического понимания истории. В общественном производстве своей жизни (значит, в своей экономической деятельности, экономическом действии), по словам К.Маркса, «люди вступают (значит включаются, «встраиваются» – *авторы*) в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения – производственные отношения, которые соответствуют определенной степени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества»¹¹.

Производственные отношения являются, по К.Марксу, общественными отношениями, образующими общественную (социальную) структуру. Следовательно, люди в своей трудовой деятельности (трудовом действии) не могут

не быть включенными в эти отношения. Труд, трудовая деятельность людей в марксистской экономической и социологической теории всегда рассматриваются включенными в социальные отношения. Причем речь идет не просто об обратном влиянии этих отношений на экономическую деятельность человека, а о ее подчиненности существующим общественным (социальным) отношениям. В марксизме – это банальная истина. В.И. Ленин в свое время, имея в виду отделение экономического от социального, проводимое М.И. Туган-Барановским и П.Б. Струве, заметил: «Я решительно не понимаю, какой смысл может иметь такое различие?? Как может быть экономическое вне социального??»¹².

Могут сказать, что у К. Маркса речь идет об общественных отношениях, в которые люди в своей экономической деятельности вступают независимо от их воли, а у

Грановеттера имеются в виду личностные отношения, которые осознаются и зависят от воли людей. Но это свидетельствует лишь о том, что в трактовке экономического действия и социальной структуры он придерживается принципов субъективистской социологии, приняв идею социального конструирования реальности Р. Бергера и Т. Лукмана. Что же касается К. Маркса, то он постоянно подчеркивал, что общественные отношения, в которые люди включаются независимо от их воли, всегда проявляются как их личностные отношения, персонифицируются. Главные агенты (сейчас бы сказали «акторы») капиталистического производства, «капиталист и наемный рабочий как таковые, – по его словам, – сами являются лишь воплощениями, персонификациями капитала и наемного труда; это определенные общественные характеры, которые накладывают на индивидуумов

общественный процесс производства; продукт этих определенных общественных производственных отношений»¹³. Капитал, как социальное отношение, олицетворяется в капиталисте, наемный труд – в рабочем¹⁴. Подтверждением того, что в марксизме признается «включение» действий в межличностные отношения, могут служить следующие слова В.И.Ленина: «социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных личностей, из действий которых и слагаются эти отношения»¹⁵. Марксизм выступает лишь против сведения общественных отношений к сугубо личностным, а последних – к волевым, смысловым и т.п. связям людей.

Не может претендовать на звание «новой экономической социологии» и подмена категории «социальные отношения» словечком «сеть». Конечно, общественные отношения можно назвать сетью отношений, люди сплетены (включены) не в одно отношение, а во множество (сеть) таких отношений. Каких только групп не существует: бизнес-группы, группы наркоманов, фокус-группы. Можно говорить и о связанности людей телефонной, компьютерной и даже канализационной сетью. Вопрос лишь в том, во что включать экономическое действие – в общественные (социальные), объективно складывающиеся, отношения или в межличностные отношения, формирующиеся на основе смысла действия, личных симпа-

тий, доверия или взаимного обмена, мошенничества. В.В.Радаевым, например, для фирмы предлагаются императивы таких отношений: «нельзя платить все налоги, иначе кинут»; «работа в тени не является криминалом»; «нужно иметь своих людей в ключевых организациях»; «нельзя никому доверять в деловых отношениях – обманут («кинут»)»¹⁶.

Очевидно, что для так понятого экономического действия и его «укорененности» в подобные межличностные сетевые отношения лучше всего подходит обращение за подмогой к социологии так понятой культуры и к организационной теории, связанных с поведенческими отношениями. Упор на включенность экономического поведения в сеть межличностных, субъективных, отношений приводит к тому, что сама экономическая социология, как и нынешняя модернистская социология, приобретают тенденцию завязнуть во второстепенных вопросах. На этой поверхностной равнине даже кочка покажется холмом.

Так, «новая экономическая социология» не нашла, не выработала экономическую теорию, на которую она могла бы опереться в исследовании важного элемента своей формулы включенности, а именно – экономического действия. Без этого, т.е. без обращения к экономической науке, формула повисает в воздухе. К.Полаanyi, например, когда отрицал встроенность экономики капиталистического общества в систему

социальных связей, опирался на теорию и практику рыночного хозяйства. Рынок он считал критерием, разделяющим эпохи на предшествующую, где экономическая деятельность была полностью подчинена системе социальных связей, и современную – рыночную, где не экономика встраивается в систему социальных отношений, а социальные связи – в экономическую систему¹⁷.

К.Поланьи, конечно, прав в том, что рынок разрушает социальные связи, разлагает социальную жизнь общества. Сегодня мы видим, что не только труд, земля, деньги, но и люди (дети, женщины) превращаются в товар, хотя они по своей природе таковыми не являются. Совершенно очевидно, утверждает он, что труд, земля, деньги – это отнюдь не товары и применительно к ним постулат, гласящий, что они производятся для продажи, ложен. Труд – это лишь название для определенной человеческой деятельности, теснейшим образом связанной с самим процессом жизни, которая, в свою очередь, производится не для продажи, а имеет совершенно иной смысл: эту деятельность невозможно отделить от остальных проявлений жизни, сдать на хранение или пустить в товарный оборот¹⁸.

Из этих, вполне справедливых, суждений К.Поланьи вовсе не вытекает, что рыночная экономика не встроена в соответствующие ей социальные отношения. Он изображает экономику и социаль-

ную систему как бы в виде двух логических кругов, которые в одном случае пересекаются, в другом – нет. Из этого можно сделать вывод, что в дорыночную эпоху экономика не обуславливала социальные отношения, не была первичной, а в пострыночную эпоху она тоже, как пишут постмодернисты, перестанет определять социальную систему, общество превратится в постэкономическое. В данном случае обусловленность социальных процессов способом производства материальной жизни подменяется историческими формами зависимости людей друг от друга: формами личной зависимости, личной независимости, но вещной зависимости, и отношениями свободных индивидуальностей в будущем обществе свободного коллективного труда.

В этой связи не лишним будет напомнить о том, как К.Маркс относился к применимости своих формулировок (об обусловленности социального экономическим) к разным историческим периодам. В ответ на замечание относительно справедливости этих положений лишь по отношению к современному миру, когда господствуют материальные интересы, но их неприменимости к древним Афинам, где господствовала политика, и к средним векам, где господствовал католицизм, К.Маркс заметил: «ясно, во всяком случае, что средние века не могли жить католицизмом, а античный мир – политикой. Наоборот, тот способ, каким в эти эпохи добывались средства к

жизни, объясняет, почему в одном случае главную роль играла политика, а в другом – католицизм. Кроме того, не надо обладать особенно глубокими познаниями, например, по истории Римской республики, чтобы знать, что секрет ее истории заключается в истории земельной собственности»¹⁹.

Относительно последнего замечания добавим от себя, что Римская республика погибла в результате приватизации земельной собственности своих граждан. Точно также Советский Союз исчез по причине приватизации собственности и внедрения рыночных отношений, а вовсе не от внедрения первенства социального над экономическим. Еще не поздно посоветовать приватизаторам отказаться от своих прибылей, рыночных спекуляций и встроить свои экономические действия в отношения социальной справедливости, проповедуемые «новой» партией «Справедливая Россия», а также включать в политику социального государства и суверенной демократии. Вряд ли В.В.Радаев и его К пойдут на это и послушаются М.Грановеттера и К.Поланьи, или откажутся от «новой экономической социологии», как это сделала Т.И.Заславская.

Социализировать атомизированное рыночное общество невозможно, ибо стоимость и стоимостные отношения предполагают их разложение на отдельные единицы. «В производстве стоимости, – писал К.Маркс, – множество всег-

да имеет значение только суммы многих отдельных единиц. Следовательно, с точки зрения производства стоимости совершенно безразлично, производят ли 1200 рабочих каждый отдельно или же они объединены вместе под командой одного и того же капитала»²⁰. Стоимость всегда равна сумме затрачиваемых часов рабочего времени.

Чтобы экономическое действие встроить в социализированное общество, необходимо, что оно (действие) само было социализированным²¹. Таковым оно не может быть, если речь идет о производстве стоимости и стоимостных рыночных отношениях. Причем речь должна идти не просто об экономическом действии, да еще в веберовском смысле, а о жизнеобеспечивающем труде, выраженным не через стоимость, т. е. о труде, производящем потребительную стоимость. Соответственно, в вопросах о будущем экономической социологии вся надежда должна быть возложена на включение в нее теории человеческого труда. Такая перспектива экономической социологии в полной мере зависит от того, в какой мере она будет развиваться на основе трудовой теории, причем как экономической, так и социологической. Для этого необходимо создать *теорию социальной экономики труда*, которая смогла бы объединить вместе экономический и социологический подходы.

Какое же место может занять эта теория в экономической и социологической науке?

Известно, что классическая политическая экономия в лице А.Смита, Д.Рикардо, К.Маркса была и остается теорией товарного производства, его высшей формы – капиталистического производства. Она является теорией труда, производящего товар и стоимость, капитал. К.Маркс назвал ее политической экономией капитала.

Противоположностью и отрицанием трудовой основы экономической науки явился и остается маржинализм, который противопоставил трудовой теории стоимости теорию предельно полезности, в основу которой поставил субъективно понятого человека и его потребности. Маржинализм свел решение экономических проблем к поведению и субъективным предпочтениям индивида, но эта теория остается *теорией капитала*.

Основное противоречие двух парадигм – стоимостной и полезностной – составляет содержание известной истории политической экономии и ее сегодняшнего состояния. Оно остается неразрешимым и является по существу противоречием между трактовкой труда как созидателя потребительной стоимости и источника стоимости. В существующей экономической социологии имеет место то же самое противоречие между трудовой теорией стоимости и маржинализмом. Последний принимает форму субъективно понятых экономического действия (поведения) и межличностных отношений. Механическое соединение противоположных

парадигм, представленное в неоклассике, вызывает отрицательное отношение к ней. Это – не решает проблему, а еще более запутывает ее, провоцирует применение всякого рода паралогизмов (дихотомий, антиномий).

Действительное решение видится в разработке, как уже сказано, социальной экономии труда, но труда, производящего потребительную стоимость. Она должна явиться отрицанием маржиналистской теории субъективной полезности и возвращением к трудовой основе как политической экономии в ее широком смысле, так и социологии тоже в этом же широком смысле, т.е. они не будут теориями, пригодными лишь для познания индустриального или современного капиталистического общества.

Создать такую трудовую теорию – не простое дело. Сведение стоимости товара к равному общественному труду составляет конечный результат исследований классической политической экономии. Можно сказать, что объяснение современного товарного мира трудом является таким результатом. Однако сведение стоимости к труду оставляет необъясненным сам труд. Без него результат, достигнутый классикой, не будет конечным для самой экономической науки. К. Маркс, как известно, не выполнил свое намерение написать после «Капитала» книгу о «Труде».

Труд не обладает стоимостью и не подпадает под объяснительную силу теории стоимости. Общей

основой жизни всякого общества является вовсе не тот труд, который производит стоимость, а жизнеобеспечивающий труд, производящий потребительные стоимости. Чем же определяется живой труд? Сегодня, к сожалению, наука не готова ответить.

Живой труд, в отличие от его овеществления в стоимости товара, остается вне научного определения. Попытка А.Смита определить стоимость самого труда (живого) посредством стоимости его продукта (второе определение стоимости) оказалась безуспешной: обнаружилась ее тавтологичность, неспособность вывести это определение труда за пределы логического круга. Получалось, что трудом определяется стоимость товара, а стоимостью товара – труд.

Тот же вопрос о мере труда можно поставить не только по отношению к труду, производящему жизненные средства, но и ко всему общественному труду, создающему общественный продукт. Мэру общественного рабочего времени тоже нельзя определить, если исходить из известных стоимостных категорий. Трудовая теория стоимости в решении этого вопроса тоже оказалась бессильной.

Становится очевидным, что сам живой труд, являющийся основой жизни и богатства, остается вне концептуального политэкономического и социологического определения. Поэтому создание теории социальной экономии о столь важном и ни с чем не сравнимым

по значимости факторе общественной жизни окажет, как убеждены авторы, революционизирующее влияние на общественные науки. Речь идет о *новой научной теории*, преодолевающей как стоимостную, так и полезностную (маржиналистскую) парадигмы. Она должна ответить на поставленный выше вопрос: какова экономическая природа и законы движения труда, если невозможно определить его стоимость?

Оказывается, труд обладает не менее важным качеством, чем его овеществленное состояние в стоимости продукта, а именно: он и его носитель – рабочая сила, имеют потребительную стоимость. Соответственно, трудовая теория потребительной стоимости и будет той искомой концептуальной базой, на основе которой может быть создана социальная экономия труда, выполняющая роль политической экономии и социологии.

Могут сказать, что подход к труду со стороны потребительной стоимости, поскольку речь идет о полезности, объясняется теорией предельной полезности, т.е. маржинализмом. Это, однако, не так. Маржинализм выставил труд вместе с трудовой теорией стоимости за пределы своей парадигмы: за трудом в лучшем случае он признает лишь отрицательную полезность (Джевонс). Вместе с тем следует учитывать, что такое отрицательное суждение высказывается по отношению к живому труду. Что касается овеществленного в том или ином благе труда, т.е. про-

дукта труда, то его полезность не только не отрицается, но даже признается в качестве цены, определяемой пределом этой полезности. Так что разницу между видами двумя труда – живым и овеществленным – следует строго соблюдать. Иначе трудовая теория потребительной стоимости может быть отождествлена с маржиналистской теорией полезности.

Как же потребительно-стоимостная теория отвечает на поставленный выше вопрос: чем определяется труд, необходимый для производства жизненных средств работника, т.е. для воспроизводства самого труда? Таким ответом будет суждение: он определяется потребительной стоимостью жизненных средств, а по отношению ко всему общественному труду – потребительной стоимостью общественного продукта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 415.
2. Турен А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. М., 1998. С. 18.
3. Sartre J-P. Critique de la raison dialectique. Т. 1. Paris, 1960. Р. 61.
4. Ibid. Р. 64.
5. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 380.
6. Мизес Л. Фон. Человеческая деятельность: трактат по экономической теории. Челябинск, 2005. С. 133.
7. Интервью с профессором Ричардом Сведбергом // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. V. 2002. № 2. С. 11.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 383.
9. Смелсер Н.Дж. Социология экономической жизни // Американская социология. М., 1972. С. 197.
10. Радаев В.В. Экономическая социология в России: становление и развитие // Экономическая социология. Т. 5. № 2. 2004. С. 127.
11. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 6-7.
12. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 46. С. 30.
13. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25. Ч. II. С. 452.
14. Там же. С. 453.
15. Ленин В.И. Полн.собр.соч. Т. 1. С. 424.
16. Радаев В.В. Новый институциональный подход: построение исследовательской схемы // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. IV. № 3. С. 126.
17. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб., 2002. С. 58, 70.
18. Там же. С. 86-87.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 92.
20. Там же. С. 333-334.
21. Грановеттер М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности // Экономическая социология. 2000. Т. 3. С. 47. ■

© 2007 г.

Г.Н.Соколова

Роль заработной платы в мотивации экономического поведения работников

Методологические истоки концепции трудовой мотивации

С того исторического момента, когда перед социологами встала практическая задача объяснения поведения отдельного индивида, изменилась и расстановка социально-психологических проблем. На первое место выдвинулись проблемы мотивации. Стало ясно, что сложную структуру регуляторных процессов человека интегрирует в единое целое та задача, которую он ставит перед собой. Если такой задачи нет, то нет и программы и цели действия, нет организованного, строго направленного поведения. Процессы инициации и реализации действий, направленных на конкретную цель, и являются процессами мотивации. Поэтому, изучение мотивационных процессов есть по сути дела изучение личности в ее деятельности.

Согласно А.Н.Леонтьеву [1, с. 24], *мотивация* есть высшая форма регуляции психических

процессов и поведенческих актов личности и социальной группы, выражающаяся в устойчивом стремлении к удовлетворению актуальных потребностей определенным образом и выступающая движущей, побудительной силой деятельности человека. Основные характеристики мотивации – интенсивность и устойчивость. Изучение мотивационной сферы личности должно включаться в контекст содержания культуры, которая придает мотивации ценностно-нормативное звучание.

Для социологического анализа проблем мотивации принципиальное значение имеет вопрос о соотношении мотивов и стимулов, который не решался удовлетворительно до начала 1990-х годов в связи с тем, что понятие «мотив» входило в сферу психологии, а понятие «стимул» – в сферу науки экономики. В своем исходном значении, стимул понимается как внешнее воздействие на индивида или группу людей; этимология данного термина

(stimulus – острая палка, бич). Если придерживаться данной трактовки стимула, то стимулирование становится сугубо внешним принуждением, вызывающим не мотив, а только негативную реакцию если не прямого сопротивления индивида, то приспособления или конформизма.

В контексте социологического анализа, впервые осуществленного белорусским социологом С.А.Шавелем в 1988 году [2], стало возможным говорить о диалектике взаимосвязи мотива и стимула. В этом контексте под *стимулом* понимается любой внешний объект (материальный предмет, образ, в том числе и образ некоего психологически комфортного состояния), который проектирует для себя индивид и делает этот объект целью своих устремлений. *Мотив* в этом случае определяется как вербализация цели и программы, дающая возможность индивиду начать определенную деятельность по «завоеванию» стимула.

Каждый человек окружен *стимуляционным* полем. Это могут быть объекты естественной среды, материальные предметы, культурные и духовные ценности, предлагаемые обществом знаки отличия, образцы поведения. Но это не просто окружающий мир, а мир, «пропущенный» через сито полезности, значимости для субъекта. Стимуляционное поле личности подвижно и динамично. Оно меняется с развитием потребности в зависимости от возраста и образования, а также с изменением набора объектов.

Если необходимых для стимуляции объектов нет, то вектор цели сворачивается, деятельность теряет смысл, социальная активность гаснет. В результате возникают разного рода антистимулирующие эффекты, когда то, что предлагается обществом в качестве стимула, таковым не является и дает противоположный результат.

Стимулы, как правило, дистанцированы от индивида, ибо то, что доступно без усилий, стимулом быть не может. Чтобы овладеть тем или иным стимулом, индивиду необходима соответствующая настройка, как инструментальная (знания, навыки, умения, средства деятельности), так и психолого-мировоззренческая (установки, ценностные ориентации и др.). С психологической точки зрения, такая настройка индивида означает переход стимула в мотив как внутреннее побуждение к действию по достижению цели – овладению объектом-стимулом. Эффективность перехода стимула как внешнего побуждения в мотив как внутреннее побуждение субъекта к действию по овладению этим стимулом характеризует регулятивные возможности *стимуляционно-мотивационного механизма* как самодостаточного средства регулирования взаимодействия мотива и стимула. Эти возможности ограничиваются, с одной стороны, степенью насыщенности и полезности стимуляционного поля, а с другой – уровнем и активностью соответствующей инструменталь-

ной и психолого-мировоззренческой настройки индивида.

Выявление диалектики взаимодействия мотива и стимула позволяет по-новому рассмотреть системы мотивации в советском обществе. Нельзя сказать, что советская система не была заинтересована в развитии творческой активности, повышении производительности труда. По-своему она настойчиво добивалась этого, но средства обесценивали усилия, постепенно разрушая остатки традиционных элементов мотивации и не предлагая ничего нового на их место. Прежде всего, система породила иллюзию высокой эффективности внеэкономического принуждения, а практика взяла на вооружение «концепцию мотивации», которая покоилась на трех китах: человек всегда стремится к более высокой должности, большему вознаграждению; наиболее эффективно человек трудится в рамках регламента, зная, что его работу можно проверить; при социализме личные интересы человека всегда подчиняются общественным.

В трудные послевоенные годы эмпирическая достоверность данных положений представлялась очевидной. Но, уже начиная с середины 1960-х годов, практика управления оказалась не в состоянии задействовать огромные социальные резервы, составляющие на современных предприятиях до 40% всех резервов. Рост материального благополучия снизил личную зависимость работника от предприятия, экономиче-

скую необходимость интенсивного труда ради добывания средств к жизни; возросший образовательный и культурный уровень повысил стремление к творческой работе. Что же касается соотношения личных и общественных интересов, то оно по своей сути диалектично и не исключает их относительной независимости. По результатам социологических исследований 1980–1990-х годов, в полную силу трудилось не более 1/3 занятых на предприятиях и в организациях.

Важнейшей сферой социологического анализа в 1980-е годы был поиск ответов на вопрос – почему столь низка стимулирующая роль заработной платы в советском обществе, в чем причины ее антистимулирующего эффекта. Неадекватная оплата труда породила одну из самых неприятных аномалий в обществе – не востребованность творческого труда. Объяснение этого феномена представляется наиболее убедительным с позиций мотивационно-гигиенической теории американского социального психолога Ф.Херцберга – автора таких трудов, как «The Motivation to Work and Job Attitudes» (1966); «Work and the Nature of Man» (1976).

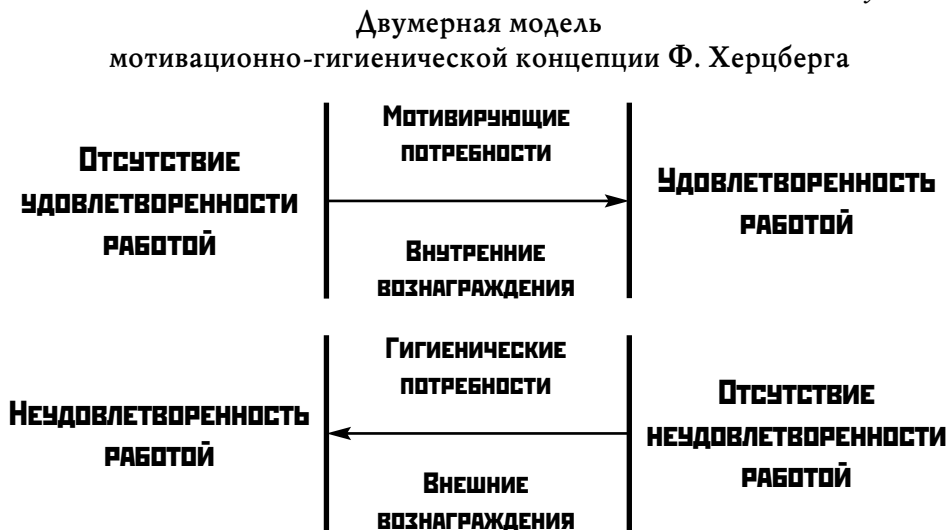
Суть *мотивационно-гигиенической теории* Ф.Херцберга [3, с. 71-129] заключается в том, что он рассматривает человека в понятиях его целостной природы, а не только с помощью характеристик, определяющих его соответствие требованиям организа-

ции. Он выделяет два главных фактора трудовой деятельности: *содержание работы*, связанное с мотивами достижения, признания и продвижения, самой работой, возможностью творческого роста, уровнем ответственности; *условия работы*, т.е. заработную плату, политику компании, межличностные отношения, безопасность и гарантию работы.

Основное положение концепции Ф.Херцберга заключается в том, что факторы, определяющие удовлетворенность производственной работой, нужно отде-

лить от факторов, ведущих к неудовлетворенности работой. То, что противостоит удовлетворенности работой, – не есть неудовлетворенность, а скорее, – отсутствие удовлетворенности. Таким образом, согласно Ф.Херцбергу, существуют две шкалы измерения удовлетворенности работой: удовлетворенность – отсутствие неудовлетворенности; неудовлетворенность – отсутствие удовлетворенности. И каждая из этих шкал детерминирована принципиально разными факторами (рис.1).

Рисунок 1

Согласно двумерной концепции Ф.Херцберга, существуют два набора потребностей в работе: *мотивирующие*, связанные с содержанием работы (достижение, признание, продвижение, сама работа, возможность творческого роста, ответственность), и *гигиенические*, связанные с условиями труда (заработная

плата, политика компании, формы контроля, отношения с руководителем, межличностные отношения с коллегами, отношения с подчиненными, безопасность и гарантия работы, личная и семейная жизнь), а также два континуума их представления – континуум ментального здоровья (Industrial Mental Health) и конти-

нуум ментальной болезни (Industrial Mental Illness). Мотиваторами являются факторы, связанные с решением содержательных задач и, таким образом, необходимые для психологического развития индивида; это психологические стимуляторы, с помощью которых индивиды могут актуализироваться в своей самореализации. Гигиенические факторы (термин «гигиена» употребляется в медицинском значении как «предупреждение») не в состоянии создать позитивную удовлетворенность, так как они не содержат характеристик, необходимых для психологического развития индивида.

Так, если на предприятии созданы благоприятные условия труда, налажены его научная организация и ритмичный режим работы, развиваются психологически комфортные отношения между работниками, то в итоге следует ожидать не высокую удовлетворенность работой, заинтересованность в ней, а лишь отсутствие неудовлетворенности. Хорошие условия труда (гигиенические факторы) закрепляют, стабилизируют персонал, но не обязательно побуждают его повышать производительность труда. Иными словами, они не вызывают увеличения выработки, но *предупреждают* от сознательного ограничения производительности труда, сдерживания темпов работы.

Повышение производительности труда и удовлетворенность работой зависят от других факто-

ров, которые Ф. Херцберг назвал *мотиваторами*. Они удовлетворяют «внутренние» потребности человека и включают в себя признание и достижение успехов в работе, интерес к ее содержанию, самостоятельность и ответственность за ее выполнение. Именно они определяют удовлетворенность работой и повышают на этой основе трудовую активность. Поэтому *удовлетворенность* есть функция *содержания работы*, а *неудовлетворенность* – функция *условий труда*. Из этого следует, что производительность труда коррелирует с ростом удовлетворенности работой, но не с уменьшением степени неудовлетворенности. Таким образом, удовлетворенность и неудовлетворенность выступают, по Ф.Херцбергу, разнонаправленными плоскостями поведения человека в труде. С помощью профилактических «гигиенических» мероприятий по улучшению среды можно уменьшить неудовлетворенность работников, но лишь до некоторого «нулевого» уровня отношения к своей работе. Чтобы «столкнуть» человека с этой «мертвой» точки и поднять заинтересованность в труде, нужны дополнительные меры по обогащению самого содержания труда.

Материальное вознаграждение нельзя рассматривать как постоянно действующий фактор. Люди работают за деньги до известного предела, за пределами которого является личное представление о хорошей работе. Зара-

ботная плата и премия, согласно Ф.Херцбергу, – это гигиенические факторы или «негативные побуждающие стимулы», ибо при отсутствии денег люди чувствуют себя неуверенно, но при их наличии не обязательно почувствуют себя счастливыми и повысят производительность и качество труда. Повышение заработной платы скорее привязывает работника к предприятию, но далеко не всегда стимулирует повышение производительности труда.

В концепции Ф.Херцберга можно отметить еще одну особенность: гигиенические факторы – это, главным образом, коллективные условия деятельности, общие для всех или многих работников на данном предприятии, мотивационные – касаются лишь каждого в отдельности и связаны с личностными характеристиками индивида. В рассмотрении альтернатив – коллективные или индивидуальные методы стимулирования труда – Ф. Херцберг акцентирует внимание на вторых.

Обобщая, можно говорить о двух типах ментального баланса: первый – удовлетворенность средой, которая не связана с содержанием работы, способствует стабилизации персонала, но не побуждает к повышению производительности труда (хотя и предупреждает от сознательного ее ограничения); второй – удовлетворенность содержанием работы, связанная с психологическим

развитием в ходе самоактуализации и самореализации индивида. Таким образом, эта последняя дефиниция ментального здоровья исходит из тезиса, что ментальную болезнь не следует противопоставлять ментальному здоровью в силу воздействия на них факторов принципиально разной природы. Удовлетворенность (– как упоминалось ранее) выступает как функция содержания работы, а неудовлетворенность – как функция условий труда. Отметим, что для американской социологии труда модель Ф.Херцберга является ведущей до сих пор. Основные идеи Ф.Херцберга легли в основу современной политики менеджмента и во многом способствовали плодотворности ее осуществления в экономически развитых странах.

На примере одного из этапов республиканского социологического мониторинга «Общественное мнение», проведенного Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси в 2006 г., проранжируем ответы респондентов на вопрос – «*Что для Вас важно в работе?*». Частота выбора по каждому из предложенных вариантов ответа является показателем значимости для респондентов того или иного фактора (табл. 1, 2)¹.

Анализ табл. 1 и 2 показывает, что как у носителей умственного (служащих), так и у носителей физического труда (рабочих)

¹ Автор выступает одним из разработчиков инструментария мониторинга и ответственным за экономический блок.

Таблица 1

**Структура мотивационных и гигиенических факторов
ментального баланса служащих в сфере труда**

№ п/п	Факторы	Частота выбора, %
Мотивационные		
1.	Полно реализовать свои личные способности	81,2
2.	Полно использовать свои знания, опыт, квалификацию	80,5
3.	Быть независимым в выполнении работы	73,7
4.	Работать над сложными и интересными проблемами	46,5
5.	Занимать руководящую должность	25,3
Гигиенические		
6.	Зарабатывать хорошие деньги	95,1
7.	Работать с квалифицированными коллегами	86,3
8.	Иметь близких по духу сотрудников	84,3
9.	Работать без перегрузок	62,7
10.	Устанавливать связи с влиятельными людьми	49,6
11.	Иметь доступ к льготам	33,4

Таблица 2

**Структура мотивационных и гигиенических факторов
ментального баланса рабочих в сфере труда**

№ п/п	Факторы	Частота выбора, %
Мотивационные		
1.	Быть независимым в выполнении работы	72,9
2.	Полно использовать свои знания, опыт, квалификацию	63,1
3.	Полно реализовать свои личные способности	60,7
4.	Работать над сложными и интересными проблемами	29,8
5.	Занимать руководящую должность	20,2
Гигиенические		
6.	Зарабатывать хорошие деньги	98,2
7.	Иметь близких по духу сотрудников	78,4
8.	Работать с квалифицированными коллегами	75,5
9.	Работать без перегрузок	69,6
10.	Устанавливать связи с влиятельными людьми	46,9
11.	Иметь доступ к льготам	41,8

наиболее развиты в структуре ментального баланса гигиенические факторы, связанные с высоким заработком и благоприятным психологическим климатом в тру-

довом коллективе. Различие между ними состоит в том, что у служащих сильнее, чем у рабочих, выражена мотивация к реализации своих личных способно-

стей, использованию своих знаний, опыта, квалификации. В то же время, служащие в средней мере (менее 1/2), а рабочие слабо (менее 1/3) мотивированы к работе над сложными и интересными проблемами. Очевидно, что все возрастающий разрыв между

уровнем заработной платы и уровнем жизни ведет к тому, что ментальный баланс (по терминологии Херцберга) подавляющей части рабочих и служащих смещается в сторону одного из главных гигиенических факторов – заработной платы (рис. 2, 3).

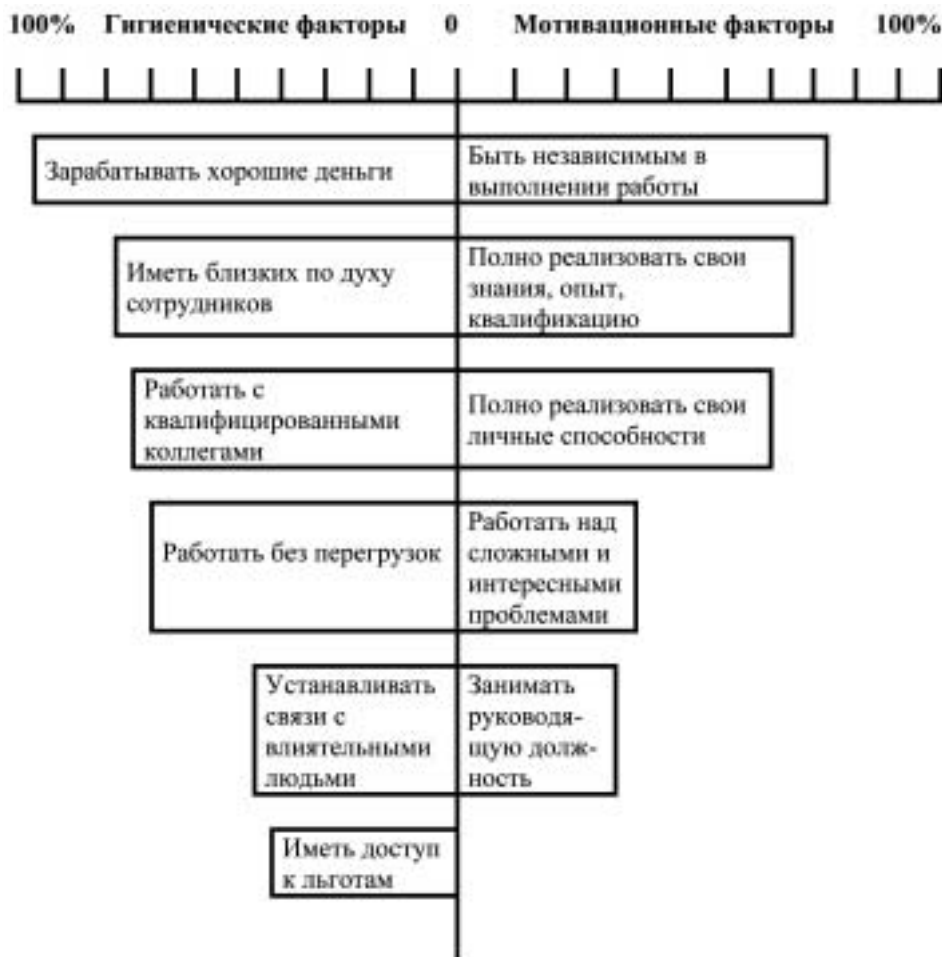
Рисунок 2

Структура мотивационных и гигиенических факторов ментального баланса служащих в сфере труда

Рисунок 3

Структура мотивационных и гигиенических факторов ментального баланса рабочих в сфере труда

Очевидно, что в переходный период, связанный с инфляцией и падением жизненного уровня населения, актуализировалась проблема усиления мотивированности индивидов к зарабатыванию денежных средств любым способом при одновременном ослаблении мотивации к профессиональной, качественной и эффективной работе. В контексте

анализа взаимодействия мотива и стимула, это явление объясняется разрушением связи заработной платы как стимула с качеством и количеством труда; разрушением связи заработной платы с уровнем квалификации и профессионализма, а также разрушением самого смысла понятия «профессионализм в работе»; повышением спроса на малоква-

лифицированный физический труд и, соответственно, расширением стимуляционного поля для этого вида труда; формированием ситуации, когда главным мотивом, побуждающим людей работать, становится привычка и надежда, что ситуация выправится и их труд будет оплачиваться по достоинству.

Превращение заработной платы в основной мотиватор трудового поведения работников, не связанный с содержанием их работы, означает перенос внимания в обществе с удовлетворения «внутренних» потребностей человека (признание, достижение успехов в работе, интерес к ее содержанию и др.) на удовлетворение «внешних» потребностей в поддержании определенного уровня материального благосостояния. В свою очередь, удовлетворение «внешних» потребностей способствует активизации вынужденного характера экономического поведения работников, ориентированного на зарабатывание средств к существованию. *Трудовое* поведение, связанное с совпадением профессиональных возможностей и интересов с деятельностью производственной организации и производственным процессом [4, с. 252], уступает место *экономическому* поведению, ориентированному вовне организации и связанному с перебором экономических альтернатив с целью рационального выбора, т.е. выбора, в котором минимизируются издержки и максимизируется чистая выгода [5, с. 424-426].

Проанализируем, в силу каких причин заработная плата превратилась из средства побуждения (хотя и умеренного) членов общества к производительному и качественному труду в средство побуждения к зарабатыванию, к вынужденному типу экономического поведения, в меньшей мере связанному с удовлетворением профессиональных интересов, а в большей – с удовлетворением материальных нужд. Для того чтобы выяснить это, рассмотрим, на основе статистических и социологических материалов, как заработная плата выполняет основные функции в экономике и обществе.

Повышение мотивирующей роли заработной платы в условиях транзитивной экономики

В самом общем виде заработная плата в рыночной экономике – это выплачиваемая за выполненную работу сумма средств, в основе определения которой лежит цена труда [6, с. 227]. Роль заработной платы в формировании экономического поведения индивида необходимо рассматривать в экономическом и социальном контекстах, взаимосвязанных и переходящих друг в друга. В экономическом контексте заработная плата является центральным инструментом действия законов спроса и предложения рабочей силы на рынке труда. В контексте социальной политики заработная плата должна мотиви-

вировать экономическое поведение индивида, как перебор экономических альтернатив с целью рационального выбора, через реализацию воспроизводственной, стимулирующей, регулирующей и социальной функций.

Воспроизводственная функция призвана обеспечивать удовлетворение сложившегося в обществе уровня физических и духовных потребностей работников. Показателем успешной реализации воспроизводственной функции может служить превышение среднедушевого денежного дохода над минимальным потребительским бюджетом, составившем в 2006 году 2 раза². По данным статистики, успешность реализации воспроизводственной функции заработной платы повышается, начиная с 2000 г. В 2005 г., по сравнению с 2000 г., доля населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже минимального потребительского бюджета (МПБ) уменьшилась в 1,8 раз, доля населения с уровнем располагаемых ресурсов ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ) уменьшилась в 3,3 раза, составив соответственно 42,6% и 12,7% от всего населения [7, с. 172.].

Таким образом выясняется, что воспроизводственная функция реализуется в большей мере за счет уменьшения доли населе-

ния, находящегося ниже официальной черты бедности, определяемой уровнем БПМ, и в меньшей мере – за счет уменьшения доли населения, чей среднедушевой денежный доход ниже уровня МПБ. В данном случае, положение дел приводится в соответствие с преамбулой устава Международной организации труда (МОТ) содержащей требования: «Удовлетворительные условия жизни».

Реализация воспроизводственной функции заработной платы связана со структурой денежных доходов домашних хозяйств. Если доля заработной платы (по основному месту работы) увеличивается в структуре денежных доходов населения, то возрастает и мотивация к основной работе. Если же доля заработной платы (по основному месту работы) уменьшается в структуре денежных доходов населения, то снижается мотивация людей к основной работе и повышается мотивация к разного рода подработкам, именуемым «вторичной занятостью». Доля заработной платы в структуре денежных доходов семей, по данным статистики, почти не изменялась за последние пять лет и составляет 58,4%; социальные трансферты составляют 21,3%, доходы от предпринимательской деятельности и

² Минимальный потребительский бюджет (МПБ) – это основной социальный норматив, представляющий собой стоимость набора материальных благ и услуг, необходимых для удовлетворения минимальных физиологических и социальных потребностей человека. МПБ в 2005 г. – 229,3 тыс. руб.; бюджет прожиточного минимума (БПМ), составляющий 63,5% от МПБ и трактуемый как официальная черта бедности, – 145,7 тыс. руб.

другие доходы – 18,6%, доходы от собственности – 1,7% [8, с. 95]. По результатам республиканского социологического мониторинга, вторичной занятостью охвачены до 20% трудящихся. В качестве главной причины, побуждающей работников иметь вторичную занятость, назван низкий уровень оплаты труда на основной работе (до 80% респондентов, занятых на второй работе); вторая по значимости причина – относительно высокий уровень заработков на дополнительной работе. Считается, что наличие вторичной занятости ухудшает отношение работников к труду, так как уменьшает их интерес к основной работе и снижает эффективность трудовой деятельности. Вместе с тем, признается, что вторичная занятость является способом адаптации людей к изменению условий жизни.

Реализация воспроизводственной функции связана со структурой денежных расходов населения на оплату основных видов товаров и услуг. На что в первую очередь расходуются деньги в семьях респондентов? Такое количество семей позволяет себе те или иные расходы? Массовый характер применения имеют те статьи расходов, которые обеспечивают жизнедеятельность людей: квартплата и оплата коммунальных услуг, продукты питания и товары текущего пользования (от 2/3 до 4/5 семей). Ко второй группе расходных статей относятся затраты на оплату бытовых услуг, лечения и медикаментов, покупку одежды и обуви (-

на это располагают средствами от 1/2 до 1/3 семей). В третью группу расходных статей входят: спиртное, табак и прочее; содержание детей в дошкольных и учебных заведениях (на это располагают средствами от 1/5 до 1/10 семей). Отметим, что у 1/5 населения Беларуси отсутствует статья затрат на оплату лечения и медикаментов, а у 1/2 – на организованный отдых и путешествия.

Если судить о реализации воспроизводственной функции по структуре доходов и расходов семей, то приходим к выводу, что данная функция реализуется недостаточно в силу несоответствия низкого уровня оплаты труда и высокой стоимости жизни, так что основной ценностной ориентацией работающих членов семей становится стремление удерживать в состоянии баланса доходную и расходную части семейного бюджета, с целью сохранить (а если можно, повысить) материальное благосостояние семьи.

Стимулирующая функция заработной платы предусматривает зависимость заработной платы от индивидуальных и коллективных результатов труда. В более широком смысле, заработная плата должна стимулировать перелив рабочей силы из производственных в непроизводственные сферы экономики, из традиционных в инновационные сферы хозяйственной деятельности. Реализация стимулирующей функции заработной платы выступает важнейшим механизмом повышения

производительности труда, формирования инновационных сфер деятельности и межотраслевых перемещений в русле научно-технического прогресса. Однако действие механизма отраслевых перемещений заблокировано тем, что эти перемещения стимулируются со знаком минус. Так, заработная плата работников непроизводственной сферы намного ниже средней в экономике республики. Внутри непроизводственной сферы заработная плата в сфере управления выше, чем в сфере науки и образования, тогда как в экономически развитых странах все происходит наоборот. В результате подобного «стимулирования» темпы прогрессивных отраслевых перемещений низки и имеют тенденцию к замедлению.

Наметившаяся в 2000 г. тенденция увеличения номинальной начисленной заработной платы работников непроизводственной

сферы незначительно повлияла на перераспределение трудовых ресурсов в отраслях. Дело в том, что принцип оплаты труда в промышленности и сельском хозяйстве осуществляется по низким тарифным ставкам (окладам), но с высокими сдельными расценками для рабочих. Поэтому наличие высшего или среднего специального образования в этих отраслях обеспечивает высокую должность, но не гарантирует высокой заработной платы. У работников аппарата органов государственного управления и представителей банковской деятельности заработная плата высока за счет выплат стимулирующего характера, различных надбавок и доплат. У работников связи, бытового обслуживания, торговли, жилищно-коммунального хозяйства, социального обеспечения, культуры и искусства, образования и науки основная ставка при оплате

труда сделана на оклады, что требует высокого образовательного уровня в научно-преподавательской среде и наличия, по крайней мере, среднего специального образования в остальных названных отраслях. Эти отрасли феминизированы и не являются привлекательными в глазах общества, но именно они выступают индикаторами научно-технического прогресса. И поскольку заработная плата выступает сегодня основным стимулом трудовой деятельности, необходимо принять соответствующие меры по изменению организации оплаты, труда в производственной и непроизводственной сферах [9, с. 34-44].

В условиях подобной реализации стимулирующей функции в разрезе отраслей, экономическая активность работающих в значительной мере мотивируется не трудовой ситуацией, а тем, с какой референтной группой они себя идентифицируют. Так, согласно данным республиканского социологического мониторинга, ежегодно проводимого Институтом социологии НАН Беларуси, к людям с достатком выше среднего относят себя 2,6%; к среднеобеспеченным – 55,0%; к людям с достатком ниже среднего – 32,0%; к бедным – 7,4% (3,0% – затруднились ответить). Те, кто относит себя к людям среднего достатка, пытаются повысить свой доход всеми возможными способами. Почти все из них работают или собираются работать на нескольких работах и половина из них хотели бы повы-

сить свою квалификацию ради повышения заработка. Те же, кто относит себя к малообеспеченным и бедным, практически ничего не предпринимают; они снижают уровень своих потребностей, воспринимая ухудшение материального положения как неизбежность.

Регулирующая функция заработной платы проявляется в том, что она выступает механизмом формирования спроса на продукцию и услуги конечного потребления, а также на труд. Само по себе повышение номинальной заработной платы сопровождается ростом цен на потребительские товары, что не позволяет повысить покупательную способность заработной платы и, соответственно, реализовать в полной мере ее регулирующую функцию. Для современного этапа характерен относительно низкий уровень средней заработной платы и отсутствие стабильности в росте ее реальной величины. Об относительно низком уровне среднемесячной номинальной начисленной заработной платы свидетельствует и ее соотношение с МПБ (2,0) и БПМ (2,9), характеризующим стоимость жизни [10, с. 159, 172].

Основные недостатки действующего механизма регулирования заработной платы в бюджетной сфере прежде всего связаны с неудачным, по мнению экономистов, использованием в этом механизме норматива минимальной заработной платы [11, с. 129-130]. К настоящему времени, директивно устанавливаемый

уровень минимальной заработной платы «оторвался» от своей объективной основы – МПБ, покрывая всего 68,4% его стоимости [12, с. 164]. Вследствие утраты реального содержания, норматив минимальной заработной платы не выполняет свою главную функцию – гарантировать наемным работникам минимально допустимый уровень потребления. Необходимость повышения данного норматива с целью восстановления его основной гарантирующей функции вступает в противоречие с возможностями финансирования бюджетной сферы. Существующая практика периодических пересмотров норматива минимальной заработной платы и тарифной ставки первого разряда, обусловленных ростом потребительских цен, с одной стороны, стимулирует инфляцию, а с другой – усугубляет колебания в дифференциации размеров оплаты труда между разными секторами и отраслями национальной экономики.

Чтобы разрешить накопившийся комплекс проблем в системе регулирования оплаты труда, необходимо, как считают экономисты, изменить роль минимальной заработной платы в этой системе и восстановить реальную связь минимальной заработной платы с МПБ таким образом, чтобы она могла обеспечивать выполнение своей главной функции – гарантировать минимально допустимый уровень потребления, необходимый для воспроизводства работником своей произ-

водительной силы.

Отметим, что, начиная с 2004 г., восстановлена реальная связь между минимальной заработной платой (156,9 тыс. руб.) и БПМ (145,7 тыс. руб.) [13, с. 164, 172]; сейчас они примерно соответствуют друг другу. Это означает, что требования МОТ относительно «Удовлетворительных условий жизни» выполнены для тех, кто имеет работу. Но дальнейшее уменьшение доли тех, кто находится ниже официальной черты бедности (12,7%), должно осуществляться при сохранении коэффициента дифференциации доходов населения не ниже уровня 5 (в разах) и усилении мотивационных факторов ментального баланса работников в сфере труда.

Социальная функция заработной платы нацелена на обеспечение социально справедливой дифференциации оплаты труда и, соответственно, избегание значительной социально-экономической дифференциации в доходах и уровне жизни разных слоев общества. Реализация социальной функции заработной платы является одним из основных механизмов социально ориентированной рыночной экономики в Республике Беларусь, согласно которой конечной целью развития должен выступать не сам по себе экономический рост, темпы и размеры накопления, а человек, обеспечение его материальных и духовных потребностей. Особое внимание при этом уделяется государственному регулированию оплаты труда; именно зара-

ботная плата должна стать одним из ведущих факторов повышения эффективности производства и основой роста уровня жизни населения.

Вместе с тем, государственный выбор в пользу социально ориентированной экономики, наряду с очевидными преимуществами, порождает и ряд проблем, главная из которых – проблема баланса социального и экономического компонентов, так как издержки, сопровождающие внедрение неэкономических ценностей, предполагают потерю экономической эффективности производства. Создание социально ориентированной экономики многоукладного типа связано, в частности, с уменьшением коэффициента дифференциации денежных доходов общества. Так, если в 2000 г. коэффициент дифференциации денежных доходов населения составлял 5,8, то в 2005 г. он уменьшился до 5,4 раз [14, с. 172]. Это было бы позитивной тенденцией в условиях стабильного социально-экономического развития. Однако в экономической практике трансформирующихся обществ поднятие денежных доходов бедных слоев до уровня бюджета прожиточного минимума (БПМ) и создание определенных социальных гарантий для социально уязвимых слоев населения связывается, с одной стороны, – с повышением темпов роста ВВП (в 2001 г. – на 4,7%, по сравнению с 2000 г., а в 2005 г. – на 9,2%, по сравнению с 2004 г.) [15, с. 325] и, соответ-

ственно, – заработной платы. С другой стороны, – это связано с перераспределением денежных доходов между обеспеченными и бедными слоями населения в пользу последних. Социальными последствиями этого, в целом позитивного процесса, являются: снижение трудовой мотивации в силу выравнивания оплаты труда разной природы и разного уровня квалификации (при общем низком уровне заработной платы), а также – «уплощение» экономической пирамиды в обществе в ходе выравнивания среднедушевых денежных доходов разных слоев населения [16, с. 42-49].

Рассмотрение экономической стратификации белорусского общества на базе статистических материалов показывает, что в процессе стабилизации экономики, доля страты со среднедушевым денежным доходом ниже БПМ уменьшилась втрое (от 38,4% в 1995 г. до 12,7% в 2005 г.), а доля страты со среднедушевым денежным доходом свыше 2 БПМ – увеличилась в 2,3 раза (от 19,6% до 44,7%, соответственно) [17, с. 172]. Вместе с тем, увеличение расходов государства на оплату труда в структуре затрат на производство продукции носит эволюционный характер и изменяется менее, чем на один процентный пункт в год (от 10,4% в 1995 г. до 15,7% в 2005 г.) [18, с. 531]. Из этого можно заключить, что наряду с повышением благосостояния общества за счет увеличения ВВП, происходит перераспределение денежных доходов

между высоко и низкооплачиваемыми слоями населения уравнительного характера. Исходя из этого, отметим, что социальная функция не должна вступать в противоречие с воспроизводственной и стимулирующей функциями. Перераспределение заработной платы в пользу низкооплачиваемых работников имеет свой предел, переступив через который можно разрушить воспроизводственную функцию, применительно к высококвалифицированным работникам, а также подорвать заинтересованность руководителей и ведущих специалистов в обеспечении эффективной работы предприятий и организаций.

Итак, в транзитивной экономике, характерной для постсоветских государств, *воспроизводственная* функция заработной платы реализуется недостаточно в силу несоответствия низкого уровня оплаты труда основного массива работников и высокой стоимости жизни, поэтому главной ценностной ориентацией работающих членов семей становится стремление удерживать в состоянии баланса доходную и расходную части семейного бюджета, с целью сохранить (а если возможно – улучшить) материальное благосостояние семьи. Реализация *стимулирующей* функции заработной платы мало зависит от индивидуальных и коллективных результатов труда на предприятиях и в отраслях, так что трудовая активность работающих модифицируется в эко-

номическую активность вовне предприятий и в значительной мере зависит от того, с какой референтной группой они себя идентифицируют. *Регулирующая* функция заработной платы также недостаточна, так как применяемый в ней норматив минимальной заработной платы покрывает чуть более 2/3 минимального потребительского бюджета и не гарантирует наемным работникам минимально допустимый уровень потребления. Регулирование *социальной* функции, нацеленное на обеспечение социально справедливой дифференциации оплаты труда, происходит не только за счет повышения ВВП, но и за счет перераспределения денежных доходов между высоко и низкооплачиваемыми слоями населения, что способствует уравнительному характеру оплаты труда и снижает трудовую мотивацию. Актуализируется проблема не только улучшения реализации названных функций заработной платы, но и проблема их согласования друг с другом для нормального функционирования заработной платы как основного мотивирующего фактора стратегий трудового и экономического поведения индивидов.

Анализ функций, через реализацию которых заработная плата влияет на материальное положение и ценностные ориентации индивидов, позволяет заключить, что в условиях транзитивной экономики заработная плата как бы «выходит» из рамок собственно

условий труда и становится одним из главных мотивирующих факторов экономического поведения индивидов. Само же экономическое поведение индивидов, в силу несоответствия низкой оплаты труда и высокой стоимости жизни, приобретает вынужденный характер и определяется по критериям количества и качества дополнительных работ и подработок. Очевидно, данное положение вещей сохранится до тех пор, пока оплата труда не придет в соответствие со стоимостью жизни, и у людей не сформируется личное представление о хорошей работе, связанное прежде всего с ее содержательными аспектами, при наличии достойной оплаты.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., Политиздат, 1977.
2. *Шавель С.А.* Социальная сфера общества и личность. – Мн.: Наука и техника, 1988.
3. *Herzberg F.* Work and The Nature of Man. Cleveland & New York: The World Publishing Company . 1976.
4. *Соколова Г.Н.* Поведение трудовое // Экономико-социологический словарь / Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк, О.В. Терещенко и др.; Сост. Г.Н. Соколова, О.В. Кобяк; Науч. ред. Г.Н. Соколова. – Минск: ООО «ФУАинформ», 2002.
5. *Соколова Г.Н.* Экономическое поведение. Там же.
6. *Рофе А.И., Жуков А.А.* Теоретические основы экономики и социологии труда. М.: Издательство МИК, 1999.
7. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2006 (Стат. сб.). Минстат Республики Беларусь. – Минск, 2006.
8. Краткий статистический сборник «Республика Беларусь в цифрах», 2006 (Стат. сб.). Минстат Республики Беларусь. – Минск, 2006. – С. 95.
9. *Андрос И.А.* Основные тенденции в сфере занятости населения Беларуси: социально-демографический анализ // Социальные и социокультурные процессы в современной Беларуси: Сб. науч. тр. / НАН Беларуси, Ин-т социологии. – Мн.: УП «Технопринт», 2005. – С. 34-44.
10. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2006 (Стат. сб.). Минстат Республики Беларусь. – Минск, 2006.
11. *Морова А.П.* Социальная политика в сфере трудовых отношений. – Мн.: ИСПИ, 2000.
12. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2006. (Стат. сб.). Минстат Республики Беларусь. – Минск, 2006.
13. Там же.
14. Там же.
15. Там же.
16. *Соколова Г.Н.* Социальная политика и экономическая стратификация общества // Социология. 2006, № 1, с. 42-49.
17. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2006. (Стат. сб.). Минстат Республики Беларусь. – Минск, 2006.
18. Там же. ■

© 2007 г.

А.М.Старков

Социальные факторы производительности труда работников промышленного предприятия

На всех ступенях общественного развития важнейшее значение для функционирования общества и прогресса имеет производительность труда. Производительность труда является показателем количества произведенной продукции за определенное время¹.

Экономическая и социальная эффективность предприятия в решающей степени зависит от производительности труда работников. Капитализм победил феодальный строй прежде всего тем, что обеспечил более высокую производительность труда.

В советский период высокие темпы развития производительности труда были в годы довоенных пятилеток, в 30-60 гг. XX века. В 70-80 гг. XX века в стране производительность труда существенно снизилась², что явилось одной из причин глубокого

социально-экономического кризиса, приведшего к перестройке и последующей трансформации общества.

В первые годы трансформации производительность труда работников еще более снизилась. Об этом свидетельствуют как статистические данные, так и социологические исследования. Так в ходе социологического исследования работники ЗАО «Каустик» г. Стерлитамак Республики Башкортостан следующим образом характеризовали свою производительность труда. На вопрос: «В какой период Вы работали с большим напряжением, интенсивностью, с большим использованием своих физических, умственных, психических сил?» – были получены следующие ответы: 1) до 1985 года, до перестройки – 29,2%; 2) в период перестройки, с 1985 по 1991 г. – 13,7%; 3) в усло-

¹ Большая книга по экономике/Е.Ф. Фрейхельт, В. Меркель. – М.: Тера, 1997. – 707 с.

² Советский энциклопедический словарь/ Гл. ред. Прохоров А.М. – М.: Советская энциклопедия, 1989. – 1632 с.

виях перехода к рыночной экономике, с 1991 года по настоящее время – 34,2%; 4) затруднились ответить – 15,5%.

Наши исследования подтверждают мнения многих специалистов о том, что пока осуществляемые в стране реформы не привели к сколько-нибудь значительному усилению внутренней мотивации и повышению производительности труда.

Производительность труда работников промышленного предприятия зависит от многих факторов. Это внешние по отношению к предприятию условия и факторы и внутренние, характерные для данного предприятия. Среди внутренних факторов значительное место занимают социальные факторы.

Социальные факторы экономической и социальной эффективности промышленных предприятий подразделяются на внутренние и внешние. Внешними социальными факторами является состояние социума в России, регионе, городе. Они являются общими для всех предприятий. Состояние внешней социальной среды оказывает большое влияние на производительность труда работников. Если в стране, регионе, городе социальная среда находится в хорошем состоянии, это положительно влияет на производительность труда на предприятии. Когда социальное положение ухудшается, то это негативно влияет на производительность труда работников. Влияние внешних факторов не ограни-

вается только динамикой социума на разных уровнях.

Для определения производительности работников предприятия внешние факторы рассматриваются как общие для предприятий страны, как общие для данного региона (в данном случае Республики Башкортостан), как общие для всех предприятий города. Поэтому при определении производительности труда работников предприятия состояние внешних факторов берется как общее равнодействующее, характерное для данного города, региона, страны.

Иначе обстоит дело при определении влияния внутренних социальных факторов предприятия, влияющих на производительность труда работников. На каждом из них система социальных факторов и особенно их соотношение и сила влияния на производительность труда работников предприятия различна.

Есть определенные общие у всех промышленных предприятий социальные факторы производительности труда. К ним относятся: социальная структура и ее дифференциация на предприятии, материальное стимулирование (зарплата, премии, дивиденды), социальная инфраструктура, корпоративная культура, социально-психологический климат, управление персоналом и другие.

В первые годы трансформации предприниматели были заняты приватизацией, быстрым получением прибыли за счет существую-

щих условий и факторов предприятия. Сейчас, когда начался период стабилизации и подъем экономики, возникла необходимость приводить в действие и социальные факторы.

На основании данных исследования можно утверждать, что на первом месте у работников – материальные мотивы (высокий заработок). В зависимости от образования ответили, что чем больше будут платить, тем лучше буду работать: имеющие неполное среднее – 66,7%, среднее – 83%, среднее профессионально-техническое – 77,0%, среднее специальное – 70,5%, высшее и незаконченное высшее – 60,3%. Значительное место среди факторов добросовестного отношения к труду занимает боязнь потерять работу стать безработным. Вместе с тем духовые мотивы в добросовестном отношении к труду также имеют место. Дорожат работники предприятия и своей репутацией, авторитетом. Определенное место в общей структуре мотивов добросовестного отношения к труду занимают моральные мотивы: процветание Родины, рост могущества государства.

На вопрос, в какой мере мотивом вашего труда являются социальные блага, ответили положительно 85,9% опрошенных, среди рабочих карьера как мотив хорошей работы составляет только 9%.

На предприятии существует сложная структура социальных факторов. Первым, наиболее дей-

ственным фактором, влияющим на производительность труда работников, является материальное стимулирование. При прочих равных условиях на тех предприятиях выше производительность труда работников, на которых выше уровень материального стимулирования. В системе материального стимулирования главенствующую роль занимает уровень заработной платы. На различных предприятиях размер заработной платы не одинаков и это влияет на эффективность труда работников, а, следовательно, отражается на экономической и социальной эффективности предприятия.

Опыт работы промышленных предприятий в трансформирующейся России свидетельствует о том, что в общей системе доходов работников возрастает роль премий. Такое материальное стимулирование носит динамический характер, и постоянно стимулирует работников повышать эффективность своей работы.

В ряде развитых стран большое внимание уделяется моральному стимулированию как фактору повышения производительности труда работников. Это особенно характерно для Японии. В советский период развития нашей страны моральное стимулирование осуществлялось широко. Первые годы трансформации внимание к моральному стимулированию ослабло. Сейчас, когда начинается подъем экономики, моральные формы поощрения становятся одними из реально

действующих на производительность труда работников.

В определенной мере дискуссионными является в России вопрос о роли социальной инфраструктуры предприятия. Многие (а можно сказать большинство) промышленных предприятий «сбросило» с себя инфраструктуру. Детсады, дворцы культуры, санатории, профилактории, спортивные сооружения или продали частникам, или передали государству, а в отдельных случаях просто бросили на произвол судьбы. Однако часть предприятий, особенно высокодоходных, сохранило большинство элементов социальной инфраструктуры. К таким предприятиям в Башкортостане относятся ОАО «Салаватнефтеоргсинтез» г. Салават, в Стерлитамаке ОАО «Каучук», ОАО «Сода», ЗАО «Каустик» и ряд других предприятий республики. Практика показала, что это себя оправдало. На тех предприятиях, где существуют основные элементы социальной инфраструктуры меньше текучесть кадров, выше производительность труда. Работники предприятий высоко ценят такие элементы социальной инфраструктуры, как столовая, буфет, поликлиника, больница, профилакторий, турбазы, санаторий, подростковые лагеря летнего отдыха, культурно-просветительские учреждения, спортивные сооружения и другие. Как правило, на тех предприятиях, где существует развитая система социальной инфраструктуры,

выше удовлетворенность трудом и его производительность.

В России в последние годы получает распространение разработка, внедрение и практическое использование корпоративной культуры, что имеет и экономическое и социальное значение. Элементы корпоративной культуры входят в повседневную трудовую деятельность и быт работников. Корпоративная культура особенно значима, когда ее внедрение сочетается с общей культурой личности. Поэтому на наш взгляд, правильно поступают те предприятия, которые в свою корпоративную культуру включают ценности общечеловеческие.

К действенным социальным факторам эффективности работников предприятия относится и духовная сфера коллектива предприятия, которая особенно отчетливо отражается в социально-психологическом климате коллектива предприятия. Состояние горизонтальных отношений (между членами бригад, лабораторий, цехов) оказывает сильное влияние на отношение к труду и работоспособность членов коллектива. Вертикальные отношения между работниками и управляющими кадрами разных ступеней воздействуют также на рабочее настроение и производительность труда работников.

К социальным факторам эффективности труда работников предприятия относится и управление персоналом. Чем совершеннее управление персоналом, тем выше производительность труда работников.

В функционировании социальных факторов производительности труда работников промышленных предприятий имеются противоречия, которые отражаются на производительности труда работников. В настоящее

время социальная структура предприятий сильно дифференцирована. Социальная структура работников предприятия представляет собой многоступенчатую иерархию. Она выглядит следующим образом (см. табл.1).

Таблица 1

Социальная структура работников предприятия

Высший управленческий персонал
Средний управленческий персонал
Управленческий персонал производства, цехов, лабораторий
Инженерно-технические работники заводоуправления и цехов
Бригадиры, мастера, зав.лабораториями
Высококвалифицированные рабочие
Рабочие средней квалификации
Малоквалифицированные рабочие
Младший обслуживающий персонал

Между этими социально-профессиональными группами существует значительная социальная дифференциация, которая находит отчетливое выражение в уровне их доходов. Такое положение создает социальные противоречия в коллективе предпри-

ятия. Это противоречие может быть снято регулированием уровня зарплаты и доходов (получаемых различными работниками) на предприятии. О значении социально-психологического климата свидетельствуют данные табл. 2.

Таблица 2

**Влияние взаимоотношений в коллективе
на различные показатели трудовой деятельности
работников промышленных предприятий, в %**

Характер взаимоотношений в коллективе	Получают поощрения за работу	Работают без нарушений трудовой дисциплины	Помогают сослуживцам	Выступают против недостатков	Проявляют инициативу	Работают качественно	Повышают квалификацию
Дружеские	55,6	45,1	47,6	44,8	-	11,5	30,6
Недружественные	23,9	25,9	26,6	27,6	28,2	9,7	18,6
Нейтральные	19,6	11,8	13,1	7,9	7,9	1,3	10,2

В целом можно утверждать, что под воздействием социальных и других факторов производительность труда на промышленных предприятиях начала расти.

Однако рост этот незначителен. Так о состоянии некоторых показателей трудовой деятельности рабочих свидетельствуют данные табл. 3.

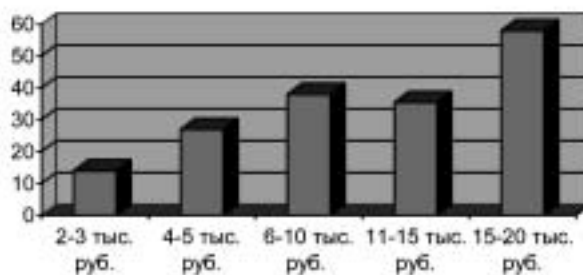
Таблица 3

Некоторые показатели труда работников ЗАО «Каустик»

	%
Работаю в полную силу	46,2
Подаю предложения	23,0
Проявляю инициативу в работе	14,1
Повышаю квалификацию	26,8
Работаю качественно	43,0

Рисунок 1

Зависимость возрастания интенсивности труда от оплаты работников.

Уровень результативности своей работы работники оценили как высокий – 34,6%, средний – 54,6%, низкий – 3,6%.

Прослеживается зависимость возрастания интенсивности труда от оплаты работников. Это изображено на диаграмме (см. рис. 1).

Рост производительности труда является одним из основных факторов экономической и социальной эффективности функционирования предприятия. Основными показателями экономической эффективности являются рост прибыли, увеличение количества и качества выпускаемой продукции, процент реализации произведенной продукции и другие показатели. Обобщенным показате-

лем экономической эффективности предприятия является рост прибыли. Социальная эффективность также определяется системой показателей. Это: размер заработной платы, премий, дивидендов за акции, число работников обеспеченных жильем за счет кредитов предприятия, улучшение видов и условий медицинского обслуживания, улучшение работы столовой и буфетов, улучшение состояния культурного и физкультурного обслуживания и другие. Обобщающим показателем социальной эффективности промышленных предприятий в современной России является рост доходов работников предприятий. ■

От редакции

ПРАВОСЛАВНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Христианская социология в ее католической (Г. Ле Бра, Ф. ЛеПлей), протестантской (- Д. Штраус, А. Харнак, Р. Бультман) и православной (В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Н. Франк, П. Флоренский, И. Ильин и др.) версиях имеет право на существование. Во всяком случае католическая социология – давно признанный и широко практикуемый предмет преподавания в западных вузах. Вопрос о православной социологии только еще стоит на повестке дня. Одни авторы видят ее частью социологии религии, как ее подотрасль, другие полагают, что речь идет о самостоятельной дисциплине, поскольку основным моментом здесь выступает какой-то иной угол зрения на мир, ценностный взгляд на окружающее нас социальное пространство. Христианская социология признает, что функция религии – обеспечивать связь человека с Богом, общение человека с Богом, с потус-

торонним миром. Это живая жизнь, а социология как раз и занимается реальной действительностью.

Христианская социология и богословие – разные науки. У каждой из них своя методика, свои способы доказательств, они существуют сами по себе. Христианская социология может быть областью социально-религиозных исследований и является таковой, поскольку этими исследованиями занимаются верующие социологи.

Анализ истории западной социологии, в частности, ее классического этапа, убеждает, что крупнейшие социологи находились либо в оппозиции к христианским традициям (К.Маркс, Э.Дюркгейм и др.), либо в их русле (Г.Спенсер, М.Вебер и др.). В России социология зарождалась в рамках народнической идеологии (субъективная школа). Ряд первых крупных русских социологов были масонами

(например, М.М.Ковалевский). Но нельзя не согласиться с тем, что его ученик П.А.Сорокин был христианским социологом. Христианская социология предполагает исследование различных аспектов социальной реальности с христианских позиций, при условии использования строго научных социологических методов познания.

Христианская (православная) социология в России имеет право на жизнь не меньшее, чем марксистская либо позитивистская. Она имманентна для российского менталитета и имеет своим идейным источником русскую религиозную социально-философскую мысль (С.Н.Булгаков, И.А.Ильин, Е.В.Спекторский, Н.О.Лосский и др.). Возможно, христианская (православная) социология должна институционализироваться, как это уже сделали христианская педагогика и психология. ■

© 2007 г.

Л.С.Астахова

Религиозное переживание в контексте православной социологии

Особенность современной социальной науки такова, что, пытаясь определиться с парадигмальной направленностью собственных авторских исследований, социологи неизбежно препарируют их в различных направлениях, однако труды их зачастую не увенчиваются успехом. Тщетно социология пытается найти законы развития общества, единые для любой эпохи и культуры, сформулировать универсальные законы.

В свете логико-парадигмального анализа в отечественной социологии сегодня вновь поднимаются вопросы, связанные с выделением особого социально-религиозного направления, ориентированного на идейные и социо-культурные принципы христианского миропонимания – христианской социологии.

Вне всякого сомнения, что, имея перед глазами западный опыт, российская цивилизация должна предпринимать попытки к сохранению своего потенциала, и религиозно-духовного потенциала в том числе.

Сегодня вполне можно сказать, что безрелигиозность является фактором потери культурного своеобразия общества. Безрелигиозность подрывает основы морального регулирования, так как члены общества не сопрягают знание о добре и зле, хорошем и плохом, должном и нужном с убежденностью, твердостью устоев, воспринимая их в процессе социализации лишь на поверхностно-поведенческом уровне.

Религиозная ситуация в России в начале XXI века характеризуется целым рядом специфических составляющих: 1) в результате резкой смены идеологических перспектив развивается религиозная аномия; 2) наблюдается некоторое снижение – по сравнению с ситуацией начала 1990-х годов – интенсивности посещаемости храмов, уменьшение «религиозного бума», возвращение его в «нормальные» для секулярного общества границы; 3) сформировалось четкое конфессиональное противостояние, затухание «экумени-

стических» движений в регионах; 4) появились религиозные фобии, спровоцированные развитием таких феноменов, как религиозный террор и секты (возможно, потому что терроризм под знаменами ислама показал, что и в традиционной религии может быть заложена опасность для общества); 5) наблюдается болезненное восприятие массами религиозной тематики, особенно в поли- и биконфессиональных регионах.

В ситуации, когда в обществе происходит утрата религиозных ценностей, формируется в массовом масштабе и воспроизводится религиозная аномия. Формирование патологического состояния происходит в результате отсутствия добровольно признаваемых религиозных ценностей, на основе которых возникает система социального контроля.

Православие является одним из базовых элементов российского общества, и, удаляя его из зоны внимания, изучения, и, тем более, государственного управления, мы нарушаем основные параметры системы, в результате чего моделирование и социальное прогнозирование становятся в принципе невозможными или искаженными в крайней степени. Система, имя которой *российская цивилизация*, без этого фактора теряет свою устойчивость, и, как следствие, мы получаем негативный дисбаланс.

Православие можно анализировать как минимум с двух точек зрения. Первая (и зачастую данная позиция является позицией большинства в научном сообществе)

базируется на мнении, что православная культура в современном обществе является одной из субкультур (а для некоторых авторов – и контркультурой), основанной на стандартной совокупности христианских идей и поведенческих предписаний, не вполне, однако, находящих последовательное воплощение в практическом поведении большинства населения, и именно поэтому являющейся лишь одной из культурных форм, имеющих место в российском обществе. Иногда звучит мнение, что православие вообще является далеко не самой древней и, соответственно, не самой уважаемой, так как есть более укорененный в истории ведизм, или, на худой конец, славянское язычество. Соответственно, изучать православие необходимо так же как и стандартные суб- и контркультуры, по тому же принципу и аналогичными методами.

Вторая точка зрения заключается в том, что в православии нам видится своего рода «культурная закваска», принципиальным образом влияющая на формирование русской культуры как таковой. С этой точки зрения православная культура является идентификационным стержнем народов, сформировавшихся в условиях православной веры. В данном случае для России православие выступает не только как культурообразующий фактор, но и как нравственнообразующий фактор, и, в конечном счете, несомненно, государствообразующий фактор.

Православие не есть региональное или локальное явление. Мы

говорим о его укорененности на территории огромного государства, а так же о распространении – хотя бы на уровне ознакомления – в большинстве регионов мира. Уже поэтому первая из рассмотренных нами позиций не корректна. В принципе, любая из возможных классификаций культурных систем объективно предполагает религиозный критерий: анализ культур по степени распространения неизбежно затронет проблему традиционной для данной местности религии; классификация по происхождению поднимет проблему религиозного основания культурных феноменов; при рассуждениях о степени универсальности культур, затрагиваются вопросы универсализма мировых религий...

Поэтому мы считаем возможным и необходимым рассматривать православную культуру в широком и узком смысле. В *широком смысле* под православной культурой можно понимать культуру всех стран, составляющих «православный мир», т.е. Грецию, Россию, Болгарию и др., включая православные сообщества исторически не православных государств, например, США, Кении и др. Естественно, что своеобразие и различие культурных традиций в этих странах и сообществах вполне имеет место, что позволяет свести их к единому знаменателю лишь условно, так как практически невозможно дать определение, репрезентативное для всех форм культур. В данном случае это будет вынесение исключительно религиозного критерия как базового.

В *узком смысле* православная культура может рассматриваться как специфическая культура российской цивилизации. В этом случае мы социально и исторически наблюдаем соединение восточнославянского элемента и православия, дающего нам четко очерченный, весьма определенный тип общества и тип человека со своим уникальным видом святости (преимущественно преподобные или святители), с определенным типом ментальности, с весьма определенными представлениями о праведности.

Россия пережила период «государственного атеизма», уникальный с точки зрения мирового исторического развития. Однако российская цивилизация пережила стадильно меньший по времени культурный разрыв, по сравнению с многовековой секуляризацией западного общества. Российское общество, в отличие от «цивилизованного западного мира», только сейчас можно охарактеризовать как формирующееся общество потребления. В советское время духовные проблемы для большинства населения представлялись заметно менее значимыми, чем борьба за обеспечение стандартов жизни, а порою даже за физическое выживание. Однако в подобные жизненные периоды люди чаще обращаются именно к Богу, что и наблюдалось в военных окопах, концлагерях, тюрьмах. «Не пожелавший» жить нормальной церковной жизнью русский народ вынужден был вновь вернуться к православию, однако заметно в

менее институализированных формах. Подлинная духовная традиция обращения к Богу имела свое продолжение. И поэтому, будем надеяться, еще не поздно говорить о сохранении православной культуры.

Часто можно услышать ставшую крылатой фразу: «Русского русским делает православие». И, следовательно, когда мы, в угоду политкорректности, пытаемся данный факт завуалировать, мы не просто грешим против истины, мы подрываем социальные, в том числе культурные, основы существования российского общества.

Православие, рассматриваемое сугубо как *предмет социологии*, попадает на пересечение интересов социологии религии, социологии культуры и христианской социологии.

Традиционная социология религии позиционирует себя с точки зрения отсутствия ценностной оценки и сосредоточенности на изучении религиозной деятельности. В связи с этим очерчивание границ того, что можно обозначить как религиозная деятельность, представляется актуальной научной, в том числе, и методологической проблемой. В отечественной социологии подобных попыток крайне мало.

Большинство социологических теорий и направлений придают особое значение самому характеру социальной деятельности, рефлексивному, но в то же время живому, активному, непредсказуемому. Человеческое поведение является результатом противодействия

внешних и внутренних сил человека: внутренней самодостаточности и свободы, и внешней ответственности. С религиозной точки зрения, в эту схему впишется воздействие специфического духовного мира, с одной стороны, налагающего на человека особые ограничения, действующие в виде личностных установок, с другой стороны, влияющего на события физического мира в той мере, в какой это необходимо для осуществления человеческого предназначения данной личности в данной исторической ситуации.

Теория и методология социологического исследования православия замкнута в рамки, весьма огра-

ничающие возможности исследователя, и вообще ставящие под сомнение достоверность получаемых результатов (особенно в контексте жесткого количественного подхода). Известно, что религиозность – одно из базовых понятий, без него не обходится ни одно социологическое исследование. Однако многие ученые отмечают слабую интерпретацию понятий, необходимых для выработки индикаторов, и, как следствие, невозможность для качественного сравнительного анализа эмпирических данных. Яркий пример – данные по религиозности, полученные различными социологическими институтами в период «религиозного бума», т.е. в конце прошлого века: в 1993 г. Всероссийский центр изучения общественного мнения обозначил уровень религиозности населения в 43%, Институт социально-политических исследований РАН – в 56%, а Российский независимый институт социальных и национальных проблем – в 76%. В динамике этот процесс на 1995 г. составил: по данным ВЦИОМ – 64,2%, ИСПИ – 67%, РНИСиНП – 73,5%. В итоге, по данным различных социологических организаций уровень религиозности населения России в один и тот же период отличается на 10 и более (до 32%!) процентов! Каким образом можно объяснить серьезное расхождение результатов?

Различия в интерпретации и операционализации нам кажутся вполне вероятной причиной. Данные, рассмотренные нами, обозначались исследователями как «уро-

вень религиозности». Что понималось авторами исследований под этой категорией? Можно выделить несколько вариантов наиболее часто встречающейся интерпретации и операционализации.

Во-первых, религиозность, с точки зрения большинства исследователей, характеризуется верой в Бога, соответственно определяется через декларативное обозначение своей веры, выражающееся в ответе на вопрос «Верите ли Вы в Бога?», либо через заявление о своей религиозности как ответ на вопрос: «Верующий ли Вы?». Как показывают исследования, подобные вопросы несут различную смысловую нагрузку, а второй выступает как более прямой, вследствие чего на вопрос, сформулированный как «верующий ли Вы?» процент ответивших положительно будет ниже, нежели число людей, просто верующих в Бога.

Кроме того, религиозность интерпретируется через поклонение сакральному, священному, и, следовательно, требует выполнения соответствующих ритуалов. Поэтому возможно определение религиозности через призму ряда индикаторов, помимо положительной самоидентификации с верующими вообще или какой либо религиозной конфессией, в частности. В число этих индикаторов включают: частоту посещений храма, частоту участия в таинствах и ритуалах, регулярность исполнения молитвенного правила, регулярность общения со священнослужителем и т.п. Уровень людей, попадающих по этим кри-

териям в группу религиозных, на сегодняшний момент не превышает 6-8% всего населения России. Отметим, что, анализируя эти индикаторы, стороннему исследователю, не слишком близко знакомому с религиозной жизнью православного, сложно учитывать отдельные, но важные, аспекты, касающиеся специфики религиозной жизни вообще. Например, частота причащения, рекомендованная Церковью, составляет раз в месяц. Однако есть люди, отлученные от причастия, которые не причащаются, оставаясь православными и верующими (если бы они не были верующими, то данная мера – отлучение от причастия – была бы для них бессмысленной). Но по статистике, жестко устанавливающей индикаторы, они в число верующих уже не попадут, что искажает результат исследования. Для православной социологии специфика религиозной жизни более понятна и не требует дополнительной интерпретации.

Религиозность можно обозначить и через призму значимости религии в жизни человека. Для некоторых исследователей, как например в популярном учебнике Дж.Масиониса, достаточным критерием религиозности является ответ на вопрос: «Дает ли религия Вам утешение и силы». По данным, описанным в этой работе, американские исследователи на основании того, что 8 из 10 американцев положительно ответили на это вопрос, сделали вывод о религиозности жителей своей страны. Однако далее отмечено, что мно-

гие американцы склонны преувеличивать собственную религиозность хотя бы потому, что при дальнейшем опросе о еженощном посещении церковных служб заявило в 2 раза больше людей, чем это оказалось в реальности. Следовательно, религиозность – это не только субъективное ощущение, но и объективные показатели.

Из данных, полученных количественными методами и приведенных выше, мы всего лишь можем сделать вывод, что уровень религиозности взрослого населения России в течение первой половины 1990-х г. имел положительную динамику, а доля лиц, считающих себя верующими, достигала в 1995 г. не менее 65%. Религиозность как явление не становится ближе или понятнее. В итоге, можно лишь пожелать, чтобы при изучении столь многообразного явления, как религиозность, с помощью количественных методов, исследователи подходили к нему разносторонне, а кроме того доводили до читателя не только цифры и проценты, но и теоретическую и эмпирическую интерпретацию понятий, отражающих изучаемое явление. Реально ли это?

Как альтернативу данному подходу можно было бы рассматривать качественную социологию религии и социологию культуры. Однако, как мы уже заметили, социология культуры, вне зависимости от направления или школы, сосредоточилась на так называемых «общечеловеческих ценностях» (а реально – католических, христианских), что неизбежно

ведет к утере уникальных особенностей собственно православия в результате социологического анализа.

В качестве варианта может быть предложена *понимающая социология* в ее адаптированной к специфике православия версии. Понимание в данном случае – это постижение (выявление, установление) субъектом познания субъективно подразумеваемого другими индивидами смысла через объективные действия этих индивидов посредством как мышления, так и чувственного личного опыта понимающего субъекта. Действительно, цепь движения мысли здесь отталкивается от объективных данных, выраженных в действиях, в данном случае, социально-религиозных действиях, а также посредством символических систем и знаков. Чувственный опыт позволяет нам ориентироваться в субъективной сфере человеческих эмоций, которые также являются стимулятором социальных действий, так как человек действует, не только опираясь на поведение других людей, но и на ожидания, которые возлагают на него члены общества. Интерпретация чувственного опыта дает базу для дальнейшего понимания происходящего, и соответственно, поведения *Другого*.

Описание какой-либо культуры может быть адекватным в ситуации, когда оно сделано с использованием тех конструкций, в которые ее носители сами себя помещают, и тех формул, в которых они сами себя описывают. Отталкива-

ясь от этой информации, исследователь создает интерпретацию (причем это будет конструкция не первого, а второго или даже третьего порядка, так как первый порядок интерпретации в данном случае создается тем, кому принадлежит эта культура), а потом ее систематизирует. То есть описание, в конечном счете, носит интерпретативный характер.

Разработка и развитие социологических теорий привела к постановке новых методологических и методических проблем. Основной проблемой из этого общего числа явилось следующее противоречие: с одной стороны, концепции о множественности жизненных социальных миров и невозможности полного достижения истинного понимания находят свое отражение в сомнениях в том, насколько адекватны статистические интерпретации вообще; с другой стороны, научный подход требует детального системного изучения объекта, объективной обоснованности процесса сбора материала и его последующего анализа, чего не всегда вполне может предложить качественное исследование. Однако особенности религиозных феноменов как объекта изучения располагают его на перекрестке этих двух линий.

Структурирование религиозных переживаний, при всей доступности типологизирования, далеко не всегда идет по той же схеме, что и других видов человеческого опыта. Проблема заключается в том, что наличный опыт, внесенный в комплекс знаний,

предлагает нам схемы интерпретаций, возникающих в момент переживания. Это достигается путем сравнения текущего переживания с комплексом социально-индивидуальных переживаний – *пред-переживаний* – в терминах знакомости, подобия, сходства либо аналогии.

Религиозный опыт, переживания, рассматриваемые нами, есть опыт, не вписываемый субъектом в рамки типичного комплекса повседневности. Более того, субъекту свойственно относить – иногда – опыт любого не поддающегося типизации переживания к сфере божественного.

Однако, формируясь через жизненный опыт, религия, хотя и основывается на переживании предельного, вместе с тем обладает всеми характеристиками социального института. Как институт, религия начинает обладать внешней реальностью, т.е. экстернальностью, определяя свое местонахождение вне жизненного мира индивида. Религиозный опыт может быть воспринят также как переживание, принудительно навязанное объектом/объективной предельной реальностью, поскольку институт как таковой обладает принудительной силой.

Первоначальный религиозный опыт, опыт доинституциональный, не имеющий четкого аналога и не разделяемый сообществом, обязательно требует легитимации. Сохраненный в памяти, этот опыт высокого напряжения чувств вновь и вновь переживается субъектом в потоке ретроспекции,

не теряя своей актуальности, требуя разделения с другими. Коммуникативный процесс запущен: субъект начинает своим поведением информировать сообщество об опыте, полученном в прошлом, разворачивая процесс в настоящем, включая в него не только и не столько свои «чистые» переживания первоначального опыта, сколько результат собственной рефлексии и интерпретации полученных данных. Человек, переживший религиозный опыт, может использовать слова, жесты, коммуникативные методы языка, легитимные в данном сообществе. Это упрощает восприятие окружающих. Однако новая реальность может коренным образом поменять устоявшийся мир субъекта, и индивид, посвящающий в свой опыт, может выплескивать свое переживание как некую нерасчлененную целостность слов и телесных экспрессий, которые могут интерпретироваться окружающими людьми не всегда верно. В качестве иллюстрации можно вспомнить библейскую притчу о беседе Пилата с Христом и призывах Христа к разрушению храма. В любом случае, готовность принять включает воспринимающих в некое новое сообщество, разделяющих это новое измерение, формируя новое «мы-отношение».

Качественная парадигма, ориентируясь на своеобразную практику прикладного исследования, объявляя несвободу человека от контекстов собственной культурно-религиозной традиции, фактически поощряет изучение той

религии, к которой принадлежит исследователь. Кабинетно мы могли бы сопоставить знак и смысл, означаемое и означающее, вычленив тождественное из потока практики – так, как изучают алфавит мертвого языка, – но религиозные практики являются живыми «языками», изменяющимися во времени и в пространстве. Практика религиозная, так же как зачастую и другие, отчуждается от субъекта, находится вне его – и смысл застывает во времени, объективируется, получает самостоятельность и независимость. И это происходит не только с текстом, но и с мифом, ритуалом, множеством иных символических систем. Понять и интерпретировать их можно, только находясь в потоке смыслов, внутри дискурса. Практика прожитая, проговоренная, прочитанная – постепенно переживает саму себя. Смысл

понятый порождает рождение новых смыслов.

«Метод, который мы считаем наиболее соответствующим пояснению оснований знания в повседневной жизни – феноменологический анализ, чисто описательный метод, и как таковой – «эмпирический», а не «научный», насколько мы понимаем природу эмпирических наук»¹. Задействие феноменологического определения неизбежно приведет нас к трактовке того, что с точки зрения этого подхода является сущностно определяющим – категории, трактуемой большинством как «священное».

Первичным, практически на уровне не науки, но здравого смысла, является понимание «религии» как веры в сверхъестественное, в связь между человеком и сверхъестественным, в возможность путем особого ритуального

поведения взаимодействовать с этим особым миром. Данное понимание при всей «очевидности» не вполне адекватно, так как оно предполагает существование некоего «сверхъестественного», что для верующего человека абсолютно неправильно: для него нет сверхъестественного, для него все абсолютно естественно и нормально, все вписывается в его индивидуальную религиозную картину мира.

Религиозные феномены (сообщества) являют собой определенную структуру, отражающую символический смысл. Социальная реальность религиозных феноменов, явлений, групп и сообществ определяется верой в существование чего-то сверхъестественного, сакрального, по определению не вполне понятного для окружающих Других. Основу для существования подобной реальности, своеобразный каркас создают именно смысловые конструкты. Символический смысл отражается в самых разных проявлениях и действиях: в социальных ролях, нормах, обычаях и ритуалах, в которых тесно переплетаются материальное и чувственное, эмоциональное и физическое.

Научное познание выступает лишь одной из моделей восприятия реальности, равноценной любой другой модели, и, в первую очередь, религиозной. Религия сама по себе является способом конструирования социальной реальности, одним из множества способов, но, однако, именно ее особая, иррациональная в своей

основе смысловая нагруженность позволяет нам заявить о том, что методология и методика ее изучения должны носить качественный характер. Интерпретация порождает понимание. Понимание лежит в основе новых интерпретаций.

А. Введенский, один из христианских социологов, в начале XX в. отмечал, что в науке при изучении религии не должно быть атеистов, ибо атеизм не предполагает знакомство ученого с предметом (т.е. собственно религией), а всего лишь имеет некоторую «наслышанность».

Наконец, настроенность современной социологии не предполагает оперирования множеством терминов, имеющих ярко выраженную субъективно-религиозную окраску. Религиозную – потому что здесь мы имеем в виду именно термины, используемые в собственно религиозном дискурсе: например, Бога как реально существующий фактор никто не станет рассматривать как и Благодать, прелесть, чудеса и т.п. Они относятся к субъективным понятиям, так как абсолютно субъективны в трактовке с точки зрения науки.

Однако существует некоторое количество мнений, позволяющих нам включить данные понятия как реальные социальные факторы.

Достаточное подтверждение тому можно найти у У.Томаса, в его концепции об определении ситуации, где речь идет о конструируемой индивидом – «социальным актором» – ситуации его собственного поведения, более известная как «теорема

Томаса» (названная так Р.Мертон). Ее обычно воспроизводят следующим образом: «если ситуации определяются как реальные, они реальны по своим последствиям», или «если люди определяют ситуации как реальные, то они реальны и в своих выводах». Иначе говоря, если какая-либо ситуация воспринимается ее участниками определенным образом, они сделают из нее логичные выводы; следовательно их *реальные действия* будут определяться этими выводами. Так Томас говорит о необходимости анализа всякого действия в его целостном двуедином контексте, т.е. в ситуации, как она определяется исследователем в объективных терминах, и в ситуации, как она формулируется в терминах заинтересованной действующей личности.

Субъективное понимание ситуации будет объективно выражено в поведении участников данной ситуации. Если учесть также идею социальных ожиданий, то отметим, что реальные действия индивидов часто связаны с тем субъективно подразумеваемым ожиданием обществом этого действия, которые индивиды предполагают в сложившихся ситуациях. Мотивация к подобному действию заложена в установках, которые предполагают определенное поведение в определенной ситуации. Например, для индивида обладание не полными исходными данными вызовет к жизни определенную установку к действию, которое не будет реально ожидаемым. Мы же будем иметь для интерпретации

реальное действие, которое будет объективно вне зависимости от того, что предпосылка для его возникновения была лишь субъективным предположением. Формула Томаса подходит для исследований религиозной сферы, где все условно и субъективно, однако имеет реальные, объективные последствия, и сложно отделить одно от другого.

В свете такой теории необходимо отметить, что многое из того, что считается в социологии ненаучными понятиями, но имеет реальные социальные последствия, имеет реальные подробные описания. Например, те, кого Церковь считает святыми отцами, оставили описание множества религиозных состояний и личного религиозного опыта, пережитого ими. Более того, зачастую они не были знакомы не только друг с другом, но и с описаниями, оставленными предшественниками, однако их религиозный опыт – иногда дословно – совпадает. Разные люди в разные исторические эпохи, имеющие разный темперамент и личные склонности, имеют идентичные по своему характеру переживания, которые ложатся в основу их религиозного поведения. Не означает ли это, что религиозный опыт есть то, что социологи религии «должны изучать как вещи», потому что это есть социальный факт?

Например, религиозный опыт заведомо деструктивных организаций, именуемых оккультными и сектантскими, реально приводит к тому, что кроме духовных проблем

последователи получают проблемы душевные, психиатрические. Причем подобные проблемы начинаются и у людей, абсолютно здоровых изначально: *«Я была на собрании этих людей всего два раза. Я не знала до сегодняшнего дня, что это за организация. Однако во мне что-то неуловимо изменилось. Я не знаю, когда, где и в связи с чем это проявится, но я знаю – в моей душе и со мной что-то не так...»*².

Еще пример. Известно, что астрология на современном этапе развития общества является очень популярной «наукой». Существует множество фактов, свидетельствующих против нее. Однако гороскопы влияют на многих людей и оказывают мощное воздействие на социальное поведение, диктуя верящим в них людям, как, когда, что нужно сделать: *«По гороскопу мы были идеальной парой. Я не удержалась, чтобы проверить, что из этого получится. Ведь звезды объективно воздействуют на нашу жизнь! Ведь звезды не могут лгать!»*³

Чудеса, происходящие в Русской Православной Церкви, также имеют социальное выражение. Известно, какое паломничество в православной субкультуре вызывает известие о мироточении икон (будь то храм или обычная квартира). Не ослабевает поток людей, стремящихся попасть к мощам святых угодников Божиих. Люди идут за утешением, исцелением, прощением. И часто получают по своей вере то, зачем они пришли: женщины бесплодные рожают детей, хро-

мые нормально ходят, смертельно больные люди оказываются абсолютно здоровыми и т.д. Отразится ли факт чуда на их дальнейшей жизни? Безусловно! Но почему мы не можем изучать чудо в тех терминах и понятиях, в каких его объясняют те, с кем это случилось? Реальность религиозного человека конструируется с присутствием в ней Бога, вера его материальна, так как имеет фактическое выражение. Поэтому можно ли отказываться от этого материала, есть ли у нас иные способы изучения данной тематики?

«Различие между знанием и верою заключается в том, что знание имеет предмет видимое и постигаемое, а вера – невидимое и даже непостижимое. Знание основывается на опыте или исследовании предмета, а вера – на доверии к свидетельству истины. Знание принадлежит уму, хотя может действовать и на сердце; вера принадлежит преимущественно сердцу, хотя начинается в мыслях»⁴. Однако факты, имеющиеся у социолога, могут продолжиться знанием, а знание это необходимо для общества. Данное знание свидетельствует о смыслах, закладываемых в социальном поведении множеством людей.

Социологу необходимо знание о вере, и пусть с некоторой оговоркой, но мы должны найти способ и материал для того, чтобы изучать тонкую, столь «субъективную» религиозную сферу.

Религиозная практика является собой символическую структуру, которая может быть разбита на

своеобразный «алфавит», простейшие элементы. Соответственно, в дальнейшем понимающий исследователь должен сформулировать правила сочетания данных элементов друг с другом. И если пользоваться терминологией Дильтея, «элементарное» понимание сменяется «высшим» именно тогда, когда исследователь вник в само «говорение», в правила «проживания» иной практики. Однако как мы привыкаем говорить на родном языке, так мы пытаемся реализовать привычные нам правила или хотя бы знакомые нам правила в религиозных практиках. Гораздо чаще встречаются ситуации, когда «мыслить» в отрыве от собственного «языка» практически очень сложно, можно только в совершенстве изучить чужой курс.

Таким образом, в условиях неблагоприятной внешней среды (стихийный атеизм воспитанных советской системой чиновников и ученых, крайне низкая степень воцерковленности большинства «этнических православных» и т.д.) актуально создание условий если не для изучения всего социума (это скорее пока желаемое направление исследований), то хотя бы для изучения духовной сферы жизни общества, и прежде всего – православия, – исследователями, готовыми исходить из принципов право-

славного миропонимания, особенно с позиций гуманистической методологии. Осуществление подобных исследований в полной мере возможно только в рамках воссозданной христианской, по сути – православной – социологии.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Бергер П., Лукман Г. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: 1995. с. 40.
2. Из интервью девушки, посетившей собрания молодежной организации, являющейся отделением секты «Церковь Объединения Сан Мен Муна» (г. Казань).
3. Из рассказа женщины, попавшей в секту «Свидетели Иеговы» вслед за женихом. Это – ее описание мотивов, по которым она не ушла от жениха до брака. Муж, кстати, в гороскопы не верит. (г.Ярославль).
4. Святитель Филарет, митрополит Московский. Православный катехизис. – М., 2003. С. 6 ■

© 2007 г.

В.В.Серебрянников

О политической стороне новой военной доктрины

**ВОЕННАЯ
СОЦИОЛОГИЯ**

В обществе идет дискуссия о новой Военной доктрине России. Некоторые положения предыдущего документа, принятого в 2000 году, устарели или оказались нежизненными, в нем выявились существенные изъяны.

В разработке новой доктрины важным шагом стала военно-научная конференция на тему «Структура и основное содержание новой Военной доктрины России», прошедшая в Министерстве обороны РФ в 2007 г. С основным докладом выступил президент Академии военных наук генерал армии М.А.Гареев, ряд положений которого вызывают у автора определенные размышления и возражения.

**Эволюция политики:
опасные тенденции**

В ныне действующей доктрине политическое содержание суще-

ственно выхолощено: первый раздел «Военно-политические основы» сведен преимущественно к военным явлениям; среди факторов, определяющих военно-политическую обстановку (глобальную, региональную и внутреннюю) не нашлось места для политики вообще; современным войнам и военным конфликтам не дается социально-политическая характеристика и т.д. Такой перекос в доктрине есть отражение духа времени ее принятия (2000 г.): в стране не было стабильности, в верхах умалчалась управленческая роль государства, его идеологии и политики, суверенитета и безопасности, особенно военной. И документ получился скорее ведомственный, технический. Военная же доктрина один из важнейших государственных документов большого политического значения как внутреннего, так и международного. Он мобилизует внутрен-

ние силы для поддержания необходимого уровня военной безопасности. В него внимательно вглядываются другие страны, формируя отношения к России.

Важные интересы России требуют усилить политическое звучание новой российской военной доктрины. В докладе М.А.Гареева многое служит этому: выводы о вытекании главных угроз для России из политики «определенных международных сил и ведущих государств» политики посягательства на ее суверенитет, территории и ресурсы, интересы; политики «международного произвола», «давления и подрывных действий» и т.д. Резонно предложение изменить название политического раздела: вместо нынешнего «Военно-политические основы» на «Политические и правовые основы», предполагающего более широкий подход к его содержанию: определение общего отноше-

ния государства к обороне и защите Отечества, его стремления к миру, сотрудничеству, «борьбе за союзников», более гармоничном использовании для обеспечения государства военных и невоенных средств. Но в целом положения о политической стороне доктрины выглядят фрагментарными, недостаточными по широте охвата, глубине анализа мировых и внутренних политических процессов, определяющих военно-политическую обстановку, положение и задачи страны в сфере военной безопасности.

Никак не обосновывается предложение в новой доктрине отодвинуть политический раздел на второй план. Первым ставится раздел «Угрозы безопасности России и вытекающие из них оборонные задачи». Вроде логично: разберись с угрозами своему государству и затем определяй политику военной безопасности. Но военные угрозы и войны рождаются, как считает и сам докладчик, определенной политикой, отражают ее особенности, тенденции, перспективы. Поэтому на первом месте должен быть целостный анализ политики ведущих государств и блоков, порождающей угрозы.

Это касается, прежде всего, политики США и НАТО, взорвавшей десятилетний разоруженческий процесс 90-х годов XX века, вызвавшей новый и самый опасный всплеск гонки вооружений, торговли оружием, милитаризации международных отношений и массового сознания, расширившей спектр угроз и военных кон-

фликтов по всей планете. С агрессии НАТО против Югославии (1999) ежегодные мировые расходы выросли с 750 млрд до более одного триллиона долларов (более 25%). После крушения СССР и Варшавского договора мир стал более опасным. Ученые предсказывают, что XXI век будет более воинственным, с неизмеримо большими бедами и жертвами. Важно указать подлинные причины (источники) нынешнего всеобщего всплеска воинственности. Без этого немислимо понимание военно-политических процессов и событий, формирование современного военно-политического мышления у политиков и военных профессионалов, а следовательно, и осмысленная деятельность по обеспечению военной безопасности государства.

Где и в чем источники военных угроз и войн вот в чем главный вопрос. Докладчик справедливо квалифицирует его самым сложным и запутанным, но его суть одновременно определяется «в принципе совершенно очевидной». По существу, утверждается, что в эпоху глобализации и всеобщей конкуренции угрозы государствам обуславливаются политикой отставания государством своих особых национальных интересов, суверенитета и независимости. Эта политика вступает в противоречие с интересами других стран, и из этого «могут возникнуть и потенциальные и прямые угрозы».

Да, противоречие между развивающейся глобализацией и стремлением большинства государств

сохранить и укрепить суверенитет действительно существует. Но угрозы из этого противоречия возникают, когда самое сильное государство вместе с союзниками задается целью навязать силой остальным свою модель глобализации как переделку всего мира по своему образу и подобию. В такой политике концентрируется многое: стремления господствовать над миром, прибрать в свои руки мировые природные ресурсы, абсолютная нетерпимость к альтернативным формам демократии и образам жизни, идеологиям и культурам и т.п. И не сопротивление этой политике, а именно она сама есть непосредственный первоисточник военных угроз для отстаивающих свою свободу и независимость.

Многие наши ученые механически отвергли свои прежние взгляды на источники войн и вооруженных конфликтов вместо того, чтобы разобраться, что в них было неверным и на этой основе продвигаться вперед, нежели совершенно заново строить новую методологию, «не привязываясь к конкретным государствам». Ведь агрессивные налеты США и их союзников против других государств имеют источником вполне определенные социально-классовые, идеологические и политические интересы правящих элит Запада.

Беспокоясь о собственной безопасности, Россия не может не выступать против несправедливых насильственных действий любых государств по отношению к другим странам, ибо подобные действия подрывают региональную и глобальную безопасность. История показывает, что всякая агрессия, где бы она не происходила, ухудшает военно-политическую обстановку. Поэтому указание, что политика России должна определяться «исключительно самими ее национальными интересами», представляется политически зауженным.

В доктрине не обойтись без краткой характеристики переживаемой эпохи, ее противоречий и социально-политического содержания вытекающих из них войн и вооруженных конфликтов, ибо это определяет отношение к ним государств, обществ и граждан. В переживаемой эпохе, существенно изменившейся (исчезновение двухлагерного мира), сохраняются в новой форме известные прошлые противоречия, но на первый

план выдвинулись другие, главным среди которых является противоречие между стремлением ряда государств обеспечить себе привилегированное положение в мире и решимостью большинства стран и народов отстаивать равенство и свободу.

Исходя из особенностей периода, переживаемого человечеством, возможны две группы войн и вооруженных конфликтов. Первая группа: те, которые остались от двухполюсного мира четыре основных типа: между государствами противоположных, а также однородных систем; национально-освободительные, гражданские и др. Существует возможность, что они (например, между США и КНР государствами с противоположным строем и др.) могут вырваться на передний план через 10-20 лет.

Вторая группа новых войн имперские (за региональную и глобальную гегемонию), геополитические (за территории и природные богатства), межцивилизационные (за вытеснение одних и повсеместное распространение ценностей других), формационные (навязывание «универсальной модели» демократии и развития), идеологические и др. Расширившийся спектр возможных войн, связанных с ними угроз имеет непосредственное отношение к России.

Исходя из сказанного, в новой доктрине важно не просто декларировать первостепенное значение проблемы войны и мира для человечества и России, а также

свое последовательное миролюбие, но и поставить конкретно контролируемые цели. Например, что Россия считает важнейшим условием укрепления национальной и глобальной военной безопасности снижение уровня военного противостояния и конфликтности, ослабление фактора силы в международных отношениях, объединяясь с другими миролюбивыми государствами, ставит задачу переломить опасную милитаристскую тенденцию в мировой политике, инициировать практические шаги по прекращению гонки вооружений и переходу к новому устойчивому процессу их сокращения, повышению миротворческой роли ООН и Совета Безопасности в разрешении острейших глобальных проблем. Россия активно выступает против любых войн между государствами, которые идут вразрез с Уставом ООН, за приведение военной политики и военных доктрин всех государств в соответствие с этим Уставом.

Вместе с тем, руководство России стремится устранить имеющиеся внутренние глубокие социальные, политические, экономические и информационные дисбалансы, а также чрезмерную бюрократизацию и администрирование в государственном управлении, которые питают угрозы внутренней военной безопасности страны. Характерно, что в классических трактатах о войне и военном искусстве неизменно содержатся положения о том, какой должна быть внутренняя

политика государства, чтобы обеспечить материальные и духовные основы военной безопасности, крепости армии. Предложенное в докладе понимание источников угроз ничего не дает для понимания внутренних военных опасностей.

Вместо абстрактной следует дать более определенную формулировку, а именно о том, что Россия рассматривает свою военную безопасность в контексте строительства социального демократического государства, обеспечивающего подлинное народовластие и справедливость, с многоукладной экономикой при ведущей роли государственного сектора. Известно, что военная безопасность больше всего зависит от ее внутреннего порядка.

Доктрина должна исходить из резкого возрастания роли и возможностей политики. Если в XX веке политика государств и него-

сударственных субъектов порождала невиданно грандиозные события и процессы, менявшие жизнь многих народов и всего человечества, то сейчас она, оснащенная более мощными и разнообразными средствами, способна в ближайшие годы совершить еще более великие внутренние и международные перемены, в том числе негативные. Одновременно, в таком же направлении растет роль идеологии государств. Не без оснований XXI век провозглашается веком идеологий, их соревнования и борьбы, особенно по вопросам войны и мира, выбора пути в будущее. В докладе на этот счет высвечивается двойственное отношение. С одной стороны, правильно говорится о «большом смысле» некоторых идей, например, «идеи суверенной демократии», для военной политики в том числе, а с другой, советуется в военных делах

«исходить не из идеологических соображений», а из складывающейся противоречивой реальности. Почему-то идеология считается непременно помехой в понимании реальности, хотя жизненная и творческая идеология является лучшим помощником в формировании политики, а подготовка новой военной доктрины должна сопровождаться опережающей проработкой содержания современной общей и военной идеологии российского государства. Государство без идеологии подобно человеку без головы. Хорошая идеология способствует формированию здоровых внутренних и международных отношений.

Разумеется, в самой доктрине политический раздел должен быть без той конкретики, которая приводится в данной статье для пояснения. Он должен быть предельно концентрированным. Приоритет политики по отношению ко всем сторонам военного дела должен определять общий дух и направленность всех положений новой военной доктрины.

В доктрине следует четко сказать о необходимости формирования у военнослужащих творческого государственно-политического мышления, преодолении аполитичности и интеллектуальной узости военных кадров, порожденных ложным девизом «армия вне политики». Николай II, как известно, похвалялся, что он не разрешает генералам даже произносить слово «политика»! В СССР чрезмерно конъюнктурная политизация мышления военных

людей негативно сказывалась на их деятельности. В армии демократической России важно избавиться от этих недугов. Офицеры, все военнослужащие должны иметь глубокие научные знания и убеждения о политике, стратегии, средствах и способах защиты страны.

Новое сочетание средств

В новой доктрине необходимо указать на средства и способы, которые могут быть использованы и используются против России для ослабления ее безопасности и мощи, установления контроля над ее природными богатствами и политикой: прямое применение военной силы; не прямое (косвенное) военное воздействие; агрессивное применение невоенных средств; многообразное комбинирование этих средств и способов.

Возможности прямого применения силы в форме войны сужаются благодаря ядерному сдерживанию, укреплению российской армии. Непосредственная угроза крупномасштабной войны весьма слаба, но может усилиться, и поэтому следует укреплять все элементы военной безопасности государства.

Не прямое (косвенное) применение военной силы нарастает: гонка вооружений, приближение военных баз и войск НАТО к границам России, военно-политическое проникновение в страны СНГ, крупные демонстрации военной силы (маневры и учения) и т.д. Нельзя забывать, что такое

непрямое воздействие на СССР подорвало его силы.

В современных условиях резко возросли возможности ослабления России за счет более широкого применения против нее невоенных средств экономических, политических, дипломатических, идеологических, информационных, разведывательных и т.п. Не может не настораживать, что широкомасштабное адресное воздействие на генералитет Ирака (устрашение, соблазны, подкуп и т.д.) способствовало тому, что из семи имевшихся армейских корпусов сражался против американского вторжения только один. Как учили древние греки своих полководцев: осел с мешком золота может взять крепость без боя. Не умаляя других средств, важно подчеркнуть, что именно невоенным средствам на Западе отдается все большее предпочтение. Противодействие им соответственно становится все более важным делом в системе обеспечения безопасности России.

На конференции АВН немало говорилось о невоенных средствах обеспечения военной безопасности: резком усилении угроз, создаваемых агрессивным применением этих средств, некоторых мерах по противодействию им, необходимости наращивания мощи и более эффективном использовании и т.д. Но преимущественно в общегосударственном плане, без четких выводов для военной организации Российской Федерации, которые бы следовало изложить в новой доктри-

не. Будто военным соперничество мало что делать.

Действительно, невоенные средства принадлежат полностью или частично государству или стратегическим частным собственникам. У Вооруженных Сил есть военно-дипломатические службы, СМИ, органы международного военного сотрудничества, общественных связей; они пользуются широкой поддержкой ветеранских, общественных организаций и т.д. У Минобороны, например, 41 газета и 9 журналов с разовым тиражом в 200 тысяч экземпляров, есть центральная телевизионная и радиовещательная студия, 18 телерадиоцентров в округах и на флотах, в войсках за пределами страны. Это большая сила внутреннего и международного порядка, но если ее сравнить с мощью невоенных средств, которые действуют на Россию из-за рубежа, то ясно, что их далеко недостаточно, чтобы отражать соответствующие угрозы.

Государственная политика должна играть главную роль в отражении агрессивного применения невоенных средств. Военная организация, армия формирует свой заказ этой политике, участвуют в планировании и осуществлении необходимых контрмер совместно с другими государственными и общественными организациями, а также действуют на этот счет относительно самостоятельно, исходя из особенностей своих задач, различных условий обстановки.

Военная наука изучением этих вопросов пренебрегала, оставались в стороне идеи на этот счет, изложенные в классических произведениях о войне и военном искусстве, в частности Сунь-Цзы «Трактат о военном искусстве»; К.Клаузевица, А.Свечина и др. Хотя в классических трудах не определено точно, что обязаны делать отдельно политики и военачальники, а что вместе, в применении невоенных средств в интересах безопасности государства, в том числе в войне.

У нас крайне мало внимания уделялось изучению опыта выдающихся отечественных и зарубежных полко-

водцев А.Македонского, Чингисхана, А.Невского, Дм. Донского, Г.Потемкина и др., которые умело пользовались невоенными средствами, нередко обеспечивая за счет этого существенное снижение удельного веса вооруженной борьбы в войне.

Военным историкам здесь много надо сделать, чтобы собранно представить этот опыт. Сошлюсь, например, на опыт решения крымской проблемы в 70 80-е годы XVIII века.

С середины XV века в Крыму существовало феодальное татарское государство (ханство) осколок Золотой Орды, почти 300 лет совер-

шавшее опустошительные военные набеги на русские земли, сжигая города (включая Москву) и села, уничтожая мирное население, многими тысячами угоняя в рабство (по пять шесть тысяч ежегодно). Это ханство использовалось как рычаг давления на Россию Турцией, крупнейшими странами Европы. Оно имело 50-тысячную армию. Угрозы от Крыма сдерживали рост экономического, международного влияния и авторитета России.

Правительство Екатерины II прибегло к гибкому комбинированию невоенных (политических) и военных средств для устра-

нения данных угроз, отдавая приоритет первым. Возглавил дело Г.Потемкин талантливейший государственный и военный деятель, ему помогали П.Румянцев, А.Суворов, ФУшаков и другие выдающиеся полководцы.

План присоединения Крыма к России был рассчитан на несколько лет (осуществлялся пятнадцать лет) и предусматривал три направления действий. Сначала преимущественно финансово-экономическими мерами

ослаблялся хозяйственный фундамент могущества ханства. Учитывая, что главной трудовой силой и источником богатства в ханстве было христианское население (русские, греки, армяне и др.), которое нещадно эксплуатировалось, была проведена операция по «вытягиванию» христиан из Крыма в южные причерноморские районы: бесплатное наделение их землей, предоставление финансовой поддержки, освобождение от налогов и повинностей, право создавать свое правление. Вторым направлением было утверждение на ханском престоле пророссийски настроенного правителя (Шагин-Гирея), склонение крымско-татарской знати к добровольному присоединению к России путем переговоров, устройства личной судьбы, финансово-материального вознаграждения, присвоения чиновничьих званий и т.п. Политическая смута, вызванная отречением хана от престола и манифестом о присоединении Крыма к России, хотя и не была сильной, но потребовала введения войск, что и было предусмотрено планом как третье направление действий. Восстановлению спокойствия способствовала большая работа среди татар по привлечению симпатий к России. Войска

обращались с местными жителями дружелюбно, не оскорбляя религиозных чувств. Татары освобождались от постоя и рекрутской повинности, представители дворянства были пожалованы чинами в областном управлении, денежными окладами, теми же правами и льготами, которые имели российские дворяне. С помощью комплекса военных и преимущественно невоенных мер «почти неслышно» был ликвидирован очаг агрессии и разбоя на юге, установлена безопасная и удобная граница. Опыт присоединения Крыма стал своего рода классикой и учитывался в политике на Кавказе и Средней Азии в XIX XX веках, а также при ликвидации басмачества, бендерщины и т.п. в советские времена.

На фоне этого опыта бездарными выглядят действия по ликвидации чеченского очага агрессивного сепаратизма в 1994–2000 гг. Даже не было попытки осмыслить исходные вопросы: каковы социально-политические, экономические, финансовые, военно-технические, информационные и другие источники силы чеченских сепаратистов; каким образом оторвать от сепаратистов и привлечь на свою сторону население республики; каково должно быть соотношение военных и невоенных средств в ликвидации конфликта; что необходимо для подрыва социально-экономических и политических основ незаконных вооруженных формирований; кто и как должен руководить всем делом; каким способом должны действовать силовые структуры, особенно армия и т.д. Весь замысел сводился к самому примитивному применению силы, что вызвало всеобщее возмущение населения Чечни, толкнув его большинство в лагерь сепаратистов. В итоге российские войска, имея подавляющее превосходство за многие годы, не смогли «навести конституционный порядок, ликвидировать террористов». Лишь в последние годы более гибкое применение военных и невоенных средств дало ощутимые результаты.

В СССР война рассматривалась как острейшая форма борьбы с использованием как военных, так и невоенных средств при неизменном главенствовании первых и назначении вторых обеспечивать,

дополнять, подкреплять, подчиняться им¹. В Великой Отечественной войне Советского Союза против фашистской Германии 1941–1945 годов невоенные средства способствовали боевым успехам, а последние, в свою очередь, усиливали эффективность первых.

Переворот во взглядах на невоенные средства в соперничестве государств произошел в связи с победой США над СССР в холодной войне, которая была достигнута без вооруженной борьбы: превосходящая мощь советских Вооруженных Сил оказалась при этом вне игры. Холодная война – изобретение сугубо американское, и ее технология доведена ими до совершенства. Много нового внесли в использование этих средств войны Запада против Югославии (1999), Афганистана (2001), Ирака (2003) и др.

Теперь эти средства нельзя считать только обеспечивающими подготовку страны к вооруженной защите страны и ведению вооруженной борьбы в ходе войны, как указывается в федеральном законе «Об обороне» от 31 мая 1996 года. Они способны играть главную роль в предотвращении войны, а также в достижении политической победы в войне, сводя до минимума саму вооруженную борьбу. Более того, стали возможными «холодные» войны, в которых отсутствуют боевые сражения между противниками, а невоенные средства действуют самостоятельно, давая более значи-

¹ Марксизм-ленинизм о войне и армии. – М.: Воениздат, 1968. С. 18.

тельные результаты, чем «горячие» войны. Интересны идеи, высказанные на научной конференции руководящего состава Вооруженных Сил Белоруссии в конце 2006 года: о самостоятельных операциях с применением только невоенных средств, могущих составить «самостоятельный тип войны бескровных боестолкновений»; о превращении этих средств из обеспечивающих боевые операции в ходе войны в относительно самостоятельные виды действий и т.д. Резюме сформулировано так: сегодня сущность войны радикально трансформировалась и «заключается в продолжении политики средствами духовного, политического, экономического и других видов подавления и уничтожения противника, где вооруженная борьба не всегда имеет определяющее, первостепенное значение, а может быть и исключена вообще»². Конечно, война «без вооруженной борьбы» это уже не война, а другая форма социального

соперничества. Но этот перекося в приведенной формуле не должен заслонить попытку понять новую роль невоенных средств для безопасности государства, чтобы не допустить своего поражения как в мирных, так и в военных условиях. Одним словом, военным следует четко представлять свой «театр невоенных действий» в единстве другими субъектами.

У нас, к сожалению, нет такой остроты постановки проблемы, хотя некоторые угрозы уже и «перезрели». В стране более 40 % людей, заявлявших о нежелании сражаться с оружием в руках в защиту страны в случае агрессии; многие, в том числе военнослужащие, считают, что им нечего защищать, ибо в стране все принадлежит олигархам. Немало готовых, в том числе в правящей элите, с цветами встречать войска НАТО. Оборонный дух существенно ослаб за последние 15–20 лет. Сложившаяся продовольственная, технологическая, промышленная зависимость страны может при определенных условиях свести на нет значимость военной силы, даже ядерного оружия. Нет ничего более легкого, как сломить народ посредством, например, голода. Страна на 60–70% зависит от ввозимого продовольствия.

Обобщение событий последних десятилетий позволяет представить угрозы военной безопасности государств, которые создаются агрессивным применением невоенных средств (табл. 1).

² Военно-промышленный курьер, 2007, № 1 (167), с. 5.

Таблица 1

Угрозы военной безопасности государств, создаваемые агрессивным применением невоенных средств (по опыту войн США, НАТО и «цветных революций» конца XX–начала XXI веков)

Объекты поражения	Наносимый ущерб	Способы применения невоенных средств
1. Основы военной мощи государства	<ul style="list-style-type: none"> – подрыв социально-политического, экономического, научно-технического, духовного, информационного потенциалов страны; – дезорганизация государственного и военного управления; – ослабление способности защищать суверенитет и независимость 	<ul style="list-style-type: none"> – международная изоляция, отрыв союзников, дестабилизация внутренней обстановки, стимулирование антагонизмов и конфликтов, дискредитация и смена власти; – экономические санкции: блокады, финансовые операции, провоцирование дефицита жизненно важных товаров; контроль над важнейшими предприятиями и отраслями; – дезинформация, внедрение чуждых идей и панических настроений; создание одиозного имиджа страны и армии
2. Военно-политическое руководство страны и командования силовых структур	<ul style="list-style-type: none"> – подчинение глав государств, других деятелей, военачальников воле агрессора; навязывание антинациональной политики; – подрыв воли и решимости военно-политического руководства страны к сохранению свободы и самостоятельности; – паралич управления войсками 	<ul style="list-style-type: none"> – «точечные» дипломатические, психологические, информационные, тайные и другие атаки через электронную почту, мобильные телефоны, Интернет, личные контакты и др.; подкуп, устрашение санкциями против семей и родственников; – использование диссидентов и коллорационистов
3. Вооруженные силы и другие силовые структуры	<ul style="list-style-type: none"> – выведение из подчинения политическому руководству, иностранный контроль, утрата способности выполнять свои функции в кризисных ситуациях; – подрыв морального духа войск, стимулирование брожений в офицерском корпусе; дезорганизация и распад воинских формирований; – дискредитация армии, органов командования и отдельных военачальников 	<ul style="list-style-type: none"> – широкомасштабное адресное воздействие на генералитет и органы командования; – внушение бесполезности сопротивления, своего превосходства и неминуемости победы, обеспечения личной достойной судьбы для сдавшихся; – побуждения военнослужащих отказываться от выполнения воинского долга
4. Готовность общества и граждан к защите Отечества, выполнению воинского долга	<ul style="list-style-type: none"> – подрыв оборонного сознания народа, доверия и поддержки армии, воли и решимости к борьбе; – разрушение готовности и способности граждан с оружием в руках защищать Родину 	<ul style="list-style-type: none"> – длительная «информационная война»: внедрение нужных стереотипов мышления и поведения; распространение антиармейских и антипатриотических настроений, культивирование коллорационизма

Представленные угрозы создаются скоординированными действиями внешних и внутренних субъектов, а потому противодействие им осуществляется по этим двум направлениям на основе четкого определения задач, принципов (системности, законности, упреждения) и способов действия, необходимых средств и т.п. В полной мере учитываются особенности противодействия в мирных и военных условиях. В условиях войны невоенные средства, применяемые противником, могут физически уничтожаться посредством огневых ударов, а в мирных условиях противодействие осуществляется только невоенными же средствами.

Исключительно важно представлять стратегию применения невоенных средств другими странами, способную нанести ущерб России, ее союзникам и партнерам.

США считают своими противниками государства, негосударственные объединения (организации), а также отдельных лиц, имеющих намерение и возможности нанести ущерб безопасности Америки и ее союзников. Объявляя свою модель государственного устройства самой лучшей, универсальной, общечеловеческой, пригодной для всех стран и народов, США видят ее повсеместное распространение как главное условие прогресса человечества, укрепления всеобщей и национальной безопасности. Противники этого воспринимаются как враги, как угроза для всех, в первую очередь, Запада.

Осуществлению «продвижения демократии» служит новая долгосрочная внешнеполитическая стратегия США, изложенная в ряде доктринальных документов: «Стратегии национальной безопасности», «Стратегии национальной обороны», «Национальной военной стратегии», Акте (законе) о продвижении демократии и др.

В соответствии с новой внешнеполитической стратегией дипломатия, например, превращается в средство экспорта демократии, насильственного изменения устройства и образа жизни в «недемократических» или «частично» демократических странах. Американские посольства в этих странах должны стать своеобразными штабами с целью изменения их государственного устройства, организации протестных движений с целью отстранения от власти недемократических режимов и лидеров, внедрения демократии западного образца. Послы и посольские чиновники обязаны разрабатывать соответствующие планы, оказывать всестороннюю помощь сторонникам демократических преобразований, консультировать, координировать их деятельность, «идти в народ», чтобы вербовать, вдохновлять и организовывать «демократические революции»

В соответствии с новой стратегией осуществляется реформа Госдепартамента, меняются оценки эффективности работы дипломатов, подготовка и выдвижение кадров, самые квалифицирован-

ные направляются на Ближний Восток, Китай, страны СНГ, Африку и т.д.

По всем направлениям невоенной деятельности США за рубежом – политическому, внешне-экономическому, идеологическому, информационному, разведывательному – даны еще более жесткие и решительные установки. Совершенствуются и конкретизируются модели холодной войны к самым разным условиям.

В «оранжевых» революциях Грузии, Украины, Киргизии решающее вмешательство Запада парализовало военно-политическое руководство этих стран, обеспечило «мирное» устранение от власти законных президентов, подчинение командования силовых структур, в том числе армий, указаниям западных посольств. Украинский президент А.Кучма в разгар уличной стихии в период президентских выборов 2004 года отказался от применения силовых методов для восстановления порядка и незаконных действий оппозиции, имея для этого все законные основания. Сыграли свою роль американские угрозы «заморозить» его и ближайших родственников счета в западных банках, возможным отказом виз на въезд в США и союзные им страны. В итоге «оранжевая революция», не встретив законного сопротивления, сравнительно легко победила. Подобные сценарии осуществлялись в Грузии и Киргизии, обеспечивая смену режимов, внедрение демократии «по-американски», «необычайно дешевым способом!

Явная недооценка угроз, создаваемых агрессивным применением невоенных средств против России, просвечивается в военно-доктринальных документах России по сравнению с подобными документами США, НАТО, Китая и др.

В действующей военной доктрине России указывается на угрозы ее военной безопасности, создаваемые агрессивным применением невоенных средств против нее другими государствами, но они сводятся лишь к информационным, которые несут, действительно, главные угрозы, но это не дает основания игнорировать другие.

Применение невоенных средств со стороны России в интересах своей военной безопасности (как показано в табл. 2) предусматривается в традиционном духе, без каких-либо новаций в общей и военной стратегии, без возложения ответственности за соответствующие действия на какие-либо командные инстанции (в таблице третий пункт у нас пустой, а в американских документах весьма конкретный и объемный) для предотвращения войн и вооруженных конфликтов, но, как показано выше, необходимо для противодействия более широкому кругу угроз.

О скоординированном применении военных и невоенных средств говорится по отношению к угрожаемому периоду и началу войны (конфликта) в то время как это необходимо и на других этапах, в том числе после окончания боевых действий для закрепления и развития достигнутого.

Таблица 2

Положения о невоенных средствах в военно-доктринальных документах России и США

Положения, связанные с использованием невоенных средств	Военная доктрина России	Национальная военная стратегия США
<p>1. Угрозы военной безопасности государства, создаваемые агрессивным применением невоенных средств</p>	<ul style="list-style-type: none"> - использование субъектами международных отношений невоенных средств и технологий в агрессивных (экспансионистских) целях; - враждебные, наносящие ущерб военной безопасности России и ее союзников, информационные действия, дезориентирующие общественное мнение 	<ul style="list-style-type: none"> - враждебное поведение и политика ряда государств, негосударственных организаций и отдельных лиц; - подлые экзотика, благоприятная населению, жизненно важных коммуникаций; - распространение экстремистских (враждебных) идеологий; подрыв единства, воли и решимости страны, уважения к национальным символам; - проникновение противников в информационные системы и дезорганизация их действия; компьютерные, интернетные и другие технологические атаки против США; хаос и глобализм и внутреннем информационном пространстве
<p>2. Применение невоенных средств для обеспечения военной безопасности своего государства и союзников</p>	<ul style="list-style-type: none"> - приоритет невоенных средств в предотвращении, локализации и нейтрализации военных угроз; - использование возможностей ООН и других организаций для предотвращения и прекращения войны; - расширение круга союзников и партнеров, мир договоры между государствами в военной области; - в угрожаемый период и с началом войны (вооруженного конфликта) организовать и скоординировать все силы вооруженной, политической, дипломатической, информационной, экономической и других видов борьбы 	<ul style="list-style-type: none"> - полная интеграция военных и невоенных средств (военной и других составляющих национального потенциала), сведение их в единую силу; - «сенсорируемая (всесторонняя) оборона со скоординированным использованием вооруженных сил, возможностей других ведомств, международных неправительственных организаций и иных структур, требующая «всесторонней стратегии»; - повышение роли разведки и контрразведки
<p>3. Обязанности вооруженных сил по применению невоенных средств в военно-политических и оперативно-боевых целях</p>		<ul style="list-style-type: none"> - способствовать повышению эффективности гражданского применения военных и невоенных средств; - командующие обязаны добиваться, чтобы их деятельность была интегрирована в систему использования всех инструментов национального потенциала и международных структур с целью концентрации общих усилий, повышения эффективности боевых операций; непосредственно участвуют в разработке и осуществлении соответствующих планов

В американской «Национальной военной стратегии» обозначены более многообразные угрозы, создаваемые враждебным применением более широкого круга невоенных средств. Но, что особенно важно, содержится ряд принципиально новых положений о применении невоенных средств против своих противников, особенно в ходе войны и вооруженного конфликта. Вводятся новые понятия: «полная интеграция военной и других составляющих национального потенциала», «единая сила», «всенаправленная оборона», «всеобъемлющая стратегия», «теория применения единой силы» и т.д. Речь идет о применении в комплексе невоенных и военных средств в самых различных условиях – от мирных до боевых, а также при стабилизации и превращении «силовых» успехов в политическую победу. При этом указываются прямые обязанности вооруженных сил, стратеги-

ческих командований в этих делах. Можно сделать вывод, что сложилась новая теория и стратегия на этот счет.

Через всю книгу американского четырехзвездного генерала Кларка «Как победить в современной войне», посвященной опыту и урокам военной операции в Ираке, проходит идея, что наряду с обеспечением военного превосходства США, необходимо использовать силу как последний аргумент и учиться действовать более умно, умелее обращаться с историческими противниками, чаще и эффективнее применять не войну, а невоенные средства, «мягкую силу» (силу примера, помощь, убеждения, склонение к порядку и дисциплине, пропаганду и т.д.). На десятках страниц говорится о единстве действий в различных сферах – политической, дипломатической, экономической, информационной, военной и др. ради достижения общей цели. Интерес-

ны выводы о достижении, цене такого единства при подготовке и проведении крупных операций, ориентации их на политические цели, а не только на военную победу. Примером такого успеха он считает действия против Югославии (1999), когда в ходе кампании, якобы, сам народ этой страны сверг правительство Милошевича и передал его Трибуналу в Гааге. В этом ходе войны, мол, заключена «новая методология войны» вообще, где политические средства (включая миссию В.Черномырдина), сделали излишней кровопролитную наземную операцию. В иракской кампании он отмечает эффективность действий по дезорганизации управления страной и армией противника, прямых контактов с генералами противника через электронную почту, с оставлением сообщений на автоответчиках, использованием мобильных телефонов, обычных телефонных линий, радиосвязи (добывая сведения о радиочастотах), Интернета, конспиративных встреч и т.п. Упор делался на внушении страха за личную судьбу, а также судьбу близких в случае отказа выполнять американские требования, на подкуп.

На Западе возрастание роли невоенных средств объясняют рядом причин. Война, вооруженная борьба, являясь самым непредсказуемым и рискованным видом человеческой деятельности, оцениваются все более как крайняя мера, связанная с колоссальными затратами и кровавыми потерями. Современные невоен-

ные средства позволяют достигать не менее внушительных побед в межгосударственной конфронтации, но ценой существенно меньших расходов и при почти нулевых потерях людей. Полагают, что любой противник может найти способ сведения к минимуму военного преимущества даже самой сильной державы. А вот по невоенным средствам с их самыми высокими технологиями у Запада, никакой противник этого практически достигнуть, якобы, не может. Невоенные средства относятся к ассиметричным «преимуществам» Запада, прежде всего США.

По западным взглядам, невоенные средства используются постоянно как относительно самостоятельно, так и во взаимодействии с косвенным или прямым применением военной силы. Подчеркивается, что поскольку война предпринимается ради политических целей, то военные силы в ней – одно из средств в ряду всех, имеющихся у государства, и они должны быть задействованы, усиливая друг друга. Нынешнее военно-политическое руководство Запада, особенно США, а также значительная часть генералитета, мыслят более по Сунь-Цзы, чем по Клаузевицу. Это можно сказать по отношению нынешнего министра обороны США Гейтса по сравнению с Рамсфельдом, – четырехзвездных генералов – нынешнего председателя КНШ Ричарда Б.Майерса, например, с бывшим – Колином Пауэллом и др. Они действуют

больше по Сунь-Цзы, который учил: «Сто раз сразиться и сто раз победить это не лучшее из лучшего; лучшее из лучшего покорить чужую армию, не сражаясь: разрушением замыслов и союзов, отнятием духа у народа и армии противника; внесением в его общество хаоса и дезорганизации; общим стратегическим обессиливанием; подкупом высших чиновников; дезинформацией, хитростями и т.п.»³

В доктрине важно записать, что Россия последовательно выступает за применение невоенных всеми государствами исключительно в интересах укрепления мира, национальной и всеобщей безопасности, развития взаимопонимания и сотрудничества, против использования их в агрессивных целях, для вмешательства во внутренние дела других стран, нанесения им какого-либо ущерба, ведения холодных войн. Она будет добиваться принятия соответствующих правил и принципов международным сообществом.

Повышение эффективности применения невоенных средств в интересах безопасности государства требует общегосударственных мер, а также в рамках основных ведомств, в том числе министерства обороны, Вооруженных сил и других силовых структур.

Общегосударственные меры включают: разработку и принятие концепции противодействия угрозам национальной безопас-

ности, создаваемым агрессивным применением невоенных средств против России; предложения ООН принять определение «агрессия с применением невоенных средств»; осудить и запретить такие действия; определить задачи государственных структур за противодействие им по сферам жизнедеятельности страны; в Совете безопасности иметь отдел, отвечающий за координацию этой деятельности, выработку проектов решений для высшего руководства; организовать подготовку специалистов, научное сопровождение указанной деятельности.

Основные задачи, направления, организация и формы деятельности в общегосударственном масштабе должны быть определены в специальном Акте (Законе) «Противодействие невоенным угрозам национальной безопасности России».

Противодействие угрозам военной безопасности страны, связанным с агрессивным применением невоенных средств, большие и ответственные задачи возлагаются и на Министерство обороны, Генеральный штаб, региональные командования. Некоторые из них представлены в таблице 3.

Важно понять всю остроту, значимость и сложность рассмотренной проблемы. Она ни разу нигде комплексно не обсуждалась. Ее решение предполагает

³ Сунь-Цзы У-Цзы. Трактаты о военном искусстве. – М. Санкт-Петербург, 2002. С. 35-72.

Таблица 3

**Первоочередные меры по усилению роли невоенных средств
в обеспечении военной безопасности государства**

Основные мероприятия	Ответственные
1. В Концепции национальной безопасности дать развернутое определение угроз национальной безопасности России, создаваемых агрессивным применением невоенных средств и способов противодействия им	Совет Безопасности РФ
2. Разработать и включить в содержание военной доктрины государства развернутые положения о характере угроз, создаваемых агрессивным применением невоенных средств военной безопасности России, противодействию и нейтрализации их	Минобороны, Генеральный штаб, научные структуры, командования округов Вооруженных Сил
3. Разработка и развитие специальной теории и стратегии в рамках военной науки и военного искусства «Невоенные средства в обеспечении военной безопасности государства, повседневной и боевой деятельности Вооруженных Сил»; изучение отечественного и зарубежного опыта	– Генеральный штаб, Академия Генерального штаба, научные подразделения и институты, высшие военно-учебные заведения; – Межведомственные научные коллективы силовых и гражданских структур
4. Создание структуры (группы) «Применение невоенных средств в интересах военной безопасности Российской Федерации (стратегия и тактика)»	Центр военно-стратегических исследований
5. Организация взаимодействия по применению невоенных средств в интересах военной безопасности государства с гражданскими ведомствами и организациями (составление программ и планов действий в различных условиях)	Первые заместители министра обороны и генерального штаба РФ
6. Включение в учебные программы военно-учебных заведения подготовки офицерского состава тем по проблемам применения невоенных средств в интересах военной безопасности	Генштаб, главные управления кадров и воспитательной работы, военно-учебные заведения
7. Издание Директивы Главнокомандующего Вооруженными Силами о мерах по усилению противодействия угрозам, создаваемым агрессивным применением невоенных средств	

решительный отказ от традиционно узкого подхода к обеспечению военной безопасности, связанного с использованием только военной силы. Необходимо утвердить более широкий взгляд, нацеленный на комплексное применение всех слагаемых национальной мощи, выработку соответствующей единой стратегии, обеспечить на деле их взаимосвязанное и эффективное действие. Необходимо сформировать новую теорию военной безопасности государства, охватывающую целостно военные и невоенные средства ее обеспечения. Расширяются объект и предмет военной науки и военного искусства.

Есть все основания предполагать, что значение этой проблемы

в XXI веке будет неуклонно возрастать, и ее недооценка может повлечь роковые последствия.

Разработка военной доктрины дело политического руководства страны с опорой на интеллектуальные возможности Российской академии наук, научной общности, Вооруженных Сил. Особенно это относится к политической и социально-экономической сторонам, проблемам применения невоенных средств в интересах поддержания военной (оборонной) безопасности Российской Федерации. В последние годы в СССР, а также сейчас в России такого вовлечения гражданских ученых в разработку военной доктрины не чувствуется. ■

© 2007 г.

И.А.Ясеницкий

Социализация курсантов

В статье рассматриваются особенности курсантского коллектива как инструмента социализации личности, анализируются характерные черты, внутренняя структура и иерархическая зависимость элементов его ценностной системы. Результаты социализации личности в процессе обучения в военно-авиационном вузе характеризуются тем, насколько ею познаны, усвоены и реализованы в деятельности социально значимые для армии и общества нормы, взгляды, ценности. В соответствии с таким подходом наше исследование направлено на то, насколько личностью восприняты, усвоены основные социально значимые нормы, взгляды, ценности военно-авиационной социальной среды.

Характерной чертой курсантского коллектива является молодой возраст. Опыт работы в таких коллективах свидетельствует о том, что все большую актуальность здесь приобретает решение социально-психологических и

педагогических проблем. Особенно динамичные изменения происходят с людьми в возрасте от 17 до 23 лет. У молодого человека активно формируется мировоззрение. Он стремится разобраться, в чем счастье человека, вырабатывает свои жизненные принципы, нравственные идеалы. Все это неизбежно приводит к раздумьям, колебаниям. В поступках молодых проявляется недостаток социального и общественно-политического опыта. Они не всегда способны самостоятельно разобраться в сложных процессах общественной жизни, определить отношение к ним.

Необходимо отметить, что для курсантов характерна особая склонность к дружбе, товариществу, тяга к деятельности, повышенная чувствительность к оценке коллектива и его мнению. В то же время в молодом возрасте понимание дружбы, товарищества, принципов, на которых они строятся, не всегда имеют положительную направленность.

Нередко молодые люди стремятся поступать «как все», не задумываясь о моральной стороне поступка. Извращенное понимание принципов коллективизма может вызвать чувство ложного товарищества, когда курсанты безоговорочно поддерживают друг друга, независимо от характера совершенного поступка.

Молодым свойственны также целеустремленность, оптимизм, высокая общественная активность, которые находят свое выражение в первую очередь в общественной работе, в интересе к вопросам политической и международной жизни.

Важной особенностью курсантского коллектива, как и всякого молодежного, является ярко выраженная прямота в суждениях, тенденция к смене жизненных ориентиров под влиянием внешних и внутренних факторов. Их высказывания (суждения), как

правило, категоричны. У некоторых довольно широкая осведомленность уживается с пристрастием к общим фразам, с наивностью, критиканством, стремлением занимать «оригинальную позицию». Юношеский максимализм порождает и непоследовательность в оценке явлений, действительности, своих поступков. Некоторые курсанты ведут себя противоречиво: с одной стороны, они могут проявлять принципиальность, выдержку, ответственность, а с другой – действовать под влиянием ситуативных чувств, необдуманно. При этом в одном человеке нередко сочетаются ярко выраженный оптимизм и резкий переход к состоянию замкнутости, подавленности.

Все это обуславливает особую сложность молодежного курсантского коллектива, требует формирования в нем определенного психологического климата.

Другой характерной чертой курсантского коллектива является то, что он является составной частью воинской организации – воинским коллективом. С одной стороны – курсантский коллектив, конкретная штатная единица (подразделение), с другой – социальная общность, в рамках которой в процессе взаимодействия происходит развитие коллектива и каждой личности в отдельности.

Курсантский коллектив, как и любой воинский коллектив, в своем развитии проходит определенные стадии, которые определяют тот или иной характер управленческого воздействия со стороны командиров, преподавателей и летчиков-инструкторов. В военно-научной литературе выделяют три основные стадии развития коллектива: стадия социального единства, стадия войскового товарищества и стадия социальной зрелости¹.

Первая, начальная стадия – стадия социального единства курсантского коллектива – характеризуется тем, что большинство курсантов отчетливо представляют свои служебные обязанности и цели поступления в военный вуз, ориентируются на единую систему духовных ценностей, которая не противоречит общественному мнению, сознательно относятся к службе и

учебе. На так называемой стадии социального единства курсанты устанавливают контакты для выполнения служебных обязанностей и общественных поручений.

На второй стадии – стадии войскового товарищества – в основном завершается процесс взаимного изучения, устанавливаются товарищеские взаимоотношения между курсантами, формируется достаточно стабильная структура коллектива: коллективное мнение и настроение, товарищеские взаимоотношения и сплоченность, дисциплинированность и коллективные привычки.

Третья стадия социального развития курсантского коллектива – стадия социальной зрелости. Коллектив достигает единства воли и действий, знаний и убеждений, интересов и ценностных ориентации, социальной зрелости. Взаимодействие между членами коллектива основываются на взаимопомощи, взаимоподдержке, бесконфликтности.

Особой чертой летного курсантского коллектива является то, что это коллектив людей особой, специфической профессии – летный коллектив. Процесс осознания принадлежности личности и коллектива к данной категории происходит с определенным смещением по времени, а именно,

¹ Дьяченко М. И., Осипенков Е. Ф., Мерзляк А. Е. Психолого-педагогические основы деятельности командира. М., 1977. Перевалов В. Ф. Воинский коллектив: динамика отношений. М., 1991; Подоляк Я. В. Личность и коллектив: психология военного управления, М., 1989.

после 2-го курса, когда завершается первый этап летного обучения, и курсанты совершают первые самостоятельные вылеты. Этот период характеризуется тем, что происходит определенное изменение в системе ценностей личности и коллектива в целом в сторону окончательного доминирования ценностей летной профессии над всеми остальными. Свое проявление это находит в следующих процессах:

- ◆ происходит пересмотр лидеров и авторитетов курсантского коллектива с позиций нового критерия – успешности освоения летной программы, все другие критерии, такие, как: теоретическая успеваемость, военно-специальная подготовка, успехи в спорте и т.д., отодвигаются на второй план;

- ◆ внутри коллектива происходит, как правило, структурное изменение старых и формирование новых микрогрупп, ядром которых становятся летные группы и летные экипажи;

- ◆ летчик-инструктор занимает центральное место в системе обучения и воспитания. Это проявляется в беспрекословном подчинении ему подражании, копировании манеры поведения – с одной стороны, и значительным снижением авторитета и влияния курсовых командиров – с другой;

- ◆ выполнение служебных и учебных обязанностей, не свя-

занных напрямую с летной работой, воспринимается как второстепенная и маловажная деятельность.

Ядром стратометрической структуры курсантского коллектива выступает совместная деятельность, обусловленная социально значимыми целями².

Первый уровень (страта) образуют отношения членов коллектива к содержанию и ценностям учебной и служебной деятельности, обеспечивающие его сплоченность как ценностно-ориентационное единство.

Второй уровень – межличностные отношения, опосредованные совместной деятельностью. Здесь действуют два механизма: коллективистского самоопределения и коллективной идентификации.

Коллективистское самоопределение – избирательное отношение курсанта к воздействию конкретной группы, выражающееся в принятии им одних и отвержении других групповых воздействий в зависимости от оценок, убеждений, групповых норм, устремлений, ценностей и т.д.

Коллективистская идентификация – форма отношений, при которой переживания одного из группы даны другим как мотивы поведения, организующие их собственную деятельность, направленную на осуществление цели и на устранение мешающих воздействий.

² Итоговый отчет по НИР «Критик-93». Социологический анализ современных проблем воспитания и укрепления воинской дисциплины. М., 1994, с. 51; Дедаев Ю.М. Социально-психологические основы укрепления воинской дисциплины в части. М., 1994, с. 42

Третий уровень – межличностные отношения, опосредованные ценностными ориентациями, не связанными с совместной деятельностью. Это чисто эмоциональные отношения между курсантами.

Движение взаимоотношений от третьего к первому уровню рассматривается как динамика развития курсантского коллектива (движение от малой группы к коллективу).

Сплоченность курсантского коллектива, как ценностно-ориентационное единство, – это «характеристика системы внутригрупповых связей, показывающая степень совпадения оценок, установок и позиций учебной группы по отношению к объектам (лицам, задачам, идеям, событиям), наиболее значимым для учебной группы, курса в целом»³.

Ценностно-ориентационное единство (ЦОЕ), как показатель сплоченности, не совпадение, а близость оценок в нравственной и деловой сфере.

Исходя из трех уровней развития коллектива, выделяют три уровня сплоченности. *Третьему* уровню соответствует сплоченность, базирующаяся на эмоциональных отношениях. *Второму* – сплоченность, как результат совпадения ценностей процесса совместной учебной деятельности курсантов. *Первому* – сплоченность, в основе которой лежит разделение всеми членами курсантского коллектива общих целей совместной деятельности.

Сплоченность – это состояние коллектива, а значит она колеблется, ослабляется, усиливается, отклоняется, возвращается. Очень часто, в зависимости от решаемой

³ Петровский А. В. Коллектив // Общая психология. М., 1986, с. 182.

задачи, один и тот же коллектив может переходить из одного уровня в другой. Истинное состояние сплоченности проявляется при решении учебных, летных, служебных и других задач, в ситуациях морально-этического и нравственного выбора.

Показателями сплоченности также могут выступать:

1. уровень взаимных симпатий и межличностных отношений – чем их больше, тем выше сплоченность;

2. степень привлекательности (полезности) группы для ее членов – чем больше число курсантов удовлетворено своим пребыванием в данном коллективе, тем выше сплоченность.

В обычных условиях сплоченность как бы скрыта и проявляется себя при преодолении возникших повседневности трудностей. В этих случаях возникает чувство «мы», связанное с обострением процессов осознания себя как члена коллектива: кристаллизация коллективных норм регуляции поведения (взаимопомощь, взаимоподдержка); заметный подъем организованности и согласованности совместной учебной и служебной деятельности; специальные усилия курсантов, направленные на оздоровление психологического климата и т. д.

Самостоятельная проблема – межличностная совместимость, т.е. взаимное принятие курсантами друг друга на основе оптимального сочетания (сходства или взаимодополняемости) интеллекта, ценностных ориентации, инте-

ресов характеров, темпераментов и ритма психологических реакций.

Цели, задачи, направленность конкретной служебной, учебной летной деятельности по-своему преломляются через личностные характеристики каждого курсанта, возникают особенности социально политической ориентированности, социально-психологического развития конкретного курсантского коллектива, проявляющиеся в индивидуальных характеристиках этого коллектива, без наличия которых трудно говорить о духовном единстве и сплоченности курсантов в рамках своего коллектива.

Такое единство есть итог социально-психологического развития курсантского подразделения, результат перехода от старого качества, когда каждый курсант со своими воззрениями был сам по себе, к новому качеству, когда, каждый осознает социальную и психологическую общность с другими курсантами подразделения и является носителем сформировавшейся общей коллективной психологии, системы ценностей, норм поведения.

Высокий уровень социально-психологического развития в ходе учебной, служебной и летной деятельности превращает курсантское подразделение-группу (курсантское подразделение, находящееся на низкой ступени развития) в качественно новое социальное образование, в новый социальный организм – в курсантское подразделение-коллектив (подразделение на более высоком уровне развития).

Итак, условно можно выделить два состояния, которые проходит курсантское подразделение в своем социально-политическом и социально-психологическом развитии:

◆ подразделение-группа: курсантское формирование, предназначенное для достижения учебных целей, вытекающих из функций Вооруженных Сил, специфичности летно-профессиональной направленности;

◆ подразделение-коллектив: курсантское формирование, предназначенное для достижения учебных и социальных целей, вытекающих из функций Вооруженных Сил, специфичности летно-профессиональной направленности, в котором межличностные отношения и все социально-политические, социально-психологические явления опосредованы общественно значимой и личностно ценной деятельностью, в условиях действия как стабилизирующих, так и дестабилизирующих факторов.

Таким образом, летный курсантский коллектив – это результат социально-психологического развития курсантского подразделения, ходе служебной, учебно-воспитательной и летной деятельности ставшего единым социальным организмом с единством действий и мыслей, с глубоким осознанием каждым курсантом своего воинского долга, обязанностей, целей и задач, стоящих перед курсантским подразделением, на фоне реализации основных жизненных и профессиональных потребностей каждого члена коллектива.

Основой процесса превращения курсантского коллектива в единый социальный организм является ценностная система. Она состоит из взаимосвязанных, опосредующих друг друга и свое целое частей (элементов). Существенными чертами любой системы являются целостность и интегративность. Целостность фиксирует объективную форму существования явлений (т. е. существование; как целого), интеграция – процесс и механизм объединения частей. Каждое целое обладает новыми качествами, которые механически несводимы к сумме его элементов, обнаруживают некий «интегративный эффект». Интегративный эффект не принадлежит каждому элементу (части) в отдельности, а рождается как результат взаимодействия элементов (частей), составляющих систему. Под системой подразумевается любое явление, выделенное относительно других явлений, состоящее из взаимосвязанных частей (элементов) и обладающее интегральными свойствами которые могут отсутствовать у частей, рассматриваемых порознь.

В общем виде структуру ценностной системы летного курсантского коллектива можно представить как взаимодействие следующих подсистем:

◆ смысло-жизненные ценности, отражающие общий моральный климат в обществе и молодежной среде: «здоровье», «счастье», «любовь», «семья», «дружба»;

◆ социально-политические ценности, функционирующие на уровне

общественной психологии и идеологии и являющиеся установкой на выработку у курсантов определенных социально-политических качеств. Основными в этой группе следует считать такие ценности, как Родина, свобода и независимость Отечества, демократия, патриотизм;

♦ военно-корпоративные ценности. К ним относятся особые нравственные устои и стиль поведения, объединяемые понятиями «воинская честь» и «достоинство», «войсковое товарищество», «воинские ритуалы и традиции»;

♦ военно-профессиональные ценности, отражают выраженную «военную специализацию» с потребностью в самореализации. Наиболее характерными для нее являются желание управлять военной техникой, системами вооружений. На некотором удалении находится стремление к организации, руководству и командованию людьми;

♦ познавательные ценности. Сюда попали такие разнородные установки, как желание увидеть жизнь в других местах, испытать себя в сложных условиях, возможность развития способностей;

♦ летно-корпоративные ценности: романтическое отношение к летной профессии, преданность летному делу, «воздушное братство», «летное мастерство».

♦ ценности материально-бытового харак-

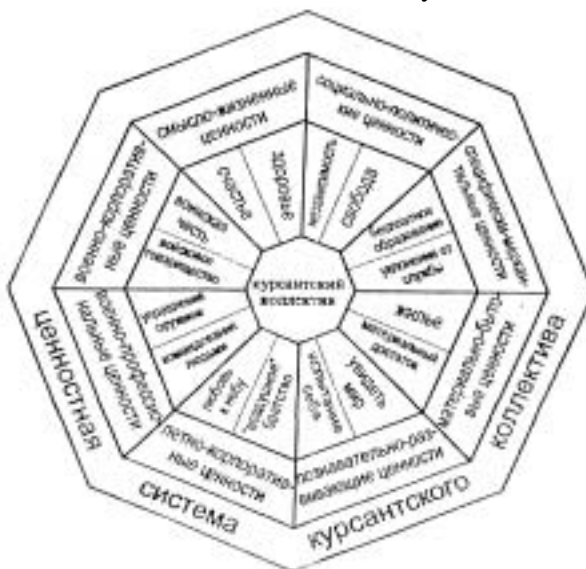
тера. Эта группа ценностей базируется на естественных потребностях людей в жилье, поддержании достойного уровня жизни.

♦ ценности специфически меркантильного плана. Во многом их можно назвать современными: возможность получения бесплатного образования, уклонение от службы в армии в качестве солдата срочной службы.

На основе проведенного исследования можно заключить, что ценностная система воинского коллектива является составной частью общей ценностной системы общества, её военной организации и в то же время имеет свою внутреннюю структуру, которая отражена в реальных подсистемах, причем каждая из них имеет свои конкретные цели, задачи, формы и способы реализации. ■

Рисунок 1

Структура ценностной системы курсантского коллектива военного авиационного института

© 2007 г.

М.С.Блинова

Международные миграционные процессы: аналитический обзор

ПИФАГОР

Ренэ ДЕКАРТ
(1598-1650)

ДЕБЮТ

Научное осмысление взаимосвязи глобализации и миграции началось с постановки базового тезиса об облегчении перемещений в результате развития экономических взаимосвязей, современного транспорта и коммуникационных технологий. Взаимоотношения между миграцией и глобальными социо-экономическими изменениями сложны – это два взаимно проблематизирующих друг друга процесса. Сложность и противоречивость этих взаимоотношений заложена уже в основных постулатах, которые выдвигаются при анализе роли миграционной составляющей в глобализации: первый тезис гласит, что глобализация сопровождается интенсификацией международных миграций; второй говорит о том, что «люди менее мобильны, чем деньги, товары или идеи: они всегда принадлежат к какому-либо

государству, зависимы от паспорта, визы, разрешения на проживание и конъюнктуры рынка труда» [16; 408].

В этой связи, по мнению исследователей [5; 14], теряют универсальность такие структурные построения, ставшие уже классическими в миграционных исследованиях, как концепция «толчка-притяжения», основанная на анализе факторов, управляющих миграционными потоками, которые выталкивают население из одних стран и привлекают мигрантов в другие, теории микроуровня, которые фокусируются на рациональных аспектах индивидуального субъективного выбора.

В настоящее время исследователи феномена международной миграции все больше склоняются к мнению, что классическое определение международной миграции является слишком «узким» для анализа современных миграционных тенденций в контексте глобализации. Так, польский ученый М.Окольски предложил термин

«незавершенная миграция»: в нее вовлекаются лица, которых можно охарактеризовать как «ложных туристов»; они «характеризуются гибкой занятостью и, как правило, относительно низким социальным статусом... и продолжают оставаться в контакте со своими семьями, остающимися дома на родине» [23; 163]. Стратегии мобильности группы высококвалифицированных трудовых мигрантов, являющейся частью глобального рынка труда и имеющей тенденцию развивать транснациональные жизненные пространства и располагать более чем одним постоянным местом жительства, также поставили под вопрос традиционное определение международных миграций [1].

Таким образом, традиционное рассмотрение миграции, по мнению современных ученых, обладает очевидной феноменологической ограниченностью в связи с тем, что процесс глобализации делает характер современных перемещений людей латентным, а сроки и

географические рамки этих перемещений оказываются «размазанными». Перемещения, имеющие латентный, точечный характер, современный американский ученый Дж. Рэнфру предлагает называть диффузией [2]. В научный оборот также вводится категория «антропоток», являющаяся достаточно дискуссионной в отечественной литературе и не имеющая аналогов в зарубежной научной мысли. Существует несколько определений антропотока: одно исходит из семантики слова, т.е. антропоток – это перемещение людей, и сводится к рассмотрению процессов миграции; другое затрагивает процессы, сопутствующие собственно миграции и связанные с ней, а также социокультурные процессы в целом [28]. Шведский исследователь У.Ханнерц предлагает исследовать социокультурные особенности интеграции мигрантов при помощи термина «креолизация», одного из основных процессов в глобализации [14].

Налицо попытка создания новых конвенциональных теорий и поиск методологических рамок, способных адекватно объяснять изменяющуюся действительность. Одной из таких концепций является концепция транснациональной миграции, занимающая значительное место в современном социологическом дискурсе о международной миграции. Ее создатели определяют транснациональную миграцию как модель миграции, где мигранты, пересекая международные границы и оседая в новой стране, сохраняют социальную связь со

страной своего происхождения [12; 96]. При этом транснационализм определяется как «социальный процесс, в котором мигранты создают социальные поля, пересекающие географическую, культурную и политическую границы». Мигранты становятся трансмигрантами, когда «развивают и поддерживают множественные семейные, экономические, социальные, организационные, религиозные и политические отношения, пересекающие границы» [13]. Трансмигранты живут одновременно в нескольких местах и включены более чем в одно сообщество, они производят новые взаимозависимости и конституируют сообщества, особым образом связанные с существующими национальными государствами и их территориями [25]. На новом месте жительства они образуют новые социальные сети, но при этом продолжают функционировать в социальных сетях отправляющего сообщества.

В классических миграционных исследованиях сообщества обязательно локализованы, и для того чтобы стать частью принимающего сообщества, мигранты должны приспособляться или ассимилироваться в местную культуру. Трансмигранты, одновременно «проживающие» и в отправляющем, и в принимающем сообществах, создают транснациональные социальные пространства. Термин «транснациональное социальное пространство» вводит в научный оборот немецкий исследователь Л.Прис. По его мнению, появление сложных и непрерывных потоков

людей, товаров и информации, вызванных глобализационными процессами, определило начало новой эры миграции [24]. Социальные сети мигрантов интегрируют уже децентрализованные и диффузные пространства вопреки государственным границам, фрагментируют национальную идентичность людей.

Известный немецкий ученый Т.Файст выделяет три типа транснациональных социальных пространств, возникающих в результате миграции: транснациональные родственные группы, транснациональные районы и транснациональные сообщества. Каждому типу соответствует свой способ поддержания социальных и символических связей, позволяющий индивидам объединяться в сети, группы и организации. Для первого типа транснационального пространства свойственен взаимный обмен (сотрудничество) как социальная норма. Основной характеристикой является поддержание социальной нормы равноценности (паритета), типичным примером становятся денежные переводы (работники по контракту). Для второго типа формой взаимодействия является социальный обмен в виде взаимных обязательств и ожиданий, базирующихся на прошлом опыте [8; 360]. Основная характеристика транснационального района – использование внутренних преимуществ (язык, социальные связи в равных сетях), примером выступают сети трудовых мигрантов. И, наконец, транснациональным сообществам свойственна солидарность, которая

предполагает разделение схожих идей, убеждений, оценок; самой важной формой солидарности являются коллективные представления (религия, национальность, этничность) [9], выражающиеся в виде коллективной идентичности. При этом солидарность может быть институционализирована (гражданство); примером, по Т.Файсту, является диаспора [10; 8].

Существование таких транснациональных социальных пространств разрушает традиционные формы миграции, снимает с повестки дня «дилемму мигранта» – интеграция *versus* новые этнические меньшинства. Новая концепция миграции позволяет отказаться от объяснительной схемы, исчерпывающейся такой бинарной оппозицией. Можно сделать вывод, что транснациональная парадигма ставит миграцию в центр сложных, многоаспектных, сталкивающихся процессов, тогда как классическая парадигма ограничивает эти возможности.

Для анализа современных миграционных процессов в контексте глобализации наиболее адекватным, на наш взгляд, является системный подход. Развивая системный подход к исследованию миграции, известный английский исследователь Дж.Солт полагает, что есть основания пересмотреть традиционную концепцию международной миграции как отношение между индивидом (или семьей), который хочет переехать на более или менее длительный срок и государством, которое выступает как «сторож». Он предлагает рассма-

тривать миграцию как глобально организованный разветвленный международный бизнес, обладающий огромным бюджетом, манипулирующий сотнями тысяч рабочих мест и людей по всему миру и управляемый сетью организаций и институтов [26; 327].

Проанализируем новейшие теории миграции, которые приобрели наибольшее распространение в последние десятилетия в западной социологической литературе. Так, на основе системного подхода, призванного объединить различные концепции объяснения международной миграции и доказать, что миграционные потоки между странами выезда и определенными странами въезда детерминированы различными факторами, была разработана теория миграционных систем (М.Критц, Л.Лим, Х.Злотник), где международная миграционная система определяется как группа принимающих стран (центра), которая связана с посылаю-

щими странами относительно большими потоками и контрпотоками мигрантов. Эти страны в миграционной системе связаны не только потоками людей, но и другими видами связей (историческими, культурными, технологическими). Поскольку формирование устойчивых миграционных потоков создает некое единое пространство (миграционную систему), включающее страны выезда и въезда, то для понимания ее динамики необходимо рассматривать систему в целом. Кроме того, миграционная система находится в определенном контексте (социальном, политическом, демографическом, экономическом), изменения которого образует временное измерение миграционной системы, которое является существенным для анализа динамики миграционных потоков и контрпотоков. Миграционная система имеет и пространственное измерение, однако географическая близость стран в миграционной

системе не имеет принципиального значения [19].

Таким образом, ключевыми вопросами системного подхода является взаимосвязь миграционных потоков с экономическим, социальным и геополитическим, культурным взаимодействием стран, потоками капиталов, товаров, технологий и идей, реализация миграции через глобальные и локальные сети разного уровня, составляющие инфраструктуру миграции.

Однако в теоретической схеме, предложенной авторами теории миграционных систем, выделяются причинно-следственные связи только между миграцией и факторами миграции (экономическими, социальными, политическими). Разрабатывая данный подход, современный голландский исследователь Р. Дженниссен дробит категории «экономика», «общество», «политика» и «связи», выделенные в теории миграционных систем, на отдельные элементы, которые воздействуют на международную миграцию, и утверждает, что экономические, политические и социальные факторы влияют как на принимающие, так и на посылающие страны. Так, автор предлагает выделить следующие экономические компоненты: доход, занятость, размер человеческого капитала. Категория «общество» в данной теоретической схеме, согласно британскому исследователю Э.Филдингу [11; 7], состоит из таких элементов, как культура, социальная структура, демографическая компонента:

культура связана со стилями жизни и этничностью; социальная составляющая затрагивает неравенство и сплоченность в обществе; демографическая связана с распределением по половозрастным характеристикам. В политике различаются политическая ситуация и миграционная политика. Категория «связи» состоит из культурных и материальных связей [18; 37].

В русле данного подхода Р.Дженниссен разрабатывает синтетическую модель международной миграции, выделяя три типа причинно-следственных связей внутри миграционной системы: прямое действие факторов миграции, обратное воздействие международной миграции на факторы и косвенное воздействие, происходящее между различными категориями, которое впоследствии оказывает влияние на международную миграцию [18; 36]. Обосновывая идею о необходимости комплексного анализа системы факторов и причин миграции, ученый показывает, каким образом возможен синтез двух типов современных теорий международной миграции: теорий, объясняющих причины миграции (неоклассическая экономическая теория, теория сегментированного рынка труда, новая экономическая теория миграции, теория относительной депривации, теория мировых систем) и теорий, акцентирующих внимание на механизмах саморазвития и самоподдержания миграции (сетевая и институциональная теории миграции). Исследователь приходит к выводу, что доминирование эконо-

мической точки зрения не исключает значимости других факторов, влияющих на международную миграцию [18; 56].

На основе анализа теоретических положений вышеперечисленных теорий миграции, а также с учетом многочисленных эмпирических исследований, проведенных в международных миграционных системах, Д.Массей также разрабатывает синтетическую теорию международной миграции, выявляя степень обоснованности предположений каждой из вышеперечисленных теорий [3; 161]. Суть его подхода заключается в том, что миграция выступает как естественное следствие широких процессов социальной, политической, экономической интеграции [6; 266]. Основные идеи синтетической теории международной миграции можно свести к следующим: международная миграция является результатом экономического развития; иммиграция выступает как естественное следствие более широких процессов социальной, политической, экономической интеграции, пересекающей международные границы; когда иммигранты въезжают в развитую страну, они обычно отвечают сильному и устойчивому спросу, который встроен в структуру постиндустриальных экономик; мигранты, которые въезжают в развитую страну впервые, обычно не имеют намерения обосноваться там постоянно; международная миграция в меньшей степени подвержена влиянию условий на рынках труда, чем условия на других рынках; по мере

того, как международные мигранты приобретают за рубежом опыт, их мотивации изменяются; с течением времени международная миграция имеет тенденцию создавать свою собственную инфраструктуру (сети); несмотря на сильные тенденции к самосохранению и укреплению, иммиграционные потоки имеют естественный срок жизни, который всегда ограничен, что подтверждает перевернутая U-образная кривая или «миграционный горб», построенный в рамках теории миграционного перехода [22].

При этом исследователь говорит о возможности создания всеобъемлющей модели международной миграции. Однако с целью дальнейшего анализа и прогнозирования миграционных процессов необходимо учитывать ряд важнейших обстоятельств. Прежде всего, необходимо проанализировать влияние развития рынков, поскольку огромную роль в управлении миграцией и ее поддержке во всем мире играют рынки. В развивающихся странах миграция как внутренняя, так и внешняя, как указывает Д.Массей, является побочным продуктом структурного преобразования общества, которое происходит по мере расширения рыночной экономики, проникающей во все сферы социально-экономической жизни. Рост и расширение национальных рынков, в свою очередь, связаны с включением страны в глобальные сети торговли, инвестиций и координации, поддерживающих глобальный рынок. При построении моделей

структурного прогноза важно рассматривать степень и скорость расширения рынка в различных странах мира, исследовать не только рынки труда, но и рынки капитала, кредитования и страхования, и различать миграции людей, продающих рабочую силу, и людей, стремящихся максимизировать отдачу от своего человеческого капитала [4; 160].

При оценке роли международной миграции в приросте населения исследователи, признавая важность процессов иммиграции, часто недооценивают масштабы и значение эмиграции, в то время как миграционные потоки в конце XX в. были преимущественно циркулярными [17; 290].

Кроме того, необходимо учитывать влияние обратной связи, влияние «внутренних факторов», встроенных в миграционный процесс посредством социальных сетей, которые в научной литературе называют по-разному: «покровительством» миграции [7; 145], «эффектом семьи и друзей» [20; 200], «цепной миграцией» или «капиталом миграции» [27]. Так, Д.Массей и Р.Зентено показали, что встраивание обратной связи через миграционные сети в модель прогнозирования мексиканской иммиграции в США увеличило число иммигрантов по сравнению со статическими прогнозами на 85% в течение 5 десятилетий, что позволяет получить более точные оценки численности населения в будущем [21]. Британские исследователи Т. Хаттон и Дж. Уильямсон установили, что эффект сети прео-

бладал в статистических моделях эмиграции из Европы в классическую эпоху, особенно во времена резкого роста масштабов миграции, вскоре после начала массового передвижения [15]. И, наконец, необходимо не только моделировать влияние миграционных сетей, но и зафиксировать эффекты их обратной связи с течением времени, что позволило бы прогнозным моделям учитывать динамические эффекты миграционных сетей [21].

Однако, на данный момент, как мы полагаем, одним из основных препятствий к построению полной и точной модели международных перемещений является недостаток адекватных решению поставленных задач статистических данных, т.е. в первую очередь мировому научному сообществу необходимо работать над совершенствованием механизмов сбора и обработки количественной информации о миграции.

Таким образом, компаративный анализ новейших теорий миграции показал, что современной международной миграцией движет комплекс механизмов, описанных в разрозненных теориях. Глобализация накладывает свой отпечаток на методологию анализа миграционных процессов, разрабатываются синтетические модели, объясняющие возникновение и существование международной миграции в XXI в. Очевидно, что мировое социологическое сообщество осуществляет многоуровневый, комплексный и междисциплинарный поиск объединяющей парадигмы. Однако, поскольку международ-

ная миграция происходит из большого числа факторов, действующих на различных уровнях, часто со сложными переплетениями и обратными связями, и оказывается намного динамичней, чем предполагали исследователи, на сегодняшний день представляется возможным говорить лишь о возникновении предпосылок для создания всеобъемлющей модели международной миграции, которая, по-видимому, пока не в состоянии заменить существующие подходы к исследованию международной миграции, обладающие значительным эвристическим потенциалом для анализа миграционных процессов макро- и микроуровня в общемировом масштабе и в современной России.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вила М.Р.* Международные миграции и глобализация: международные и региональные миграционные тенденции (1965-2000 гг.) // www.archipelag.ru
2. Государство. Антропоток // <http://antropotok.archipelag.ru>
3. *Массей Д.* Синтетическая теория международной миграции // Мир в зеркале международной миграции: Научная серия: Международная миграция населения: Россия и современный мир / Гл. ред. В.А. Ионцев. Вып. 10. М., 2002.
4. *Массей Д.* На пути к всеобъемлющей модели международной миграции // Миграция и развитие: Доклады и статьи ведущих секций и докладчиков международной конференции «Миграция и развитие». Москва, 13-15 сентября 2007 г. Сборник статей / Гл. ред. В.А. Ионцев. М., 2007. С. 160.
5. *Тюрюканова Е., Михайлова Е.* Трудовая миграция из России (акцент на женскую трудовую миграцию и торговлю людьми). М., 2001. С. 14.
6. *Юдина Т.Н.* Миграция: словарь основных терминов. М., 2007.
7. *Charles T., Brown C.* On Uprooting, Kinship, and the Auspices of Migration // International Journal of Comparative Sociology. 1967. Vol. 8. P. 139-164.
8. *Coleman J.S.* Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1990. Vol. 9. P. 360.
9. *Durkheim E.* The Elementary Forms of Religious Life. Transl. by J.W. Swain. New York. 1965.
10. *Faist Th.* Transnationalization in International Migration: Implications for the Study of Citizenship and Culture // Working Papers – Institute for Intercultural and International Studies. 1999. Vol. 8. P. 8.
11. *Fielding A.J.* Mass migration and economic restructuring / King R.L. (ed.) Mass migration in Europe. The legacy and the future, London: Belhaven. 1993. P. 7-18.
12. *Glick S.N.* Transmigrants and Nation-States: Something Old and Something New in the U.S. Immigrant Experience / The Handbook of International Migration. Ed. by C. Hirschmann, P. Kasinitz and J. De Wind. New York: The Russell Sage Foundation. 1999. P. 96.

13. *Glick S.N., Bash L., Blanc-Szanton C.* Towards a transnational Perspective on Migration. Race, Class, Ethnicity and Nationalism Reconsidered // *Annals of a Haitian Transnational Identity*. N.Y., 1992. Vol. 645.
14. *Hannerz U.* Transnational Connections. London: Routledge, 1996.
15. *Hatton T., Williamson J.* The Age of Mass Migration: Causes and Economic Impact Oxford: Oxford University Press. 1998.
16. *Hirst P., Thompson G.*, Globalization and the future of the nation state // *Economy and Society*. 1995. Vol. 24. № 3. August. P. 408.
17. *Jasso G., Rosenzweig M.* Estimating the Emigration Rates of Legal Immigrants using Administrative and Survey Data: The 1971 Cohort of Immigrants to the United States // *Demography*. 1982. Vol. 19. P. 279-290.
18. *Jennissen R.* Macro-economic determinants of international migration in Europe. Amsterdam, 2004. P. 37.
19. *Kritz M.M., Zlotnik H.*, Global interactions: Migration systems, processes, and policies / *Kritz M.M., Lim L.L., Zlotnik H. (eds.)*, International migration systems: A global approach, Oxford: Clarendon Press, 1992.
20. *Levy M., Wadycki W.* The Influence of Family and Friends on Geographic Labor Mobility: An Intercensal Comparison // *The Review of Economics and Statistics*. 1973. Vol. 55. P. 198-203.
21. *Massey D., Zenteno R.* The Dynamics of Mass Migration // *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 1999. Vol. 96(8). P. 5328-5335.
22. *Martin Ph.L., Taylor E.J.* The Anatomy of a Migration Hump // *Development Strategy, Employment, and Migration: Insights from Models* / J.E. Taylor (ed.). Paris: OECD. 1996, P. 43-62.
23. *Okolski M.* Migration pressures on Europe / *European Populations: Unity in Diversity*. Ed. by D. van de Kaa et al. Dordrecht, Boston, London, Kluwer Academic Publishers. 1999. P. 163.
24. *Pries L.* Transnationale Soziale Raume. Theoretisch-empirische Skizze am Beispiel Mexiko-USA // *Zeitschrift für Soziologie*. 1996. Vol. 25(6). Dec. S. 456-472.
25. *Rouse R.* Mexican Migration and the Social Space of Postmodernism / *David G. Gutierrez (ed.)*. Between Two Worlds: Mexican Immigrants in the United States. Wilmington, Del.: SR Books (Jaguar Books on Latin America, 15). 1996. P. 247-263.
26. *Salt J., Clarke J.* International migration in the UNECE region // *International Social Sciences Journal*. 2000. Vol. 165. P. 327.
27. *Taylor E.* Differential Migration, Networks, Information and Risk / *Stark O. ed.*, Migration Theory, Human Capital and Development. Greenwich, CT: JAI Press. 1986. Pp. 147-171.
28. Источник:
<http://www.archipelag.ru/person/vykhovanets.htm>

© 2007 г.

Е.И.Корнеева

Институционализация профессии PR

Своеобразие PR (PR) как социально-коммуникационной профессии определяется наличием своего предмета и объекта, что обуславливает особые методы исследовательской и профессиональной деятельности. В качестве *объекта* PR как профессии рассматриваются объективно существующие общественные коммуникации: мнения, публичные дискурсы и информационные взаимодействия между социальными субъектами. М.Д.Валовая подчеркивает то, что необходим дифференцированный подход к объекту исследования, при этом следует различать, во-первых, PR-сообщество как абстрактное понятие, обозначающее субъект деятельности в сфере PR в целом, во-вторых, типы PR-сообщества, в-третьих, конкретные формы социальной институционализации сообщества в сфере Public Relations [7]. И.В.Алешина различает три уровня социологического анализа PR-деятельности: PR-специальность,

социально-коммуникационное исследовательское направление и методологическая область [1]. По ее мнению, основу профессионального сообщества в области PR составляет PR-специализированное сообщество, которое объединяет специалистов в сфере Public Relations, связанных общей специальностью и работающих в соответствии с нормами и образцами своей профессии.

В содержание *предмета* входит исследование соотношения между социальными и коммуникационными свойствами объекта. Поскольку основные понятия, в рамках которых разворачивается профессия PR, есть категории «мнение» и «дискурс», постольку совокупность социальных практик, направленных на производство и воспроизводство эффективных социальных коммуникаций и оптимизацию информационных взаимодействий между социальными субъектами и их целевыми группами и есть основная проблема PR как профессии.

Связи с общественностью как профессия имеют не только свой объект и предмет деятельности, но и свои методы, отличные от методологии иных социальных профессий. Профессиональную методологию PR определяют «как систему правил, операций и методов для управления общественным мнением» [3]. Что же касается совокупности методов, применяемых в профессиональной PR-деятельности, то определяющее значение имеют решаемые социально-коммуникационные задачи и существующее общественное мнение. Определяющая и конечная цель ее – оптимальное коммуникационное взаимодействие между социальными субъектами и их целевыми группами. Поэтому PR-деятельность не сводится только к исследованию общественного мнения или к его проектированию, а включает в себя оба этих момента как относительно самостоятельные и, одновременно, тесно связанные между собой и с другими видами социально-коммуникационной деятельности: журналистикой, рекламой, маркетингом [4].

В рамках *деятельностного* подхода к PR выделяют разные типы профессиональной занятости. С.М.Катлип указывает на три типа: исследовательско-аналитический, креативный и коммуникационный [8]. Исследовательско-аналитический тип рассчитан на перспективу. Он направлен на выявление существующих и прогноз будущих общественных оце-

нок того или иного социального объекта или феномена. Признанным выходным результатом считаются планы и отчеты о состоянии общественного мнения и прогнозе социально-политического или потребительского поведения.

Креативный тип профессиональной занятости в PR является программным развитием исследовательско-аналитического типа. Программы и отчеты о стратегии и тактике формирования общественного мнения рассматриваются в как важный, но побочный результат. В сфере коммуникационной PR-занятости производится конкретизация, определение необходимости и возможности применения уже произведенных информационно-аналитических и креативных работ для создания конкретной социально-коммуникационной и медиа-событийной программы. Результаты коммуникационного типа PR-деятельности оформляются в виде медиапланов и планов-сценариев общественно-политических событий, предназначенных для внутреннего применения.

Практическая направленность PR как профессии, подчиненность ее целям проектирования и конструирования общественного мнения определяют ее особенности. На ряд таких особенностей обращает внимание А.Эдельштейн [24]. Во-первых, продукт PR-деятельности – установление оптимальных информационных взаимодействий между социальными субъектами и их целевыми груп-

пами – должен обеспечить учет целого ряда социально-коммуникационных показателей. Во-вторых, практическая деятельность в сфере PR привязана к решению конкретных задач, обслуживает процесс формирования определенных социальных дискурсов и социально-коммуникационных процессов. В-третьих, важнейшей задачей является социально-психологическое согласование, достижение своеобразного компромисса. В-четвертых, в PR ценна не любая социально-коммуникационная программа или общественный дискурс, а только такая, которая приводит к требуемому результату.

Выделяют *классические* и *неклассические* направления PR-деятельности. Классическими называют направления, возникшие на базе решения одной конкретной задачи (например, написание пресс-релиза, организация пресс-конференции). В отличие от них неклассические, или комплексные, направления (например, реализация политических избирательных кампаний, брэндинг) складываются на базе нескольких направлений PR-деятельности. Они состоят из разнородных предметных и исследовательских частей, используют системные модели объектов, включают описание технологий и средств, используемых при разработке и реализации социально-коммуникационных решений. В неклассических направлениях задействованы три уровня программ: программы типа «информационного взаи-

модействия организации с общественностью» (формирование требуемого общественного мнения об организации или компании), сложные программы (формирование требуемого социально-политического поведения на уровне региона или страны) и такие программы, как формирование социально-коммуникационных взаимоотношений между государствами в целом [12].

Таким образом, PR как социально-коммуникационная профессия имеет свой объект, предмет, своеобразные методы профессиональной деятельности, обуславливающие особенности занятого ей профессионального сообщества специалистов как социально-профессиональной группы.

Наряду с деятельностным существует *институциональный* подход. Его пионером выступил Р.Мертон, понимавший науку как социальный институт по производству достоверного знания, стимулирующий деятельность ученых и создающий необходимые условия для объективной оценки их научного вклада [26]. Продолжателем идей Р.Мертон выступил С.Блэк, которого принято считать основоположником «институциональной» социологии PR, так как PR-профессия для него, прежде всего, социальный институт. А любой социальный институт с точки зрения структурно-функционального анализа – это особая и специфическая система норм поведения и ценностей. Он понимал PR как особый социальный

институт по производству доверительного информационного взаимодействия между социальными субъектами и их целевыми группами, который стимулирует и обеспечивает деятельность соответствующих специалистов, создавая необходимые условия для оценки их профессионального вклада, организуя вознаграждение продвижение по карьерной лестнице, осуществляя контроль на основе совокупностей ценностей и норм – *этоса* Public Relations, неизменных и разделяемых членами профессионального сообщества [22]. Это заключается в институционально подкрепляемом стремлении каждого специалиста к профессиональному признанию. В этос PR как профессии С. Блэк включил четыре основные ценности и нормы:

1. *коммунализм*, заставляющие PR-специалиста раскрывать свои технологии и методы как перед профессиональным сообществом, так и перед общественностью в целом;

2. *универсальность*, ориентирующая на критерий применимости профессии для любого общественно значимого объекта;

3. *независимость* – личный успех в профессии второстепенен по сравнению со стремлением достичь желаемого результата для объекта деятельности;

4. *организованный скептицизм* – норма, заставляющая специалистов постоянно сомневаться в эффективности разработанных как ими самими, так и коллегами программ и технологий.

Позднее были присоединены четыре основных роли (поведенческие модели) PR-специалистов: исследователь, эксперт, консультант и администратор.

Блэковская социология PR-профессии – нормативная социология: если имеется стабильно функционирующий социальный институт, в нем непременно поддерживается и выполняется некий набор норм, или, наоборот, для нормального функционирования каждого социального

института необходимо, чтобы ее субъектом выполнялся определенный набор норм.

Анализ PR-профессии как социального института, исследование процессов социальной и когнитивной институционализации, изучение характера и механизмов взаимосвязей как внутриинституциональных, так и внешних, представлены работами М.П.Бочарова, Т.Ю.Лебедевой, Р.Хэйвуд, Дж. Честара и других [5, 9, 16, 17].

В результате в социологию PR-профессии были введены такие понятия, как массив информационных событий, формальные и неформальные общественные коммуникации и их интенсивность, выявлены структурные единицы PR – профессия как дисциплина, специальность и исследовательское направление, определены этапы развития, условия формирования и функционирования PR-агентств.

И.Майтландом и С.Виндалом было введено понятие «PR-общества» – общности, которая вырабатывает правила и линию поведения для своих членов [25]. В этой работе С.Виндал анализирует процесс непрерывного развития PR-профессии, понимаемый как последовательная смена периодов кумулятивного линейного роста и революционных структурных преобразований, т.е. смена периода нормального развития периодом кризиса и его революционного разрешения [27]. Автор вводит также понятие «парадигмы», включа-

ющее признанные всеми достижения, которые в течение определенного времени дают модель постановки проблем и их решений профессиональному PR-обществу.

Так сложился еще один – *парадигмальный* – подход. Парадигма выступает основой PR-профессии, содержание которой консолидирует и объединяет профессиональную деятельность PR-общества, обеспечивая ее целостность, структурные изменения сообщества и его воспроизводство за счет привлечения новых членов. Р. Хэйвуд выделяет концептуальные парадигмы, т.е. философские, онтологические модели социально-коммуникационной реальности; коммуникационные парадигмы, т.е. совокупность конкретных достижений в сфере управления общественным мнением и поведением; конструктивные парадигмы, т.е. методологический аппарат, с помощью которого решаются проблемы формирования общественного мнения [16].

На основе анализа широкого исторического и социального контекста PR как профессии С. Виндалу удалось выделить различные периоды в развитии PR-профессии: допарадигмальный, парадигмальный, постпарадигмальный. Специалистов по отношению к новой парадигме можно условно разделить на три группы: на тех, кто не признает новую парадигму и всеми силами стремится сохранить старую; на постепенно принимающих новую

парадигму, адаптируя себя к ней; молодых специалистов, новаторов PR, сразу же начинающих активно работать в русле новой парадигмы. В современной социологии PR как профессии утвердилось положение, что именно парадигма наряду с деятельностью и поведением является фундаментальным фактором, консолидирующим специалистов в области PR в профессиональное сообщество.

Позднее, как отмечают исследователи, С.Виндал расширил понятие профессионального PR-сообщества [21]. Он уже исходит из многоуровневости профессионального сообщества, вычлняя профессиональные ассоциации и объединения специалистов, профессиональные PR-агентства, различные неформальные объединения. При этом он различает глобальный смысл парадигмы (сумма признаваемых всеми членами PR-сообщества достижений в сфере формирования общественного мнения) и локальный смысл, связанный с профессионализацией сообщества PR-специалистов.

Хотя модели развития PR как профессии С.Виндала и С.Блэка существенно различаются, они совместимы в той части, где речь идет о периоде нормальных PR, регулируемых действием парадигмы. Теория С.Виндала, по мнению П.Друкера, позволила по-новому интерпретировать концепцию этоса Public Relations [23]. Во-первых, нормы стали пониматься значительно шире: они уже регулируют

не только социальное, но и содержательное поведение специалистов. Во-вторых, нормы перестали быть статичными, претерпевая изменения в зависимости от состояния профессионального сообщества и парадигмы.

Современные исследования лежат в русле парадигмального и деятельностного подходов. В своих работах О.В.Устимова [15] трактует PR-профессию не столько как изменчивую популяцию понятий, связанных между собой в какие-либо формализованные теории, сколько как изменчивую популяцию специалистов, объединенных в более или менее строго организованные институты. Жизнедеятельность PR как профессии воплощается в жизни этих людей – обмене информацией, представлении собственных результатов в различных сборниках и публикациях, дискуссиях, в попытках выделиться, продолжая одновременно соперничество за положительные оценки окружающих. В работе М.А.Шишкиной отмечается, что связи с общественностью – это феномен взаимодействия социально-коммуникационной деятельности, социальной культуры и социально-коммуникационного познания [19]. Причем, технократическое понимание социально-коммуникационной деятельности – это современный вариант утопического сознания. Другое понимание социально-коммуникационной деятельности предполагает взаимную деятельность социальных практик, взаимодействие свободно участвующих в процессе равноправных партне-

ров, каждый из которых считается с мнением другого и, в результате чего, оба они изменяются.

Р.Бландел создал стройную систему PR как компонента культуры, на основе критического анализа виндаловской «парадигмы» выявил структуру оснований PR [3]. К ним он относит три компонента. Первый – социально-коммуникационная картина мира, второй компонент – идеалы и нормы PR, третий компонент – философско-мировоззренческие обоснования. Картина мира представляет собой познавательный образ, который за счет схематизации и упрощений выделяет из бесконечного многообразия реального мира сущностные связи. Такую картину образуют фундаментальные принципы и понятия PR, система которых вводит целостный образ (процессы и объекты социальных коммуникаций, характер взаимодействия, пространственно-временные структуры).

В.А.Музыкант придерживается институционального подхода и выделяет совокупность социально-коммуникационных знаний и их носителей; наличие конкретных целей и социальных функций; обладание специфическими средствами деятельности и профессиональными учреждениями; выработка способов контроля, оценки и санкций [11]. Аналогичной позиции придерживается и А.Н.Чумиков, считающий, что институционализация представляет собой возникновение PR как целостного образования, включающего социально-коммуникационное знание, профессиональную PR-деятельность, систему отношений, профессиональные PR-учреждения и организации [18]. Некоторые исследователи придерживаются расширительного понимания социального института PR, который отождествляется со всем социально-коммуникационным производством и

включает: профессиональные PR-кадры, социально-исследовательскую базу, методы, технологии и результаты в виде системы социально-коммуникационных знаний [13].

Такое понимание социального института PR практически совпадает с образом PR, сформулированным в рамках *системного* подхода. В противовес расширительному подходу ряд исследователей выделяет какой-либо компонент, конструирующий связи с общественностью в качестве социального института: различного рода общности (ассоциация, объединение, группа, коллектив) или систему учреждений [2]. Мы согласны с точкой зрения М.А.Шишкиной, которая понимает социальный институт PR как социальную организацию и социально-коммуникативное производство, социальную инфраструктуру, в рамках которой осуществляется PR-деятельность [19]. Данная трактовка соответствует определению понятия «социальный институт» как относительно устойчивой формы и типа социальной практики, посредством которых организуется социальная жизнь, обеспечивается устойчивость отношений и связей в рамках социальной организации общества [20, с. 227].

Очевидно, что институционализация PR не может происходить одномоментно. Это достаточно длительный процесс. Различные направления PR могут находиться на разных стадиях институционализации. Н.Мал-

линз выделяет четыре фазы, через которые проходит любая специальность (термин, обозначающий организационно и содержательно оформленное объединение некоторого профессионального или научного направления): нормальная фаза, коммуникационная сеть, сплоченная группа, специальность [10]. Для каждой фазы характерны специфические структуры взаимодействия, эволюционирующие от коммуникации через сотрудничество к совместной деятельности и, наконец, к ученичеству. Институционализация PR в целом никогда не может считаться полностью завершенной: всегда будут возникать новые направления PR-деятельности.

В институционализации PR и ее субъекта – профессионального сообщества – можно выделить следующие компоненты:

⇒ профессиональная институционализация, или превращение PR-специализации в профессию, формирование особой социально-профессиональной группы;

⇒ познавательная институционализация, или выработка теоретических основ, методов, технологий и критериев эффективности профессиональной деятельности;

⇒ организационная институционализация, или возникновение формальных и неформальных организационных структур, осуществляющих разную интенсивности неформальные и формальные коммуникации.

В свою очередь, процесс институционализации профессионального сообщества, имея своеобразие типов, технологий и методов, характеризуется: во-первых, обширной системой подготовки профессиональных PR-кадров: институты, специалитеты, образовательные курсы и семинары повышения квалификации; во-вторых, развитой системой формальных коммуникаций: осуществляющей все виды публикаций (журналы, монографии, интернет-сайты и т.п.), проводятся профессиональные форумы и конференции и т.д.; в-третьих, наличием сети профессиональных ассоциаций, обществ и организаций: международных и национальных ассоциаций по связям с общественностью, ассоциаций консультантов в области PR, международных и национальных сетевых агентств в области PR, профильных PR-агентств.

Еще можно выделить *стратификационный* подход. Так, Ф.А.Бурари определяет PR-сообщество как совокупность профессионалов, организация которых отражает специфику PR-профессии [6]. Деятельность механизмов сообщества в сфере PR обеспечивает:

1) относительную автономию в привлечении новых членов, их подготовке и контроле их профессионального поведения;

2) обладание совокупностью специальных знаний, за хранение, трансляцию и постоянное расширение которых ответственно сообщество PR-профессионалов;

3) наличие внутри сообщества

форм вознаграждения, выступающих достаточным стимулом и обеспечивающих высокую мотивацию относительно профессиональной карьеры;

4) поддержание инфраструктуры, гарантирующей координацию и оперативное взаимодействие профессионалов и их организаций в режиме, который обеспечивает активный темп развития системы социальных коммуникаций.

Структурирование профессионального PR-сообщества в зависимости от географического эшелонирования проектов предлагает И.М. Синяева [14].

1. Муниципальное направление – группа PR-специалистов, которым соответствует совокупность профессиональных проектов на территории отдельного муниципалитета. Отдельные специалисты и PR-группы поддерживают между собой постоянные контакты.

2. Региональное направление объединяет специалистов, действующих на территории отдельного региона страны и предполагает: наличие в практике муниципальных проектов, по крайней мере, один общерегиональный PR-проект; организационные формы профессиональной PR-коммуникации: советы, региональные ассоциации, региональные представительства общедеревальных профессиональных ассоциаций.

3. Общедеревальное направление включает специалистов ряда регионов страны, осуществляющих свои проекты на межрегио-

нальном и общефедеральном уровне, и предполагает: наличие в практике трех эшелонов PR-проектов (муниципальных, общерегиональных и общефедеральных); систему подготовки собственных кадров; особую профессиональную организацию (ассоциацию, общество, союз и т.п.).

Наиболее удачную, на наш взгляд, структуру профессионального сообщества как коллективного субъекта деятельности и составной части социального института Public Relations предлагает М.П.Бочаров [5].

По его мнению, первый уровень структуры образует социально-коммуникационное исследовательское сообщество, выявляющее различные аспекты общественного мнения и социально-политического поведения и являющееся первичной ячейкой PR. Исследовательское сообщество выполняет следующие функции: определяет уровень и факторы, влияющие на общественное мнение; дает первую оценку изменениям общественного мнения вследствие реализации социально-коммуникационных программ; определяет статус и престиж членов PR-сообщества.

Второй уровень составляет более крупная ячейка – прикладное PR-сообщество, которое осуществляет: воспроизводство практической деятельности в сфере PR; подготовку новых поколений PR-специалистов. Характерные признаки прикладного сообщества в сфере PR – наличие профессиональных журналов и интернет-

сайтов, организаций, профильных PR-агентств, профильных учебных кафедр.

Третий уровень образуют сообщества полиприкладных образований – сочетание исследовательских и прикладных сообществ в области PR. И, наконец, на четвертом уровне анализируются комплексные сочетания исследовательских, прикладных и полиприкладных PR-сообществ.

Выделенные уровни служат своеобразными координатами при позиционировании взаимоотношений как отдельного PR-специалиста, так и коллективных субъектов внутри социального института Public Relations. Как справедливо заметил Ф.А. Буари, каждый специалист чувствует себя одновременно членом целой иерархии сообществ (например, спичрайтером – членом PR-отдела организации – членом регионального PR-сообщества – членом национального сообщества PR-профессионалов), а каждый последующий уровень в его глазах обладает более существенными ценностными ориентациями [6].

С.Виндал и Б.Сайтцер различают два различных плана организации профессиональной PR-деятельности: «вертикальную» структуру, которая отражает последовательность работы и кооперацию специалистов и «горизонтальную» структуру, представляющую собой разделение усилий PR-специалистов по типам компонентов и аспектов социально-коммуникационного объекта [27].

К разработке сложной программы могут привлекаться десятки профильных PR-агентств, специализированных организаций и подразделений. Как правило, они связаны между собой договорными отношениями, и в систему профессиональных коммуникаций между ними, кроме обычных, входят такие документы, как бриф, технические задания, научно-исследовательские отчеты, пояснительные записки, коммуникационные сценарии и программы, медиапланы. Важное место в системе коммуникаций сообщества специалистов в области PR занимают профессиональные форумы и конференции, которые не только способствуют личному сближению и объединению специалистов, как теоретиков, так и практиков, но и служат неизменным каналом общения, являются своего рода витриной PR.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Алешина И.В.* Паблик рилейшнз для менеджеров и маркетеров / И.В. Алешина. – М.: Тандем: Гном-Пресс, 1997.
2. *Блажнов В.Н.* Паблик рилейшнз / В.Н. Блажнов. – М.: Экономика, 1994.
3. *Бландел Р.* Эффективные бизнес-коммуникации. Теория и практика в эпоху информации: пер. с англ. / Р. Бландел. – СПб.: Питер, 2000.
4. *Блэк С.* Введение в паблик рилейшнз / С. Блэк. – Ростов-на-Дону: «Аркадия», 1998.
5. *Бочаров М.П.* История паблик рилейшнз: нравы, бизнес, наука / М.П. Бочаров. – М.: Изд-во МГУ, 2000.
6. *Буари, Филипп А.* Паблик рилейшнз, или стратегия доверия / Филипп А. Буари. – М.: Консалтинговая группа «И М И Д Ж - К о н т а к т»: ИНФРА-М, 2001.
7. *Валовая М.Д.* Манипулятивные технологии и public relations: Эволюция понятий / М.Д. Валовая. – М.: Просвещение, 1998.
8. *Катлип С.М.* Паблик рилейшнз. Теория и практика / С.М. Катлип, А.Х. Сентер, Г.М. Брум. – пер. с англ. – М.: Экономика, 2000.
9. *Лебедева Т.Ю.* Паблик рилейшнз. Корпоративная и политическая режиссура / Т.Ю. Лебедева. – М.: Экономика, 1999.
10. *Маллинз Н.* Модель развития теоретических групп в социологии / Н. Маллинз [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://courier.com.ru/pril/posobie/mull.htm>
11. *Музыкант В.А.* Реклама и PR-технологии в бизнесе, коммерции, политике / В.А. Музыкант. – М.: Армада-пресс, 2002.
12. *Почепцов Г.Г.* Паблик рилейшнз, или Как успешно управлять общественным мнением / Г.Г.Почепцов. – М.: ЦЕНТР, 1998.
13. *Связи с общественностью в политике и государственном управлении / под ред. В.С.Комаровского.* – М.: РАГС, 2001.

14. *Синяева И.М.* Паблик рилейшнз в коммерческой деятельности: учебник / И.М.Синяева. – М.: ЮНИТИ, 1998.
15. *Устимова О.В.* Социально-политические ориентации российских журналистов: (по материалам экспертного опроса) / О.В. Устимова. – Вестн. Моск. ун-та, Сер. 10, Журналистика, 2000, №№4, С.15-28; №5, С.24-45; №6, С.27-36.
16. *Хэйвуд Р.* Все о Public Relations. Как добиться успеха в бизнесе, используя связи с общественностью / Р. Хэйвуд. – М.: Лаб. Базовых Знаний, 2000.
17. *Честара Дж.* Деловой этикет. Паблик рилейшнз: пер. с англ. / Дж. Честара. – М.: ФАИР, 1997.
18. *Чумиков А.Н.* Связи с общественностью / А.Н. Чумиков. – М.: Дело, 2000.
19. *Шишкина М.А.* Паблик рилейшнз в системе социального управления / М.А. Шишкина. – СПб: СПбГУ, 2003.
20. Энциклопедический социологический словарь / Общ. ред. Г.В.Осипова- М.: ИСПИ РАН, 1995.
21. PR: международная практика / Под ред. С. Блэка. – М.: Изд. дом «Довгань», 1997.
22. *Black S.* The essentials of public relations / S. Black. – London, 1993
23. *Drucker P.F.* The next informational revolution / P.F. Drucker. – «ASAP» – 1998. – Aug. 24. – p.24-33.
24. *Edelstein A.* Total propaganda. From mass culture to popular culture / A.Edelstein. – Mahway – London, 1997.
25. *Maitland I.* Perfect PR / I. Maitland. – London etc., 1999.
26. *Merton R.K.* The Sociology of Science: Theoretical and Empirical Investigations / Ed. by Norman W.Storer. / R.K. Merton. – Chicago: University of Chicago Press, 1973.
27. *Windabl S.* Using communication theory. An introduction to planned communication / S. Windahl, B. Signitzer. – London etc., 1992. ■

© 2007 г.

А.А.Маслов

Эффективные маркетинговые коммуникации в сети Интернета

Интернет-продвижение товаров и услуг является относительно новым средством маркетинговых коммуникаций и представляет собой конвергенцию традиционной рекламы и прямого маркетинга. Можно утверждать, что в последнее время данный вид продвижения приобретает все больше черт прямого маркетинга – в связи с развитием методик, позволяющих максимально сфокусироваться на целевой аудитории.

Помимо точной фокусировки (таргетинга), интернет как коммуникационная среда предоставляет компаниям следующие возможности:

- ◆ трэкинг – возможность анализа поведения посетителей рекламных площадок и соответствующей корректировки коммуникационных методов;

- ◆ гибкость (возможность оперативной инициации, смены формата и прекращения коммуникационных действий);

- ◆ полноценная обратная связь с целевыми аудиториями.

- ◆ возможность размещения большого количества полезной для покупателя информации (включая графику, звук, видео);

- ◆ оперативность распространения и получения информации;

- ◆ круглосуточный доступ к информации;

- ◆ возможность создания виртуальных сообществ представителей целевой аудитории.

Значительной частью пользователей интернета являются индивиды, которые способны наиболее быстро воспринимать информацию о товарах-новинках и впоследствии могут оказать влияние на других потребителей (инноваторы и новаторы). Также следует отметить, что использование интернет-коммуникаций является весьма эффективным для продвижения информационных товаров (программное обеспечение, электронные книги, базы данных), услуг (туристические услуги, финансовые услуги и т.д.) и технически сложных товаров (бытовая техника, автомобили и т.п.).

**ВЫБОР ИНСТРУМЕНТОВ И
СОСТАВЛЕНИЕ ПРОГРАММЫ
ПРОДВИЖЕНИЯ**

Данный вопрос является очень емким и требует наиболее подробного рассмотрения. Средства интернет-продвижения выбирают с учетом специфики компании и ее продуктов, ее целей и задач, а также преимуществ и недостатков каждого отдельного средства. Необходимым условием эффективного продвижения является наличие у компании собственного веб-сайта. Рассмотрим принципы создания веб-сайта, ориентированного на эффективные маркетинговые коммуникации.

Прежде всего необходимо подобрать хорошо запоминающийся домен (имя) сайта. Также необходимо выбрать надежного хостинг-провайдера, гарантирующего бесперебойный доступ к сайту. После размещения требуется постоянно обновлять и дополнять информацию, представленную на веб-сайте. Пользователи сети больше всего ценят информацию, поэтому содержание веб-сайта является одним из основных преимуществ, которые может получить фирма, если разместит на ней нужные пользователям сведения. Текстовая информация, помещенная на сайте должна удовлетворять требованиям поисковой оптимизации. Эту технологию мы подробно рассмотрим позже.

На веб-сайте можно представить разнообразные материалы: информацию о компании и ее продукции, каталог продуктов и

услуг, списки дилеров, адреса торговых представителей, справочные сведения, новости, сетевой магазин, раздел обратной связи, вакансии и т.д. Веб-сайт может содержать множество страниц. «Точкой входа» на сайт может быть любая из них (например, если посетитель перешел на сайт с поисковой системы), однако максимальное внимание необходимо уделить главной странице.

Существует ряд факторов, ограничивающих возможности оформления веб-сайта: пропускная способность канала передачи данных, стоимость трафика, возможности браузеров, настройки пользователей и др. Следовательно, необходимо искать компромисс между дизайнерской эстетикой и существующими ограничениями. В частности, не следует перегружать сайт графикой (снижается скорость загрузки страниц). Недопустимо выполнять навигационные элементы в виде рисунков без соответствующих подписей, отображающихся в режиме отключенной графики. Исследования показывают, что около 40-45% пользователей сети просматривают содержимое веб-сайтов в режиме без загрузки графики – с целью уменьшения трафика. Навигационное меню на всех страницах должно иметь одни и те же форму, цвет, размеры и месторасположение, что обеспечивает легкость перемещения по сайту.

Закончив создание веб-сайта, нужно оценить с точки зрения потенциальных посетителей: проверить сайт на совместимость с основными браузерами (включая

старые версии), убедиться в качественной компоновке страниц при различных разрешениях экрана.

Важнейшим инструментом интернет-продвижения является поисковая оптимизация сайта. Поисковая оптимизация – это комплекс мер, направленных на увеличение посещаемости сайта путем улучшения позиций сайта в результатах поиска в поисковых системах по запросам, релевантным содержанию сайта. Иными словами, поисковая оптимизация представляет собой такую технологию составления текстов веб-страниц и их верстки, основная цель которой – увеличить количество целевых посетителей сайта.

Первым шагом поисковой оптимизации является определение перечня ключевых фраз, под которые будут оптимизироваться страницы. На момент подготовки текстов на сайт набор ключевых слов уже должен быть известен. Для определения ключевых слов прежде всего следует воспользоваться сервисами, которые предлагают сами поисковые системы. Для англоязычных сайтов это www.wordtracker.com и inventory.overture.com. Для русскоязычных adstat.rambler.ru/wrds/, direct.yandex.ru и stat.go.mail.ru. При использовании этих сервисов нужно помнить, что их данные могут очень сильно отличаться от реальной картины. При использовании сервиса Яндекс Директ следует также помнить, что этот сервис показывает не ожидаемое число запросов, а ожидаемое

число показов рекламного объявления по заданной фразе. Поскольку посетители поисковой системы часто просматривают более одной страницы, то реальное число запросов обязательно меньше числа показов рекламы по тому же запросу. Поисковая система Google не дает информации о частоте запросов.

Следующим шагом поисковой оптимизации является верстка веб-страниц таким образом, чтобы для каждой из выделенных ключевых фраз была изготовлена отдельная страница, оптимизированная исключительно под эту фразу. Во-первых, это будет удобно как пользователю, ищущему информацию через поисковые системы, так и приведет к лучшему индексированию сайта. Кроме того, слишком большое количество ключевых слов на странице может быть воспринято поисковой системой как попытка манипулирования результатами поиска, и проект может быть исключен из индекса.

Все факторы, влияющие на положение сайта в выдаче поисковой системы, можно разбить на внешние и внутренние. Внутренние факторы ранжирования – это те, которые находятся под контролем владельца веб-сайта (текст, оформление и т.д.). Рассмотрим внешние факторы ранжирования.

Почти все факторы, влияющие на ранжирование, находятся под контролем автора страницы. Таким образом, для поисковой системы становится невозмож-

ным отличить действительно качественный документ, от страницы созданной специально под заданную поисковую фразу или даже страницы, сгенерированной роботом и вообще не несущей полезной информации. Поэтому одним из ключевых факторов при ранжировании страниц является анализ внешних ссылок на каждую оцениваемую страницу.

Алгоритмы ссылочного ранжирования поисковых систем основаны на предположении, что чем больше внешних ссылок имеется на сайт, тем больший интерес этот сайт представляет для посетителей. Если владельцы других сайтов в сети поставили ссылку на оцениваемый ресурс, значит, они считают этот ресурс достаточно качественным. Следуя этому критерию, поисковая система также может решить, какой вес придать тому или иному документу.

Существует два основных фактора, по которым страницы, имеющиеся в базе поисковика, будут отсортированы при выдаче. Это релевантность (то есть, насколько рассматриваемая страница связана с темой запроса – факторы, описанные ранее) и число и качество внешних ссылок. Последний фактор также получил названия *ссылочная цитируемость*, *ссылочная популярность* или *индекс цитирования*.

Важность ссылок (индекс цитируемости)

Легко увидеть, что простой подсчет числа внешних ссылок не дает поисковой системе достаточной информации для оценки сайта. Очевидно, что ссылка с сайта www.yahoo.com должна значить гораздо больше, чем ссылка с домашней страницы www.hostingcompany.com/~myhomepage.html, поэтому пои-

сковые системы учитывают важность ссылок.

Для оценки числа и качества внешних ссылок на сайт поисковые системы вводят понятие *индекса цитирования*. Индекс цитирования или ИЦ – это общее обозначение численных показателей, оценивающих популярность того или иного ресурса, то есть некоторое абсолютное значение важности страницы. Каждая поисковая система использует свои алгоритмы для подсчета собственного индекса цитирования, как правило, эти значения нигде не публикуются

Ссылочный текст

Большое значение при ранжировании результатов поиска придается тексту внешних ссылок на сайт. Если текст ссылки содержит нужные ключевые слова, то поисковая система воспринимает это как дополнительную и очень важную рекомендацию, подтверждение того, что сайт действительно содержит ценную информацию, соответствующую теме поискового запроса.

Релевантность ссылающихся страниц

Кроме ссылочного текста учитывается также общее информационное содержимое ссылающейся страницы.

Для поднятия индекса цитирования сайта целесообразно осуществлять его регистрацию в каталогах и рейтингах, а также производить обмен ссылками с ресурсами сходной тематики. Эти действия лучше всего разбить на стадии. На первой стадии – реги-

страция в максимальном количестве каталогов и рейтингов. Затем – обмен ссылками.

БАННЕРНАЯ РЕКЛАМА

Баннер представляет собой прямоугольное графическое изображение. Баннер помещается на рекламной площадке и имеет гиперссылку на рекламируемую страницу. Одной из самых важных характеристик баннера является отношение числа кликов на баннер к числу его показов – CTR («click/through ratio»).

Для баннерной рекламы хорошо работает формула AIDA (attention, interest, desire, action), известная в традиционной рекламе¹. Формула представляет собой последовательность задач, которые стоят перед рекламным обращением:

- ◆ *attention* – привлечение внимания к рекламному обращению.
- ◆ *interest* – вызов интереса к предмету рекламы.
- ◆ *desire* – стимуляция желания воспользоваться рекламируемым предложением;
- ◆ *action* – действие. В большинстве случаев щелчок мышкой и переход на сайт рекламодателя, все последующие действия (включая участие, покупку и т.д.).

Рассмотрим основные факторы, которые следует учитывать при формировании плана размещения баннерной рекламы.

¹ Ромат Е.В. Реклама. СПб.: Питер, 2002.

Прежде всего, необходимо выбрать сайты или системы, охватывающие целевую аудиторию компании.

Ориентировочно оценить аудиторию того или иного ресурса можно при помощи нескольких методов. Во-первых, это можно сделать по такому признаку, как тематика. Во-вторых, для получения более точного и подробного демографического портрета аудитории можно воспользоваться такими методами, как проведение опросов или использование данных исследовательских компаний.

От размера аудитории сайтов, включенных в рекламную кампанию, зависит, какой охват будет у кампании по продвижению, какое количество пользователей увидит рекламу. При этом следует понимать, что общая аудитория будет несколько меньше, чем при простом суммировании аудитории каждого из сайтов, что вызвано так называемой «пересекаемостью аудиторий» – часть пользователей одного сайта посещает и другие сайты из заданной выборки.

Важным является и определение количества средств, которое следует вложить в каждое из рекламных направлений. Оптимальным будет такое количество показов рекламы и времени ее размещения, когда обращение достигает значительной доли целевой аудитории ресурса, при этом количество воздействий в среднем на каждого пользователя будет соответствовать оптимальному.

Одним из важнейших факторов является стоимость одного кон-

такта рекламы с аудиторией. Как правило, сайты с четко сегментированной аудиторией имеют более высокую стоимость, чем ресурсы, направленные на всех пользователей Сети. В связи с этим имеет смысл не только ограничиваться подборкой сайтов по строго заданным тематикам, но и использовать в кампании по продвижению ресурсы, «работающие на широкий охват». В любом случае важной является стоимость охвата именно целевого сегмента.

Обычно на одном и том же сайте существует сразу несколько схем воздействия на аудиторию. Это может быть статичное размещение баннера на главной странице, показ рекламы случайным образом на всех страницах сайта, контекстный показ рекламы по заданному списку ключевых слов поиска (при наличии на сайте поисковой системы).

Каждая из этих возможностей представляет собой схему размещения рекламы на сайте. Правильный выбор схемы должен позволить найти оптимальное соотношение между эффективным воздействием на всю аудиторию ресурса, охватом максимальной доли целевой аудитории, представленной на сайте, и обеспечением необходимой частоты воздействия в пересчете на одного пользователя.

От места размещения рекламы зависит, насколько она заметна, насколько она привлекает внимание пользователей, а также как она ими воспринимается. В число возможных вариантов размеще-

ния рекламы обычно входят размещение вверху, внизу или посередине страницы. Согласно исследованиям, проведенным сайтом www.webreference.com, баннер, расположенный ниже на 1/3 от верха экрана, дает CTR на 70 % больше, чем баннер, расположенный в самом верху.

Если говорить о размере, то очевидно – чем больше размер рекламного носителя, тем более он заметен, тем больше у него отклик и эффективность. Так что при прочих равных условиях следует отдавать предпочтение площадкам, позволяющим показывать рекламу большего размера. Другим плюсом является баннер общепринятых размеров. В этом случае один и тот же баннер можно использовать для размещения на нескольких сайтах.

Важным фактором является возможность в ходе кампании по продвижению оперативно менять как можно большее количество параметров для каждого из рекламных направлений. Как минимум это замена баннеров. При некоторых схемах размещения можно менять интенсивность показов и т. д. Ряд систем до сих пор использует полуавтоматические системы ротации рекламы, где любые изменения возможны только через администратора сервера. С одной стороны, это дополнительная возможность контроля для издателей – рекламодатель, скажем, не может

самостоятельно разместить баннеры, содержание которых неприемлемо. С другой стороны, теряется оперативность, столь важная для интернета. Также не следует недооценивать и необходимость оперативного получения статистики по ходу рекламы на том либо ином сайте.

КОНТЕКСТНАЯ РЕКЛАМА

Следует рассмотреть такой набирающий обороты инструмент продвижения, как контекстная реклама, эксплуатирующая все возможности таргетинга. В этом случае рекламодатель «покупает» в поисковой системе определенные ключевые слова. Например, туристическая фирма может купить фразы «туры Франция», «отели Парижа» и т.д. При осуществлении поиска, запрос которого содержит ключевую фразу, пользователь, помимо ссылок на страницы, увидит соответствующий баннер или текстовый блок рекламодателя. Отклик, как показывает практика, увеличивается в 2-3 раза по сравнению с неконтекстными показами.

Контекстная реклама приобретает все большую популярность в мировом масштабе. Так, признанный лидер этого сегмента рекламного рынка, компания Overture была куплена в 2003 году компанией Yahoo! за \$1,63 млрд.²

² Yahoo! покупает разработчика платных поисковых систем Overture за \$1,63 млрд. // http://webrating.ru/promo/promo_news_arch?NEWS_ID=6744, 16.07.2003.

Наиболее эффективной системой контекстной рекламы в российском интернете в настоящее время является сервис Яндекс.Директ. Директ – это текстовая реклама, которая показывается по ключевым словам на поиске Яндекса. Заказчик платит не за показы объявлений, а за реальных посетителей сайта.

Яндекс.Директ – это один из способов размещения поисковой и контекстной (показываемой в каталоге Яндекса) рекламы, который имеет три особенности:

- ◆ формат рекламы – текстовые объявления

- ◆ оплата – по кликам (а не за показы объявления)

- ◆ возможность самостоятельно устанавливать цену

Яндекс.Директ – это прежде всего поисковая контекстная реклама. Объявление показывается в зависимости от непосредственного поискового запроса пользователя, то есть от лично им выраженного интереса. По сравнению, например, с просто контекстной рекламой, размещаемой на веб-страницах, соответствующих ей по теме, поисковая реклама имеет более высокий CTR, и, что даже важнее – более высокий conversion rate, то есть превращение посетителей сайта, приведенных

рекламой, в реальных покупателей продуктов и услуг. То есть поисковая реклама – наиболее целевой вид рекламы, показываемой пользователям в момент их максимальной заинтересованности.

Итак, мы рассмотрели особенности разработки кампании по продвижению товаров (услуг) в сети интернет и проанализировали специфику различных инструментов интернет-продвижения.

В целом компания, собирающаяся осуществлять маркетинговые коммуникации в интернете, первоначально должна сформулировать цели коммуникаций, четко выявить, на какую аудиторию ей лучше ориентироваться, какие средства интернет-продвижения выбрать. Также весьма желательно провести процесс тестирования, во время которого можно измерить CTR, трафик и другие параметры, необходимые для планирования. Эксперты рекомендуют выделять на тестирование 2% бюджета продвижения. И только после этого можно приступить к детальному планированию и реализации кампании: самостоятельно – при наличии квалифицированных специалистов в штате, или через специализированное агентство. ■

© 2007 г.

А.И.Сушко

Социология Интернета как новая отрасль междисциплинарных исследований

Социология, как и любая другая быстро развивающаяся наука, постоянно пополняется новыми тематическими ареалами, кластерами эмпирических исследований и отраслевыми направлениями.

К новым направлениям в мировой социологии ныне относятся следующие: гендерная социология, инвайронментальная социология, визуальная социология, киберсоциология, социология информатизации¹, социология компьютеризации и программирования, социология информатики, когнитивная социология, социология постмодерна (постмодернистская социология), социология риска, социология глобализации. Наиболее активно новые отрасли социологии формируются за рубе-

жом, прежде всего в США и Западной Европе.

В последнее десятилетие активно формируется новая область научных исследований, получившая у разных авторов разное название: социологии Интернета, компьютерная социология, киберсоциология, виртуальная социология. В одном случае речь идет об одной и той же дисциплине под разными маркерами, в других – о совершенно разных дисциплинах, имеющих вполне самостоятельное поле научного поиска и концептуальные средства осмысления.

В сфере компьютерной социологии (computational sociology) опубликовано множество монографий², регулярно выходят в свет специализированные журналы Journal of Artificial Societies and

¹ Соколова И.В. Структура и функции социологии информатизации как новой специальной социологической теории // Информационное общество, 1999, вып. 5, С. 30-33.

² Например, см.: Simulating Societies: The Computer Simulation of Social Phenomena / editors N. Gilbert, J. Doran, London: UCL Press, 1994; Artificial Societies: The Computer Simulation of Social Life / editors N. Gilbert, R. Conte. London: UCL Press, 1995; Simulating Social Phenomena // editors R. Conte, R. Hegselmann., Berlin.: Springer-Verlag, 1997; Gilbert N., Troitzsch K. Simulation for the Social Scientist. Buckingham, UK: Open Univ Press. 1999.

Social Simulation, Social Science Computer Review, действуют международные ассоциации Social Science Computing Association (SSCA), European Social Simulation Association (ESSA), проводятся конференции, посвященные компьютерной социологии³, во многих зарубежных университетах, например, Гарварда (США), Массачусетса (США), Мичигана (США), Риверсайда (США), Карнеги Мелоуна (США), Айовы (США), Пенсильвании (США), Оксфорда (Великобритания), Манчестера (Великобритания), Суррея (Великобритания), Гумбольта (Германия), Гамбурга (Германия), Рима (Италия), Цюриха (Швейцария), Гронингена (Нидерланды), Порто (Португалия) на кафедрах социологии, social computer science (социальной компьютерной науки), computer science (компьютерной науки) существует спецкурс или специализация – компьютерная социология⁴.

Компьютерная социология, как считает А.А.Давыдов, который провел специальный анализ состояния и уровня развития этой дисциплины за рубежом⁵, была создана для разработки и проверки социологических теорий, измерения различных социальных

явлений, выявления принципов, законов и закономерностей строения и функционирования различных социальных явлений, процессов, социальных систем, прогнозирования социальных явлений и процессов, разработки рекомендаций по управлению различными социальными явлениями, процессами, социальными системами с использованием компьютерных моделей, предназначенных для проведения computer simulation (имитационного компьютерного моделирования)⁶.

Отметим, что в нашей стране термин «компьютерная социология» чаще всего воспринимается как указание на лабораторию, которая проводит эмпирические исследования с использованием компьютера. Об этом свидетельствуют фразы, которые нередко можно встретить в Интернете, например: «Я назначен старшим инженером лаборатории компьютерной социологии в Московском военном округе». Еще один пример: область научных интересов профессора МГУ Ф.Б.Городисского – информатизация социологии с использованием ЭВМ, он развил общую теорию кибернетики, разработал структуру современной информатики и компьютерной социологии и их практи-

³ Workshop on Computational Sociology 13 – 15 February 1998. TU Hamburg-Harburg (Germany), 1998.

⁴ См.: Давыдов А.А. Компьютерная социология: обзор зарубежного опыта // Социс, 2005. № 1. с. 131-138.

⁵ См.: Давыдов А.А. Компьютерная социология: обзор зарубежного опыта // Социс, 2005. № 1. с. 131-138.

⁶ Hummon N.P., Fararo T.J. The Emergence of Computational Sociology // The Journal of Mathematical Sociology, 1995, V.20, № 2-3, P. 79-89.

ческого выхода в виде построения (САС) и сетей автоматизированных рабочих мест социологов (АРМС).

Другой вариант восприятия этого термина, по нашим наблюдениям и изучению материалов Интернета, заключается в том, что под компьютерной социологией понимают изучение молодежной аудитории, пользующейся компьютером, в том числе многочисленные сообщества данной направленности.

По мнению Н.Хаммона и Т.Фараро, компьютерная социология располагается «между» теоретической и эмпирической социологией⁷, являясь при этом, полагают другие исследователи, разделом

Social Computer Science (социальной компьютерной науки), которая, в свою очередь, является разделом Computer Science (компьютерной науки)⁸. Теоретическим базисом компьютерной социологии являются классические и современные социологические теории, компьютерные социологические теории, теории математической социологии, достижения Computer Science (компьютерной науки) и ее раздела Social Computer Science (социальной компьютерной науки), Neurocomputer Science (нейрокомпьютерной науки), Systems Science (науки о системах или системологии), Cognitive Science (науки о знаниях) и других современных

⁷ Hummon N.P., Fararo T.J. The Emergence of Computational Sociology // The Journal of Mathematical Sociology, 1995, V.20, № 2-3, P. 79-89.

⁸ Gilbert N., Troitzsch K. Simulation for the Social Scientist. Buckingham, UK: Open Univ Press. 1999.

дисциплин, в частности, в компьютерной социологии используются общая теория систем, теории мир-системы, регионов, организаций, городов, теории игр, самоорганизации, фракталов, детерминированного хаоса, сложности, когнитивных систем и др.⁹. Основным методом описания, анализа, объяснения и прогнозирования в компьютерной социологии является computer simulation (имитационное компьютерное моделирование), которое, по заключению А.А.Давыдова, рассматривается как теоретический эксперимент, позволяющий получить новое знание.

Согласно нашим исследованиям, компьютерная социология нацелена на информационно-аналитическое изучение социальных комплексов, под которыми понимают социальные системы, в которых микро- и макроуровни не связаны обычными линейными отношениями, а для адекватного их описания применяется специальный компьютерно-социологический словарь. По мнению диссертанта, основная методологическая трудность применения на практике подобного подхода заключается в том, что построенные на компьютере социальные модели, употребляющие переменные макро- и микроуровней, очень сложно верифицировать и валидизировать. В эксперименте их проверить невозможно,

поскольку они охватывают массовые процессы, например, распространение эпидемиологических заболеваний или поведение толпы, а эмпирические исследования не дадут надежной информации.

Эта новая отрасль социологии использует достижения современных информационных технологий, прежде всего компьютерных, для эмпирического исследования социальных явлений, а теоретические подходы, концепции, методологи, созданные в социологической науке, для их анализа. Весьма успешно здесь применяются современные математические средства анализа и построения, в частности математическое моделирование, компьютерное моделирование для изучения социальных явлений. Данное направление получило название социальной симуляции (Social simulation), т.е. имитации реальных социальных событий и социальной динамики при помощи программных средств. При этом выделяются четыре типа социальной симуляции: системный уровень симуляции (system level simulation), агентский уровень симуляции (agent based simulation), системный уровень моделирования (system level modeling), агентский уровень моделирования (agent based modeling)¹⁰.

В области социальной стимуляции как одного из центральных

⁹ См.: Давыдов А.А. Компьютерная социология: обзор зарубежного опыта // Социс, 2005. №№ 1. с. 131-138.

¹⁰ См.: Types of Simulation and Modeling (http://en.wikipedia.org/wiki/Social_simulation)

направлений компьютерной социологии активно функционируют ныне такие исследовательские проекты, как Network Models Governance and R&D collaboration networks (N.E.M.O), Agent based simulations of Market and Consumer Behavior, New and Emergent World Models Through Individual, Evolutionary and Social Learning (New Ties). Здесь широко применяются такие компьютерные технологии (программные пакеты и языки), как JADE (FIPA compliant), Zeus, AgentSheets, ACT-RBOT, MIMOSE, NetLogo, Swarm, RePast, MASON, SDML, Simpack, Simplex 3, Multi-agent systems, MAGSY, Cormas, MadKit, Stella, Powersim¹¹. Наибольшую известность приобрели работы таких исследовательских организаций, центров, групп и проектов, как The System Dynamics Society¹², Institute of Robotics and System Dynamics¹³, London Business School System Dynamics Group¹⁴, Cambridge Microsimulation Unit¹⁵,

Cornell Microsimulation¹⁶, The National Centre for Social and Economic Modelling, Canberra, Australia¹⁷, EUROMOD¹⁸, Institute of Fiscal Studies in London¹⁹, Statistics Canada Microsimulation Models²⁰, Dynamic Microsimulation of Elders' Health and Well-Being (Center for Demography and Economics of Aging at Syracuse University)²¹, ASPEN: MP Microsimulation Model of the United States

¹¹ Краткую характеристику и Интернет-адреса программ см.: Simulation for the Social Scientist (links) <http://cress.soc.surrey.ac.uk/s4ss/links.html>.

¹² Веб-адрес: <http://www.albany.edu/cpr/sds/> or <http://www.systemdynamics.org>

¹³ Веб-адрес: http://www.op.dlr.de/FF-DR/ff_dr_homepage_engl.html

¹⁴ Веб-адрес: <http://www.lbs.ac.uk/sysdyn/>

¹⁵ Веб-адрес: <http://www.econ.cam.ac.uk/dae/mu/microsim.htm>

¹⁶ Веб-адрес: <http://www.strategicforecasting.com/corsim/>

¹⁷ Веб-адрес: <http://www.natsem.canberra.edu.au/index.html>

¹⁸ Веб-адрес: <http://www.econ.cam.ac.uk/dae/mu/emod.htm>

¹⁹ Веб-адрес: <http://www.ifs.org.uk/>

²⁰ Веб-адрес: <http://www.statcan.ca/english/spsd/>

²¹ Веб-адрес: <http://www-cpr.maxwell.syr.edu/microsim/microlst.htm>

Economy²², Program for Improved Vehicle Demand Forecasting Models²³ и др.

В последнее время в компьютерной социологии произошел переход от моделей «факторов», основанных на принципе социологического реализма и парадигме Equation-Based Modeling, включающей разнообразные математические численные модели, например, системы дифференциальных уравнений, описывающих взаимодействие между социальными явлениями (факторами), к парадигме Multi-Agent-Based Simulation²⁴, модели которой базируются на принципе социологического номинализма и локальной детерминации, а также следующих постулатах. Artificial Society (искусственное общество) является multiagent systems (MAS)²⁵.

В настоящее время сложно говорить о четком выделении ее предметных границ, определении методологического статуса и

концептуальной классификации парадигмальных подходов. Теоретический корпус знаний в новой исследовательской области еще не устоялся, а постоянно пополняющийся свод эмпирических исследований не позволяет четко отграничить ее от других, более традиционных, отраслей социологии. Тем не менее, опираясь на имеющийся фактологический материал, можно отметить некоторые, наиболее важные, тенденции и особенности развития социологии интернета.

Социологии Интернета, или социологии Интернет, стала признанным научным направлением благодаря работам Б.Уэлмана и его школы²⁶. В теоретико-методологическом отношении социология интернета, по мнению А.А.Петровой²⁷, как любое новое направление социального знания, формируется в «разграничении полномочий» между уже сложившимися научными дисциплинами.

²² Веб-адрес: http://www.cs.sandia.gov/tech_reports/rjpryor/Aspen.html

²³ Веб-адрес: <http://128.200.36.2/its/research/fuel.html>

²⁴ См.: *Minar N., Burkhart R., Langton C., Askenazi M.* The Swarm Simulation System: A Toolkit for Building Multi-Agent Simulations. Santa Fe Institute, 1996. (<http://www.santafe.edu/projects/swarm>); *Axelrod R.* The Complexity of Cooperation: Agent-based Models of Competition and Collaboration. Princeton.: Princeton University Press, 1998; *Ferber J.* Multi-Agent Systems: Towards a Collective Intelligence. Reading, MA: Addison-Wesley, 1998; *Tessier C., Chaudron L., Muller H.* Conflicting agents. Conflict Management in Multi-Agent Systems. N.Y.: Kluwer Academic Publishers, 2000; *Multi-Agent-Based Simulation/* editors S. Moss., P. Davidsson, Berlin: Springer-Verlag, 2001; *Moss S., Sawyer, R. K., Conte, R., Edmonds B.* Sociology and social theory in agent based social simulation: A symposium// *Computational and Mathematical Organization Theory*, 2001, Vd7№№3, С.183-205.

²⁵ См.: *Давыдов А.А.* Компьютерная социология: обзор зарубежного опыта // *Социс*, 2005№№1. с. 131-138.

²⁶ *Wellman B., Salaff J., Dimitrova D., Carton L., et al.* Computer networks as social networks: Collaborative work, telework, and virtual community // *Annual review of sociology*. Vol. 20. Palo Alto: Annual Review Co., 1996. P. 213-238.

²⁷ *Петрова А.А.* Дисциплинарный дискурс социологии интернета // *Социологический журнал*, 2003. № №4.

Изучение виртуальных коммуникаций связано с вполне традиционной тематической областью: организация знания, конструирование идентичностей, формирование социальных групп и т.д. Но в данном случае вся эта проблематика исследуется с учетом социальных последствий, которые может иметь использование современных информационных технологий.

В последнее время все чаще стали проводиться научные конференции, симпозиумы и семинары, посвященные взаимодействию Интернета, новых информационных технологий и социологии. В частности, с 15.11.04 по 18.02.05 проходила Интернет-конференция «Социология и Интернет: перспективные направления исследования», где обсуждались такие проблемы, как количественные характеристики мировой и российской сети, понятия аудитории Интернета, пользователя Интернета, методы изучения и инструментарий; свойства мировой и российской аудиторий Интернета; практика изучения аудитории Интернета в России, исследовательские центры и компании, применяемые ими методы изучения, обоснованность методов, проблемы сопоставимости и открытости результатов; аудитория сайта, способы сбора и анализа информации по аудитории ресурса (методики и инструментарий) и др. На этой конференции Е.Б.Галицкий,

П.А.Воронин и Б.З.Докторов анализировали особенности профессиональные исследования Интернет-аудитории на панели. Выяснилось, что размеры активно используемых Интернет-панелей очень велики. Так, панель Harris Interactive – одной из наиболее авторитетных фирм, интенсивно проводящих Интернет-опросы, насчитывала весной 2002 г. 7 млн. пользователей Интернета. Исследования этой фирмы проводятся на 30 языках в 87 странах, включая Россию. Технология этой фирмы позволяет за один час разослать по электронной почте более 290 тыс. хорошо оформленных строго индивидуализированных приглашений к опросу, за пять минут система получает и обрабатывает ответы 144 тыс. респондентов. К июлю 2000 г. число заказчиков фирмы – Интернет-компаний, фармацевтических, рекламных, финансовых и других компаний – достигло 363. Другая фирма – InterSurvey – реализовала еще более совершенную методику опроса, соединяющую потенциал Интернет-опросов со статистической надежностью случайной выборки. Технология InterSurvey столь оперативна, что 70% опросов завершается в течение двух суток после получения заказа, тогда как подготовка и проведение опроса традиционными методами занимает несколько недель или даже месяцев²⁸.

²⁸ Подробнее см.: Галицкий Е.Б. Современное состояние технологии Интернет-опросов (<http://ecsocman.edu.ru/db/msg/183485.html>); Докторов Б.З. Онлайн-опросы: обыденность наступившего столетия // Телескоп: наблюдения за повседневной жизнью петербуржцев. 2000. №4. С. 16-31.

Основываясь на сравнительном анализе различных социологических исследований и сопоставлении данных о расширении количества пользователей Интернета и интенсивности использования интернет-технологий, А.В.Чугунов в своей монографии²⁹ предлагает собственную периодизацию этого процесса. Первый этап (1991-1994 гг.) получил название «подготовительного», так как в это время Интернет использовался практически исключительно в научных целях и был доступен ограниченному кругу лиц. Во время второго этапа развития Интернета в России (1994-2000 гг.) произошло создание инфраструктуры глобальной сети в нашей стране. В это время интернет-технологии начали использоваться, в том числе, и для реализации политических целей. На третьем этапе (2000-2002 гг.) выявился ряд противоречивых процессов. С одной стороны, кризис и падение интереса к Интернету, а с другой – интенсивное проникновение новых технологий в регионы. И, наконец, начиная с 2003 г., когда «доля пользователей Интернета превысила 10% взрослого населения страны»³⁰, стартовал «современный» этап, характеризующийся интенсивным коммерческим и коммуникационным использованием возможностей глобальной сети.

Целый ряд исследований Рунета изучает популярность отдельных тематических категорий сайтов (см., например, П.Залесский: «Интернет-аудитория, штрихи к портрету», Monitoring.ru: Пользователи сети предпочитают новости и общение, СтранаRu: Типы интересов интернет-пользователей). При этом зачастую рассматривается вся аудитория Рунета, без деления по географическим, возрастным, половым, профессиональным признакам.

Социология интернета – молодое направление в развитии современной науки – предпринимает социальный анализ формирующейся информационной среды в обществе. Предмет ее изучения, по мнению Е.В.Клевцова, это аудитория Интернета и формы социокультурного взаимодействия между людьми при обмене социальной информацией. В целом, социологическая интерпретация информационной технологии предполагает, что речь идет об ожидаемых социальных, политических, психологических эффектах, в первую очередь, об изменении систем ценностей и приоритетов социального развития³¹. В разработанной Д.О.Стребковым программе учебного курса «Социология Интернета»³² выделяются тематические разделы,

²⁹ Чугунов А. В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006.

³⁰ Чугунов А. В. Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. с.5.

³¹ Клевцова Е.В. Диалектика ценностей и потребностей в информационно обществе (<http://www.promgups.ru/publisher/txt1/more.php?more=16>)

³² Стребков Д.О. Социология Интернета // Экономическая социология (электронный журнал). 2005. Том 6. №2. С. 100-115.

которые, подобно твердому остову, способны структурировать предметную область данного направления как учебной дисциплины, а именно: Информационное общество: основные теоретические концепции; Прошлое и будущее Интернета; Киберпространство как особая социальная, психологическая и культурная среда; Социально-психологические аспекты поведения индивида в киберпространстве; Взаимодействия индивидов в киберпространстве; Интернет как средство массовой коммуникации; Новая экономика – экономика, основанная на знаниях; «Виртуальная» экономика и финансовое поведение в Интернете; Интернет как исследовательский инструмент.

Одним из центральных направлений в сфере социологии Интернета следует считать так называемую киберсоциологию³³, получившую развитие за рубежом еще в 1990-е годы, а в России – в 2000-е годы.

Киберсоциология – междисциплинарная отрасль знания, использующая технологии веб-дизайна и имеющая целью критический анализ проблем, связанных с интернетом, киберпространством,

киберкультурой и жизнью интернет-сообщества. Другие названия данной отрасли – Интернет-социология, web-социология, виртуальная социология. Так, в Норвегии, в Университете Осло развивают *web-социологию* [<http://www.uio.no/iroggen>], в США, в Университете Бредли [<http://lydia.bradley.edu/las/soc/syl/391>] – *социологию киберпространства*; в Аргентине, в Университете Буэнос-Айреса – *гиперсоциологию* [<http://www.anisce.net.ar/infoysoc>]. Социология киберпространства представлена такими темами, как виртуальные сообщества, гипертекстовая революция, постмодернизм и киберпространство, физика и метафизика киберпространства, женщины в киберпространстве, секс и эротизм в киберпространстве, виртуальная субъективность и фрагментация личности,

компьютеры и будущее частной жизни, киберкапитализм и др.³⁴ В США первый социологический опрос пользователей Интернета был проведен в январе 1994 г.³⁵

³³ Подробнее о формировании киберсоциологии см.: *Добреньков В.И., Кравченко А.И.* Фундаментальная социология. В 15 томах. Т. 1. Теория и методология – М.: ИНФРА-М, 2003, с.406-412.

³⁴ *Соколова И.В.* Структура и функции социологии информатизации как новой специальной социологической теории // Информационное общество, 1999, вып. №5, С. 30-33.

³⁵ *Чугунов А. В.* Российская интернет-аудитория в зеркале социологии. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. с.22.

Сегодня это активно развивающаяся (главным образом за рубежом) дисциплина, в рамках которой функционируют международные симпозиумы и семинары, подготавливаются специалисты, созданы многочисленные учебные курсы, кафедры, исследовательские центры, издаются журналы, монографии, учебная литература.

Так, международный электронный журнал (e-zine) «Cyber-sociology Magazine» служит для социальных ученых форумом для изучения киберпространства и виртуальных сообществ. Его авторы – профессиональные исследователи и выпускники гуманитарных вузов. В номерах за 1997-2005 гг. публиковались статьи, посвященные этнографическому подходу к исследованию киберсекса и киберэротизма (Robin Hamman), драматургии И. Гоффмана и он-лайн отношениям (Nikki Sannicolos), исследованиям киберкультуры (Sandy Stone), сообществу киберигроков (Mary Anne Breeze), социологическому анализу киберпанков (Markus Wiemker), нет-идеологии: от киберлиберализма к киберреализму (Francisco Millarch), чат-общению и письменному творчеству в интернете (Sue Thomas), киберкафе в Латинской Америке (Madanmohan Rao), глобальной культуре солидарности (Peter Waterman), высокие технологии и интернет (Richard Barbrook), интернет и цензура (Drazen Pantic), создание фильмов о киборгах (Rachel Armstrong), методология исследования он-лайн (Bella

Dicks), цифровой этнографии (- Bruce Mason), реальности виртуального тела (Kerrie Smyres), онлайн религии, техноспиритуализму и др. Авторами журнальных статей – социологи из США, Англии, Бразилии, Германии, Индии, Австралии, Нидерландов, Индонезии и т.д. Большой вклад в развитие данной отрасли внесли книги Шерри Текля (Sherry Turkle), в частности «Жизнь на экране: идентичность в эпоху Интернета».

Феномен киберпространства – важная исследовательская задача и глобальная тема дискурса для социологов XXI в. Появление и развитие компьютерного мира они расценивают как социальный механизм перехода от модерна к постмодерну – информационному обществу, обществу интеллектуального капитала, «многоопционному» обществу и др. Ожидается, что грядущая общественная формация будет принципиально отличаться от современного индустриального общества. Компьютер создает принципиально новые формы социальной интеракции, которые не были описаны и изучены родоначальниками одноименного социологического направления в первой четверти XX в. это предстоит сделать уже их внукам. «В обобщенном виде социологическая модель развития техники «виртуальности» выстраивается от калькулятора через мультимедийные средства, сетевые соединения к технологиям виртуальной реальности, нейроинформатике и искусствен-

ному мозгу. Компьютеризация и появление виртуального пространства стали важным аспектом дебатов в социологии»³⁶.

По мнению А.А.Петровой³⁷, в западных социологических исследованиях киберпространство онтологизируется как пространство *suí generis*, отделенное от реального мира. При таком понимании любую деятельность, связанную с виртуальными коммуникациями, можно трактовать как уход, или бегство, от реальности, что делает возможной аналогию с любым вариантом эскапистского поведения: в таком дискурсе можно проблематизировать, например, интернет-аддикцию.

По мнению А.Крушанова³⁸, сегодня уже не обойтись без специального формирования особого раздела социологии – социологии высоких технологий. Ее задачей должно стать специальное отслеживание признаков вызревания и тенденций развития и внедрения новых мощных технологий, способных принципиально повлиять на характер существования и развития социумов. В рамках этого направления социологии, полагает А.Крушанов, социологические исследования

должно концентрироваться на изучении трех видов задач:

- Влияние высоких технологий на функционирование и развитие социумов и отдельных людей.
- Использование высоких технологий в социологии – в качестве основы для решения чисто исследовательских задач (это и обработка информации, и опросы населения, маркетинг, моделирование социальных процессов и т.п.).
- Изучение возможностей для социологического анализа таких новых и высокотехнологичных проектов, как, скажем, создание изолированных от атмосферы экосистем (проект «Биосфера») подобий дальних космических обитаемых аппаратов с маленькими специфическими сообществами людей.

К сожалению, пока еще Интернет развивается и используется стихийно и без стратегических ориентиров. Об этом говорят специалисты-компьютерщики, указывающие на засорение коммуникационных сетей расплывчатой терминологией и псевдолитературным языком.

На формирование социологического дискурса об интернете оказывают глобалистские метафоры и понятия, утверждает А.А.Петрова³⁹. Одну из наиболее

³⁶ Романовский Н.В. Интерфейсы социологии и киберпространства // <http://www.alexey-lao.narod.ru/archives/interface.htm>

³⁷ Петрова А.А. Дисциплинарный дискурс социологии интернета // Социологический журнал, 2003. № № 4.

³⁸ Крушанов А. Век XXI – эпоха «High Tech» социологии // <http://futura.ru/index.php3?idart=52>

³⁹ Петрова А.А. Дисциплинарный дискурс социологии интернета // Социологический журнал, 2003. № № 4.

распространенных метафор в описании виртуальных коммуникаций – «информационная суперавтострада» – ввел в оборот Альберт Гор. Эта метафора конкурирует с многими другими неологизмами, подчеркивающими различные аспекты сетевых технологий («киберпространство», «сеть», «онлайн» и «паутина»), и с макро-социологическими образами прошлых десятилетий: «глобальная деревня» М.Маклюэна (1964), «эра информации» Т. Хелви (1972), «информационная революция» Д.Ламбертона (1974), «сетевая нация» С.Хилтца и М.Туроффа

(1978), «информационное общество» Дж. Мартина и Д.Батлера (1981). Важный элемент дискурса – ссылки на художественную литературу, особенно в топиках, связанных с различием письменное/устное. Цитируются современные литературные экспериментаторы (А.Роб-Грийе, М.Сапорт, М.Павич и Х.Кортасар); литературоведы, переключившие внимание с автора на читателя (Р.Барт, В.Изер и У.Эко); модернисты Дж.Джойс, В.Вульф и У.Фолкнер; нарративная эксцентрика Ф.Рабле, М.Сервантеса и Л.Штерна. ■

ДИСКУССИЯ

Мы давно ждали повода открыть новую рубрику, посвященную злободневным проблемам. Таким, которые никого не оставляют равнодушными. Вымученных и скучным спорам ни о чем как-то не хотелось. И вот это случилось.

Когда в редакцию журнала пришла статья проф. В.П.Гончарова, мы, как это и положено, направили ее на рецензирование. На сей раз рецензентами выступили ученые кафедры социологии семьи социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова. Долгое время не было никакого ответа, а автор, между тем, не переставал звонить в редакцию, интересуясь судьбой своего произведения, наконец, спустя полгода пришел отклик проф. А.И.Антонова – известного всей стране специалиста в области семейной политики и демографии. Ожидания были не напрасными – получилась интересная контрстатья.

Итак, на интеллектуальном ринге сегодня схлестнулись противоположные точки зрения. Кто из авторов прав – судить читателю. Возможно, материалы рубрики не оставят его равнодушным, и кто-то захочет высказаться. Милости просим. Редакция же намеренно воздерживается от всяких комментариев, выполняя свою непосредственную функцию – готовит материалы к публикации: проверяет факты, исправляет грамматические ошибки и опечатки, слегка редактирует стиль, а в основном оставляет все как есть. И это правильно: в нашем журнале авторы говорят от первого лица, а не в литературной передаче редактора.

© 2007 г.

В.П.Гончаров

Взаимосвязь биологического и социального в решении демографической проблемы

В последнее время не проходит порой и дня, чтобы кто-то из правительственных чиновников или депутатов Государственной думы ни призывал население страны к увеличению рождаемости. Демографической проблеме значительное место было отведено в послании президента В.В.Путина Федеральному Собранию 10 мая 2006 г. Не обошел он ее и в своем последнем послании Федеральному собранию от 26 апреля 2007 г. (см. «Российская газета» 2007 г., 27 апреля). Этой проблеме посвящены многие теле- и радиопередачи, страницы самых разных газет и журналов. Видные ученые, общественные и политические деятели выступают с анализом ситуации, ее причин и способов разрешения. Все отмечают, что в стране сложилась непростая демографическая обстановка, когда ежегодно умирает на 800-900 тысяч людей больше, чем рождается. Только с 2001 по 2006 г. население страны сократилось примерно на пять миллионов. Если такие

темпы сохранятся и дальше, то к 2050 г. страна потеряет треть своего населения. А это, как подчеркивается, чревато серьезной нехваткой рабочих рук в производстве, слабой заселенностью огромной территории и ростом appetitов на нее со стороны соседей, снижением обороноспособности страны, когда защищать Родину станет фактически некому. Отсюда и призывы к тотальному увеличению рождаемости.

В качестве основных причин такого положения выделяют следующие: а) низкое материальное благосостояние и плохое медицинское обслуживание большинства населения; б) отсутствие должной поддержки молодой семье со стороны государства (жилье, детсад, работа, образование); в) официальное разрешение на проведение абортотв и использование контрацептивов; г) слабое патриотическое и нравственное воспитание; д) узкое использование иностранной рабочей силы и др. Считается, что если

устранить эти причины, изменить названные показатели на противоположные (соответственно повысить, улучшить, оказать, запретить, усилить, расширить), то удастся полностью выправить демографическую ситуацию.

Думаю, что такими мерами вряд ли удастся кардинально решить демографическую проблему, хотя некоторых подвижек с их помощью можно и добиться. Они либо стары, либо кратковременны и малоэффективны, не учитывают объективных тенденций развития человечества. Кроме того, они затрагивают лишь социальный аспект, да и то очень узко и односторонне, но игнорируют физическую и биологическую стороны рассматриваемой проблемы. А без них она ничто.

В самом деле, было бы очень хорошо, если бы детей рожали здоровые, воспитанные и обеспеченные люди. Речь, конечно, идет о репродуктивном населении. Но создание благоприятных жизненных условий для людей – еще не факт, что они начнут рожать с удвоенной силой. Наглядный пример – страны Западной Европы, Австралия, Япония и др. Незначительные прибавки при этом вполне возможны, но не более того. Реально также то, что более или менее сократится смертность населения (а это уже существенно). Призрачна и такая мера, как запрет абортот и контрацептивов (церковь). На дворе все же XXI век, а не мрачное средневековье. Да, действительно, в стране еже-

годно делается около двух миллионов абортов. Да, это значительный урон потенциальных жизней. Но в случае введения запрета на аборты, наверняка, все уйдет в подполье. Это уже было в 1935-1955 годах. Кому от этого лучше?

Указанные меры не выдерживают критики главным образом потому, что их авторы видят развязку демографической проблемы не в качественном, а в количественном росте народонаселения, которое они при этом никак не дифференцируют. Спрашивается: кому и каких детей предлагают рожать наши государственные и негосударственные мужи? Всем и вся без разбору? Ведь в нашей стране, по неофициальным данным, в настоящее время лишь 5-7% молодых людей могут давать здоровое потомство, 15% – с небольшими физическими и психическими отклонениями. А остальные 70-75% способны плодить только умственных и физических инвалидов. Но умственные и физические инвалиды не годятся ни в производстве, ни в науке, ни в защите Родины. Зачем же приумножать их число? Зачем поощрять к деторождению дебилов, пьяниц, наркоманов, инфекционно больных и пр.? А их нередко показывают по телевидению чуть ли ни в качестве героев, которые непременно хотят иметь собственное потомство. Если уж кого и поощрять, так это молодых здоровых людей. А их абсолютное меньшинство и вряд ли они согласятся рожать за десятых.

Возьмем другой срез. Резкое снижение рождаемости наблюдается не у всех народов России. Сильно заметно оно у русских, как самых многочисленных в стране, и у малых народов Севера, Сибири, Дальнего Востока. А вот у народов Кавказа идет нормальный демографический прирост. Численно их становится все больше и больше. И как тут быть? Им тоже нужно усиленно размножаться?

Короче, нужна продуманная, взвешенная современная демографическая политика государства. Она должна опираться на глубокое и всестороннее знание глубинных процессов физического, биологического, социального развития человечества, их тесной взаимосвязи между собой и особенностей их проявления в конкретных исторических и географических условиях. В ней обязательно должны присутствовать знание мирового опыта и теоретическое обобщение практики собственной страны, а также научное виденье современных тенденций развития отдельных этносов и человечества в целом. Рассмотрим это более конкретно.

Для современной цивилизации характерно то, что в развитых и среднеразвитых странах, в том числе и в России, в полную силу заявил о себе глубинный процесс перехода человечества от количественного роста к качественному. Он характеризуется заметным снижением рождаемости населения и повышением требований к качеству производимых людей.

Лучше меньше, да лучше. Этот процесс начался в середине 60-х гг. XX в, когда существовал еще СССР. В 1990-е годы он в нашей стране в результате экономических и социальных неурядиц усугубился значительным ростом смертности людей. Причем смертность приобрела опасные размеры и уродливые формы, например, высокий уровень суицида, многочисленные насильственные убийства и пр.

В целом данный процесс – это определенный этап на пути физического, биологического, социального развития человечества, представленного пока своей передовой частью. К нашему времени оно уже в значительной мере растратило свою жизненную энергию (пассионарность, по Гумилеву Л.Н.) на создание новой техники и производства, социальных и политических институтов, науки, искусства, литературы, на ведение различных войн и осуществление всевозможных революций и стало не способно к расширенному воспроизводству людей. Биологически оно напоминает 70-летнего старичка, которому в 20 лет был рай с милой и в шалаше, а теперь не поможет даже дворец золотой.

В то же время созданные благодаря затраченной энергии социальные условия, достигнутый высокий уровень цивилизованности людей не требуют такого расширенного воспроизводства. Оно, как было раньше, уже не нужно. То, что раньше не могли сделать вместе десять, двадцать, сто и более человек,

теперь вполне может сделать один. И чем дальше, тем больше, потому как быстрыми темпами идет автоматизация, компьютеризация, информатизация производства, науки, сфер управления и обслуживания и пр. Кроме того, знающие и цивилизованные люди понимают, что сама жизнь, созданные условия требуют более качественного отбора человека, ответственности за будущее поколение, а именно: кого родишь, кого вырастишь и воспитаешь? Женщины уже не хотят помногу рожать. Ну, одного ребенка, куда еще ни шло. Но зачем много? С одной стороны, они не желают быть диким животным, только самкой (есть и другие занятия), а с другой – пугает полная неизвестность. Нет уверенности в том, какой ребенок родится. Поэтому лучше один нормальный, чем много, да больных или дебилов.

Рассматриваемый процесс в биологическом плане означает серьезный упадок (это вовсе не исключает через какое-то время и подъема). Но упадок такой, когда расцветают пышным цветом производство, наука, искусство, литература, пишутся хорошие законы, улучшаются образование и воспитание, проявляется забота о каждом человеке. Поэтому в социальном плане он означает серьезный успех, значительный прогресс. Правда, социальный расцвет по инерции долго существовать не может. Его необходимо поддерживать и закреплять новым подъемом биохимической

энергии. А для этого нужны новые люди, этносы, физически и биологически активные. Нужна новая генерация человечества. Каковы же здесь перспективы и альтернативы?

В человеческой истории не раз бывало, когда биофизически более сильный и активный (пассионарный) этнос путем широкой метисации, взаимодействия с другими более слабыми этносами успешно решал демографическую проблему той или иной страны, империи, обширного региона (см.: Гумилев Л.Н. Конец и вновь начало. М., 1994.) В ограниченных масштабах это действует и теперь. Подтверждением тому являются страны Западной Европы (Великобритания, Германия, Франция и др.), которые пополняются значительно за счет активных мигрантов из африканских и азиатских регионов. Похоже, что в этих странах постепенно складываются новые пассионарные этносы. В многонациональной России имеет место биологический спад у одних народов и подъем у других. У народов Кавказа, несмотря ни на что, буквально бурлит биофизическая активность, вызывающая высокую степень рождаемости. При создании соответствующих условий (официальное разрешение на многоженство, свободное перемещение по территории и др.) эти народы вместе с мигрантами из арабских государств, Китая, Индии, Индонезии, где также наблюдается биологический подъем, могли бы в перспективе

решить проблему народонаселения России. Но это во многом – лишь количественная сторона дела, тогда как нынешнее время требует от людей более высокого биологического и социального качества. И тут уже сама природа идет на помощь человеку, причем в планетарном масштабе.

Сегодня все настойчивее звучит тема о новой, нарождающейся породе людей. Их называют по-разному, чаще всего «индиго». Эти люди пока в небольшом количестве живут на всех континентах земли, кроме Антарктиды, и почти во всех странах. Они активно подвергаются специальным научным исследованиям, особенно в США. Изучаются их отличительные свойства, характер и манера поведения. Для обучения и воспитания детей «индиго» создаются особые учреждения. Такой детсад и школа имеются в Москве. Содержательный сюжет о новой породе людей «индиго» показал 5 марта 2005 г. телеканал ТВЦ в передаче А.Пушкова «P.S.». Чуть позже ряд передач этой теме посвятили телеканалы REN TV, «ТНТ» и др.

Люди «Индиго» талантливы, целеустремленны, активны. По сравнению с нынешними людьми они более умные, способные и трудолюбивые. У них феноменальная память, особое зрение, с помощью которого они видят внутренности другого человека и читают его мысли, поднимают и передвигают различные предметы. Их иммунитет в несколько раз выше нашего, что позволяет им

уберечься от многих серьезных заболеваний, например, от СПИДа. В лице «Индиго» Природа сама создает новую породу людей, идущую на смену ослабевшей старой, и делает это независимо от человека и опережая его. Весь вопрос в том: как скоро она сможет окончательно решить эту проблему? А теперь коснемся еще одного направления.

По большому счету старый естественный способ деторождения постепенно изживает себя. Во-первых, он недостаточно эффективный. При нем идет стихийный отбор супружеских пар и часто далеко не лучший с точки зрения качества последующего потомства. Сегодня в мире насчитывается умственно отсталых людей примерно 12-15% населения. А сколько ежегодно рождается физических и биологических уродов? Сколько с небольшими физическими и психическими отклонениями? Сколько с больными органами? Сколько инфекционно больных? Во-вторых, естественный способ деторождения кажется уже варварским и не прельщает женщин. Они не желают больше терпеть боль, муки, кровь, а то и смерть роженицы. К тому же, от беременности и родов теряется физическая форма женщины. А она всегда хотела бы быть красивой, находится в отличной физической форме и нравится мужчинам. В-третьих, люди часто хотят испытывать лишь сладострастие от сексуального общения с противоположным полом. Не зачинать при этом

детей и не связывать себя с последующим их рождением и воспитанием. Здесь замешан не только человеческий эгоизм. Видимо, пришло время отделить способ получения сладострастия от способа зачатия и рождения детей.

Нужен другой, безболезненный, сознательно регулируемый, качественный, эффективный, с большими перспективами способ воспроизводства людей. Нужен для того, чтобы создавать более совершенного во всех отношениях человека. Таким новым способом выступает искусственный, производственно-лабораторный способ создания людей, который подразделяется на два вида: а) современное экстракорпоральное (искусственное) оплодотворение и б) современное клонирование человека. Искусственный способ располагает гораздо большими возможностями, более оперативный, эффективный, безопасный и цивилизованный, чем естественный. В искусственно созданных условиях можно выводить какую угодно породу, уникальный вид людей с самыми колоссальными способностями, с кардинально иными физическими, биологическими, социальными качествами. Поэтому он более перспективен и предпочтителен, чем естественный. За ним, несомненно, будущее (см.: Гончаров В.П. Геном и клонирование человека. М., 2003). Кстати, уже сегодня в нашей стране с помощью экстракорпорального оплодотворения, которое находится фактически в зачаточном состоянии, можно произ-

водить около 2 миллионов качественных детей в год. Хотя совсем отказываться от нынешнего способа деторождения было бы неправильно и преждевременно, во всяком случае, в обозримом будущем. Пока его можно и нужно широко использовать, внося в него время от времени сознательные коррективы, особенно что касается качества.

Итог.

1. В нашей стране, как и во многих других, имеет место закономерный спад биофизической и биохимической активности (пассионарности) населения и тесно связанный с ним спад рождаемости. Они вызваны глубинными процессами физического, биологического, социального развития человечества. В 1990-е годы этот спад в результате экономических и социальных неурядиц усугубился значительным ростом смертности людей. Поэтому никакие громкие призывы к увеличению рождаемости населения тут не помогут. Рождаемость существенно не возрастет даже тогда, когда в стране будет наведен необходимый порядок в экономической и в других сферах общественной жизни, когда все наши люди станут, наконец, жить по-человечески. Но при нем хотя бы уменьшится смертность населения, что тоже очень важно. Следовательно, нужно менять к лучшему экономические, экологические и социальные условия жизни людей.

2. В нынешних условиях необходимо дифференцировано подходить и регулировать демо-

графический рост у различных этносов страны. Поддерживать тех, у кого наблюдается резкое снижение рождаемости, и, наоборот, сдерживать тех, у кого этот процесс происходит слишком бурно. Эффективно использовать иммиграцию. Нужна продуманная, взвешенная современная демографическая политика государства.

3. Решать демографическую проблему следует главным образом по линии качественного роста народонаселения. Лучше меньше, да лучше. Оказывать адресную помощь молодым здоровым семьям. Не поощрять к деторождению дебилов, пьяниц, наркоманов, инфекционно больных и пр. Нормами общественной жизни должны стать биогенетическое воспитание населения, особенно подрастающего; регистрация гражданского брака только при наличии медицинских справок об отсутствии у будущих супругов тяжелых наследственных заболеваний; рост молеку-

лярной медицины на основе геномных исследований (см.: Тарантул В.З. Геном человека. М., 2003, с.218-262). Это означает также неослабное развитие образования, науки, культуры и вооруженности ими всех людей; применение высоких технологий в производстве, высокоточного и эффективного оружия при защите Родины (профессиональная армия); автоматизацию, компьютеризацию, информатизацию всех сфер жизни общества.

4. На путях качественного совершенствования людей особое внимание и заботу следует проявить, во-первых, к нарождающейся естественным путем новой породе человека «индиго»; во-вторых, к искусственному способу воспроизводства людей как альтернативе естественному, всячески помогать и способствовать развитию его двух разновидностей – современного экстракорпорального оплодотворения и современного клонирования человека. ■

© 2007 г.

А.И. Антонов

Евзенический Госплан взамен материнства

Лет 30 назад мало кто верил, что наступит эпоха агрессивного антисемейства. Однако сейчас, при чудовищной популярности феминизма-гендеризма, начинает, судя по всему, входить в моду постмодернистское отрицание рождаемости, отцовства и материнства. Уж если философы заволновались по поводу самых земных вещей, значит, девальвация жизненных ценностей зашла далеко. Примером философского (и крайне эклектического) вторжения в демографическую проблематику является помещенная в данном номере 5-страничная заметка доктора философии В.П.Гончарова. В ней поражает поверхностность авторского взгляда и категоричность суждений, сводящихся к безоглядно позитивной оценке сокращения рождаемости, к объявлению высокой рождаемости главной причиной всех социальных неурядиц и бед.

Увы, но подобные размышления не новы. В них повторяются избитые стереотипы прошлого, и

современные мифы, сложившиеся под влиянием полувековой практики низкой рождаемости и малодеточностского образа мыслей.

В.П.Гончарову не по нраву «старый естественный способ деторождения» и он ратует за перспективный «способ воспроизводства людей», за «производственно-лабораторный способ создания людей». Но в демографии исследуется воспроизводство населения, а не людей, т.е. чисто количественный аспект динамики социума. Другими словами, количественные параметры режима воспроизводства, рождаемости и смертности и есть предмет демографии. Предлагая заменить анализ количественного роста или количественной убыли населения «качественным совершенствованием людей» философ декларирует принцип «лучше меньше, да лучше» и, тем самым, просто ликвидирует демографию как научную дисциплину. Далее, «воспроизводство людей» – это пустое словосочетание, обывательский предрассудок, поскольку воспроизводятся (копи-

руются, штампуются) вещи, товары, телесные субстраты, а не люди. Однако отдельные особи и индивиды могут выступать в виде единиц счета, и в этом именно смысле демографы говорят о воспроизводстве населения.

Другое дело, что у некоторых философов антипатия к цифрам и статистике, навеянная гуманными мыслями о неподдающимся учету человеке, хорошо уживается с представлениями о «воспроизводстве людей» как уникальных личностей. Главное, чтобы людей рождалось поменьше, тогда у каждого больше шансов быть «высококачественной» личностью. И, наоборот, чем больше людей, тем «больше» олигофренов, инвалидов, убийц, и тем «меньше» личностей. Социолог Элизабет Ноэль обращает внимание на то, что в особенности среди высоко образованных слоев населения громче всего раздаются призывы помещать в центр мироздания «человека, а не цифры». Иными словами, для этих слоев остается неясной (или намеренно игнорируется) связь между свободой воли и законом больших чисел¹.

Бытующее в интеллигентских кругах, и нередко проявляющееся у философов, представителей наук о культуре и духе, предубеждение против статистики связано с неприязнью к толпе, массе, множеству, к множественному числу. Эта боязнь множества, принимающая у интеллектуалов форму противопоставления количества качеству, активизируется всякий раз, когда речь заходит о росте населения.

Причем этот рост ассоциируется с «размножением», с «ростом» рождаемости или с высокой рождаемостью. Профессионалам-социологам известен факт общежитетской критики результатов выборочных опросов на том сомнительном основании, что, дескать, раз меня не опрашивали, то о моем мнении ничего не известно. Суждения отдельных людей и групп людей якобы не могут репрезентировать мнения всех, принцип выборки, действующий в мире вещей, неприменим в мире людей, его тем более нельзя переносить на человеческие мнения.

Если в естествознании противоречие между личным опытом и данными статистической физики вызывает любопытство, не оскорбляет чувства собственного достоинства, то в демографической статистике (в статистике брачности, разводимости, рождаемости) субъективная вероятность событий с точки зрения обывателя перечеркивается полностью. Возникает ощущение утраты свободы воли, и чтобы защитить свой жизненный опыт, свое Я начинают бороться с «ветряными мельницами» логики макромира. В области демографии и репродуктивного поведения вышеназванное противоречие в особенности болезненно, поскольку большинство людей практикует малодетность. На обыденном уровне эгобытоцентризма активизируется специфическая защита своего личного достоинства — преувеличиваются «преимущества» единственных детей в семье и занижаются плюсы детей из мно-

¹ Элизабет Ноэль. Массовые опросы. М.1978.С.33.

годетных семей, т.е. обостряется, тем самым, противопоставление количества детей их качеству.

Формула «лучше меньше да лучше» – главная в арсенале мальтузианства. В советское время, когда на критике буржуазной идеологии кормились многие философы, никто из фактических сторонников Мальтуса не признавался публично в этом. Теперь же мальтузианцы осмелели – свобода дала им возможность эксплицитно высказать свою ненависть к населению, эксгибиционистски демонстрировать собственное людоедство. Но вот неувязочка имеется – прошло 200 лет после Мальтуса и даже по прогнозам ООН в последней четверти XXI века весь мир (включая Азию и Африку!) начинает депопулировать. Так что «угроза перенаселенности» остается в умах лишь самых упертых представителей обскурантизма.

К сожалению, отдельные попытки решать чисто количественную проблему депопуляции сугубо «качественными» средствами предпринимались недавно на пяти или шести всероссийских конференциях, проходивших в Москве. Зачем рожать «больных» детей, когда полно беспризорных и сирот?! Давайте займемся их воспитанием. Подобные голоса раздаются вновь и вновь. Сегодня именно в такой форме проявляется боязнь рождаемости. Думают, что объявленные пособия и «материнский капитал» приведут к буму рождаемости, причем у девиант-

ных личностей (предполагается, что рождение детей вообще какое-то отклонение от нормы).

Однако демография – наука о воспроизводстве населения, а демографический критерий оценки эффективности социальной системы – один из первейших. Если в обществе начинает преобладать однодетность и малодетность (сейчас в России среди семей с детьми 65% однодетных и 28% двухдетных) то безотносительно к «качеству» малодетного образа жизни такая страна неминуемо теряет половину своей численности через 40 лет. Это значит, что в России к 2050 году останется 73 миллиона человек. Если все семьи окажутся сплошь с единственными детьми (разумеется, гениями в разных сферах деятельности, но, прежде всего, конечно в философии), тогда исходная

численность сокращается наполовину через 25 лет. Ну и причем тут пресловутое «качество»? Это все равно как наводнение или землетрясение – погибают тысячи людей, а кто-то в утешение вещает «зато среди уцелевших легче добиться повышения их качества».

Большинство индивидуумов, берущихся рассуждать «о демографии» под «демографической проблемой» понимают не депопуляцию из-за сверхнизкой рождаемости, а перевес числа умерших над числом рожденных в связи с высокой смертностью. Отсюда идут представления о высокой заболеваемости, о распространении больных и инвалидов, т.е. о якобы низком «качестве» населения. Но современная демография утверждает, что суженный режим воспроизводства населения (депопуляционный – нетто-коэффициент не 1,0, а лишь 0,588!) определяется на 99% низкой интенсивностью рождений, и лишь на 1% – смертностью. В свою очередь, крах рождаемости вызван не плохим качеством здоровья россиян, а новым репродуктивным поведением, когда главенствует потребность в 1-2-х детях, а у подавляющего большинства людей потребность в 3-х и более детях отсутствует. С другой стороны, по расчетам крупнейшего демографа В.А.Борисова, демографический потенциал здоровья велик, и если бы не потребность в малодетности, то россиянки могли бы рожать за свою жизнь 15 детей (сейчас – 1,3 ребенка).

Таким образом, малодетность распространилась не потому, что

население в стране «больное», а потому что в обществе преобладают «плохие» ценности. Антисемейный настрой пронизывает все сферы жизни, и потому социальной нормой стало сожителство, удобства холостяцкого существования, однодетность и матери-одиночки. Общественное мнение не имеет пронаталистской и фамилистской направленности. Вот почему процветают альтернативные семье и браку опыты гетерогенного и, увы, гомогенного общения. В подобной атмосфере прекрасно себя чувствуют разного рода чудачки, в том числе и те, кто осмеливается протестовать против природы – против разделения на два пола, против естественного живорождения. Одни из них настаивают на расширении практики кесаревого сечения – дабы младенцы появлялись с большими черепами, дескать, будет больше объем мозга и интеллекта (забыв, о феномене большеголовых олигофренов).

Другие уповают на достижения генной инженерии, такие как гибридизация, клонирование и т.п.² Вот и наш философ с ними: «старый способ деторождения» изжил себя, нужен новый – «производственно-лабораторный», когда на конвейере в специнкубаторах изготавливаются телесные субстраты и в спецвоспитательном инкубаторе социализируются биороботы. Что из этого получается – читайте Замятина, Хаксли, Орвелла. ■

² См. например об этом в: *Силуянова И.В.* Новые репродуктивные формы и демография. «Почему Россия вымирает». – М. 2004.

Конференция «Ломоносов-2007»

**ХРОНИКА НАУЧНОЙ
ЖИЗНИ**

Социологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова совместно с Российской социологической ассоциацией (РОСА) 11-14 апреля 2007 г. провели секцию «Социология» XIV Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2007».

На заседаниях подсекций помимо студентов, аспирантов и молодых ученых Московского университета выступили 199 представителей региональных ВУЗов и представителей ближнего и дальнего зарубежья. Работа проходила в 22 секциях у студентов, аспирантов и молодых ученых. Секции были сформированы в соответствии с тематикой основных исследовательских комитетов Российской социологической ассоциации и работали под руководством сопредседателей исследовательских комитетов РОСА, ведущих профессоров МГУ и дру-

гих ВУЗов РФ совместно со студентами.

На пленарном заседании студентов выступили 16 докладчиков из 14 региональных университетов России, 1 – из Харьковского национального университета (Украина), 4 – представителя социологического факультета МГУ.

На пленарном заседании аспирантов и молодых ученых присутствовало 84 аспиранта, представлявших 10 регионов России, а

также ВУЗы Белоруссии и Украины. Всего с докладами выступило 16 аспирантов и 1 молодой ученый. Дипломами конференции было награждено 35 участников секционных и пленарного заседаний.

В рамках конференции «Ломоносов – 2007» был проведен «Круглый стол» на тему: «Проблемы христианской социологии».

Для участников секции «Социология» была подготовлена культурная программа. ■

IV Московская летняя социологическая школа

Одним из значимых направлений научной политики факультета и Российской социологической ассоциации (РоСА) является проведение ежегодной летней социологической школы. I Московская летняя социологическая школа была проведена в мае 2004 года и с тех пор является традиционным мероприятием Российской социологической ассоциации.

К участию в работе Летней школы приглашаются студенты старших курсов (третьего и четвертого) социологических факультетов российских ВУЗов, проявляющие серьезный интерес к темати-

ке школы и демонстрирующие высокий уровень академической успеваемости. Отбор участников осуществляется комиссией из числа профессоров и преподавателей факультета. Выдержавшие конкурс студенты получают возможность пройти краткосрочную стажировку (50 академических часов в течение 5 учебных дней) по выбранному ими направлению летней школы на базе пансионата МГУ имени М.В. Ломоносова. Все расходы, связанные с работой школы, несет социологический факультет МГУ.

В мае этого года состоялась IV Мос-

ковская летняя социологическая школа. По традиции, она проводилась по двум направлениям. Первая группа прослушала курс «Методология и методика социологического исследования для современной действительности». Эта тематика актуализирует исследования современного общества в условиях глобализации, углубляющей процесс взаимодействия и взаимообусловленности культур. Что требует использования новых подходов к построению аппарата теоретических и прикладных исследований, обеспечивающих его соответствие

многообразию социальной действительности. Второй группе был предложен курс «Молодежь и новая российская действительность». Глубокий анализ проблем взаимодействия молодежи и общества, социальных технологий работы с молодежью в условиях современной российской действительности способствует формированию рационального поведения молодежи. Использование новых подходов к изучению современной российской молодежи позволяет более детально проанализировать место и роль молодежи в социально-экономическом, политическом и культурном пространстве России.

Основной целью школы является подготовка молодых социологов к участию в социологическом познании обозначенных проблемных полей. Для этого используются не только традиционные лекционно-семинарские формы работы, но и интерактивные методики обучения.

В работе Летней школы приняли участие студенты социологических факультетов российских ВУЗов, в том числе МГУ, представлявшие 18

российских городов. Работу Летней школы открыло выступление руководителя Летней школы, заместителя декана социологического факультета МГУ по научной работе, Вице-президента РоСА, д.э.н., проф. И.П. Рязанцева. К преподаванию были привлечены видные российские учёные, работающие в обозначенных областях научного знания и практической работы, такие как зав. каф. методологии социологического исследования социологического факультета МГУ, д.с.н., проф. Ю.П.Аверин, зав. каф. социологии молодежи социологического факультета МГУ, д.с.н., проф. Н.А.Смакотина, д.ф.н., член-корр. РАН, главный научный сотрудник Института философии РАН, проф. Н.И.Лапин, д.ф.н., проф. Т.Н.Кухтевич, д.с.н., проф. А.А.Салагаев, д.с.н., проф. С.А.Шаронова, преподаватели Е.А.Брянцева, И.В.Васенина, И.К.Масалков, М.В.Семина, С.А.Фролов.

После окончания курса слушатели получили сертификаты о прохождении краткосрочной специализации по соответствующей проблематике. ■

III Всероссийская конференция «Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России»

25-28 сентября 2007 г. в Курском государственном университете состоялась III Всероссийская конференция «Опыт подготовки социокультурных портретов регионов России». Она проводилась в рамках исследовательской программы «Социокультурная эволюция регионов России», выполняемой под эгидой Центра изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН. Руководитель этого масштабного научного проекта – член-корреспондент РАН Н.И.Лапин – стал председателем Программного комитета конференции. Финансовая поддержка конференции осуществлялась Российским гуманитарным научным фондом.

Цель конференции заключалась в апробации результатов изучения социокультурного развития около 15 регионов Российской Федерации, определении возможностей сопоставления полученных данных в межрегиональном и общероссийском планах, а также использования социологической информации по социальной и культурной эволюции регионов в управленческих целях, решении ряда методических проблем, свя-

занных с проведением эмпирических исследований.

В работе конференции приняли участие свыше 50 специалистов и представителей органов власти из 18 регионов России (г. Москвы, Белгородской, Курской, Орловской, Смоленской, Тульской областей, Республики Карелия, Вологодской области, Республики Калмыкия, Волгоградской области, Республики Татарстан, Чувашской республики, Ульяновской области, Пермского края, Свердловской, Тюменской, Омской областей, Республики Бурятия) и Харьковской области Украины.

Конференцию открыло пленарное заседание, в ходе которого было сделано несколько докладов, актуализировавших основную проблематику разработки социокультурных портретов регионов. Выступление д.филос.н., профессора Е.А.Когай было посвящено характеристике Курской области как социокультурного сообщества, определению ее места в ЦФО. К.соц.н., зам. председателя Тюменской областной Думы Г.С.Корепанов раскрыл особенности конкурирующих социально-

экономических и политических контекстов региональных субъектов. Предметом выступления д.соц.н., ведущего научного сотрудника ЦИСИ ИФРАН Л.А.Беляевой стали методы изучения социального расслоения в регионе и возможности сравнения данных, отражающих стратификационные процессы в отдельных регионах и России в целом. Член-корр. РАН, директор ЦИСИ ИФРАН Н.И.Лапин посвятил свой доклад проблеме ценностей и ценностных позиций населения в портрете региона.

В соответствии с задачами конференции были проведены три круглых стола. Первый круглый стол «Результаты разработки социокультурных портретов регионов» включал обсуждение результатов исследований, осуществленных по типовой методике

в различных субъектах Российской Федерации. В докладах Г.Ф.Ромашкиной (ТюмГУ, Тюмень), Е.Г.Плотниковой (ПермГУ, Пермь), Г.В. Манзановой (ИП СО РАН, Бурятия), М.Н. Мухановой (КалмыцГУ, Элиста), Ю.М. Пасовец (КурскГУ, Курск) и других ученых были представлены итоги начального этапа подготовки социологических портретов регионов. Повышенный интерес вызвали выступления, посвященные актуальным проблемам регионального развития: бедности (Н.В.Дергунова, УГУ, Ульяновск), повседневного мира семьи (А.М.Старостенко, ОРАГС, Орел), миграционной привлекательности региона в историческом контексте (А.В.Тихонова, СФ ОРАГС, Смоленск) и т.д.

На втором круглом столе «Возможности использования социокультурного портрета в деятельности региональных органов власти. Социальные ресурсы региона и реализация национальных проектов» выступили как исследователи (В.М.Пивоев, ПГУ, Петрозаводск; Л.А. Дремова, КФ ВЗФЭИ, Курск; В.С.Григорьев, ЧГИГН, Чебоксары и др.), так и представители органов власти, заинтересованные в оптимизации социального управления за счет привлечения социологической информации

(В.А.Юдашкин, Тюменская облдума, Тюмень; Н.Г.Каминский, Курская облдума, Курск и др.). В докладах участников конференции были подняты вопросы выработки продуктивных форм взаимодействия ученых и управленцев, определения проблем реализации национальных проектов и инновационных программ, поиска путей их преодоления.

Третий круглый стол «Методики и алгоритмы анализа массивов эмпирических исследований для портретов регионов» был посвящен решению задач по повышению эффективности проведения полевых социологических исследований, совершенствованию инструментария сбора и обработки эмпирических данных. Данная проблематика нашла отражение в выступлениях К.И.Богомазова (ОГУ, Омск), В.И.Мосина (ТГПУ, Тула), С.В.Туманова (МГУ им. М.В.Ломоносова) и ряда других исследователей.

Итоги работы были подведены на втором, заключительном, пленарном заседании, которое завершилось принятием резолюции конференции. В этом документе подчеркивается целесообразность дальнейшей разработки социокультурных портретов различных регионов России на основе типовой методики; отмечается актуальность конструирования стандартных индексов и шкал, позволяющих обеспечить наглядность и сопоставимость портретов регионов; обозначается заинтересованность исследователей в активизации обмена базами данных региональных исследований

и общероссийского мониторинга «Наши ценности и интересы сегодня» (1990, 1994, 1998, 2002, 2006 гг.), проводимого ЦИСИ ИФРАН; говорится о необходимости повышать прикладное значение подготовки социокультурных портретов регионов, что определяет углубление сотрудничества исследовательских коллективов с региональными органами власти, СМИ, политическими партиями и общественными организациями; раскрывается потребность в создании Общероссийского научно-координационного совета «Социокультурные портреты регионов России» под руководством РАН; выражается пожелание включить в программу III Всероссийского социологического конгресса (2008 г.) тематическое направление «Успехи, проблемы и перспективы социокультурной эволюции регионов России» и т.д. Участники конференции единодушно поддержали инициативу проведения IV научно-практической конференции по построению социокультурных портретов регионов России в 2008 году в г. Чебоксары на базе Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) при правительстве Чувашской республики.

По результатам конференции издан сборник научных работ, отражающих теоретико-методологические и методические проблемы разработки социокультурных портретов российских регионов.

Е.А.Козай, Ю.М.Пасовец

Всероссийская олимпиада школьников по обществознанию – 2007

В апреле 2007 г. – на базе Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (усилиями трех факультетов: социологического, философского, и государственного управления) был проведен заключительный тур Всероссийской олимпиады школьников по обществознанию.

История этих олимпиад очень короткая – на сегодня их прошли всего лишь четыре: в 2001 г. в г. Кирове, в 2005 г. в Набережных Челнах, в 2006 г. – в Саратове. Тем не менее, уже сложились определенные традиции их проведения, принципы формирования заданий и их проверки. Сформировался коллектив ученых и педагогов разрабатывающий идеологию олимпиады, организующих и проводящих ее.

В этом году социологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова впервые приняв активное участие в этом мероприятии. В Оргкомитете олимпиады работали декан факультета профессор В.И.Добренчиков, доцент В.К.Ковальчук, доцент В.В.Зырянов, к.с.н. В.А.Сушко, в состав жюри вошли профессор В.Г.Гречихин, профессор Н.Л.Смакотина, доцент А.Б.Рахманов, к.с.н. З.В.Брандт,

к.с.н. А.В.Багаева, к.с.н. Л.В.Шведова, к.с.н. Е.Н.Соломатина.

Олимпиада по обществознанию рассматривается как олимпиада предметная, и в основу ее содержания, форм и методики проведения положен современный подход к курсу «Обществознание» как школьной дисциплине. Специфическими чертами этого предмета являются:

- направленность на теоретическое обобщение учебного материала как основной принцип содержания;
- интегрированный характер, особая в сравнении со многими школьными дисциплинами нацеленность на межпредметные связи. «Обществознание» опирается на педагогически отобранный материал ряда общественных наук, которые определяют следующие содержательные линии курса: общество; человек; познание; экономическая сфера; социальная сфера; политическая сфера; правовая сфера; духовная сфера; социальная психология;
- дискуссионность как подход к отбору содержания и подаче материала;

– практико-ориентированный характер.

При формировании заданий учитывается, что олимпиада – это не контрольная работа и не экзамен (не по значению, а по своей сути), поэтому разработчики нацелены на включение в состязание оригинальных заданий эксклюзивного характера, отражающих специфику олимпиад школьников как турниров интеллектуалов, углубленно изучающих предмет.

Олимпиада по обществознанию проходит в трех возрастных группах: учащиеся 9, 10 и 11 классов.

Победители определяются отдельно в каждой из названных параллелей по сумме баллов, набранных в трех турах. В первом и втором участвуют все уча-

щиеся, в третий выходят те, кто показал лучшие суммарные результаты в первом и во втором турах.

В олимпиаде 2007 г. приняло участие 244 чел. из 62 регионов Российской Федерации. Участниками олимпиады стали победители регионального этапа, которые делегировались на заключительную часть по утвержденным Рособразованию квотам, зависящим от численности школьников в регионе с учетом права победителей предыдущих олимпиад (учащиеся бывших 9 и 10 классов) приехать на новое состязание вне конкурса. На олимпиаде, проводимой на базе МГУ им. М.В.Ломоносова, участники распределились по классам таким образом:

Класс	Кол-во участников	Процент от общего кол-ва участников
9	57	23,4
10	81	33,2
11	106	43,4

Первый тур включал разнообразные по типу задания на все содержательные линии курса обществознания, основанные на различных видах источников обществоведческой информации, охватывающие все стороны жизни общества и государства.

Задания были размещены на специальных бланках, на которых и выполнялись учащимися. В своем

большинстве задания требовали краткого ответа.

Приведем примеры подобных заданий, данных в 11 классе в 1-й туре (в виде примеров даны полностью или фрагментарно 4 из 18 заданий разного типа и разного содержания; при подборке примеров здесь и далее учитывалась читательская аудитория журнала).

По какому принципу образованы ряды?
Назовите понятие, общее для перечней, приведенных ниже.

- 1.1. О. Конт, Г. Спенсер, Дж. С. Милль _____
- 1.2. Нарушение правил пожарной безопасности, распитие пива в сквере, уничтожение муравейника _____
- 1.3. Способность к творчеству, наличие сознания, ведущая роль культурных ценностей в определении поведения _____

Что является ЛИШНИМ в ряду? Лишний элемент ряда ПОДЧЕРКНИТЕ и ОБЪЯСНИТЕ, почему вы так решили.

а) «Возникает деление на классы, но не вследствие деления общины на различные подразделения, но вследствие соединения двух общин в одну, из которых одна делается господствующим и эксплуатирующим, другая – угнетенным и эксплуатируемым классом»;

б) «О государственной жизни, о ее хозяйственных основах племя тогда лишь могло думать, когда оно приобретало необходимые для этого «живые орудия», когда оно «покоряло себе другое племя, поработало и эту поработанную массу разделяло между отдельными своими членами, когда оно таким образом создало первую государственную организацию»;

в) «Власть мужа над женой можно сравнить с властью политического деятеля, власть отца над детьми – с властью царя. Ведь

мужчина по своей природе более призван к руководству, чем женщина, а человек старший и зрелый может лучше руководить, чем человек молодой и незрелый»;

г) «Ведущие войны, с одной стороны, производят разрушительное действие, а с другой – в них обнаруживается и некоторая положительная, известным образом созидаящая государства сила».

Перед вами таблица. В первой ее колонке помещен дословный перевод латинских и греческих слов, от которых образованы термины, известные вам из курса обществознания. Во второй колонке указаны общественные явления, с которыми эти термины связаны. Закончите заполнение таблицы и впишите в последнюю колонку сами термины и их значения. В случае многозначности термина, указать его значение по отношению к тому общественному явлению, которое указано в таблице.

Перевод латинского и греческого термина	Общественные явления	Термины и их значения
«Отсутствующий»	Выборы, референдум	_____
«Вещь, отданная на хранение»	Кредитные учреждения	_____
«Отвлечение»	Конкретные признаки предметов, явлений	_____
«Отрицание знания»	Сущность вещей	_____
«Ум»	Природа и общество	_____
«Затемняющий»	Наука и просвещение	_____

Приведите в соответствие имена мыслителей и принадлежащие им высказывания. Обратите внимание: имен мыслителей больше, чем высказываний:

Высказывания	Имена мыслителей					
<p>А. «Несчастье – и в нем заключено счастье. Счастье – в нем заключено несчастье. Кто знает их границы? Они не имеют постоянства».</p> <p>Б. «Не знаю, каким оружием будут сражаться в третьей мировой войне, но в четвертой в ход пойдут камни и дубинки».</p> <p>В. «Но если Россия, скажут нам, не принадлежит к Европе по праву рождения, она принадлежит к ней по праву усыновления; она сделалась (или, по крайней мере, должна сделаться) участницей в ее трудах, в ее триумфах».</p> <p>Г. «Если ты столкнулся с противником, победи его любовью».</p> <p>Д. «Если бы кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться с Христом, нежели с истиной».</p> <p>Е. «Основная задача культуры – защитить человека от природы. Это только иллюзия, что природа позволяет нам делать все, что угодно, она ограничивает человека самым безжалостным образом, убивая его».</p> <p>Ж. «Человек – это канат, натянутый между животным и сверхчеловеком, – канат над пропастью».</p>	<p>1. З. Фрейд</p> <p>2. Ф.М. Достоевский</p> <p>3. Ф. Ницше</p> <p>4. Лао Цзы</p> <p>5. А. Эйнштейн</p> <p>6. Ж.Руссо</p> <p>7. Н.Я. Данилевский</p> <p>8. Г.В. Плеханов</p> <p>9. М. Ганди</p>					
А	Б	В	Г	Д	Е	Ж

Второй тур состоял из двух частей. В первую часть вошел комплекс заданий, которые в совокупности составляли практикум, построенный на разнообразных обществоведческих источниках (анализ статистических данных; работа с изобразительным рядом; решение познавательных задач и др.).

Приведем примеры некоторых типов таких заданий.

10 класс, 2-й тур.

Перед вами результаты опросов россиян о предпочтительной для России форме социально-экономического устройства. Проанализируйте эти результаты и ответьте на поставленные вопросы. Свои выводы надо обосновать ссылками на данные опросов.

Какую форму социально-экономического устройства общества Вы считаете наиболее подходящей для современной России? (в %)				
	Всего опрошенных	Оценка своего материального положения		
		Очень хорошее, хорошее	Среднее	Плохое, очень плохое
1. Государственная собственность на средства производства, плановое хозяйство, ответственность государства за социальную сферу.	28	23	25	36
2. Государственная собственность на крупную промышленность, частная собственность в мелком производстве и торговле, ответственность государства за социальную сферу.	45	44	46	44
3. Частная собственность во всех отраслях экономики, высокие налоги, ответственность государства за социальные гарантии всему населению.	8	13	9	5
4. Частная собственность во всех отраслях экономики, низкие налоги, отказ государства от социальных гарантий населению.	3	4	3	2
5. Затрудняюсь ответить	16	16	17	13

Источник: ВЦИОМ

В современной науке выделяется несколько различных типов социально экономических систем. Во время того же опроса респондентам предлагалось высказаться о предпочтительности той или иной модели для России. По мнению 20% респондентов, наиболее подходящей для России является шведская модель социализма. Реже респонденты предлагают использовать современный китайский опыт (6%). 12% россиян предпочли бы социалистический строй, который существовал в СССР, а 18% – строительство принципиально нового социалистического строя. Каждый пятый опрошенный (20%) указывает, что социализм в принципе не подходит для современной России.

1. Насколько участвовавшим в опросах людям свойственно понимание сути различных типов социально-экономических систем?

2. Какая из названных моделей пользуется устойчивой поддержкой россиян независимо от их оценки собственного материального положения?

3. Можно ли утверждать, что люди, считающие себя материально обеспеченными, являются приверженцами рыночной экономики, а люди, считающие себя обеспеченными плохо, являются приверженцами социалистической экономики?

11 класс. 2-й тур.

Перед вами отрывок из диссертационного исследования по социологии, содержащий изложе-

ние распространенного подхода к научным исследованиям, и отрывок из научной статьи по социологии. Прочитайте их и выполните приведенные ниже задания.

«Ценностная проблематика всегда была актуальной для социологии, так как по сложившейся системе ценностей, ценностных ориентации и установок социолог мог иметь представление о конкретно-историческом состоянии функционирования общества, о его потенциале и перспективах развития. В настоящее время проблема *ценностей* является предметом пристального внимания и разнопланового изучения социологами. Аксиологическая проблематика особенно актуальна для обществ, переживающих кризисные явления, в периоды, когда изменяются условия общественной жизни и *социальная структура* общества, когда утверждается новая нормативно-ценностная модель общества, когда ценностные различия оказывают существенное влияние на функционирование и развитие общества».

«В любую историческую эпоху молодежи приходится нелегко в силу *маргинальности* ее социального положения. Сегодняшние молодые россияне поставлены во вдвойне экстремальные условия: переворот в социально-экономическом укладе сопровождается кризисом *ценностного сознания*. В отличие от старшего *поколения* им нечего терять, но и приобретать также нечего, ибо старшие, не жившие в капиталистическом обществе, ничем не

могут помочь. Молодым приходится самим решать, что ценнее – обогащение любыми средствами или приобретение высокой квалификации, обеспечивающей способность адаптироваться к новым условиям, отрицание прежних морально-нравственных норм или гибкость, приспособляемость к новой действительности, безграничная свобода межличностных взаимоотношений или семья как оплот успешного существования».

(В.Т.Лисовский, российский социолог)

Можно ли считать, что автор статьи реализует научный подход, изложенный в приведенной выдержке из диссертационного исследования? Свою точку зрения обоснуйте.

1. Дайте определение всем выделенным курсивом и пронумерованным терминам.

2. Процитированная статья написана в 1998 г. Перед вами результаты опроса, проведенного в марте 2007 г. Насколько эти данные могут послужить в качестве подтверждения или опровержения точки зрения на российские социальные реалии, представленной в статье В.Т.Лисовского?

Скажите, пожалуйста, какие из перечисленных ниже понятий вызывают у Вас скорее положительные чувства? *(Выберите не более 10-ти наиболее значимых для Вас позиций)*

В таблице указан процент выбравших соответствующий ответ

	Возраст, лет				
	18-24	25-34	35-44	45-59	60 и старше
Порядок	51	56	62	61	57
Справедливость	43	45	52	50	54
Стабильность	35	37	41	42	35
Свобода	57	42	43	31	23
Достаток	37	46	38	36	28
Патриотизм	25	32	37	36	39
Права человека	32	32	38	32	31
Государство	28	22	31	28	23
Мораль	16	20	24	25	22
Нация	22	21	23	21	21

Продолжение таблицы

	Возраст, лет				
	18-24	25-34	35-44	45-59	60 и старше
Комфорт	30	26	19	20	12
Равенство	19	15	20	14	21
Демократия	18	15	16	17	11
Прогресс	23	19	17	11	8
Собственность	20	17	16	14	9
Социализм	4	4	10	15	21
СССР	5	3	9	14	25
Богатство	19	15	11	10	7
Рынок	13	13	10	10	7
Власть	10	8	8	11	9
Бизнес	16	11	4	6	2
Элита	5	4	2	1	0
Партия	1	1	1	3	5
Индивидуализм	2	4	2	1	1
Революция	1	0	0	0	0

Источник: ВЦИОМ

Вторая часть второго тура состояла в написании сочинения-эссе по дискуссионным вопросам общественности по общей теме, которая была представлена перед началом работы участников: «Российское общество, российское государство начала XXI в. Реалии и тенденции (экономический, политический, социальный и духовный аспекты)».

Данную тему учащиеся конкретизировали по своему выбору,

опираясь на критерии, исходя из которых жюри оценивало работу. Эти критерии были представлены каждому участнику до начала написания сочинения-эссе:

1. Конкретизация предложенной темы.
2. Объяснение выбора вопроса для конкретизации темы.
3. Личностный характер восприятия темы, ее осмысления.

4. Грамотность использования обществоведческих фактов и понятий.
5. Знание различных точек зрения по избранному вопросу.
6. Четкость и доказательность основных положений работы.
7. Смысловое единство сочинения-эссе.

Для оценивания заданий первых двух туров жюри руководствовалось следующими подходами:

– большинство заданий проверяются на основе экспертизы, а не механического сравнения ответа с эталоном. Это делается с целью должного оценивания оригинальных суждений конкурсантов, возможности принять правильный по сути ответ, который не предусматривает разработанный эталон;

– ключ к ответу содержит достаточно дифференцированную шкалу оценивания, позволяющую учитывать различные стороны и нюансы ответов учащихся;

– дифференцированная шкала позволяет отразить в оценке объем работы по конкретному заданию и ее сложность;

– перед началом проверки и в ее ходе происходит обсуждение заданий с целью установления общих позиций экспертов.

В третий тур по решению жюри, которое состояло в основном из профессоров и доцентов МГУ им. М.В.Ломоносова, представлявших три факультета:

социологический, философский и государственного управления, было допущено следующее количество участников: 22 из 9 класса (38, 6% от общего числа девятиклассников), 26 из 10 класса (32,1%), 48 из 11 класса (45,3%). Всего по трем параллелям – 96 человек (39,3% от общего количества участников).

Третий тур представлял собой семинар, в ходе которого каждый из участников:

1) выбрал одну из дискуссионных тем, представленных в высказываниях выдающихся мыслителей прошлого и современности, предложенных жюри, подготовил устное выступление по ней с изложением собственной позиции, показывая знание источников по этой теме и различных взглядов на нее в науке;

2) отвечал на вопросы жюри и других участников финальной части олимпиады;

3) задавал вопросы другим участникам тура.

Выступление каждого из участников семинара во всех трех позициях оценивалось жюри и баллы складывались.

Приведем высказывания, которые стали темами для обсуждения:

1. Тот, кто добр, – свободен, даже если он раб; тот, что зол, – раб, даже если он король. *Августин Аврелий*

2. Нажить много денег – храбрость; сохранить их – мудрость, а умело расхотовать – искусство. *А. Бертольд*

3. Тысячи лет едва достаточно, чтобы создать государство, одно-

го часа довольно, чтобы оно развеялось в прах. *Дж. Г. Байрон*

4. Ни одно правительство не может считать себя по – настоящему в безопасности там, где не существует влиятельной оппозиции. *Б. Дизраэли*

5. Бесплезно говорить о том, что обществом должны управлять мудрейшие и лучшие. Чье мнение должно решать, кто является самым мудрым и лучшим? *Т.Маколей.*

6. У Бога нет религии. *М. Ганди.*

7. Объявить себя гением легче всего по радио. *Дон-Аминадо.*

8. Популярное искусство ценно не по пользе, которую оно приносит, а по вреду, от которого спасает, доставляя менее грубое развлечение. *В.О. Ключевский*

9. Соберите вместе трех человек – и вы увидите одного тирана, одного единомышленника и одну жертву. *П. Буаст*

10. Безумием революции было желание водворить добродетель на земле. Когда хотят сделать людей добрыми, мудрыми, свободными, воздержанными, великодушными, то неизбежно приходят к желанию перебить их всех. *А. Франс*

11. Страну, которую может спасти только тот или иной человек, нельзя спасти надолго. Более того, она и не достойна спасения. *Б.Констан*

12. Эпоху можно считать законченной, когда истощились ее основополагающие иллюзии. *А.Миллер*

13. Ничто так не роняет молодого человека и не толкает в дурную компанию, будь она муж-

ская или женская, как робость и неверие в собственные силы. *Ф.Честерфилд*

14. Каждый шаг вперед в развитии мысли и нравов считается аморальным, пока он не получил признания большинства. Поэтому исключительно важно ревностно защищать аморальность от нападков тех, кто имеет только одно мерило – обычай. *Б.Шоу*

15. Совершенно необразованный человек может разве что обчистить товарный вагон, а выпускник университета может украсть целую железную дорогу. *Т.Рузвельт*

16. Гуманность есть только привычка, плод цивилизации. Она может совершенно исчезнуть. *Ф.М. Достоевский*

17. Если от свободы отрезать кусочек, то вся свобода перейдет в этот кусочек. *М.А.Бакунин*

После завершения третьего тура на заседании жюри были определены победители олимпиады отдельно по трем группам (9, 10 и 11 классы) на основании общей суммы баллов, полученных в ходе трех туров.

На торжественном закрытии олимпиады, прошедшем в большом зале интеллектуального центра МГУ им. М.В.Ломоносова при участии ректора университета академика В.А. Садовниченко были вручены награды победителям:

Класс	1 место	2 место	3 место
9	3	13	6
10	1	7	18
11	5	10	33
Всего	9	30	57

Награждены были и школьники, признанные жюри победителями в различных номинациях: «За лучшие знания вопросов социологии», «За умение анализировать статистические данные», «За оригинальный подход к рассмотрению вопросов современности при написании сочинения-эссе».

Прошедшая олимпиада показала наличие целого ряда положительных изменений, которые говорят о более тщательной подготовке к ней участников, а это – результат работы школ, методических служб регионов и вузов, в содружестве с которыми все более активно работают средние образовательные учреждения и органы управления образования, проводя региональные олимпиады и готовя делегацию на Всероссийский ее этап.

Среди положительных изменений назовем:

- уменьшение числа тех, кто (увы, это бывает на всех олимпиадах!) значительно отстает от основной массы участников, более плотные результаты школьников в борьбе за призовые места по большинству позиций;

- лучшие, чем прежде, результаты в вопросах, требующих знания истории обществознания;

- рост уровня ответов при решении обществоведческих задач;

- большая уверенность в заданиях, ориентированных на использование изобразительного ряда;

- повышение общего качества написания сочинения-эссе;

- и, самое отрадное, результат проведения третьего тура в логике семинара, который предусматривает обсуждение дискуссионных вопросов обществознания (впервые это было использовано в 2006 г. в

Саратове) показало, что эта часть состязаний в целом получается, интересна участникам, да и жюри, а главное – дает богатые возможности для оценивания вышедших в финальную часть олимпиады, причем, не только жюри, но фактически и другими участниками тура, которые своими вопросами волей или неволей высказывают отношение к выступлениям своих конкурентов.

Современные олимпиады школьников, по-прежнему выполняя свои функции в отношении выявления и развития одаренных детей, сегодня становятся все более важными для решения задач формирования индивидуальной образовательной стратегии учащихся, в связи с установленным законом правом победителей (тех, кто занял первые-третьи места) без экзаменов поступать в государственные профильные для конкретной предметной олимпиады вузы (факультеты). В связи с этим было принято решение о том, что олимпиады будут проходить на базе ведущих университетов страны. Примером этого и является успешное проведение олимпиады по обществознанию 2007 г. в МГУ им. М.В. Ломоносова.

Козленко С.И.,

председатель жюри олимпиады, зав. кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Московского института открытого образования, профессор, заслуженный учитель РФ

Зырянов В.В.

член оргкомитета олимпиады, начальник отдела научной политики и организации научных исследований социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доцент

Кафедре экономической социологии Саратовского государственного социально-экономического университета – 15 лет

Решение о создании кафедры экономической социологии было принято в 1990 году, когда была ликвидирована кафедра планирования народного хозяйства. На ее базе и была организована наша кафедра. Тогда предлагались разные варианты названия: «социологии труда», «промышленной социологии», но по моей инициативе она получила нынешнее название. Понадобился еще год, чтобы открыть специальность «социология», перепрофилировать старую кафедру, заменить экономическое образование социологическим. В 1994 году кафедра разделась, из нее выделилась самостоятельная кафедра государственного и муниципального управления, тогда окончательно завершилась ее реорганизация в направлении социологического образования. Уже в 1995 году состоялся первый выпуск по специальности 020300 «Социология» (специализация «Экономическая социология») и он был первым выпуском социологов в нашем регионе.

В отличие от других кафедр экономической социологии наша кафедра – многопрофильная, она охватывает подготовку по всем отраслям социологического знания.

Кафедра заключила договора о сотрудничестве с Министерством труда и социального развития Саратовской области и Департаментом федеральной службы занятости населения по Саратовской области. Совместно с ними создан учебно-методический центр социологических исследований. В этих учреждениях студенты проходят практику и с ними решается вопрос о будущем трудоустройстве выпускников.

Выпускники имеют возможность поступить в аспирантуру при кафедре по специальности 22.00.03 – Экономическая социология и демография. В 2005 г. был открыт Диссертационный Совет по защите докторских диссертаций по двум научным специальностям.

Программа подготовки социолога (специализация «Экономическая социология») предусма-

тривает комплексный подход к изучению дисциплин. Наряду с общепрофессиональными (общая социология, история социологии, теория и практика социальной работы, социология труда и экономическая социология, демография, методика конкретных социологических исследований изучаются такие специальные дисциплины, как трудовые ресурсы и занятость населения, рынок труда, основы профориентации, управление персоналом, социальный маркетинг, организация и нормирование труда и др.)

Студенты, кроме социологических дисциплин и курсов по экономике труда, изучают базовые экономические и юридические дисциплины: трудовое право, бухгалтерский учет, финансы и кредит, экономический анализ, налогообложение и др.

В 2000 году на кафедре открыта еще одна специальность 060200 «Экономика труда» (специализация: «Рынок труда и занятость»). Программа подготовки экономиста по труду также предусматривает комплексный подход в изучении дисциплин. По этой специальности, кроме общепрофессиональных (экономическая теория, статистика, бухучет, финансы и кредит, менеджмент и др.) и специальных (рынок труда, экономика и социология труда, организация и нормирование труда, управление персоналом, теория и практика

социальной работы и др.) студенты изучают базовые социологические дисциплины: общую социологию, экономическую социологию, демографию, методiku конкретных социологических исследований и др.

Профессорско-преподавательский состав кафедры насчитывает 18 человек, все они имеют ученые степени и звания. В числе преподавателей 11 докторов наук, из них 7 имеют ученое звание профессора, 5 человек имеют ученую степень кандидата наук, из них 4 имеют ученое звание доцента. За 15 лет подготовлено 8 учебных пособий, из которых 6 опубликовано. С 1995г. кафедра участвует в эксперименте по переходу на модульно-рейтинговую систему.

В феврале 2005г. кафедра провела международную научно-практическую конференцию «Социальные и институциональные факторы экономического развития» с публикацией материалов. Некоторые сотрудники участвовали в работе II и III Общероссийского социологического

конгресса в Москве, в МГУ. Преподаватели кафедры вели работу по грантам, включая гранты Министерства образования Российской Федерации и Российского гуманитарного научного фонда. Творческий коллектив из нескольких преподавателей кафедры, по договору с Координационно-аналитическим центром Министерства образования Российской Федерации (ГП «Центр» МНТП), подготовил научный отчет и проект социальных стандартов в образовании, получивший положительную оценку в Министерстве образования РФ.

Последние годы кафедра принимает участие в проекте Фонда ООН «Народонаселение». Сотрудники кафедры провели большое количество конкретно-социологических исследований по заказам различных учреждений, в том числе Министерства образования РФ, Правительства области, Министерства труда и социального развития, Департамента государственной федеральной службы занятости.

За эти годы сложились определенные традиции, одной из которых является поддержание связей с многими бывшими нашими студентами. Не только с теми кто «пошел в науку», но и с теми, кто работает в областном правительстве, в Министерстве социально-

го развития, в Департаменте занятости, в банках, в информационно-аналитических центрах и др. Из общего количества 12 выпусков студентов кафедры более 15 человек защитили кандидатские диссертации.

Кафедра совершенствуется, расширяется, отличается быстрым квалификационным ростом своих сотрудников, но есть и проблемы. Они связаны с надвигающимися последствиями российской «демографической ямы». При сокращении приема студентов на бюджетные места уменьшается численность учебных групп, на «платные» места все труднее набрать студентов. Появилась тенденция к ухудшению качественного состава абитуриентов. Интерес к науке, к творческому труду у молодежи ослабевает. Мы следим за трудоустройством своих выпускников. После окончания они все устраиваются на работу, но по специальности найти работу становится все труднее.

Однако предпосылки для дальнейшего развития несомненно есть. Они связаны с совершенствованием всего учебного процесса, с переходом на модульно-рейтинговую систему обучения и на двухуровневое образование в рамках Болонского процесса.

Кочетов А.Н.

Письмо в редакцию

Заметки редактора по поводу выхода в свет 15 томов «Фундаментальной социологии»

Все началось в середине 2003 г. Я пришел в издательство ИНФРА-М за очередной работой и краем глаза увидал на столе лежащую рукопись: Добренсков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология в 15 томах. Том 1».

Взял в руки несколько страниц... и понял, что к этой книге шел все 30 лет своей редакторской жизни. Однако мне быстро объяснили, что труд сей – не моего ума, тут нужен профессиональный социолог. Нет, так нет. Погоревал слегка и тут же переключился на то, что «моего ума дело».

Прошло месяца четыре. Я уже давно все забыл и трудился над разнообразными «умными» книгами. Где-то в октябре 2003 г. мне рассказали о задаче – социолога-то нашли, но он оказался «крутым специалистом». Его редаKTура свелась к переписыванию оригинального текста, в результате чего издательству была представлена книга «по мотивам авторов». Ознакомившись с проделанной «специалистом» работой, авторы испытали подлинный шок и потребовали: либо сменить редактора, либо они забирают рукопись из издательства.

И тут настал мой черед. Меня попросили помочь и, если получится, спасти честь издательства. Сегодня, когда сдан в производство последний

15-й том, я смело могу сказать, что точно «помог с этой книгой». Что же касается дальнейшей судьбы издания, то это – дело будущего. Хотелось бы думать, что мне почти все удалось, и это были лучшие 3,5 года моей жизни.

Итак, все в той последовательности, в какой я смотрел, читал, делал выводы, восхищался, раздражался и... умнел, расширял кругозор, тренировал мозги, улучшал и делал богаче речь, в общем, был абсолютно счастлив.

Каждый из 15 томов объемом от 75 до 96 уч.-изд.л. состоит из разделов, включающих множество глав, параграфов и подпараграфов, двух видов иллюстраций, фонариков, таблиц, текстов внутри текста (примеров, больших цитат и различных документов), так называемых врезок – выдержек из разного рода сочинений по теме главы или параграфа, а также дополнительного чтения в конце каждого раздела – подлинные тексты выдающихся ученых в авторских сокращениях, и в заключение каждого тома – краткий терминологический словарь, относящийся к общей теме тома. Отдельно надо сказать о библиографии. Она делится на две неравные части – сноски внутри глав и общий список литературы в конце каждого тома. В первом случае их число доходит до 100-120, а во втором – до 400-700.

Основной текст. Нужно отметить, что он чрезвычайно живо изложен, читается легко, временами просто захватывающе. В нем столько интересных соображений, наблюдений, фактов и сопоставлений, что очень часто забываешься и чувствуешь себя скорее читателем, чем редактором. На это же мне «жаловались» корректоры. Приходилось «просыпаться». Отдельный разговор о фонариках (слева от основного текста как бы заметки на полях). Их в каждом томе около 300. В них значительное число крайне занимательных фактов, цифр, сопоставлений, блистательных афоризмов, да и просто веселых анекдотов. Это необыкновенно оживляет текст и не дает возможности воспринимать его излишне серьезно, что весьма полезно при 1000 страниц теорий, фактов, размышлений, анализов, сопоставлений и выводов.

Особый разговор об иллюстрациях. Их в тексте довольно много – в среднем через каждые 5 страниц основного текста, т.е. примерно 250. Надо отметить титанический труд авторов по подбору «картинок», особенно в условиях все более ужесточающихся законов об авторском праве. И это лишь один вид иллюстраций. Другой вид – оригинальные рисунки двух художников, причем они сделаны с большим чувством юмора и феноменальным умением. Особенно это касается 2, 4, 6, 8 и 10-15 томов. Прежде всего рисунки самоценны. Кроме того, настолько остроумны и «в теме», что являются безусловным и полноправным элементом книги, часто освещая своим изяществом некоторые трудные для восприятия тома.

Теперь, собственно говоря, некоторые соображения, касающиеся

непосредственно редакторской работы. Прежде всего, надо отметить, что чтение было многослойным процессом, поскольку необходимо обращать внимание одновременно на различные аспекты текста. Вот лишь некоторые из них:

а) сам текст, четкая взаимосвязь между разделами, главами, параграфами и подпараграфами – логика изложения, ликвидация повторов, так называемых «эмоциональных» неточностей, элементарных ошибок;

б) вставки – их место в тексте, содержание, точность, уместность;

в) фонарики – прежде всего, они должны «украшать» основной текст и служить источником дополнительной информации, их тематика обязательно отражает текст, за чем надо следить;

г) врезки должны делать основной текст более вмняемым, расширяя его тематически;

д) сноски требуют тщательной проверки – фамилии авторов должны соответствовать указанным в основном тексте; желательно, чтобы они, т.е. сноски, не были излишне громоздкими;

е) расположение, да и суть таблиц, графиков, рисунков – они должны расширять, уточнять, украшать и оживлять основной текст;

ж) цифровой материал в тексте и таблицах требует тщательной проверки – не только автор может ошибаться, но и заимствованные цифры иногда «врут»;

з) необходимо следить за терминологией – особенно это касается текстов и описаний редких обычаев и еще более редких верований, приводимых в тексте;

и) особо надо сказать о библиографии, она бывает неточна и требу-

ется порой большое внимание, чтобы обнаружить это.

Кроме того, надо в наше время особо следить за переводчиками. Они часто транслируют одного и того же автора по-разному и хотя появляется большое желание исправить, — делать этого не стоит, поскольку переводы опубликованы, дело сделано, и если Вы исправляете, то статья «пропадает», тогда ее не найти.

В силу перечисленной многослойности книга читалась мною три раза (оригинал, верстка, после корректуры). И каждый раз находились новые огрехи. Спасибо еще корректорам, которые иногда брали на себя редакторские функции, обращая мое внимание на различные несуразности.

Здесь надо особо отметить, что, как мне кажется, главная задача редактора — «не выплеснуть автора» в процессе работы, не подменять его собой, а по мне даже в ущерб «гладкости» сохранить автора, его стиль, чтобы слышалась его живая речь. Я очень старался этому следовать, и временами мне казалось, что авторы передо мной — я сижу и слушаю живую лекцию, и тогда я сам себе завидую.

Я обратил внимание на то, что авторы совершенно «находятся в теме». За все годы работы не было почти ни одного вопроса с моей стороны, который не был бы разрешен в течение ближайших нескольких минут, лишь единичные из них требовали более тщательного рассмотрения, на что уходило не более нескольких часов. Работать редактором в таких условиях — истинное наслаждение и огромная польза для дела. Структура текста тщательно продумана, каждый абзац отвечает теме, месту и значению. Книга написана предельно объектив-

но, авторам удалось пройти «по лезвию бритвы». Единственное мое сожаление — это то, что я не был «у колыбели» этого издания и не принимал участия в стратегическом формировании его лица. Почувствовал я это не сразу, только когда «погрузился в работу». Однако лучшее — враг хорошего, а мечтать никому не возбраняется.

Мои выводы:

1. Я думаю, что прежде всего это уникальное событие в общественной жизни страны, да и в мире вряд ли есть подобный опыт. Уникальность не в объеме, да и не в стоимости издания каждого тома, а во всеохватности — ведь социология как наука, да и как практика, была по сути почти запрещена в течение нескольких поколений, и кроме отдельных работ, так или иначе подтверждающих «мудрость партии», систематически ничего не издавалось. Лишь последние 1015 лет было издано много первоклассных работ выдающихся мировых социологов.

2. Мне кажется, что как и всякое издание энциклопедического характера, эти 15 томов прежде всего источник дальнейшего глубокого изучения отдельных социологических проблем. Для этого есть все основания — внятный текст, значительный библиографический аппарат. Только было бы искреннее желание «господ обучающихся» и непредвзятого сообщества коллег.

3. Мне представляется, что важность этого издания такова, что было бы разумным иметь эти 15 томов в библиотеках каждого университета, да и в институтах соответствующего профиля. В нынешних условиях относительной финансовой самостоятельности это лишь добрая воля руководителей.

4. И, как следствие предыдущего, было бы весьма разумным, чтобы нашлись издатели, решившие выпустить некоторое количество книг по 20-30 листов каждая по темам 15-томника, которые бы стали доступными для широких слоев учащихся, преподавателей, да и просто для людей интересующихся. Подобный шаг стал бы достойным завершением этого титанического труда и позволил прежде всего студентам развивать настоящее социологическое мышление на пользу своей страны.

В заключение я хотел бы всех поблагодарить за предоставленную возможность – авторов, издательство. Первых – за то, что написали «все это», вторых – за то, что создали изумительную творческую атмосферу и всячески способствовали абсолютно комфортной работе все эти годы. Еще раз повторюсь – это были самые счастливые годы моей редакторской жизни.

Лев Борисович Герцвольф,
научный редактор
издательства ИНФРА-М

Наши авторы

АНТОНОВ Анатолий Иванович - доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии семьи МГУ им. М.В.Ломоносова, академик-секретарь отделения демографии Международной академии прогнозирования; член оргкомитета Всемирного Конгресса Семей (с 1995 г.); лауреат премии РОСА им. Пителима Сорокина

АНУРИН Владимир Федорович – доктор социологических наук, профессор Нижегородского коммерческого института

АСТАХОВА Лариса Сергеевна – кандидат социологических наук, доцент кафедры религиоведения философского факультета Казанского государственного университета

БАГАЕВА Алиса Валерьевна – кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социологии международных отношений Московского государственного университета.

БАЛАБАНОВ Сергей Семенович – кандидат философских наук, доцент, зав. Нижегородским отделом Института социологии РАН

БЕКАРЕВ Адриан Михайлович – доктор философских наук, профессор кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И. Лобачевского.

БЛИНОВА Марина Сергеевна – аспирантка социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова.

БУРМЫКИНА Ирина Викторовна – кандидат социологических наук, зав. кафедрой менеджмента и социальных технологий Липецкого государственного педагогического университета, руководитель Липецкого отделения РОСА

ГОНЧАРОВ Владимир Петрович – доктор философских наук, профессор, заместитель директора ООО «Горэнергпроп».

ЕЛЬМЕЕВ Василий Яковлевич – доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ИВАШИНЕНКО Нина Николаевна – доктор экономических наук, доцент, зав. кафедрой экономической социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского

ИУДИН Александр Анатольевич – д.э.н., профессор, зав. кафедрой прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского.

КЛЕМЯТИЧ Денис Юрьевич – аспирант кафедры прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского.

КОЗЫРЬКОВ Владимир Павлович – доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии культуры и духовной жизни факультета социальных наук Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского

КОРНЕЕВА Елена Ивановна – аспирантка кафедры социологии и социальной философии Иркутского государственного университета

КУКОНКОВ Павел Иванович – кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Нижегородского отдела института социологии Российской Академии наук.

ЛЕБЕДЕВА Светлана Владимировна – зам. начальника отдела по управлению персоналом ООО «Завод «Металлоформ»», соискатель Нижегородского государственного политехнического университета.

ЛЮБИМОВА Анжелика Борисовна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой социологии и политологии ГОУ ВПО «Нижегородский государственный педагогический университет».

МАЛКИНА Марина Юрьевна – д.э.н., профессор, зав. кафедрой теории экономики финансового факультета Нижегородского государственного университета им. Н.И.Лобачевского

МАСЛОВ Артем Александрович – аспирант социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

МАСЛОВСКАЯ Елена Витальевна – кандидат философских наук, доцент, доцент Межвузовского центра гуманитарного образования при факультете социальных наук ННГУ им. Н. И. Лобачевского

ПЕТРОВА Ирина Эдуардовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского

ПОЖИЛОВ Илья Викторович – кандидат социологических наук, вед. социолог кафедры прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ.

САРАЛИЕВА Зарэтхан Хаджи-Мурзаевна – доктор исторических наук, профессор зав. кафедрой общей социологии и социальной работы факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского

СЕРЕБРЯННИКОВ Владимир Васильевич – генерал-лейтенант в отставке, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РСФСР.

СИЗОВА Ирина Леонидовна – кандидат социологических наук, доцент, докторант кафедры общей социологии и социальной работы ННГУ им. Н.И.Лобачевского

СОКОЛОВА Галина Николаевна – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом экономической социологии и социальной демографии Института социологии Национальной академии наук Беларуси

СТАРКОВ Анатолий Михайлович – кандидат социологических наук, доцент, депутат Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, член Комитета ГД по международным делам.

СУШКО Андрей Иванович, научный сотрудник кафедры социальной информатики социологического факультета МГУ им. М.В.Ломоносова

ТАРАНДО Елена Евгеньевна – доктор экономических наук, доцент кафедры экономической социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

ТЕРЕНТЬЕВА Ирина Николаевна – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой общественных наук Дзержинского политехнического института – филиала Нижегородского государственного политехнического университета.

ШУВАЕВ Дмитрий Николаевич – кандидат технических наук, доцент, заместитель директора Центра дистанционного образования ННГУ по учебной работе, заведующий кафедрой довузовской подготовки ННГУ.

ЩУРОВ Андрей Николаевич – кандидат политических наук, вед. социолог кафедры прикладной социологии факультета социальных наук ННГУ им. Н.И.Лобачевского.

ЮШКОВА-БОРИСОВА Юлия Геннадьевна – кандидат философских наук, научный руководитель Экспертного центра «Мера».

ЯСЕНИЦКИЙ Игорь Андреевич – кандидат социологических наук, доцент, зав. кафедрой экономики ГОУ ВПО Самарский государственный технический университет филиал в г. Сызрани